

Организация
обеспечивает Нацпроект по
высшим образованиям,
науке и культуре

УЛЬЯНОВСК
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД
ЮНЕСКО

№1 (88)
ФЕВРАЛЬ

2021

СИМБИРСКИЙ

12+

Литературный журнал

**Объявлена досрочная
льготная подписка
на 2-е полугодие 2021 г.**

Цена подписки:
1 мес. – 149,05 руб.
6 мес. – 447,15 руб.

Индекс ПА041

Открытие Года книги
в Ульяновской области

стр. 4

Ко Дню памяти А.С. Пушкина.
Зима в Михайловском.
Фотографии Николая
Алексеева

стр. 97

Памяти поэта-фронтовика
Евгения Ларина

стр. 107

Год молодых.
Интервью с Александром
Дашко

стр. 137

Литературно-художественный и культурно-просветительский
журнал «СИМБИРСКЪ»

12+

№1 (88)

ФЕВРАЛЬ
2021

Издание осуществлено
при поддержке
губернатора Ульяновской области
Сергея Ивановича Морозова

Главный редактор Елена Викторовна Водкина (Кувшинникова)
E-mail: karamz_sad@mail.ru. Телефон 8 (927) 803-62-56

Общественный совет:

Председатель – Владимир Лучников
Владимир Артамонов
Ольга Даранова
Раиса Кашкирова
Александр Лайков
Виктор Малахов
Светлана Матлина
Николай Марянин
Алина Осокина
Илья Таранов
Ольга Шейпак
Юрий Шерстнев

Содержание

Издатель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда». Адрес издателя, адрес редакции: 432017, г. Ульяновск, ул. Пушкинская, 11, ком. 219. Телефон редакции: 41-04-32 Сайт: www.litsimbirsk.ru

Подписано в печать 17.02.2021 г.

Дата выхода 25.02.2021 г.

Тираж 700 экз. Заказ №83

Отпечатано с готового оригинал-макета в АО «Областная типография «Печатный двор». 432049, г. Ульяновск, ул. Пушкарёва, 27, ul-pd@mail.ru

© Литературный журнал
«СИМБИРСКЪ» №1 (88), 2021

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Ульяновской области ПИ №ТУ 73-00350 от 21 марта 2014 г.

Учредитель: Областное государственное автономное учреждение «Издательский дом «Ульяновская правда».

© Дизайн, компьютерная верстка – Ольга Тюльпа.
Руководитель корректорского отдела – Наталья Степченко.

На обложке: Зима. Михайловское. Фото Николая Алексева
На обороте обложки: В Петровском парке.
Фото Николая Алексева.

- Рукописи принимаются только в электронном виде, не рецензируются и не возвращаются.
- Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации.
- За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций.
- Мнение авторов может не совпадать с позицией редакции.
- При перепечатке ссылка на «Симбирскъ» обязательна.

Редакционная подписка дешевле,
в том числе для юридических лиц.
Информация по телефону 8 (8422) 41-04-32
e-mail: narod73@inbox.ru

Получить журнал можно по адресам
в г. Ульяновске: ул. Пушкинская, 11 (тел. 41-04-32);
ул. Врача Михайлова, 31, ком. 59;
проспект Ленинского Комсомола, 41, ком. 412
(тел. 20-16-40).

Для удобства читателей предлагаем альтернативную
подписку через агентство «УРАЛ-ПРЕСС Поволжье»,
тел. 8 (8422) 41-01-41.

Вы можете пригласить на дом почтальона
для оформления подписки на журнал.
Телефон для справок 89176381583

Оформить подписку
на I полугодие 2021 года
(подписной индекс ПА041)
можно и с помощью Интернет
на сайте rodписка.pochta.ru
или через смартфон по QR-коду:

Под голубыми небесами. Слово редактора 3

Год книги

Дан старт Году книги 4-7

Перекрёсток

Сергей Гогин. День перед вечностью 8-9

Романы Гузели Яхиной 10-11

Двое

Андрей Мокеев. О книге Людмилы Копыловой 12

Геннадий Русаков. Люблю! 13-15

Людмила Копылова. Стихи 16-19

Архив

Андрей Римский-Корсаков.

Судьба графского раритета 20-25

Юрий Козлов. Цветков и Симбирск 26-34

Река воспоминаний

Галина Невзорова. Страницы воспоминаний 35-40

Окно в прошлое. Акварели Д.И. Архангельского 41-44

С любовью ко всему родному

К 800-летию князя Александра Невского.

Маргарита Смирнова. Онлайн-выставка в музее 46-47

Елена Меркулова. Теплая встреча с Тарбагатаем 49-50

Ольга Шейпак. Тарбагатай. Страницы романа 51-60

Валентина Латанова.

Укажи мне пути Твои. Окончание 61-74

Страна поэзия

Нина Ягодинцева. Еще немного снега. Стихи 75-79

Александр Филатов. Списанные люди. Стихи 80-84

Гость

Из рода симбирских Колюбакиных 85-87

Марина Ахмедова (Колюбакина).

Белая птица метели. Стихи 88-91

При свете пушкинского слова

Юлия Узенёва.

Дом в жизни и творчестве А.С. Пушкина 92-94

Иван Пырков. Ко Дню памяти А.С. Пушкина 95-96

Зима в Михайловском.

Фотографии Николая Алексева 97-100

Дорога к Пушкину 101

О Татьяне в Татьянин день.

Выставка памяти Т.А. Громовой 102-106

Черемшан

Память поэта-фронтовика Евгения Степановича Ларина.

Подготовила Раиса Кашкирова 107-111

Книжная полка

Лидолия Никитина. Разрешите подарить цветы 112-119

Страницы книги 112-119

Юбилей

Татьяна Толоконникова.

Есть только свет. Стихи 120-121

Лидия Степанова. Миг полета. Стихи 122-124

Молодые голоса

Рубрику подготовила Алина Осокина

Светлана Алькина. Стихи 125-127

Анастасия Миронова. Ангел-хранитель. Рассказ .. 128-133

Антонида Смолина. Рассказы 134-135

Интервью с Александром Дашко.

Беседовал Алексей Самсонов 136-137

Мария Борухова. Стихи 138-139

Ульяновск – литературный город ЮНЕСКО 140-141

Антон Никонов. Учебник откровенности 142

Данила Ноздряков. Стихи 143-145

Юбилейный календарь 146-176

ПОД ГОЛУБЫМИ НЕБЕСАМИ...

В минувшем году, трудном для всех, были и хорошие события, и простые радости, и деловые будни. Наш журнал, изменив периодичность выхода, вдвое вырос в объеме. И, несмотря на то, что меньше было возможностей личного общения, за это время окрепла творческая «соединяющая заочность». Поток рукописей в адрес редакции увеличился, и расширилась география авторов.

В феврале отмечается день памяти А.С. Пушкина. На обложке и на цветных страницах – фотографии фотохудожника из Пушкинского Заповедника Николая Алексева.

В разделе «При свете пушкинского слова» статья хранителя музея «Михайловское» Юлии Узенёвой, а также эссе Ивана Пыркова к 184-й годовщине со дня смерти Поэта. «Мы всё дальше от Пушкина. Но и всё ближе к нему...».

2021 год объявлен в Ульяновской области Годом книги. Торжественное открытие состоялось во Дворце книги, где были объявлены лауреаты поэтической премии имени Н.Н. Благова и премии в области историографии и литературного творчества «Шапка Мономаха». В Год книги мы говорим о книгах. Сергей Гогин рассказывает об итогах обсуждения в литературной студии романов Чингиза Айтматова и Гузели Яхиной. Руководитель фонда «Мелекесь» Андрей Мокеев представляет недавно вышедшую в Димитровграде книгу Людмилы Копыловой (1940–1990), жены известного поэта Геннадия Русакова. Стихи о большой любви в рубрике «Двое».

*На этой дивной и безжалостной земле –
в снегу раскисшем
и в сухой золе –
люблю тебя.
И буду повторять.
Опять.*

Л. Копылова

Антон Никонов рассказывает о сборнике стихов Данилы Ноздрякова. Публикуем поэтическую подборку из книги молодого автора.

Мы продолжаем публикации о семействе Мусиных-Пушкиных (статья Андрея Римского-Корсакова). Краевед Юрий Козлов рассказывает о симбирянине-меценате Иване Цветкове. В разделе «Река воспоминаний» публикуем страницы

мемуаров Галины Невзоровой, дочери художника Д.И. Архангельского. «Жить надо так, чтобы не пропустить ни одного мгновения радости», – писала она.

В наступившем году будет широко отмечаться 800-летие со дня рождения святого князя Александра Невского. Музей народного творчества организовал тематическую онлайн-выставку. На цветной вкладке представлены работы участников – самодеятельных художников разных возрастов. В рубрике «С любовью ко всему родному» страницы романа Ольги Шейпак «Тарбагатай». Здесь же окончание публикации книги Валентины Латановой «Укажи мне пути Твои».

На поэтических страницах журнала стихи Нины Ягодинцевой и Александра Филатова, Татьяны Толоконниковой и Лидии Степановой.

В минувшем году было много утрат. Мы рассказываем о выставке памяти краеведа Татьяны Громовой, с уважением и благодарностью вспоминаем замечательного человека.

Рубрика «Черемшан» посвящена Евгению Степановичу Ларину, недавно ушедшему от нас поэту-фронтовику. В публикации – слова прощания земляков-димитровградцев, заметки о вечере-презентации последней книги Е. Ларина «Девушка в шинели».

Гость «Симбирска» Марина Ахмедова (Колубакина) – народный поэт Дагестана. Марина Анатольевна из рода симбирских дворян Колубакиных. Публикуем фотографии из семейного архива и подборку стихов Марины Ахмедовой. В рубрике «Книжная полка» предлагаем главы из новой книги Лидолии Никитиной «Разрешите подарить цветы». Проза адресована творческой молодежи XXI века. В разделе «Молодые голоса» – интервью с председателем Совета молодых литераторов Александром Дашко, а также стихи Светланы Алькиной, Марии Боруховой, рассказы Анастасии Мироновой и Антонида Смолиной. Очень радостно наблюдать за новым поколением талантливых литераторов, за теми, кто хранит и продолжает традиции.

Пушкин, Родная Речь, Слово, Книга... Нам всем есть что любить, чем гордиться и что беречь.

Елена КУВШИННИКОВА

ДАН СТАРТ ГОДУ КНИГИ

По распоряжению губернатора Ульяновской области С.И. Морозова 2021 год объявлен региональным Годом книги.

Торжественное открытие Года книги – 2021 состоялось 30 января в Торжественном зале Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина.

С приветственным словом и поздравлением к гостям обратился президент Российского книжного союза Сергей Вадимович Степашин (обращение транслировалось с большого экрана): «Я признателен инициаторам этого мероприятия и, конечно, губернатору Сергею Морозову. Вдвойне приятно, что именно Ульяновская область этот год объявила Годом книги, потому что в 2015 году она была признана самым читающим регионом нашей страны, и все последующие годы входила в первую десятку «Самых читающих регионов», что позволило ей дважды становиться «Территорией книги и чтения» в 2019 и 2020 годах».

В торжественной обстановке были названы имена лауреатов IV межрегиональной поэтической премии имени Николая Благова, главная цель которой – развитие литературного творчества регионов Приволжского федерального округа, продвижение и сближение талантливых поэтов Поволжья, прославление имени нашего земляка, поэта Николая Благова.

В этом году лауреатом в номинации «**Земляки Благова**» стал ульяновский поэт, почетный архитектор России, член Союза художников России **Лев Нецветаев** за сборник стихотворений «Стелла». *«Премия имени Николая Благова – это, безусловно, весомая награда. Мне бы хотелось сказать, что получение этой премии для меня – финал моей литературной деятельности, потому что именно сборник «Стелла» венчает мои труды. Отрадно отметить, что премия вручается мне в Год книги в Ульяновской области, ведь книга – это основа любых знаний, любой культуры. Между прочим, во Дворец книги, где сегодня проходит торжество, я начал ходить еще с младшей школы и до сих пор являюсь постоянным читателем»,* – отметил Лев Нецветаев.

Лев НЕЦВЕТАЕВ

Читая Благова

Порой легко скользит за словом слово –
Как из кулёчка манный порошок.
А тут – запнешься о порог тесовый
И обомрёшь: а как же хорошо!

Да плохо ли, когда звенит от зноя
Июльский день и травы пахнут так,
Что даже в небе облачко резное
Застыло – не надышится никак.

И выверено снайперское слово,
И дышит правдой каждая строка,
«И вымя над травой несёт корова,
Пыль прошивая строчкой молока».

То поведёт к заброшенному дому,
Где лишь паук, хозяйствуя, прядёт;
А то: десяток слов – и видишь омут –
Такой, что спину дрожью поведёт.

И по приказу дара колдовского
Запомнятся на долгие года
И ветви, что «как руки у слепого»,
И как поминки, тёмная вода».

Стиха иного тихое журчанье
Баюкает дремотною волной;
А благовский – на перехват дыханья,
На в горле ком, на крылья за спиной.

И каждый раз не понимаешь снова:
Когда и у какого верстака
И выточил, и вызолотил слово
Орфей с обличем парня-простака?

Елена Крюкова, член Союза писателей России
(г. Нижний Новгород)

Лауреатом номинации «**Волжская пристань**» была объявлена поэт и прозаик, член Союза писателей России **Елена Крюкова** (г. Нижний Новгород) за сборник стихотворений «Вера». *«Про премию Благова я знала давно, решила послать свою работу. Так получилось, что в конце 2019 года вышла моя книга стихов «Вера», это нечто вроде избранного на темы и образы религии, веры, христианские мотивы, все, что у меня было в жизни: и прежние стихи, и новые работы. Земля Симбирска, которая родила великое множество поэтов, писателей, литературоведов, – это удивительная земля, давшая России такие драгоценности. Для меня честь участвовать в этой премии»,* – поделилась Елена Николаевна.

Кристина Андрианова, поэт, журналист, член Союза писателей России и Республики Башкортостан,
кандидат филологических наук (г. Уфа)

Самым молодым лауреатом премии имени Николая Благова стала поэт, журналист, член Союза писателей России и Республики Башкортостан, кандидат филологических наук **Кристина Андрианова** (г. Уфа). Награду поэт получила в номинации «**Верность традиции**» за поэтический сборник «14: уфимский дневник».

Кроме этого, состоялось награждение лауреатов ежегодной областной премии в области региональной историографии и литературного

Лауреаты премии журнала «Мономах» с О.Г. Шейпак и О.Е. Бородиной

творчества «Шапка Мономаха», традиция вручения которой была заложена журналом «Мономах» как ежегодное присвоение Гран-при человеку года за заслуги в продвижении культуры, нравственности и духовности.

В номинации «За заслуги в области литературного творчества» обладателем премии стал педагог, путешественник и писатель **Владимир Кочетков**, автор книг «Когда оживают легенды», «Дом у Никольской горы» «Урок географии» и др. Владимир Кочетков – член Союза писателей и Союза журналистов России, член Ульяновского отделения Русского географического общества.

Премия «За заслуги в области региональной историографии» была вручена заведующему отделом истории края Ульяновского областного краеведческого музея имени И.А. Гончарова **Марату Гисматуллину**, а **лучшим молодым автором** в этом году стал доцент кафедры биологии и химии естественно-географического факультета Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова, кандидат биологических наук **Михаил Корепов**.

Обладателем Гран-при «Шапка Мономаха» в этом году стал научный сотрудник научно-исследовательского отдела Государственного историко-мемориального музея-заповедника «Родина В.И. Ленина» **Иван Сивопляс**. «Я довольно давно сотрудничаю с журналом «Мономах» и довольно много публикуюсь по краеведческой тематике, я занимаюсь историей края и стараюсь эту историю популяризировать. В этом случае я считаю, что мой труд достиг своего результата. Сейчас в моей работе большое количество разных тем, один из следующих трудов будет посвящен поэту, нашему земляку Аполлону Коринфскому, который много писал о нашем городе», – поделился своими планами на будущее Иван Эдуардович.

Почетными наградами и грамотами также были отмечены работники отрасли культуры, которые внесли значительный вклад в продвижение книги и чтения в регионе по итогам Всероссийского конкурса «Самый читающий регион» и получения Ульяновской областью статуса «Территория книги и чтения».

Поздравил всех собравшихся с открытием Года книги почетный гость мероприятия, **заслуженный артист Российской Федерации Даниил Спиваковский** (г. Москва). «Замечательное начинание – Год книги в Ульяновской области. Я думаю, что вообще во всех областях нужно проводить Год книги и вообще во всей стране. Вы делаете великое и большое дело. Я поздравляю всех лауреатов и победителей и благодарю за их нелегкий труд и за популяризацию книги!».

Также украшением вечера стали литературный пролог «Да здравствует солнце, да скроется тьма!» (фрагмент из рассказа К. Паустовского «Сказочник») в прочтении артиста театра ENFANT-TERRIBLE **Александра Лемехова** и работа арт-пространства «Книжный коктейль», с выставкой книжных артефактов и арт-объектов с символикой Года книги и проекта «Книгомания – 2021».

Александр Лемехов и Анисия Матлина

От имени молодых литераторов гостей вечера приветствовала лауреат премии «Первая роса», сотрудник библиотеки имени Н.Н. Благова **Ниса Матлина**:

«Поэты по-своему видят мир, передавая все его грани и переплетения через Силу Слова. Увидеть необычное в обычном и увидеть обычное в необычном – вот это про настоящего поэта. Таким был и Николай Благов – один из лучших людей нашего края. Поэт, чье имя навеки вписано в литературу. Поэт, чьи традиции продолжают по сей день нами – молодыми поэтами. Любовь к своим корням, к деревне, природе, к Родине – вот, что мы должны сохранять и развивать дальше.

Ведь мы не пишем вне контекста нашей симбирской литературы, которая известна именами 12 симбирских литературных апостолов. Имена Гончарова, Минаева, Дмитриева, Карамзина, Давыдова и других – путеводные звезды в мире литературы. И, конечно, мы хотим выразить искреннюю благодарность ульяновским историографам, краеведам и исследователям, которые бережно сохраняют традиции наших земляков, дают нам возможность ознакомиться с их жизнью и творчеством.

Анисия Матлина

Очень символично то, что нынешний год является Годом 90-летия Николая Благова, Годом книги и Годом молодых в нашем регионе. И мы, молодые поэты и писатели, обязательно впишем новые страницы в историю симбирской-ульяновской литературы».

Отдельно вниманию гостей была представлена живая инсталляция «Читай, мечтай, твори!», в которой всем присутствующим была продемонстрирована коллекция одежды дизайнера Ирины Маловой, главная идея которой – возрождение книги и чтения, а ключевая особенность коллекции – это необычные принты, которые повторяют рисунки со стен Дворца книги – места проведения церемонии.

Лев Нецветаев с внуком Николая Благова Максимом

Музыкальным подарком стали инструментальные номера в исполнении артистов Ульяновской областной филармонии и соло на фортепиано в исполнении Германа Киткина.

Даниил Спиваковский и дирижёр Артём Белов

Ярким завершением дня стала литературно-музыкальная композиция «Ночь перед Рождеством» из цикла Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки», которая проходила во Дворце дружбы народов «Губернаторский». Чтецом композиции выступил заслуженный артист Российской Федерации Даниил Спиваковский. Музыкальное сопровождение – Ульяновского государственного академического оркестра русских народных инструментов под управлением дирижёра Артёма Белова.

Сергей ГОГИН, поэт, журналист, руководитель литературной студии «Восьмёрка» при городской библиотеке №8.

ДЕНЬ ПЕРЕД ВЕЧНОСТЬЮ

О романе Чингиза Айтматова «Буранный полустанок»

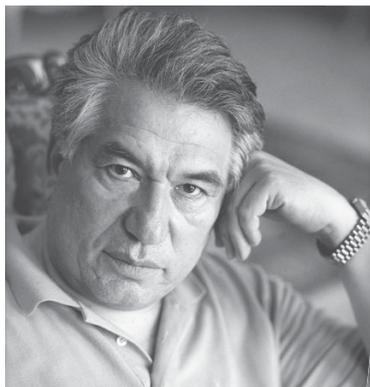
«И дольше века длится день» – первый роман Чингиза Айтматова. Опубликован в 1980 году в журнале «Новый мир». Позже издавался под названием «Буранный полустанок». В 1990 году в журнале «Знамя» вышла повесть к роману «Белое облако Чингисхана», впоследствии вошедшая в состав романа.

Студийные дискуссии в «Восьмёрке» традиционно отличаются глубиной и вдумчивостью, не стала исключением и эта. На время литстудия «Восьмёрка» превратилась в книжный клуб, где обсуждался главный роман Чингиза Айтматова «Буранный полустанок», известный также под названием «И дольше века длится день». Поговорить о нем предложил участник студии Дмитрий Пальмин, который считает роман одним из любимых.

Любопытно, что роман, написанный этническим киргизом, стал фактом русской литературы. В советские годы такое было возможно (другие известные примеры – Фазиль Искандер, Юрий Рытхэу), сейчас, пожалуй, это менее

вероятно. Кого, например, из прибалтийских, казахских, даже украинских современных писателей мы знаем?

Айтматов, работавший с темой памяти предков, национальных корней, в этом похож на русских писателей-деревенщиков, отметил участник студии Дмитрий Сергеев.

Чингиз Айтматов

Автор – «почвенник» степей. «Буранный полустанок» – сложный, многоплановый, многосюжетный роман о любви и долге, о смысле жизни, о взаимоотношении человека с вечностью, о свойстве памяти. Что в своей жизни видел Буранный Едигей, большую часть жизни проживший на заброшенном полустанке в суровой казахской степи? Что он сможет вспомнить? Чтобы его жизнь приобрела для него смысл, она должна иметь глубинное восприятие настоящего, ибо в степи каждый день – это день перед вечностью.

Книга оставляет сложное впечатление. Допускаю, что для своего времени (начало 1980-х в СССР – разгар застоя) этот роман был прорывом, потому что там открытым текстом говорится о бесосновательных репрессиях против хорошего, чистого человека Абуталипа Куттыбаева, героя югославского сопротивления, о том, что несправедливость имела место в «самом справедливом обществе», о том, что в нем были доносчики и вертухаи. Тема репрессий затронута очень робко, но по тем временам это наверняка была «бомба». Поскольку Айтматов был представителем социалистического реализма, рядом с темой репрессий тут же возникает апология компартии – мол, партия не ошибается, а то, что было, – перегибы. Сейчас все это кажется до невозможности наивным, ибо порожденная этой партией номенклатура и была приводным ремнем и исполнителем репрессий. Пройдет немного лет, и выйдет на экраны «Покаяние», появятся в печати и Солженицын, и Шаламов, и Лидия Гинзбург, и Лев Разгон, и это – потрясающая лагерная проза. Но Айтматов в каком-то смысле был одним из первых, поскольку «приоткрыл» эту тему, намекнул, обозначил, хоть и по-детски заслонился от нее «непогрешимой» партией, которая выслушает, поймет, разберется, наведет порядок.

Столь же наивной поначалу показалась и фантастическая линия, связанная с контактом с другой цивилизацией, представители которой похожи на людей и умеют путешествовать со скоростью света (лучше бы автор придумал какой-нибудь «туннельный переход», было бы правдоподобнее). Я сначала недоумевал: зачем вообще нужна эта линия со станцией «Паритет» и контактом? Она по объему совсем невелика, какая-то пунктирная, и ее вполне можно было бы изъять без особого ущерба, остался бы рассказ о суровой жизни и любви Буранного Едигея. Но неожиданное развитие этого сюжета поразительно: две великие державы, посоветовавшись,

отказываются от возможного контакта с цивилизацией, у которой люди могли бы многому научиться! Двум паритет-космонавтам запрещено возвращаться на Землю! Значит ли это, что люди не готовы контактировать с развитой цивилизацией, пока не справились с внутренними конфликтами? Что ж, очень самокритично. Люди строят спутниковый щит вокруг Земли, который защитит их от внешнего вторжения. На первый взгляд, это – капитуляция, планетарный комплекс неполноценности, но

и реальная оценка состояния человечества, раздираемого противоречиями. Сегодня это похоже на то, как одна большая страна пытается добровольно отгородиться от остального цивилизованного мира, ибо не готова к контакту, боится его, и в этом смысле роман Айтматова приобретает неожиданное звучание. Участник дискуссии о. Дмитрий Савельев предложил другое толкование этой сюжетной линии: у землян могли быть законные опасения. Когда конкистадоры пришли в Латинскую Америку, они были более развитой и цивилизованной частью человечества, но стоило ли коренным народам опасаться их? Несомненно. «Цивилизованные» испанцы ради золота жестоко истребляли «диких» индейцев.

В конце романа автор «столкнул» космическую тему с эпизодом, когда Едигей и другие приехали хоронить Казангапа на кладбище Ана-Бейит, но не смогли этого сделать – территория обнесена колючей проволокой, старинное и почетное кладбище предназначено под снос. Здесь – конфликт новизны и традиции, прогресса и устоев, отцов и детей: технологии наступают и теснят традиционный национальный уклад куда-то на обочину жизни, но упорный Едигей сопротивляется до последнего, ищет справедливости. Этот конфликт, как мы сейчас видим, стал одним из факторов распада СССР: национальное самосознание – это мощный исторический фактор.

Главное, что мне запомнится, – это персонажи романа: Буранный Едигей, его друг Казангап, Абуталип и Зарипа и, конечно, верблюд Каранар, которого в самом деле можно считать полноценным героем, во всяком случае, сцены «загула» Каранара, отдавшего зову природы, в романе одни из самых ярких. Запомнится ощущение бескрайней и суровой казахской степи, описание более чем спартанской жизни на полустанке Боранлы-Буранный. Очень поэтична глава, где пересказана легенда о старом Абдильхане, влюбившемся в юную Бегимай. С одной стороны, она кажется вставной даже по стилю (это ритмизованная проза, почти что стихи), при этом эту легенду можно считать неким исходным уровнем самосознания героев, системой координат, в которой одни естественным образом нахо-

дят свое место, другие стремятся из нее вырваться. Не забудем, что Айтматову мы также обязаны появлением понятия «манкурта» – раба, лишённого памяти предков, лишённого корней и превратившегося в «универсального солдата» и бессловесного работника. Это несчастный пример, когда слово, избретенное человеком, вошло в язык.

Но вот как совместить талант рассказчика с тем, что Айтматов был первым в списке советских писателей, подписавших коллективное письмо в «Правде» (1973 год) против Солженицына и Сахарова в связи с их «антисоветскими действиями и выступлениями»? Мог ли он отказаться, не подписывать? Вряд ли кто-то стал бы его пытаться, скорее всего, ему приходилось выбирать: или подписать, или перестать печататься. Было ли это для него моральной дилеммой, компромиссом или соответствовало его убеждениям? Среди героев его романа нет «антисоветчиков», все они так или иначе – «правоверные», каким, возможно, автор был и сам, веря в справедливость строя и правоту правящей партии и работая в поле соцреализма. Эти рассуждения, конечно же, надо помещать в исторический контекст: Айтматов мог на самом деле осудить факт публикации солженицынского романа, и позиция Сахарова ему могла быть не близка. Но Айтматов – сын репрессированного, получается, подписав письмо, он косвенно оправдал репрессии против инакомыслящих. Этот эпизод биографии примыкает к психологической и моральной теме, возникшей в ходе нашей дискуссии: человек больше, чем его взгляды? Или человек определяется его ценностями и убеждениями? Едигей не врет себе, он верен памяти отцов.

Может быть, «Буранный полустанок» – это попытка Айтматова разобраться в себе, форма покаяния, пересмотр убеждений?

Особое мнение Дмитрия Сергеева: «Думаю, жизнеспособность книги зависит от того, хочется ли её перечитывать. Просто так, ради атмосферы и настроения. Думаю, «Буранный полустанок» не такая книга. Из атмосферных, самодостаточных страниц книги я бы выделил только описание жизни верблюда и его роль в судьбе главного героя, Едигея. А весь смысл и содержание романа уходят в нашу историю, в историю СССР, России, РФ, и невозможно говорить о «Буранном полустанке» вне контекста и бэкграунда этой нашей общей истории. И тут, на мой взгляд, уникальная ситуация: мы можем прочитать, как понимал и предвидел нашу историю Айтматов в 1980-м, и можем увидеть, что реально получилось. Айтматов и его герои хотели вернуться к национальным корням, и мы видим, что это национальное стремление привело в социальном плане к неофеодализму. Айтматов стремился задать как можно больше вопросов будущему: есть ли будущее у космической программы? Есть ли будущее у советского интернационализма? Я читал и вычитывал эти вопросы в романе и сравнивал, как время ответило на эти вопросы. В итоге не могу сказать, что посоветую этот роман ради читательского удовольствия. Думаю, роман интересен, в первую очередь, тем, кто интересуется историей в самом широком смысле. Но если вы интересуетесь такой историей, то роман обязателен к прочтению: он рассказывает о многом широко, глубоко и ярко».

Сергей ГОГИН

Романы Гузели Яхиной

Об этом шла речь на заседании литстудии «Восьмерка» 21 января в библиотеке №8.

Роман «Зулейха открывает глаза» принес в 2015 году его автору три премии: «Большая книга», «Ясная Поляна», «Книга года». «Я хотела донести мысль о том, что даже в очень большом горе может быть спрятано зерно будущего счастья», – пишет автор о «Зулейхе...». Роман переведен на два или уже три десятка языков, по нему снят сериал, который вызвал шквал критики (почему-то не сериала, а романа и его автора). Удивительно, что при таком читательском внимании нашлись критики, которые посчитали роман «апологией бездуховности и предательства», другие отказывают автору в знании татарской жизни, один писатель назвал ее язык «примитивным», с чем категорически нельзя согласиться, особенно после прочтения второго ее романа, «Дети мои», который также завоевал премию «Большая книга» (2018). Если «Зулейха...» изначально написана как сценарий, что отразилось на языке (он простой, динамичный, жесткий), то «Дети мои» – это литература самой высокой пробы – насыщенная, образная, глубокая. (Кстати, режиссер Алексей Учитель собирается экранизировать этот роман.)

«Слишком хорошо написано», – сказал о романе «Дети мои» участник литературной студии Дмитрий Сергеев во время обсуждения. Звучит парадоксально, потому что «слишком хорошей» литературы не бывает, слишком хорошая – это уже выдающаяся. Но книга эта, без сомнения, очень щедрая (по выражению литературного критика и издателя Александра Гаврилова, хотя он сказал это о другом

писателя). Это роман, где каждая строка говорит о кропотливой литературной работе, так что с художественной точки зрения «Дети мои» сильнее шумевшей «Зулейхи».

«Дети мои» – это проза, которую не прочитаешь наскоком. Этот текст нужно смаковать, как сливочное мороженое из натурального молока. Первый роман Яхиной «Зулейха открывает глаза» читается гораздо легче в силу его сюжетности, «сценарности» и кинематографичности. «Дети мои» – это роман деталей, описаний, размышлений, глубины. Кроме того, это образец «магического реализма», который однажды завоевал популярность и, кажется, ее не теряет. В этом смысле «Дети мои» действительно напоминают «Сто лет одиночества». Колония Гнаденталь у Яхиной и Макондо у Маркеса – в них есть общее: и там и там природа и люди ведут себя странно, но эти странности так естественно вплетены в событийный, документальный контекст, что магические события воспринимаются как часть реальной жизни. Так написан знаменитый «Альгист Данилов», а еще раньше – «Мастер и Маргарита».

Возможно, именно по этой причине «Дети мои» (по крайней мере, в зачине) напоминает другой магический-реалистический роман – «Лавр» Евгения Водолазкина. Жизнь Арсения из «Лавра» (и, соответственно, роман) делится на четыре части, когда он был целителем, юридивым, паломником и отшельником. Но описание жизни Якоба Баха, главного героя романа «Дети мои», тоже имеет периодизацию, связанную с конкретными людьми, важными для него на каждом этапе жизни (главы «Жена», «Дочь», «Ученик», «Сын», «Дети»). Бах тоже был отчасти и юридивым, и отшельником, вот только паломником не был, все время прожил в колонии поволжских немцев Гнаденталь, затем на хуторе на другом берегу Волги.

Я бы определил эту книгу как роман-столкновение: столкновение Баха с обществом, с женщиной, ее смертью, с ребенком, с Волгой, с советской властью в лице парторга Гофмана. Волга в романе – это самостоятельный герой, чудесная стихия – и добрая, и норовистая. В конце романа Волга – это магический подводный мир, который все помнит и все хранит. Бах хотел бы слиться с миром, но вынужден ему противостоять, приспособливаться к драматическим переменам.

«Дети мои» – магический роман, написанный на основе реальной истории поволжских немцев, их быта и их самобытности, истории коллективизации, упадка и репрессий против малого народа. Всё это рассказано не напрямую, а глазами Баха, живущего на хуторе – сначала с женой, потом, после ее смерти, с дочерью. Бах занят физическим выживанием, его время определяется природными циклами, он оторван на своем хуторе от внешней жизни, он лишь иногда по необходимости соприкасается с ней, с враждебным внешним миром, чтобы обнаружить, что там происходит нечто невероятное и труднообъяснимое.

Роман неизменно плотный, густой, поэтический, сказочный, мистический. Но это благодарное, развивающее чтение. Второй роман оказался ничуть не слабее первого, а во многом даже сильнее, и это большая победа автора.

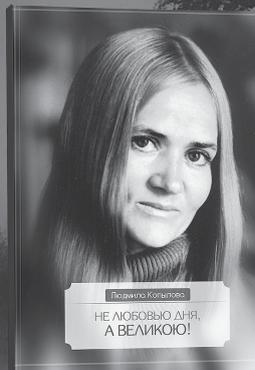
Дмитрий Сергеев расширяет в своем комментарии тему магического реализма, говоря, что стиль этот прочно завоевал умы и сердца, но сделал это как-то незаметно. «Если постмодернизм шёл парадным шагом под фанфары, то магический реализм проник тихо, маскируясь под что-то несерьёзное, сказочное. Родоначальником стиля, как правило, называют Маркеса и его «Сто лет одиночества». Магический реализм – это новая сказка, новое мифологическое сознание. Если постмодернизм возник как интеллектуальная игра, то магический реализм – реакция не игровая, серьёзная, но возникла она по той же причине, что и постмодернизм: от неспособности и, возможно, даже от нежелания рационально подходить к миру, событиям в мире. И поэтому художник, писатель начинает заниматься мифотворчеством. А для этого годится всё: соседские сплетни, восприятие природы, столкновение с властью. Яхина создала потрясающий миф и название у него прекрасное – «Дети мои». Вроде бы, она берёт реальное историческое время и реальное место, город на Волге, но предлагает восприятие от лица человека очень творческого, чувствующего, любящего. Бах, главный герой, по сути, понятия не имеет, что происходит в мире, но он видит и чувствует, и воспроизводит все так, как видит и чувствует. Получается миф, соединение реальности и сильного воображения – магический реализм».

ДВОЕ

 ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФОНД "МЕЛЕКЕСЬ"
 ПРЕДСТАВЛЯЕТ
 КНИГУ СТИХОВ
 ЛЮДМИЛЫ КОПЫЛОВОЙ
**«НЕ ЛЮБОВЬЮ ДНЯ,
 А ВЕЛИКОЮ!»**

Копылова Людмила Викторовна (1940–1990 гг.) – поэт, переводчик с латышского, ученица Арсения Тарковского, жена поэта Геннадия Русакова. Окончила Литературный институт имени А.М. Горького. Автор поэтических сборников: «Зарождение дождя» (1978), «Счастливая полоса» (1984), «Наискось по гусяной траве» (1990). Лауреат премии Я. Райниса. Жила в Москве.

Книги доступны для заказа на сайте melekes.com

В 2020 году в Димитровграде историко-культурный фонд «Мелекесь» выпустил книгу стихов Людмилы Викторовны Копыловой «Не любовью дня, а великою!».

Составителем и автором предисловия стал поэт, переводчик Геннадий Александрович Русаков.

Геннадий Александрович приехал с семьей в Мелекес в 1938 году.

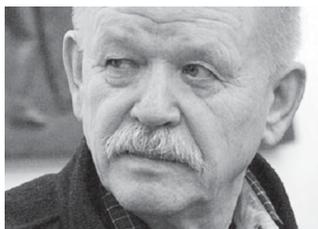
Тяжелые воспоминания связывают Русакова с Мелекесом. Здесь умер и был похоронен его брат Юра. Из Мелекеса ушел на фронт его отец, политрук роты автоматчиков, который был убит в первом же бою... В Мелекесе похоронена мама Геннадия Александровича, которая работала в мелекесском госпитале и заболела двухсторонним плевритом легких, похоронена его бабушка, с которой он остался после смерти родителей.

В 60-х годах Геннадий Русаков привозил в Мелекес свою будущую жену Людмилу Копылову знакомить с единственным своим родным человеком – бабушкой Овсянниковой Марией Павловной.

Мы издавали книгу стихов Геннадия Русакова «Сиротство начиналось с Мелекеса» в 2016 году. С тех пор продолжаем общаться с Геннадием Александровичем, и его предложение по изданию сборника Людмилы Копыловой в Димитровграде историко-культурный фонд «Мелекесь» воплотил в жизнь.

Надеемся, что эта книга замечательного поэта найдет своих читателей!

Андрей МОКЕЕВ,
 председатель
 историко-культурного фонда «Мелекесь»

Геннадий РУСАКОВ

ЛЮБЛЮ!

МОЯ ЛЮДА

Её нет уже тридцать лет. А я всё живу, у меня семья, я люблю другую женщину и посвящаю ей стихи. Но иногда я просыпаюсь с дрожащими руками, с пересохшим ртом и с ощущением чего-то страшного, что произошло со мной. И поэтому нужно сейчас же, немедленно, вернуться в сон, в ту, прежнюю жизнь, потому что никакой иной у меня нет и быть не может. И я долго лежу, слушая, как бухает сердце, и жую слёзы. Любовь моя, мучение моё, возьми меня к себе, тяжело мне тут...

Её ликующая походка... Ни до, ни после я не видел такой счастливой походки. «Девушка, вы балерина?» – спрашивали у неё. А её пронесло дальше в шелесте юбки-семиклочки, в каком-то восторженном скольжении, полёте, в водовороте воздуха, который она разбрасывала длинными ногами, в свечении громадных глаз и колыхании волос за спиной. «Ишь, как стриждёт, кобылка!» – сказал однажды мужик у неё за спиной.

У меня до сих пор щемит сердце при взгляде на молодых лошадей.

Я встретил её в общежитии Литинститута на Бутырском хуторе. Мой сожитель по комнате, латыш Феликс Скудра, бескорыстный энтузиаст поэзии (он поступил на переводческий семинар Льва Озерова), непостижимым образом знавший пол-Москвы, пригласил к нам на чтение стихов девушек из литобъединения, которое Озеров вёл на заводе им. Лихачёва.

Пришли двое – Валя Елизарова и Люда. У меня только что вышла в Куйбышеве книжка. Я сдавал её в издательство, будучи ещё в суворовском училище, содержание её легко себе представить. Но среди литинститутских гениев сам факт публикации ценился высоко: «У него уже есть КНИГА!». Книгой именовалась хлюпенькая, бледненькая брошюрка на газетной бумаге. Я тихо гордился ею.

От того вечера мало что осталось в памяти. Помню только ошеломившее меня ощущение хрустальной хрупкости и ранимости прочитанного Людой. И строчка из её раннего стихотворения: «Слышишь, где-то играют Шопена?». Я ходил и бормотал её, и понимал, что я глуп и груб со своими неотёсанными стихами, которые почему-то многим нравятся, даже Виктору Астафьеву с верхнего этажа «небожителей» – слушателей Высших литературных курсов.

В ту пору я только что демобилизовался из курсантского училища, был дик, о шопенах имел весьма смутное представление. Но то, что про это – про музыку, которая исходно, самой своей бессловесностью выше, значимее слова, могла написать вот эта большеглазая, светящаяся девушка с копной пушистых волос, поразило меня. И я уже знал, что она будет моей женой. Не просто моей, но именно женой. Чтобы навсегда. На всю жизнь.

Так оно и случилось. На всю жизнь. Только на её, не на мою.

Помню, как она долго отнекивалась на моё предложение пожениться – «расписаться», как тогда говорили, и не могла понять, почему мы не можем и дальше просто жить вместе. А мне казалось, что официальная бумага, какая-то регистрация будет залогом того, что она никуда не денется, не исчезнет из моей жизни. Гарантией того, что она моя. Я конформист по природе и до сих пор верю в документы с печатью.

Я всегда знал, что по какой-то прихоти фортуны мне бешено повезло: я ухватил за хвост Жар-Птицу. Люда была выше, талантливее, одухотворёнее меня. Я всю молодость вытёсывал, высекал из себя что-то, трудно различимое из-за своей духовной заскорузлости и максимализма беспорядочно читавшего, гонористого самоучки. Мне хотелось быть – она уже была. Происходившие с ней изменения были глубже моих, но не результатом хотения или воли – они с ней происходили. С меня осыпались куски коры, отболела короста. Её неощутимо для глаз дошлифовывал воздух, Ока, яблони, грачи, летом и ором которых были полны её стихи. Господи, зачем Ты взял её у меня?

Она писала, как часто пишут женщины: сразу, целым потоком стихов, которые выплёскивались из неё уже готовые, словно написанные не ею, но кем-то за неё. Она приносила мне стопку страниц, совершенно не зная ценности сделанного. Мне полагалось решать судьбу стихов: я ставил плюсик на том, что, на мой взгляд, получилось, и минус на остальном. Так они потом и ложились в папки – в пригодное или в отсеив. Она редко что меняла в написанном. И редко не соглашалась с моими плюсами-минусами: мы одинаково видели слово.

Но если не соглашалась, то переубедить её было трудно: не споря, она просто откладывала листок с минусом в сторону, и я потом находил его в «Готовом». Как правило, со временем я понимал, чем именно она дорожила в «минусовом» стихотворении, и менял минус на плюс. Уже не упомяну, откуда это у нас повелось – моя судейская функция. Наверно, из-за той же «книжки», из-за того, что я пришёл в институт чуть раньше и считался на курсе «подающим надежды».

Мы тогда кучковались вместе – Ваня Лысцов, Вася Белов и я. Ивана давно уже нет в живых. Он был очень «есенинский», с хорошими глазами и узнаваемым чубом. С Беловым нас надолго развела жизнь: я мучительно менял кожу, искал и не находил себя. После второго курса, сдав экзамены на пятерки, я перешел из Литинститута в иняз, надолго вычеркнул себя из литературы. Когда через сорок с лишним лет мы встретились с Василием в Вологде,

где я читал стихи, он, выступая, сказал: «Мы тогда все завидовали Генке – у него была Люда».

Она не успела поступить на поэтический семинар Льва Ошанина, в котором занималась наша троица, и её взял к себе на переводческий тот же Лев Озеров. Это был год, когда в Литинститут впервые набирали переводчиков с латышского. Москвичка, она ни слова не знала по-латышски. Однако её приняли – с условием, что она будет учить язык. Через год она говорила с латышами, обросла друзьями из Риги, каждое лето проводила на Юрмале, на хуторе в Яунпиебалге, у своей подруги, замечательной поэтессы Ольги Лисовской. И писала стихи, переводила, переводила... Почти пятьдесят книг за тридцать лет: национальный эпос Латвии «Лачплесис» А. Пумпура, классика, стихи современников, детские стихи, народные дайки. Латвия стала её второй родиной. Её последняя книга вышла в Риге, когда Люда уже была больна. Параллельные тексты перевела на латышский верный друг нашей семьи Ольга.

На стене у меня Людина литография работы Лены Антимоновой: громадные глаза, черный свитер под горло, утрированно заостренный подбородок, на плечах цветастый платок... И сразу же привлекает взгляд рука с каким-то странным, почти нереальным изгибом кисти – так не бывает, вольность художницы. Ан нет, так оно и было: это именно Людин точно увиденный поворот, её пластика, состоявшая из одних овалов, мягких прогибов, целеустремленного, но не агрессивного движения. Она вообще не умела делать резких движений – например, бросить на физкультуре гранату. Не умела кричать, досаждала собой кому бы то ни было. Из-за этого она чуть не утонула на Женевском озере: купаясь, мы заплыли в водоросли, которых не было видно с поверхности. Они прилипали к телу и прочно опутывали ноги. Когда я спросил её, почему же она не закричала, не позвала меня, плывшего в каких-то пяти метрах, она сказала: «Мне было стыдно. Я боялась, что утону и этим сделаю тебе больно».

И уже нет ни моей Люды, ни Лены, так любившей рисовать её, ни Льва Адольфовича Озерова... Нас осталось мало, жизнь раскидала нас, мы видели, как рухнул и с хамской бесповоротностью исчез наш мир. Изредка встречаясь, мы с трудом узнаём друг друга. И нам почти не о чем говорить. Мы не помним себя молодыми.

Впрочем, она многого не умела. Не умела говорить неправду, даже по мелочам. Не умела спорить. Не умела помнить в прочитанном цифры, факты, у неё оставалось лишь ощущение книги. Не умела замечать политику, которая скатывалась с неё, как с гуся вода, и, как оказывалось, действительно не стоила времени и интереса. И всё это без усилия, просто в силу характера, который был из одного куска.

Но, Боже мой, как она смеялась! Да нет, куда – как она хохотала полным ртом, по-девчоночьи, всеми зубами!

И она откуда-то знала те тонкости людских отношений, которым учила меня лишь литература, а не жизнь: я сизмальства рос в казённых мужских коллективах с их достаточно жёстким кодексом поведения. Детдома, детприёмники, суворовское, потом военное училище... На гражданке пришлось переучиваться. Я впервые оказался в новом окру-

жении и, говоря чеховскими словами, «по капле выдавливал из себя» казарменный и малость приклатнённый быт. Разумеется, в Люде ничего этого не было. Были врождённый аристократизм, духовная чистота и всепрощающая доброта. Откуда это? Мать – учительница сельской школы, вышедшая за местного парня, который после фронтового ранения освоил курсы бухгалтеров и до конца дней своих не мог разобраться, что за человек его дочь, и с лёгким презрением относился к её бумагомаранию.

Но в её уступчивости, деликатности ощущался некий стержень, что-то очень своё, чем она не могла поступиться. Стальная сердцевина, обёрнутая в ласковое несогласие. Её представления о порядочности, о доброте и сострадании не были результатом воспитания или следования образцам. Она просто была такая. Сколько раз, когда меня заносило и я с яростью отстаивал какую-нибудь заведомую чушь, я видел, что она смотрит на меня с тем лёгким недоумением, которое особенно выводило меня из себя! Не с осуждением – именно с недоумением: как близкий ей человек может предлагать такое?

Кончалось это обычно ссорой. Виновником ссор всегда был я: мне хотелось ей что-то доказать, особенно, если я был исходно не прав. И еще потому, что она была совершенно незащитна. Она любила безоглядно – как в той песне: «по морозу босиком к милому ходила», и её каждый раз потрясало, что я могу повышать на неё голос, говорить ей обидные вещи – делать то, что, по её убеждению, просто не могло происходить между двумя любящими друг друга людьми. Она молча смотрела на меня огромными, налитыми слезами глазами, и я знал, что она воспринимает эту дурацкую размолвку из-за пустяка как катастрофу, конец наших отношений и будет по-детски безутешно плакать весь вечер. Порядочной сволочью бывал я в молодости...

Хотя нам часто говорили, что мы хорошо смотримся вместе. Не знаю. Недавно один из знакомых, помнящий меня в ту пору, признался: «Я никак не мог понять, что она нашла в тебе... Угрюмый, вечно насупленный». Наверно, так оно и было.

Я и сейчас часто устаю от себя. Но рядом с ней я был лучше себя. Я был весёлым и остроумным, я светился её светом. Наверно, это свечение и делало нас похожими – мы были счастливы. Мы наперегонки росли, «друг другу выправляя голоса» (её строчка). Нам не нужен был никто. Даже дочь появилась на свет поздно, когда уже следовало спешить. И до сих пор у меня практически нет друзей: мне всегда была нужна только Люда.

Мы довольно долго жили за границей ещё в ту пору, когда это было редкостью – я синхронный переводчик по профессии. Эта профессия интернациональна. Мне приходилось часто отлучаться за границу на различные конференции. Люда не любила и боялась этих отлучек. Стихи стали для неё отдушиной и возможностью заочного разговора с теми, кто был ей дорог. В том числе со мной. Но и она зачастую была в мои стихи...

Хотя Люда легко приживалась в тех странах, куда заносила меня работа, она тосковала по Горам – по своей малой родине под Коломной, возле Озёр, по своему саду, по старому пятистенку на горе, куда виделось всё село, пойма и открывалось огром-

ное пространство над Окой, леса на другом берегу – всё то, без чего Люда не мыслила своей жизни. И когда по возвращении из загранкомандировки нас спрашивали: «Почему же вы там не остались?» – нам было трудно ответить. Модное нынче слово «патриотизм» не помогает. Нужно было что-то объяснять, и это «что-то» – самоочевидное: самое страшное, что, по нашему убеждению, могло произойти с нами за границей – это остаться там навсегда. То есть отказаться от России, от окского простора, от Мелекесса моего детства, куда мы с Людой в полузабытом 1961 году ездили на «смотрины» к моей бабушке – отказаться от ощущения естественности нашего существования именно в этом мире и от кровного родства с ним... Но других вариантов в ту пору не было.

Нас пугал не Запад: к тому времени мы уже знали, что можем жить – если вместе – где угодно. Но только как временные гости. Чужая среда обостряет зрение. Ностальгия заставляет всматриваться в свою страну с ревнивой требовательностью и равнодушием. Мы уже прочли все книжки о ГУЛАГе, исповеди сдавшихся и сбежавших. Но Россия, открывшаяся нам – страшная, творившая с собой то, что она не творила со своими злейшими врагами, горестная и похабная, Родина, Отчизна, оставалась единственной страной, которая была нужна нам. И которой были нужны мы. Зачем – не знаю. Однако всякий раз, собираясь в отпуск, мы с Людой, по устоявшемуся ритуалу, складывали рукописи в заплечные сумки, чтобы не сдавать их в багаж: всё свое – при себе, под рукой, ни страницы не оставить на чужбине. Трогательной кажется сейчас эта уверенность, что мы с нашими бумажками были кому-то интересны...

Потом наступили времена, когда стала гибнуть и разваливаться страна. И пришла болезнь. Наверно, там, на небе, не любят счастливых. За счастье полагается расплата. Люда заплатила сполна.

Сейчас я знаю: Бог изредка даёт миру таких людей, которые самым фактом своего существования оправдывают наши грехи и несовершенства. Они «не от мира сего» своей духовной чистотой, благородством и беззащитностью. Их мало, и Всевышний не оставляет их среди нас надолго: наверное, они ему нужнее.

Я не хочу много писать о Людиных стихах –

прочтите их сами. Ошеломляет их естественность: это как будто и не стихи, а записанный разговор души с самой собой – вне времени – и безошибочно в своём времени. И поразительный воздух. И врачующая доброта. И яблони, грачи, птицы, суслики и ежи – утешающий мир малых и сирых. Она любила его с языческой неистовостью и детской благодарностью.

Стихи, собранные под этой обложкой, взяты из трёх книг, вышедших при жизни Люды: «Зарождение дождя» (1978) и «Счастливая полоса» (1984). Обе они опубликованы «Советским писателем». Третья книга «Наискосок по гусиной траве» вышла в 1990 году в Риге, где «Лиесма» издала её на двух языках – латышском и русском. Некоторые стихи я также брал из Людиных рукописей.

Эти стихи писались в разное время: самые первые помечены началом 1960 года, последние 1989-м годом. Вскоре Люды не стало. Мы прожили вместе тридцать лет...

Под стихами в книге нет дат: Люда не ставила их в своих публикациях, хотя тщательно помечала время написания каждого стихотворения. Я, отбирая стихи, следовал тому же принципу. Те, кому нужны даты, смогут найти их в Людиных рукописях.

Я решил собрать эти стихи под одной обложкой, чтобы рассказать, каким счастьем – какой любовью – обожгла меня жизнь. Людины стихи – и эти, и в её книгах – особенно нужны людям, обиженным жизнью и не нашедшим себя в ней. Нужны, чтобы цельность другой души врачевала их. Чтобы они обрели надежду и опору, потому что есть ещё слова детской простоты и укора, счастья и боли, от которых хватаешься за грудь и плачешь благодарными слезами.

Она была кошатница и передала дочери привязанность к этим загадочным созданиям. С ней любили разговаривать старухи. У неё был дар жалости и активного сострадания. Её теплом грелись многие. В первую очередь я. С тех пор, как её не стало, я многое растерял. Я стал хуже. Меня лишили крыльев. Я ропщу на Творца, и теперь уже скоро Он спросит с меня за это.

Да простит Ему Тот, кому Он подсуден, за муки моей любимой.

Людмила КОПЫЛОВА (1940–1990) – поэт, переводчик с латышского, ученица Арсения Тарковского, жена поэта Геннадия Русакова. Окончила Литературный институт имени А.М. Горького. Автор поэтических сборников «Зарождение дождя» (1978), «Счастливая полоса» (1984), «Наускось по гусиной траве» (1990). Лауреат премии Я. Райниса. Жила в Москве.

НА ЭТОЙ ДИВНОЙ И МУЧИТЕЛЬНОЙ ЗЕМЛЕ

* * *

Звери, которые видели нас
(ёжик под яблоней нас разбудил).
Птицы, которые слышали нас
(дрозд нас оклёвышем вишни кормил).
Да, я забыла – ещё и лиса
в поле по житу неслась без оглядки.
Лоси волнами текли сквозь леса.
Крот выпирал, точно репа, из грядки.

Разве мы можем расстаться теперь,
если нас видели птица и зверь?

* * *

Там, где луга
легли к Оке,
я выросла
на молоке.

А мой любимый –
на воде,
на лебеде
да на беде.

* * *

Я столько лет в тебя гляжу
в упор и без отрыва.

Так небо смотрит на межу,
когда цветёт крапива,
и снова смотрит на межу,

сама с собой не слядя,
когда и лист уже пожух.

В погожий день в тебя гляжу
и с облаком во взгляде.

НАПЕВ

Я плету плетень с одного конца,
а с другого он расплетается.
Для чего стучат, как одно, сердца,
а настанет день – разлучаются?

Ты плетись, плетень, я тебя скреплю
свежей лыкою...
Милый друг, я тебя люблю
не любовью дня,
а великою.

* * *

И ем, и пью –
не умираю,
хоть без тебя и день не в день.
За огород ветла сырая
прошла, откидывая тень.

И если я за нею в поле
по следу влажному иду,
то это делаю неволей –
как позабывшийся,
в бреду.

* * *

По листьям льётся свет,
а понизу – остуда.
Тебя со мною нет,
и писем нет покуда.
Тревогу пополам
с надеждою незрячей
несу я по утрам
к ветле, в посёлок грачий.
Хоть в сердце песни нет,
берётся ниоткуда:
«По листьям льётся свет,
а понизу – остуда...»

* * *

Я живу как царица:
сплю на пуховой перине,
платье дарю сестрице,
темноволосой Ирине.

Я ношу, как царица,
перстни свои и кольца.
Кожа моя боится
ветра, дождя и солнца.

Я сажу, как царица:
жду молодого мужа.
Здесь в дубовой светлице
нам приготовлен ужин.

Муж войдёт, да не весел,
кликнет коня, ускачет.
Плачу по-деревенски,
как не царица, плачу.

Г.Р.

* * *

Три ночи твой голос
толкался о звёзды,
и паузы были
как вымерший воздух,
где нет и не будет
ни круглой воды,
ни стрелчатых крыл,
ни комарьей дуды,
направленной в небо
отважно и круто...

«Заканчивайте разговор!
Последняя минута!»

* * *

На этой дивной и мучительной земле,
в снегу пушистом и в сухой золе
мы выстоим, любимый.
Устоим.
Не в одиночку жить нам.
А двоим.
Что будет с нами,
знать нам не дано.
Оно и лучше.
Так заведено.

* * *

Не нагладелась я
за реку из жилья,
за луг, на облака.

И как твоя рука
вниз по моей течёт, –
не нагладелась.

Двадцать лет не в счёт.

* * *

Наконец-то хлынул ливень –
небо в перекосах линий.

Наконец-то ты приехал...
И заждавшееся эхо,

точно голос твой, в раскат
обегаёт палисад.

Обегу тебя рукой –
как слепая: кто такой?

* * *

Паука смету в углу.
А подпечную золу
под крыжовник брошу –
прямо на порошу.

Затопила. Можно жить,
раз к тому душа лежит.
Если лечь со мной спешит
тот, к кому душа лежит.

* * *

Рано стемнело.
Стихло.
Будто декабрь давно,
будто мачеха выгнала
девочку в платье лёгком
и швырнула корзинку:
– Не приходи без цветов!

Ты всё молчишь сегодня
и ничего не ждёшь.
Кликни.
Я в лес пойду.
Может, к утру холодному
синий цветок принесу...

* * *

Нет ничего страшнее
памяти наших любимых:
памяти тёмной и верной –
памяти не о нас.

* * *

Откуда это всё взялось?
Я отступаюсь –
я не знаю,
откуда эта песья злость,
откуда эта злость цепная.

И это ты меня качал
в ладони –
вмятине горячей, –
от ночи дня не отличал
и тыкался в плечо незряче?

* * *

Мы прожили день в разладе.
В разлинованной тетради
в этой клетке – жизнь твоя,
в этой клетке – жизнь моя.

Но бумага вся сырая...
Боль из клеток выпирает.

* * *

Галка на заборе
хохлится к ненастью.
Горе моё, горе –
перевёртыш счастья.

* * *

Ты спокойно смотришь, как я плачу.

Чтоб мне сморщиться, съёжиться,
ссохнуть маковым зёрнышком!
Чтобы соль разъела меня!
Чтоб разлиться рекою,
идущей вдоль берега,

где ты спокойно смотришь, как я плачу!

* * *

Сказать ему: «Мне всё равно»,
спокойно поглядеть в окно.

А после, горе оголя,
просить: «Прими меня, земля!»

* * *

*...И не все разновидности боли
я успел испытать на веку.
Геннадий Русаков*

Мне больно – голая доска
дождём к столбу прибитая.

Дороги известковый скат –
коровьей соли слиток.

Пила моих косых дождей
перепилила поле.
Грязища. Всё как у людей.
Узнай все виды боли.

* * *

Стук падающих яблок,
Звездопад.
Как звёзды, яблоки роняет сад
всю ночь
на ровный стол суглинка,
И отчуждением поединка
уже отягощён рассвет.
И расширяется просвет,
просвет меж нашими телами, –
как в сентябре
между стволами.

* * *

На этой земле и картошка вкусней.
И звёзды над снегом намного крупней.

На ней я смеялась.

И плачу на ней.

* * *

Пороша на земле совсем свежа –
её не затоптали даже птицы.

Как дерево не может убежать
и за постройками от ветра скрыться,
так я ни шагу сделать не могу...

Стою босая на твоём снегу.

* * *

С другою я делить тебя не стану.

Но в воздухе не стаснет полоса,
где мы тянулись к песенному стану,
друг другу выправляя голоса.

* * *

Как в темноте качаются сады!

Округлое предплечье воды
их подпирает в глубине суглиной.
А сверху облака волною длинной
текут, как и вчера всю ночь текли.

И я стою во вмятине земли
меж небом и водой
в качаемом саду.

Здесь счастье приняла.
И здесь приму беду.

* * *

В стеклянный день,
в холодном освещенье –
плотнее тень и шире размещенье
разлужий, перелесков и полей,
когда смотрю на них с горы моей.
Ручей рекою ширится во рву.
Разлука – шире.

Не переплыву.

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Когда с полей осенний дух
на склоне дня задышит влагой,
когда ты, молчалив и сух,
сидишь над книгой и бумагой, –

я вижу:
отступило лето,
леса рукою осень.
Потухла в небе сетка света...
Родной, ты разлюбил меня.

* * *

Да что ж такое?
Что со мной?
Зачем мучительно молчу
и как чахоточный больной
и жгу,
и жгу в ночи свечу?

Полдня на солнце проторчу –
лечу

по резкому лучу.
И задыхаюсь,
и кричу:
– Хочу к тебе,
к тебе хочу!

* * *

И лишь за той чертой,
на дальнем берегу,
я выдохнуть расслабленно смогу.
И, руки уперев у подбородка,
пристать к тебе,
как спасшаяся лодка.

* * *

Рядом – дыхание. Милый уснул.
 Это дыханье – дыхание сада,
 что до травы накреняет весну.
 Большого не было. Нет. И не надо.

* * *

Как медленен отлив!
 Всё ниже кромка спада...
 Навет несправедлив,
 но даже в нём – улада.

Я – от тебя? Куда?
 Уйти – да не отринуть...
 Так от песка
 вода
 уходит, чтоб нахлынуть.

САМОПОВТОР

На этой дивной и безжалостной земле –
 в снегу раскисшем
 и в сухой золе –
 люблю тебя.
 И буду повторять.
 Опять.

* * *

Хоть тучи нависают краем низким,
 весь день ненастный солнце где-то близко.
 Находят на песок большие воды.
 Подходят к завершенью переводы.
 Подходит к завершенью отрешенье.
 Любимых губ любимое скольженье.

* * *

Всё было на земле –
 и слава Богу.
 Не я одна глядела на дорогу.
 Не я одна –
 как первая –
 ждала.
 Всё было на земле.
 И я была.

* * *

Под яблоней укрылась от дождя.
 Но брызнул свет немного погодя.
 И я, в ладони света нацедив,
 пошла по бархатной подкладке нив

под жаворонком.
 Над своей судьбой.

С тобой.

* * *

Какой покой, какая благодать
 тебя в толпе внезапно угадать
 и в сумерках брести домой,
 мой поводырь и врачеватель мой!
 Там ждёт нас хлеб и чистые крыла
 бумаги, что от голода бела.
 Но мы с тобою хлеба поедим
 и зёрен слов ей поклевать дадим.

* * *

И это – счастье? Плачу в темноте.

Да, это счастье. Рядом на тахте
 уснул любимый. Он ещё со мной
 на гибельной поверхности земной.

* * *

Мы с тобой ещё походим по Кремлю
 (я тебя по-прежнему люблю).

Мы с тобой
 ещё Коломну обойдём
 под внимательным, как родина, дождём.

Мы ещё отправимся в Кижы...
 ...Ну, скажи, что любишь! Ну, скажи...

* * *

Суглинок, яблоня, кругляш известняка,
 вода в ручье
 и в нём же – облака,
 и ход воды,
 и рек воздушных ход, –
 вот жизнь моя
 и весь мой обиход.

Горячая дочерняя рука
 и знавшая меня в глаза Ока,
 два снимка на столе
 да, может, строки эти –
 вот всё,
 что от меня
 останется на свете.

АРХИВ

Андрей РИМСКИЙ-КОРСАКОВ, Москва. Андрей Георгиевич Римский-Корсаков родился в 1937 году в Москве. В годы Великой Отечественной войны и после неё жил в Северном Казахстане, в г. Петропавловске, куда эвакуировался вместе с родителями и где окончил среднюю школу, а затем – Северо-Казахстанский механический техникум. По распределению работал в г. Соликамске (Пермской области) мастером цеха Центральных авторемонтных мастерских Усольяга. После службы в армии окончил Московский институт культуры, режиссёрский факультет (в 1965 году) и был направлен на работу в г. Южно-Сахалинск. Недолго работал актером в Сахалинском театре драмы им. А.П. Чехова, а затем – режиссёром Южно-Сахалинского телевидения. С 1968 года – режиссёр Центрального телевидения в Москве, где проработал около 45 лет в Московской редакции ТВ и в телекомпании «Авторское телевидение».

Автор ряда публикаций о деятелях русской истории и культуры, основанных на материалах семейного архива. В журнале «Симбирскъ» №7 за 2020 год был опубликован очерк Андрея Римского-Корсакова. Заочному знакомству с автором мы обязаны Татьяне Алексеевне Громовой (9.02.1954 – 15.12.2020), краеведу, исследователю, старшему научному сотруднику Ульяновского краеведческого музея, которая много лет занималась в частности историей семьи Мусиных-Пушкиных и с большим вниманием относилась к новым публикациям по этой теме. Напомним нашим читателям о связи Мусиных-Пушкиных с Симбирским краем. Детство и юность Всеволода Юрьевича (и его братьев) прошли в имении родителей в селе Золино (Зеленовка) Симбирской губернии. Имение ранее принадлежало бабушке Всеволода, Елизавете Васильевне Мусиной-Пушкиной (1827–1877), затем по наследству перешло к ее сыну Георгию (Юрию) Александровичу Мусину-Пушкину (1859–1900). Имя Е.В. Мусиной-Пушкиной (урожд. Толстой), как известно, связано с биографией И.А. Гончарова.

*Н.А. Майков.
Портрет Елизаветы
Васильевны Толстой.
(Из фондов Историко-
мемориального центра-музея
И.А. Гончарова)*

СУДЬБА ГРАФСКОГО РАРИТЕТА

Об одном утраченном подарке

Наверное, нет ни одного человека, кто бы не любил получать подарки. По разным поводам – от родных, друзей и коллег по работе. Некоторые мы бережно храним, как память о прошедшем празднике или юбилее. Некоторые быстро забываются и прячутся где-нибудь в дальнем углу или на антресолях, и уже никогда и не вспомнить, по поводу чего и, главное, от кого получен тот или иной сувенир. Со мной было, однако, совсем иначе – мой подарок, которым я очень дорожил, восхищался и на который почти молился, потерялся в далеком краю, теперь это уже и в другой стране. Пропал, будто его и не было. Но ведь было, было!..

Война перебрала нашу семью из Москвы в степи Северного Казахстана. Как и всем другим эвакуированным, оказавшимся в незнакомом городе Петропавловске, приходилось выживать, борясь за место под крышей и за кусок хлеба. Но все суровые военные и послевоенные годы мы не оставляли надежды на скорое возвращение в родные пенаты, к своим близким и родным. Правда, возвращаться было некуда – дом наш, сразу после отъезда эшелона с эвакуированными, был насквозь прошит немецкой авиабомбой. В то время в Москве оставалась наша добрая фея, мамина тетя Шура, чьи нечестные посылки с сухарями и какими-то крупами, а то и одеждой помогали нам выживать.

Тетя Анита (слева) и тетя Шура, Москва, Соломенная сторожка. 1948

Сразу после войны мы стали время от времени наезжать в Москву к гостеприимной тете Шуре и проводить у нее летние месяцы. В тихом зеленом уголке на окраине Москвы в дачном районе под названием «Соломенная сторожка» забывались все прошедшие невзгоды и неурядицы. Регулярно к тете Шуре приезжала ее сестра тетя Анита. Это была серьезная дама, чем-то напоминавшая Фаину Раневскую в «Подкидыше»: с такой же сединой, высокая, всегда на каблуках, много курила, говорила

низким голосом, и мы, дети, немного ее побаивались и стеснялись. Может быть, еще и потому, что за глаза другие наши родные иногда называли ее графиней, так как она носила фамилию своего мужа – графа В.Ю. Мусина-Пушкина. Она страдала эпилептическими припадками, и один раз меня попросили сопровождать ее до дома. Мы с ней долго ехали с пересадками на трамваях – метро она боялась из-за своей болезни – потом сошли где-то на Арбате, прошли по Большой Молчановке и свернули в Кривоникольский переулок.

Дом Мусиных-Пушкиных, Кривоникольский переулок, 3. 1932

Дом, где жила тетя, показался мне очень ветхим и неухоженным. Через черный ход мы поднялись на второй этаж. Сразу же тетя Анита предложила мне чаю и пошла на кухню. Комната, куда меня пригласила войти тетя Анита, оказалась совсем не графской, как я себе представлял: очень старая и дряхлая мебель, некий во всем беспорядок, прямо посреди большой комнаты – дощатая перегородка, делящая пополам пространство. Пока тетя возилась на кухне, я заглянул за перегородку и увидел, что все стены увешаны фотографиями в рамках разной величины и формы, и под самым потолком совсем древние портреты каких-то лиц в старинных мундирах и платьях – потемневшие и почерневшие. Чай мы пили на кухне. Ничего, кроме старого печенья, тетя мне не смогла предложить, да я и не хотел – как-то было очень стеснительно. Только значительно позднее я узнал некоторые подробности и об этом доме, и о жизни тети Аниты и ее мужа – Всеволода Юрьевича Мусина-Пушкина.

Всеволод Юрьевич Мусин-Пушкин был того же графского рода, из которого вышел и известный историк, нашедший в Ярославле «Слово о полку Игореве», и многие государственные деятели этой фамилии разных эпох. В советское время граф, теперь уже бывший (хотя разве достоинство может быть бывшее?!), писал пьесы под фамилией Пуш-

мин, и некоторые из них шли с успехом в театре Корша, в Москве, и в провинции пока он находился под следствием в Бутырках. Ещё в юности Сева Пушкин, как звали его товарищи, был дружен с Алексеем Толстым, будущим писателем, с которым учился в Сызранском реальном училище, сидя за одной с ним партой.

Всеволод Мусин-Пушкин, Сызрань. 1902

Еще до своей эмиграции Толстой проживал неподалеку от дома в Кривоникольском переулке, на Малой Молчановке, и они встречались как старые друзья. В «Дневниках» А. Толстого часто можно встретить такую запись: «Был у Всеволода...». Встречался Толстой и с братьями Всеволода: Борисом, Александром и Михаилом – тоже друзьями юности. И об этом, как и о других их общих знакомых, есть записи в «Дневниках» Толстого 1917–1918 годов. Тогда же состоялась свадьба Толстого с Натальей Крандиевской, и Всеволод Мусин-Пушкин был на этом торжестве шафером.

Фотография этого времени чудом сохранилась. В те годы Всеволод уже доучивался в Катковском лицее в Москве. Потом, в первые годы после революции, познакомившись с поэтом Валерием Брюсовым, стал работать у него в Институте живого слова.

Но после возвращения Толстого из эмиграции что-то изменилось в отношениях бывших друзей, и когда граф Толстой стал «красным» графом, он ничего не сделал, чтобы помочь другу Севе, попавшему неожиданно в тюрьму. А Всеволода Юрьевича все 1920-е годы таскали по судам и тюрьмам, обвиняя в якобы присвоении денег Института слова. Обвинение было построено только на анонимках его бывших сослуживцев и «друзей-доброжелателей». В Бутырках ему пришлось посидеть не раз, что при его очень плохом здоровье только усугубляло по-

А.Н. Толстой с женой. Москва. 1917

ложение. Тюремная обстановка, в которую окунулся В.Ю. Мусин-Пушкин, вызвала в нем далеко не оптимистические мысли. Много нелицеприятных для власти и опасных слов выплеснул дядя Сева на страницы своего «Дневника». Вот лишь некоторые его высказывания:

«16 января 1928 г. Тошно. С каждым днем тяжелее. Опять нагнали много народа, жутко смотреть на них и слушать о том, за что их посадили и насколько. Психоз, настоящее сумасшествие. Когда и кто начнет борьбу с ним и крикнет: „Довольно, довольно создавать процессы только для того, чтобы сажать людей в тюрьмы“. Это – новое рабство: заключенных заставляют работать за гроши и получают от этого прибыль. Дико сознавать, что тюрьма дает прибыль. И поэтому: чем больше тюрем, тем больше прибыли. Рабовладельческое государство!...».

«...До самого утра я был в полузабытьи: то засыпал, то просыпался от боли в плечах и руках. Утром окончательно пришел в себя: руки не действовали, пальцы еле шевелились. Пришел фельдшер и сказал, что нашего врача нет, но что придет дежурный врач, специалист по горловым и ушным болезням. Этот врач даже осматривать меня не стал, а заявил, что меня отправят в тюремную больницу. Я пришел в ужас. Вспомнились тамошние порядки: отвратительное, хамское отношение администрации к больным, лечение в кавычках со стороны докторов, обращающих внимание не на болезнь, а на статью заключенного. Вспомнились рассказы больных из разных мест заключения о произволах, чинимых над ними, о позорных судах, об истязаниях в ГПУ и т.п. Нет, довольно, довольно! Ни видеть этого, ни слышать об этом я не могу, физически не могу!»

«Я необычайно устал от „тюремных“ разговоров, от всего того ужаса современной жизни, который выпирает из каждого рассказа и вызывает или тошноту от отвращения, или злобу, кружащую голову почти до потери сознания. У меня не осталось в запасе душевных сил, чтобы отнестись по-человечески к каждой жертве тупого и безграмотного произвола. Я не могу реагировать на отдельные случаи жестокости или издевательства – они уже обычны для меня: иного и ждать нельзя, – я не могу жалеть каждого в отдельности, – жалость заменилась проклятиями, которые сжимают сердце и мешают

дышать. Я физически болен от всего того, что слышу, вижу и читаю в газетах...».

«...А большинство культурных людей, томящихся в тюрьмах, ссылаемых в Соловки и беспощадно расстреливаемых? В чем наше преступление? Что мы должны были делать, чтобы избежать жестоких и бессмысленных репрессий? Например, я. Служил с 1918 года в должностях, требующих инициативы и заполняющих все время заботами по ответственной должности. Я для дела забывал о своей жизни. Меня ни разу не упрекнули в нерадивости, а, наоборот, признавали мои заслуги. Я не брал взятки, не растрачивал государственных денег, не злоупотреблял властью. В чем же я виноват?...».

Вс. Ю. Мусин-Пушкин. 1925

Когда заваривалась вся эта эпопея Всеволода Юрьевича с обвинениями и угрозами тюрьмой, он ждал помощи от А. Толстого, писал ему, хотя и не очень на него надеялся. В «Дневнике» Мусина-Пушкина есть такие отчаянные строки:

«14 сент. 1927 г. Алеша Толстой в Москве, но я не знаю, где он остановился. Мне не звонит, – верно, не хочет видеть. Как обидно и горько это! Более тридцати лет знакомы, столько пережито вместе, столько участия я принимал в Алешиной жизни, столько любви и внимания он видел от меня, а теперь, когда мне так трудно, когда я жду его участия, он не желает меня знать. Я узнал в театре Корша, что он приехал из Ленинграда, – значит, он получил мое письмо. Прямо не верится, что Алеша такой жестокосердечный. Слава съела его душу».

Но через три дня, за день до отправления Всеволода Юрьевича в тюрьму, встреча старых друзей все же состоялась. И что интересно – в это время в Москве готовили к постановке пьесу этого несчастного «зэка». Сам он об этом так пишет:

«Уже к вечеру решил позвонить в театр Корша и узнать, где остановился А.Н. Толстой. Попал сразу на режиссера Верова, который сказал мне, что мою „Проходную комнату“ читает у них вся «верхушка»: директор, режиссер и артисты. Хотят ее ставить. Вот неожиданный успех! Узнав, что Алеша остановился в гостинице «Селект», позвонил туда и сразу же удачно: Алеша назначил мне свидание в ресторане «Европа» в 6 ч.в. Там мы просидели часа полтора. Он по-прежнему дружески ко мне расположен и готов помочь своими хлопотами и т.п. Как странно: когда он меня видит и, особенно, один на один (вернее,

без Наталии Васильевны), он делается прежним и близким. Письма же на него мало действуют... Итак, завтра с утра в тюрьму».

Понятно, что в годы, когда охотились за всеми «бывшими», просить за них мало кто решался или хотел. Алеша Толстой ничем не помог. Не помогло даже обращение к наркому Луначарскому. А Всеволод Мусин-Пушкин, кроме всего прочего, был «лицеист», что только ухудшало его «рейтинг» в глазах властей. В семьях наших никогда об этом и не вспоминали. Как старались не вспоминать, что и тетя Шура, и тетя Анита, и их братья, в том числе и наш дед Иван Павлович, были «поповские дети» – родные дети протоиерея Клинского Троицкого собора, о. Павла Ивановича Воскресенского. Более того, после 1917 года надо было забыть о его существовании, а его фотографии в рясе подальше спрятать, а то и уничтожить, от греха подальше. Но кто теперь бросит в этих людей камень? Так жили многие... И все же некоторые документальные свидетельства о священнике Воскресенском нашлись в нашей семье.

*Семья протоиерея П.И. Воскресенского.
Стоит – дочь Анна. Клин. 1912*

Так, например, на чердаке дома в Соломенной Сторожке обнаружили старые открытки с любопытным адресом назначения: «Клин, Моск. губ., Воскресенским». Правда, один адрес был с уточнением: «г. Клин, Его Высокоблагословению Павлу Ивановичу, священнику Воскресенскому». И никакой улицы и номера дома! Это означало только одно: и Павла Ивановича, и его семью хорошо знали в Клину. Священствовал он в то время, когда в тех же краях жил и великий П.И. Чайковский. Можно предположить, что отец Павел Воскресенский мог быть свидетелем и участником многих городских событий, например, полета Менделеева на воздушном шаре в 1887 году. Вот и Чайковский, открывавший в 1886 году школу в Майданове, писал своему брату Модесту, что 20 января на открытие «благочинный приедет и другие почетные гости». А это значит, что благочинный Клина, священник Воскресенский вполне мог быть лично знаком с великим композитором. Петр Ильич часто посещал молебны в Троицком соборе и слушал там певчих. Из его «Дневников» видно, что со многими священниками и дьяконами он был хорошо знаком, встречался, беседовал, и они у него бывали по праздникам. А 30 апреля 1887 года Чайковский записал в дневник, что из Москвы до Клина ехал в одном купе с неким Воскресенским,

и почему-то подчеркнул эту фамилию. Хочется думать, что это был именно наш прадед, священник Павел Иванович...

В семье Воскресенских, можно сказать, царил культ Чайковского. Наш дедушка, Иван Павлович, не раз любил вспоминать, как они с братом Николаем, еще подростками, бродя по окрестным полям, часто встречали седого господина, который всегда одаривал ватагу мальчишек конфетами. На немногих сохранившихся фото, сделанных в доме Воскресенских, хорошо видны развешанные по стенам портреты композиторов-классиков. Большой портрет Чайковского над роялем, неподалеку – Мусоргского. Была и большая подборка нот. Дочь Анна, тетя Анита, после окончания музыкальных курсов в Москве давала уроки фортепиано клинским детям, сама она хорошо пела, исполняла русские романсы на домашних концертах.

Анна Воскресенская. Клин. 1917

Младшее поколение Воскресенских увлекалось модным тогда теннисом. Образовалась команда любителей этого спорта, которая устраивала городские турниры. Вскоре дом протоиерея стал своеобразным культурным центром, куда устремлялась молодежь.

Неизвестно, где и когда познакомилась тетя Анита с графом Мусиным-Пушкиным. Возможно в Клину, куда граф ездил по делу о наследстве к известному адвокату В.И. Танееву, брату композитора. Есть открытка от 9 июля 1910 года, отправленная Всеволодом Юрьевичем в Клину Анне Воскресенской:

«Шлю привет и сердечное спасибо за память. Письмо получил. Очень и очень рад, что «эта новость» действительно осуществится, и я смогу быть совсем счастливым. Ради Allarpha, поскорее... Целую. Будьте веселы и здоровы».

О какой «новости» идет речь, неизвестно. Но, судя по всему, в то время Всеволод Юрьевич уже был знаком с семьей Воскресенских, в том числе и с будущей тещей, Марией Ивановной. Вот еще открытка:

«Их высокородиям Анне Павловне и Александре Павловне Воскресенским.

г. Симбирск. 11 апреля 1913.

Христос Воскресе! Приветствую Вас, милые барышни, и надеюсь, что Вы, как всегда, веселитесь в родном гнездышке. Я еду сегодня в имение Поливановых. Может быть, там буду заниматься серьезно,

а то обязательно провалюсь. Мои поздравления и приветы Марии Ивановне и всем, кто обо мне знает. Ваш Вс. МП».

В других открытках есть указания на то, что в это же время Анна вместе с сестрой Шурой живут в Москве у графа в Кривоникольском переулке и готовятся к экзаменам. Может быть, роман Всеволода с Анной начинался именно здесь? Неизвестно. Поженились они позднее, году в 1918-м, когда на одной из программ домашнего концерта тетя Анита, как аккомпаниатор, уже названа А.П. Мусиной-Пушкиной.

Женой она оказалась очень подходящей для графа: была так же, как и он, завзятой театралкой, вела вместе с ним вполне «богемный» образ жизни – бесконечные новые знакомства с известными артистами, режиссерами, постоянные домашние вечеринки, концерты, читки новых пьес и гости, гости, гости.

Всеволод и Анна Мусины-Пушкины. 1927

В их гостеприимном доме в Кривоникольском переулке бывали и артисты МХАТа и Малого театра, и близкие Михаилу Булгакову братья Топлениновы – художник и актер, и вдова Есенина Софья Толстая, и симбирский композитор А.В. Варламов, и многие драматурги тех лет. В дни, тяжелые для Всеволода Юрьевича, тетя Анита всячески его поддерживала, носила передачи в тюрьму, энергично добивалась пересмотра дела, вела в его отсутствие все театральные и издательские дела мужа – он тогда работал в Издательстве МОДПИК¹. Думаю, что и в освобождении из тюрьмы Всеволода Юрьевича по состоянию здоровья, условно-досрочно, была и ее немалая заслуга.

Дядя Всева ушел из жизни в 1939 году в возрасте 54-х лет. Он многое не успел сделать из задуманного, был полон планов и сил и незадолго до кончины записал в свой «Дневник»:

«...Никогда я не мечтал о славе, о выделении из толпы обыкновенных людей. Все свои способности я оставлял втуне, не пытался даже их проявить. Теперь я хочу выявить максимум того, чем наделила меня природа, теперь я хотел бы вернуть здоровье не для наслаждения радостями веселой и легкой жизни, а для упорной работы, для творчества. Пусть годы ушли, но я чувствую себя молодым. Я более бодр теперь, чем двадцать лет назад».

Анна и Всеволод Мусины-Пушкины. 1927

Вдова графа, тетя Анита, всегда чтит память о своём муже и сохраняла в память о нем его любимые вещи, архив. И вот однажды – дело было у тети Шуры в Соломенной Сторожке – незадолго до своей смерти, году в 1955-м, она достала откуда-то с антресолей старинного шкафа какой-то длинный предмет в черном чехле, стерла с него вековую пыль и, осторожно протянув его мне, тихо сказала: «Вот, хочу, чтобы это было в вашей семье. Это я хранила как память о Всеволоде Юрьевиче. Берегите». Это оказалась шпага, самая настоящая, в ножнах, принадлежность парадного мундира лицейстов: трёхгранный клинок, очень острый на конце, желтой бронзы эфес с царским гербом и красивая витая рукоятка. Правда, черные лакированные ножны тут же рассыпались у меня в руках, но шпага была в идеальном состоянии. Я удивился – как тетя Анита могла перевезти эту опасную вещь через всю Москву на трамваях и никто ее не остановил. А за такое «холодное оружие» могли и срок дать.

Анна Павловна Мусина-Пушкина. 1955

Но теперь встал вопрос передо мной – как доставить этот идеологически вредный подарок из Москвы в Казахстан, в Петропавловск, где мы тогда жили. Я сделал так: отвинтив от шпаги рукоятку и безжалостно скрутив клинок буквой «О», я умудрился запихнуть ее на дно моего чемоданчика

и так провез ее в поезде дальнего следования. Показывать же этот раритет дома кому-либо тогда было всё-таки опасно – холодное оружие, да еще из времен «проклятого царского прошлого». Я это понимал и, по-моему, я даже не похвастался этим подарком и перед родителями, о чем много позже пришлось сильно пожалеть. Так и лежала эта шпага, свернувшись калачиком, под моей кроватью, на дне старого чемоданчика, заполненного для маскировки старыми тетрадками и учебниками.

Граф Мусин-Пушкин никогда не был в Петропавловске. Но здесь жила его племянница Надя, мать автора этих строк, которая в 1920-е годы тоже носила графу передачи в Бутырскую тюрьму и в лучшие дни часто танцевала в его квартире модный в 1920-х годах фокстрот. Здесь жили в советские времена его внучатые племянники, которые старались хранить память о своих именитых родственниках и сохранять кое-какие ещё оставшиеся от далёких времён вещественные сувениры. К сожалению, это не всегда удавалось. Лицейскую шпагу Мусина-Пушкина, как говорится, постигла несчастная судьба. Я проходил службу в армии, когда наш дряхлый дом был объявлен подлежащим сносу, и многие жильцы, переезжая, не успели очистить свои сараюшки от хранимых там вещей. Родители не разглядели ничего ценного в старом чемоданчике, заброшенном в сарае, и он попал под нож бульдозера вместе со всем сносимым там барахлом. Вместе с чемоданчиком в груды мусора превратился и мой драгоценный подарок. Отец потом очень сокрушался, когда я ему рассказал о пропавшей шпаге. Но больше всего сокрушался я, ругая себя за легкомыслие, которое я проявил, не предусмотрев всех возможных передряг с моим подарком и не посвятив родителей в мою тайну. Утешило только одно из писем отца, в котором он философски подошел ко всяким потерям и утратам. Он писал:

«Если бы это еще были глиняные вавилонские или египетские письма, они имели бы шанс уцелеть при всяких случайностях и атомных катастрофах. Все, чем мы живем, что нас окружает в нашем быту – все это имеет проходящее, временное значение, и ценность для двух, трех поколений людей...»

Прошли годы, я помнил о шпаге и, написав ее историю в местную газету, шутя предупредил археологов будущего, чтобы были поосторожней, расчищая «культурный слой» в городе: можно наткнуться на необычный, очень острый предмет – лицейскую шпагу графа Мусина-Пушкина... А кто знает? – может так и будет.

Москва, 2020

Юрий КОЗЛОВ, краевед, заслуженный работник культуры Ульяновской области. Автор книг «Столыпин и Симбирск», «Генарал Каппель и волжане», «Керенский из Симбирска» и др.

ЦВЕТКОВ И СИМБИРСК

Среди российских коллекционеров и меценатов видное место занимает И.Е. Цветков, основавший в Москве знаменитую художественную галерею и передавший ее городу вместе со специально выстроенным зданием. В начале прошлого века Иван Евменьевич возглавлял Московский земельный банк, а детство и юность провел в нашем крае среди нужды и невзгод. История его жизни весьма интересна и даже поучительна.

Родился будущий банкир в семье сельского священника Алатырского уезда Симбирской губернии. В метрической книге за 1845 год записано: «Иоанн родился 28 апреля, а крещен 1 мая. Родители его: села Астрадамовки (ныне Сурский район Ульяновской области. – Ю.К.) священник Евмений Павлов Цветков и законная жена его Татьяна Никитина. Восприемниками были: г. Алатыря секретарь магистрата Михаил Соколов и буинского купца Трофима Лукьянова жена Екатерина Дмитриева».

Священник Е.П. Цветков таким же видел жизненный путь своих сыновей – Ивана, Александра, Павла и Петра.

«Припоминаю, за какую-то провинность посадили меня за азбуку, конечно, церковнославянскую, когда мне исполнилось всего пять лет, – напишет старший из сыновей. – Эта азбука показалась мне крайне неинтересной. Мне изредка кое-что поясняли, но я мало слушал и мало понимал и часто плакал от нестерпимой скуки. Мне задавали уроки и приказывали их «вытверживать», но я <...> смотрел в книжку и думал о лесе, о лошадях, о собаках и других развлечениях <...> Когда меня бранили или наказывали, я плакал и обливал азбуку обильными слезами, так что азбука от частых обливаний ее слезами и от трат мокрыми пальцами, неумышленно и умышленного, скоро приходила в полную негодность».

В августе 1856 года Ивана отправили в Алатырское духовное училище, где были три двухлетних класса под названием нижнего, среднего и высшего отделений. В нижнем отделении было 100 учеников, помещались они в одной комнате с тремя окнами без форточек. Грязь была несусветная, поскольку полы не мылись, а мелись лишь раз в неделю. Учителя были малограмотны и ленивы, уроки объясняли очень поверхностно. За успеваемостью следили так называемые аудиторы из более успешных учеников, а великовозрастные ученики из любителей по поручению учителя секли розгами своих неуспешных товарищей.

«Высокомерие и наглость аудиторов меня возмущали, – будет вспоминать Иван Евменьевич. – Так как я ничего не делал, чтобы снискасть их снисхождение, поэтому мне ставили скверные отметки

и происходили жестокие секции. Телесные наказания повторялись иногда, даже страшно сказать, по несколько раз в день».

Бурсаки жили в наемных квартирах, спали на полотах, на печи, на лавках и прямо на полу; подушки были далеко не у всех, а о простынях и говорить нечего. Пропитание было скудное, мясо и солонина подавались только по воскресеньям и по праздничным дням.

Для Ивана особенно тяжелым был первый год. Со второго года он приноровился к жестоким порядкам и стал хорошо учиться. Подружился с книгой и научился выражать мысли, на годичных испытаниях получал похвальные листы. Как лучшего ученика его освободили от платы за содержание. Похвальными листами отмечали и Александра, поступившего в училище следом за братом.

«Уважая благонравное поведение и отлично хорошие успехи», училищное начальство назначило Ивана Цветкова старшим воспитанником. Его обязанности состояли «в смотре за поведением и исправностью учеников, и в наблюдении за удобством квартир и благонадежностью их содержателей и в донесении о том инспектору».

В списке учеников, квартирующих в Продольной улице у мещанина Г.С. Ермолаева, 5-11 февраля 1861 года Иван отметил: «Вверенные моему смотрению ученики в продолжение сих дней вели себя благопристойно и занимались уроками; кроме Николая Покровского, который ведет себя скверно: меньших себя бьет, во время занятных часов смеется и не занимается уроками. Дмитрий Бенедиктов сделался болен».

«Будучи старшим над всеми старшими, – отметит позднее И.Е. Цветков, – я находил большое удовольствие защищать младших учеников от задававшихся второстепенных старших, живо помня горькое прошлое в начале 1857 года».

15 июля 1862 года смотритель училища протоиерей Андрей Алексеевич Никольский, вручая Ивану Цветкову похвальный лист и Евангелие по завершению учебы, выразил надежду, что он поддержит честь своего училища в Симбирской духовной семинарии.

* * *

Симбирская семинария была открыта в 1840 году на Большой Саратовской улице в купленном у купца Косолапова двухэтажном каменном здании, потребовавшем значительных перестроек. Там тоже было три отделения – нижнее, или словесное, среднее, или философия, высшее, или богословие, и учились шесть лет.

«В течение первого полугодия учения в семи-

нарии я был идеальным семинаристом: лекции посещал без пропусков, слушал все внимательно, сочинял задаваемые упражнения по словесности или риторике, – заметит И.Е. Цветков. – Остальное свободное время читал сочинения Державина, Карамзина, Пушкина, Лермонтова, Жуковского, Лажечникова, Загоскина и других авторов, которых можно было доставать в общественной Карамзинской библиотеке. Время даром не терял <...> после первого полугодического экзамена я был поставлен в общем списке семинаристов, поступивших из трех конкурирующих училищ, первым учеником, или, как тогда говорили, цензором».

Зимние каникулы Иван вместе с Александром проводили у родителей. По возвращении в город старший из братьев сообщил: «Итак, любезнейшие папатынька и маматынька, мы – в Симбирске. В тот же день, как втроем без Вас мы прокатили 80 верст – в Прислониху ночевать, а на другой день, т. е. вчера, вечером, в 4 часа были уже в Симбирске. Ныне утром был я в семинарии и видел общие списки. Поздравьте меня с титулом цензора первого отделения, а Сашу с титулом цензора второго отделения <...> Квартира ничего, порядочная; нас всего трое: занимаем особенную, отдаленную от хозяев комнату <...> Больше писать нет ни минуты времени: ночушка давно стоит немилосердно. Прощайте. Будьте здоровы, счастливы. Ваши сыны Ив. и Ал.».

В начале 1863 года в семинарию прибыли молодые преподаватели Василий Федорович Комаров, окончивший Московскую духовную академию, и Николай Алексеевич Благодаров, вышедший из Казанской духовной семинарии. Знакомили с последними выводами науки; стали читать Белинского, Добролюбова, Писарева, Помяловского; говорили о доказательстве Дарвина, будто человек произошел от обезьяны.

Преподаватель риторики и словесности Благодаров рекомендовал семинаристам избирать темы сочинений по своему вкусу и писать в манере писателей, например Гоголя. В сочинении «Несколько дней из жизни священников села Д.» Иван Цветков описал происшествия, случившиеся в начале пятидесятых годов и хорошо памятные духовному начальству. Оба священника села за их «подвиги» (пьянство, кощунство, вымогательство, драки и прочее) были сосланы в монастыри на покаяние и исправление, а потом определены на пономарские вакансии. Его сочинение было объявлено образцовым и прочитано в классе.

Вскоре Иван увлекся точными науками, а к философским и богословским знаниям охладел. Начал серьезно заниматься алгеброй и геометрией, которые числились в программе семинарии, но не углублялись. На его счастье, новый преподаватель математики Комаров прибыл в семинарию хотя и с небольшим запасом знаний, но с искренней любовью к математике.

«1863 год был переломом в моей жизни, – отмечает И.Е. Цветков. – Я узнал, что такое новые «прогрессивные идеи», что такое выпивки, что такое женщины и что такое куренье сначала папирос, а затем скверных сигар».

Бедность свою он переносил безропотно, по временам даже подтрунивая над ней. Снимал де-

шевые квартиры со столом за 3 рубля в месяц. Но в первой квартире (в доме Гусева на Панской улице) было так холодно, что по ночам вода замерзала; во второй квартире (в доме Мингалева на Большой улице, рядом с Троицкой церковью) вместо кирпичной была только железная печка, которая дымилась, и страшный угар вызывал рвоту; в третьей квартире (в доме Звонарева близ женского монастыря в так называемом «Звонаревском подвале») была страшная духота, сырость и темнота.

Семинарист давал уроки детям состоятельных горожан, но денег не хватало даже на пропитание. Выходя из-за стола, он чувствовал себя голодным и утешался тем, что еще будет пить чай с хлебом. Одевался плохо: зимой ходил в ватном пальто без мехового воротника, в летнем холодном картузе, без перчаток, в рваных сапогах и без калош.

Вспоминая это время, Иван Евменьевич напишет: «Я работал дни и ночи над собой. Своей материальной нищеты я даже и не замечал и развивался быстро; в разговорах и спорах со своими приятелями я уже не пасовал и очень часто верх в спорах оставался за мной. Это давало мне энергию работать дальше, без усталости и не замечать моего физического истощения».

Юноша задумал поступить в 6-й класс гимназии, а затем в университет на математический факультет. Но ознакомившись с гимназической программой, увидел, что многое не знает, чтобы выдержать вступительный экзамен. Если математику, физику, французский язык более-менее знал, то ботанику, зоологию, минералогию и немецкий язык не знал совсем, готический шрифт увидел первый раз в жизни.

Нужны были книги, но купить их было не на что, да и жить было не на что. Весной 1864 года вместо квартиры втроем, вместе с братом и неким Веселицким, наняли у одной вдовы обыкновенное крыльцо, покрытое сверху и защищенное с трех сторон от дождя и ветра. На узких лавочках этого крыльца они ухитрились спать, а на стоявшем посередине столе занимались; за это платили по 60 коп. в месяц. Питались черным хлебом, приправляя его чаем или молоком, которое тогда было недорого. Правда, раза два в месяц Иван обедал у своего учителя и друга В.Ф. Комарова, мясные щи и каша приводили бедного семинариста в восхищение.

«Летом 1864 г. за два-три месяца до экзамена я выучился читать по-немецки, изучал склонения и спряжения и приступил к переводу немецких статей, – отметит он в дневнике. – Я отыскал узкое место вдоль забора и здесь с книгой в руках как часовой ходил взад и вперед с раннего утра до поздней ночи, долбя разную премудрость, назначенную гимназической программой, до полной умственной усталости».

Приемные экзамены должны были проходить в середине августа, но в Симбирске начались пожары. Самый ужасный был 19 августа, когда сгорели присутственные места, дом дворянского собрания, губернатора, архиерея, оба собора, семинария и гимназия. Выгорел почти весь город, осталось несколько улиц на окраине.

Во время пожаров Иван спасал имущество пого-

рельцев и не раз мог сгореть. В первую очередь помог семье Глазовых, живших на Стрелецкой улице. Сам Ардалион Иванович Глазов, отставной гвардии полковник и помещик, был вдовец; у него имелось четыре сына и дочь. К сыновьям с образовательной целью приглашались лучшие воспитанники местной гимназии и семинарии; с их участием устраивались домашние спектакли, музыкальные вечера, чтения классических произведений. Цветков, не имевший понятия о культурном обществе, у Глазовых привыкал к обычаям порядочного дома.

Во время пожара Иван вынес свои книги, лекции, белье, новое драповое пальто с 6 руб. в боковом кармане (единственный капитал) на площадь близ кафедрального собора. Но скудное имущество сгорело там чуть ли не на его глазах, когда он приехал на глазовской телеге за ним. Остался в одном сюртуке, который спереди был облит каким-то маслом, а сзади прорван во время спасательных операций, и без гроша в кармане.

«Ночь на 20 августа я провел на окраине Симбирска в Александровском саду под небом голубым, усыпанным чудными звездами, прозяб, много размышлял и пришел к убеждению, что в Симбирске мне жить негде, не на что и незачем, ибо цель моих вождлений – гимназия – сгорела, – запишет И.Е. Цветков. – После разных приключений без гроша в кармане я прибыл в село Дубенки Алатырского уезда в дом родителей, отстоящий от Симбирска 140 верст <...> В родительском доме я каждый день ел досыта, спал сколько хотелось; ни учебников, ни других книг не имел под руками. Я около месяца жил исключительно растительной жизнью и хорошо отдохнул, когда получил из Симбирска письмо от хорошенькой барышни Екатерины Алексеевны Николаевой <...> с извещением, что в Симбирске открывают гимназию в наемном доме 23 сентября. Это известие произвело на меня магическое действие. Я немедленно приехал в Симбирск и снова начал свою рабочую жизнь, полную лишений».

* * *

Цветков поселился вдали от центра, на Малой Конной, где по осени стояла непролазная грязь. В деревянном домишке он помещался с тремя приказными писцами, постоянно пьяными, и с бывшим товарищем-шалопаем. Все пятеро спали вповалку на грязном полу, тем не менее приходилось платить по 5 руб. с человека в месяц.

«Директор гимназии И.В. Вишневский сначала наотрез отказал мне в допущении меня к экзамену, совершенно справедливо указывая на то, что в нанятом частном доме он не знает, как разместить и своих-то гимназистов, не то чтоб принимать еще сторонних, – будет вспоминать Иван Евменьевич. – Только благодаря заступничеству и просьбам Николая Васильевича Гинс, учителя гимназии и чудного человека, он допустил меня к экзаменам».

Экзамены были выдержаны удовлетворительно, по математике и физике – превосходно. В середине октября бывшего семинариста приняли в 6-й класс гимназии, которая разместилась в наемном доме Мейера на Лисиной улице. Вскоре сочинение Цветкова по греческой литературе «Содержание и особенности греческого эпоса» было признано луч-

7-й класс Симбирской мужской гимназии.
В первом ряду сидит третий слева Иван Цветков. 1866 г.
(Из фондов РГАЛИ)

шим среди работ шестиклассников. Благодаря его усердию и способностям в январе он был объявлен первым учеником.

Улучшилось и материальное положение Цветкова. «По ходатайству моего молодого друга студента Петра Лукьяновича Корнилова <...> удалось получить урок готовить в 3 класс Сашу Москвитина, сына Фед. Фед. Москвитина, богатого помещика, местного оратора и публициста. За квартиру и стол я взялся давать мальчику два урока в день: один часовой утром до моих занятий в классах гимназии и другой двухчасовой вечером. Кроме того, я каждый день в течение полутора часа давал уроки на стороне или у Глазовых, или у Евлампеевых за плату около 40 к. за полуторачасовой урок, чтобы выработать что-нибудь на платье, а главное – на книги, которые все были уничтожены пожаром».

У Москвитиных он жил с конца октября 1864-го до половины мая 1865 года. Перейдя в 7-й класс, перебрался жить на Большую Конную, к отставному солдату, снова «на великий пост, великое воздержание и неустанное чтение новейшей литературы». Ознакомился с романом «Что делать» Чернышевского, повестью «Отцы и дети» Тургенева и их толкователем Писаревым.

«Все время пребывания в 7-м классе я особой нужды не видал, – отметит Иван Евменьевич. – Первую половину этого времени, с сентября по февраль, я прожил на уроках у Ив. Данил. Сеткова, веселого человека, смотрителя больничных заведений, а вторую половину, с марта по июнь, я прожил также на уроках у доктора Вас. Федор. Евлампеева, врачебного губернского инспектора. В обоих домах я имел по мальчику, с которыми я должен был заниматься так же как и у Москвитина. Но здесь <...> мне полагалось за труд сверх квартиры и стола еще по 5 руб. за каждый месяц, деньги большие для меня по тогдашнему моему положению».

В Симбирске проживало семейство Ибряевых, переехавших туда из Алатыря. Мише Ибряеву гимназист давал уроки, а старшей сестре его приносил новые книжки и давал комментарии к ним. Гимназический учитель словесности Алексей Иванович

Виноградов, прежде квартировавший в этом семействе и интересовавшийся этой барышней, вскоре заметил, что его значение в глазах девушки падает, а авторитет Цветкова возрастает. Как-то за чаем произошел довольно глупый и неприязненный разговор, после которого Виноградов подал директору гимназии рапорт, что «Цветков вреден для гимназии по своим убеждениям и по дурному влиянию на своих товарищей».

Это случилось 30 октября 1865 года, тогда дела в гимназии решались скоро. «Директором единолично решено было мое исключение из гимназии и немедленно мне объявлено. Избранный мной путь к получению права на высшее образование неожиданно оказался закрытым. И когда помощи ждать было неоткуда, мне помог простой случай <...> 9 ноября, через неделю после исключения, я заболел тифом и более недели не приходил в сознание. Конечно, если бы такая тяжелая болезнь постигла меня раньше, при прежней обстановке моей жизни, я пропал бы наверняка. Но по счастливой случайности тогда я жил в центре городских больниц у смотрителя Евланьева, и меня каждый день наблюдал мой приятель, живший в соседнем доме доктор Алексей Антонович Флинк, который состоял и врачом при гимназии и часто виделся с директором ее и <...> допускавший возможную причину этой моей «нервной горячки» то, что меня неожиданно вышвырнули из учебного заведения. Директор И.В. Вишнеvский, человек религиозный, очень обеспокоился казусом со мной, почти каждый день присылал к Флинку узнать о моем здоровье. И первое, что я узнал, когда пришел в сознание – это то, что Иван Васильевич велел Флинку передать мне просфору, вынутую за мое здоровье, и извещение, что я буду снова принят в гимназию, если оправлюсь от болезни».

В 1866 году случился апоплексический удар с учителем математики Николаем Васильевичем Гинс, и, по его совету, директор послал трех лучших учеников исполнять обязанности заболевшего учителя. Цветкову достался второй класс гимназии с тремя часами занятий в неделю. В течение четырех месяцев он объяснял арифметические правила, решал задачи и задавал на дом письменные упражнения, проверял их и ставил баллы в тетрадь. Когда занятия посетил ревизор, инспектор учебного округа Сахаров, то целый час слушал разъяснения Цветкова и его опрос учеников, а по окончании урока подал ему, гимназисту, руку и благодарил за успешное ведение дела.

«...После всех экзаменов <...> оказалось, что у меня двадцать две пятерки и только четыре четверки, а у следующего за мною кандидата на медаль ученика Романова значительно худшие баллы и в том числе оказалась даже тройка, – отметит Цветков. – Так как Романов был любимцем директора и учился в гимназии, начиная с нижних классов, то директор Вишнеvский решил дать единственную золотую медаль не мне, а Романову. Когда такое намерение директора стало осуждаться учениками и учителями, Вишнеvский позвал меня в свою канцелярию и выразил надежду, что я признаю справедливым, несмотря на огромное число пятерок, которые я «нахватал», получение серебряной медали,

а не золотой, которую он намерен дать Романову, учившемуся в гимназии начиная с первых классов, а не с 6-го. Я ему ответил, что по уставу гимназии медали раздаются по успехам и поведению, а не за долголетнее пребывание в гимназии. Если по моим успехам и поведению можно дать мне серебряную медаль, то я не вижу оснований, почему бы можно было отказать мне и в золотой, если она по баллам выходит».

Раздосадованный строптивостью Цветкова директор напомнил ему инцидент с Виноградовым и объявил, что не дает ему никакой медали. Так выпускник лишился награды, которую заслужил по своим успехам. Он был возмущен такой несправедливостью, хотя и старался сохранить вид равнодушия. Некоторым утешением служило сочувствие товарищей и учителей, не смевших пикнуть перед директором. Мечту о поступлении в Московский университет пришлось забыть на целых три года.

Летом департамент мануфактуры и торговли Министерства финансов предложил начальству Симбирской губернии устроить конкурс между выпускниками гимназии на получение министерской стипендии по 20 рублей в месяц в технологическом институте. Цветков стал участником конкурса, и стипендия осталась за ним. Губернское правление выдало свидетельство «уволенному из духовного звания священническому сыну Ивану Евмениеву Цветкову, согласно его прошению, имеющему от роду двадцать один год, сроком на шесть месяцев <...> чтобы он в течение означенного срока непременно поступил в С.-Петербургский Технологический Институт или на гражданскую службу».

К тому времени в симбирскую гимназию по примеру брата поступил Александр Цветков, покинув семинарию. Он учился в одном классе с Иваном Яковлевым, выходцем из крестьян села Кошки Буинского уезда Симбирской губернии, который после трех лет службы сельским мерщиком-таксатором поступил в пятый класс гимназии. Тогда гимназия уже возвратилась с Лисиной улицы на Карамзинскую площадь, в восстановленное здание, будучи преобразованной в классическую согласно новому уставу. Гимназический пансион, закрытый после упомянутого пожара, вновь открыли в декабре 1866 года и стали принимать детей всех сословий.

Заручившись деньжатами на уроках, Иван Цветков отправился в Петербург, который поразил его своими постройками и роскошью. Маленькой стипендии не хватало на сколько-нибудь приличное существование, приходилось экономить на каждом куске хлеба и жить в какой-нибудь трущобе. Скучная обстановка и питание вместе с дурным климатом и беготней на грошовые уроки подрывали здоровье молодого человека. У него заболела грудь и появился кашель, он сильно похудел.

Беда заставила Цветкова обратиться к знаменитому профессору С.П. Вotкину, который сказал, что жить «в Петербургском болоте» ему опасно. По совету мудрого эскулапа он отправился в Симбирск на кумыс, выдержал трехмесячный курс лечения и заметно окреп.

На исходе 1867 года Цветков приехал в с. Заборовку Сызранского уезда к князю Ивану Алексее-

вичу Гагарину, чтобы учить его двенадцатилетнего сына Сашу русскому языку, арифметике и латыни. В трехэтажном барском доме ему отвели отдельную комнату с пружинным матрасом, с письменным столом и с отдельным выходом в сад и на пруд, что способствовало укреплению здоровья.

«Прожил я в Заборовке более 8 месяцев, с 17 декабря 1867 по 28 августа 1868, – отметит И.Е. Цветков. – Получая по 33 руб. 33 коп. в месяц, я прикопил деньжонок, немного поздоровел и поступил на математический факультет Казанского университета, так как туда поступить оказалось всего легче».

* * *

На физико-математический факультет Казанского университета Иван Цветков поступил 10 сентября 1868 года и с пользой провел там целый год, привыкая к научным занятиям, делая экскурсии на чужие факультеты и слушая, например, логику и химию. Но тамошними порядками он был не доволен, так что по завершении учебного года перешел в Московский университет, который был тогда в блестящем состоянии.

В Москве на математическом отделении физико-математического факультета Цветков слушал лекции таких блестящих профессоров, как Ф.А. Бредихин и Н.Э. Лясковский. Они давали студентам не только необходимые сведения по своей специальности, но и заставляли их стремиться к дальнейшему самостоятельному усвоению предмета. В Первопрестольной учебный процесс был академический, удобный для занятий, и своих московских товарищей Цветков ставил гораздо выше казанских. Люди несерьезные, шалопаи по свидетельству Цветкова, в Москве не только не считались даровитыми, как это бывало в Казани, но вызывали в товарищах сожаление. Студенты-математики жили интересами избранной специальности и работали «не за страх, а за совесть».

В Московском университете Цветков был на хорошем счету и получал стипендию Министерства народного образования в размере 25 рублей ежемесячно. Дополнительные средства ему давали домашние уроки, которые не были постоянными, но в общем достаточными.

В 1870 году в Казанский университет поступили Александр Цветков и Иван Яковлев. В Казани Яковлев познакомился с родителями Цветковых, которые посещали сына на съемной квартире. В августе 1871 года, когда в Симбирске проездом на Кавказ побывал Александр II, священник Цветков специально приехал в город увидеть государя и останавливался у Яковлева в Симбирской чувашской школе, располагавшейся в то время на Дворцовой улице в доме Данилова. Через год Александр Цветков перевелся в Московский университет на медицинский факультет, Симбирская губернская земская управа выдавала ему стипендию на образование. Яковлев же, окончив историко-филологический факультет, вернулся в Симбирск и вплотную занялся просвещением своих соплеменников-чувашей.

На старших курсах Иван Цветков выезжал с семейством князя Гагарина в Швейцарию, некоторое время жил в Женеве. Гагарины ему платили хоро-

шо, но еще лучше платили, там же, у рыбопромышленника Сапожникова, где он давал уроки троим его детям. Добывая деньги как никогда легко, он привез в Россию более 200 рублей золотом. Кроме того, наслаждался природой и запасался здоровьем, имел возможность посещать картинные галереи в Берлине и Вене. При созерцании старинных образцов живописи и ваяния в его душе впервые зародилась мысль о собирании произведений искусства.

Перед выпуском, в июне 1873 года, Иван Цветков отправился сначала в Харьков, потом в Полтаву, где давал уроки в двух домах. Отвечая на письмо брата-студента, который тоже зарабатывал уроками, писал: «Очень жалею, Саша, что не написал, послал ты денег мамаше или нет. Если тебе почему-либо неловко просить у князя денег, я бы мог послать. Если же мы пошлем оба враз, это будет совершенно излишне <...> Я деньги стараюсь забирать вперед. Недели две или полторы назад я взял 100 руб. и послал их Адели Николаевне: 30 руб. в уплату долга, а 70 для сбереженья».

Став московским студентом, Цветков любил заглянуть «на огонек» в небольшой дом Кашперовых близ Арбатских ворот, где устраивались музыкальные и литературные вечера, в том числе читал свои рассказы И.С. Тургенев. Владимир Никитович Кашперов родился в 1826 году в семье помещика села Чуфарово Симбирского уезда и губернии, служил чиновником особых поручений при тамошнем губернаторе, но увлекся музыкой и оставил службу. Его жена, милая и умная симбирянка Адель Николаевна, урожденная Бекетова, была певицей. В Петербурге Кашперов брал уроки у Гензелта и Глинки, затем жил в Италии, написав и поставив там несколько опер. По возвращении в Россию стал профессором Московской консерватории по классу пения, был одним из учредителей Общества драматических писателей и композиторов, организовал бесплатные хоровые классы. Его оперы «Гроза» и «Тарас Бульба» ставили на сценах Большого и Мариинского театров.

2 августа Иван Цветков сообщил брату Саше: «При выезде из Полтавы послал письмо к мамаше и к Павлу. К Пете думаю писать в Симбирск на имя Ардальона Ивановича». Он направлялся в Одессу, к теплему морю, где надеялся «найти покой нравственный и физический».

Осенью был сдан последний экзамен в университете и получен «аттестат» за подписью ректора, тайного советника и кавалера Е. Г. Осокина: «По Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, от Совета ИМПЕРАТОРСКОГО Московского Университета, сыну Священника Ивану Цветкову в том, что он, по окончании полного курса учения в Симбирской Гимназии, в Сентябре 1866 года поступил в С.-Петербургский Практический Технологический Институт; в Июне же 1867 года, по болезни, из Института уволен; в 1868 году принят был в Казанский Университет, откуда по прошению в Августе месяце 1869 года перемещен был в число студентов сего Университета, где, при очень хорошем поведении, окончил курс по отделу Математическому Физико-Математического Факультета и за оказанные им отличные успехи определением Университетского Совета, 3-го сего Ноября состоявшимся, утвержден

в степени Кандидата. При вступлении в службу <...> он принимается в оную 10-м классом; права же при вступлении в военную службу, и на производство его в офицеры <...> определяется существующими по военному ведомству правилами. Во время пребывания в Московском Университете г. Цветков пользовался Казенной Педагогической стипендией».

В это время начали открываться акционерные компании земельных банков, которым публицисты и экономисты придавали огромное значение. У Цветкова зародилась честолюбивая мысль устроиться в Московский земельный банк и заняться развитием земельного кредита.

Братья Иван Евменьевич и Пётр Евменьевич Цветковы. 1884. (Из фондов РГАЛИ)

В сентябре 1874 года начинающий банкир получил письмо от младшего брата, известившего о поступлении в Казанский факультет на медицинский факультет и просившего помочь деньгами. И не замедлил с ответом:

«Письмо твое, милый мой Петя, нас с Сашей обрадовало несказанно: до получения его я, признаюсь, не верил в возможность такого большого счастья. Поздравляю тебя с этим важнейшим шагом жизни и желаю тебе всяких удач и полного счастья.

Относительно денег смело ты можешь рассчитывать вполне: деньги у меня водятся. Я только попрошу тебя об одном – и это ты запомни – писать о деньгах не тогда, как тебе уж совсем приспичит, а заблаговременно, недели за две».

В феврале 1875 года другой брат Павел, по собственной вине не закончивший семинарию и служивший писарем в волостном правлении с. Чиберчино Алатырского уезда, после полугодового молчания соизволил сообщить старшему брату о том, что из Чиберчино «вышиблен» и не имеет никакого пристанища. Посочувствовавший ему Иван Евменьевич крепко рассердился, узнав из письма матери, что купленные ранее у знакомого часовщика и отосланные брату наручные часы тот в пьяном виде потерял.

Александр Цветков по окончании университета выехал из Москвы в Симбирскую губернию, к месту будущей службы. Предполагаемое место врача в Алатыре оказалось занято, тогда попытался устроиться в Сенгилей. В феврале 1877 года, когда он изъявил желание перебраться в Москву, старший брат спросил: «...Как скоро по получении известия об оставлении за тобой ординаторского места, ты можешь приехать в Москву и не может ли симбирское земство, узнав о твоём поступлении на государственную службу, тебе не пакостить».

На следующий год он купил и послал по просьбе Александра медицинские книги и журналы с приложением счета, очень сожалел о том, что «не мог достать полного экземпляра Истории России в рассказах Костомарова, а отдельных разрозненных томов я не желаю посылать Любаше (сестре. – Ю.К.)». Петру высылал ежемесячно «обязательные пятьдесят рублей», а Павлу с озабоченностью носильные вещи и немного денег.

В ноябре 1879 года Иван Евменьевич заметил Павлу: «Ты отлично знаешь, что моя жизнь и жизнь брата Саша вполне определилась и мы живем сегодня так же, как жили вчера <...> Ничего даже подобного нельзя сказать о твоей бродячей неопределившейся жизни. Я даже приблизительно не могу представить себе, как ты живешь теперь, что ты делаешь, где именно ты намерен приютиться <...> Главное, друг мой, не пей водки и не бойся труда и терпения, а это собственные наши опоры в жизни...»

Старший брат приводил в пример самого младшего, который после окончания университета служил в Липовке. «Это село в Самарской губернии в Николаевском уезде против Хвалынска – писал он. – Там Петя с 15 сентября врачом с жалованием в 1500 руб. Живет, надеюсь, недурно».

Первый год по окончании университета Иван Евменьевич подрабатывал у богача Губонина в качестве воспитателя его сына, но затем всецело посвятил себя банковскому делу. Около двух лет он пробыл бухгалтером, потом в качестве агента по оценке имуществ, представляемых в залог банку, с ранней весны до поздней осени разъезжал по центральным губерниям. Месяцами не бывая дома, сполна познал суть известной пословицы о дураках и дорогах. Приобретенный опыт позволил ему в 1890 году стать членом оценочной комиссии, а спустя пять лет оказаться избранным председателем этой самой комиссии, неоднократно получая благодарности и награды со стороны акционеров банка. Как человек умный, честный и сметливый, дошел постепенно до поста директора, состояние его росло.

Летом 1880 года Иван Евменьевич был по делам в Пензенской губернии и заглянул в Дубенки к родителям, чтобы, как заметит потом в письме младшему брату, «исполнить сыновний долг». Спустя полгода писал малограмотной матери из Москвы: «...Прежде всего считаю долгом благодарить вас за то, что вы, наконец-то, после двухлетнего молчания, написали мне собственноручно. Напрасно вы

извиняетесь за «неправильность» вашего письма: «неправильность» письма не мешает его правдивости, искренности, задушевности...».

Осенью 1883 года братец Павел намеревался переехать из Дубенок в Алатырь с надеждой получить место у какого-то нотариуса. Не дождавшись от него письма с адресом, Иван Евменьевич вынужден был писать ему через родителей, прося их доставить письмо: «Друг мой! Иди работать даром, не гонись за многим, не расценивай себя – и тогда, может быть, тебе будет работа и затем цена. Узнай, если не знаешь, что я, окончивши курс в Московском университете одним из первых кандидатов, поступил в банк без желания и исполнял в банке всевозможные, даже самые низкие работы (я не был только сторожем) – а только тогда был замечен и вознагражден, когда стал необходим для дела не по моему о себе мнению, но по мнению тех, кто стоял тогда во главе нашего банка».

В августе 1887 года Иван Евменьевич приехал в отчий дом, вырвавшись на несколько дней из служебной круговерти. Заранее предупредил об этом Павла, чтобы увидеться и поговорить. Про себя отметил, что родитель сильно исхудал и имел нездоровый вид.

15 апреля следующего года он получил короткую телеграмму от непутевого брата из Прозино: «Отец умер». К тому времени Иван Евменьевич был уже женат на милой и тихой Анне Федоровне, с другой он, пожалуй, не ужился бы. Вскоре забрал мать доживать свой век к себе, в купленный двумя годами ранее дом № 5 по Кривоникольскому переулку в Пречистенской части Москвы.

В сентябре 1895 года И.Е. Цветков отбыл на месяц в Европу, посетил Варшаву, Вену, Венецию и другие города. В очередной почтовой карточке писал: «Милая мамочка Татьяна Никитична, шлю вам мой привет из города Рима, города очень старого, который существует более 2500 лет. Каждый день с утра до вечера в работе – смотрю картины и статуи. Но пока здоров и счастлив. Погода здесь развеселая, как июль месяц, более 20 градусов в тени. Сержусь на свою Аннушку, что ничего не пишет с 16 сентября. Любящий вас крепко Ваня».

Иван Евменьевич с 1881 года начал приобретать работы мастеров кисти. Содержание и изучение картин доставило ему новое неведомое наслаждение и новый интерес к жизни. Сначала он покупал все хорошие картины иностранных и русских художников, которые нравились и продавались относительно недорого. Затем одна удачная покупка остановила его внимание на приобретении рисунков. В то время рисунками никто не интересовался, их не собирали и не сохраняли. Ему же пришла счастливая мысль составить коллекцию рисунков, сделанных русскими художниками. Он полагал, что собрание рисунков важно для истории искусства, ибо близко знакомит с процессом творчества, игрой чувств и мыслями художника.

Иван Евменьевич настолько быстро пополнял свое собрание, что небольшой домик в Кривоникольском переулке с трудом вмещал собранное богатство. Он решил построить новый дом, в котором удобно было бы разместить картины при надлежащем освещении. Здание в древнерусском сти-

ле возвели на берегу Москвы-реки, близ Кремля и храма Христа Спасителя, по рисункам известного В.Н. Васнецова.

С постройкой нового здания Цветков «стал собирать картины и рисунки еще энергичнее, чем в первые двадцать лет, и был счастливее в приобретении редких хороших вещей, чем прежде». Иван Евменьевич стал частым посетителем мастерских московских и петербургских художников, завсегдаем всех художественных выставок. Возглавил Московское общество любителей художеств, был избран действительным членом Петербургской академии художеств, вошел в попечительский совет Московской городской картинной галереи братьев Третьяковых.

Несмотря на занятость, Цветков находил время для литературных занятий. Вскоре по выходе из гимназии составил автобиографические заметки о первых годах жизни, поступлении в училище, обучении в семинарии и гимназии. В 1874 году он подготовил статью «Встреча с И.С. Тургеневым», в 1890-м написал рассказ «Допрос». В 1909 году в статье «О Егоре Ивановиче Маковском» рассказал о собирателе русской живописи и западноевропейской гравюры, одном из основателей Московского училища живописи, ваяния и зодчества, родоначальнике династии живописцев. Особый интерес вызывают его заметки по искусству, где, в частности, утверждалось: «Произведение искусства хорошо или дурно от того, что говорит, как говорит и насколько от души говорит художник».

Цветков поддерживал дружеские отношения с симбирянами, которых знал с юношеских лет. В его просторном доме на Арбате останавливался Димитрий Ардалионович Глазов, служивший директором народных училищ в Нижнем Новгороде. Он обменивался визитами с его сестрой Александровной Ардалионовной, вышедшей замуж за профессора математики И.С. Громеко. Московский предприниматель Михаил Степанович Нагаткин, товарищ Цветкова по симбирской гимназии, не раз передавал в Алатырь тюки с одеждой и обувью для его непутевого брата. Кроме того, Нагаткин оставил своим знакомым Антоновым расчетную книжку, по которой они под расписку выдавали Павлу каждый месяц по десять рублей.

«Пожалуйста, делай что хочешь: читай, спи, гуляй, ходи рыбу удить, но только не предавайся постыдной и гибельной своей страсти, – писал старший брат в апреле 1890 года Павлу. – Доходили, доходят и, вероятно, еще дойдут до меня слухи, что не держишь своего образа – пьешь. Конечно, когда я увеличивал твое содержание – я никак не желал, чтоб это увеличение пошло во вред тебе».

В первый год после университета, путешествуя летом по Волге, Иван Евменьевич заезжал к И.В. Яковлеву в Симбирск. Позднее Иван Яковлевич бывал в его доме-музее, угощался обедом. «Я не раз видел все его картины, составляющие как бы украшение его особняка, – пишет Яковлев. – Вообще равнодушный к живописи, мало в ней понимающий толка, я и тут, вероятно, не проявлял должного восторга, так что Цветков перестал хвастаться передо мной своими картинами. Помню одну из них, вну-

три залы, над входными дверями, работы художника Репина, изображающую убийц императора Александра II – Желябова, Перовскую и других, на сходке обсуждающих план цареубийства. Цветков, показывая мне эту картину, рассказывал, что император Николай II, заинтересовавшийся этой картиной, будучи в Москве, нарочно посетил особняк его, Цветкова, чем последний, видимо, гордился и хвастался передо мной».

* * *

По примеру братьев Третьяковых И.Е. Цветков решил передать в пользование Москвы свое собрание, около 300 картин и 1200 рисунков, и здание, в котором они располагались. Передача состоялась 28 апреля 1909 года, в день его 64-летия. Председатель городской комиссии Н.П. Вишняков так оценил принятое собрание: «Оно представляет естественное продолжение по времени собирательства произведений национального искусства, начало которому положил П.М. Третьяков. Но главное богатство новой галереи заключается в огромном запасе рисунков, с которыми и Третьяковская галерея никак конкурировать не может <...> Если в масляных картинах выражается готовое творчество художника, то в рисунках <...> вы найдете проекты и детали известнейших картин, их варианты, вплоть до вполне законченных эскизов, которые подчас гораздо интереснее самих картин. Цветковское собрание рисунков представляет такое сокровище, подобное которому ни под каким видом купить и составить более нельзя».

В каталоге Цветковской галереи указаны все двенадцать комнат, где была выставлена та или иная работа. Так, кабинет на верхнем этаже украшал пейзаж Саврасова «На Волге», гостиную – «Волга» Левитана, а диванную – «Симбирский вид» Мартьянова. Хозяин был неравнодушен к самой славной из русских рек и стоявшему на высоком берегу провинциальному Симбирску, где прошли юные годы.

В городе готовились торжественно отметить 100-летие классической гимназии, открытой 12 декабря 1809 года. Среди ее выпускников были ученые и промышленники, общественные деятели и деятели культуры, которым разослали приглашения. По причине нездоровья Иван Евмеевич не сумел выбраться на родину, но направил директору гимназии Б.В. Некрасову благожелательное письмо:

«Вспоминая мое пребывание в гимназии с 1864 по 1866 год, мне трудно воздержаться, чтобы не вспомнить добрым словом и некоторых педагогов того времени, которые имели на меня наибольшее влияние. Прежде всего нужно вспомнить о директоре Ив. Вас. Вишневром. Это был образцовый по своему времени администратор, быстрый, необыкновенно деятельный, строгий и к себе и к другим, и к учителям, и к гимназистам. Многие имели причины его побаиваться, а потому исподтишка иногда на него и клеветали. Теперь, вспоминая факты и спокойно, бесстрастно обсуждая их, можно и должно сказать по совести, что это был человек в сущности добрый, доброжелательный, искренно любивший и гимназию, и гимназистов, и державший гимназию в надлежащем порядке, при котором учиться было

удобно. Его помощник Влад. Петр. Панов (инспектор) пользовались всеобщим уважением и учителей и учеников. Это был человек выдающегося ума и образования. При отсутствии физических инструментов он ухитрялся прекрасно преподавать экспериментальную физику и сделать ее интересной для своих учеников. Но кажется, самым выдающимся педагогом того времени следует признать Ник. Вас. Глинс, преподавателя алгебры, геометрии и тригонометрии. Он излагал математические постулаты необыкновенно просто, понятно для всякого даже самого глупого или ленивого ума; говорил он не торопясь, ровно и необыкновенно изящно, словом это был артист в своем роде. Его все любили как преподавателя, его все уважали как честного, искреннего и справедливого человека. Хотя и побаивались как строгого экзаменатора. Оба этих преподавателя имели большое влияние на мое развитие и на мой последующий выбор учебных занятий. Благодаря их толковому, талантливому преподаванию и руководству, я вынес из гимназии не только превосходное знание элементарной математики и опытной физики, но и особый интерес к изучению физико-математических наук. Вообще, я полюбил эти науки и когда после претяжелых (трехлетних) моих скитаний мне в 1869 г. удалось, наконец-то, поступить в студенты Московского университета, то я избрал своею специальностью именно физико-математические науки, занятие которыми оказало самое благотворное влияние на всю мою жизнь...».

В 1913 году, пользуясь знакомством Яковлева с Цветковым, симбирский губернский предводитель дворянства, председатель губернской ученой архивной комиссии В.Н. Поливанов сделал попытку склонить Ивана Евмеевича пожертвовать часть своего собрания Симбирску. На Венце строился дом-памятник И.А. Гончарову, и Владимир Николаевич был озабочен созданием в нем художественного музея. По его поручению Яковлев провел с Цветковым переговоры.

«...Мне удалось выпросить у него старинные гравюры, множество ящиков с которыми стояло у него в комнатах, – вспоминает Иван Яковлевич. – Он даже готов был отдать в Симбирск дубликаты своих картин и согласился прислать их ко мне впредь до окончательной отстройки Гончаровского дома. Но я отклонил этот проект, не зная, куда дену в Чувашской школе картины, как сохранить их».

В результате появилось письмо Цветкова от 3 апреля 1914 года Поливанову, в котором автор выразил желание «...принести в дар моему родному городу Симбирску несколько картин <...> Кроме того, я имею намерение при случае приобретать картины специально для Симбирска. Не найдете ли Вы, Ваше Превосходительство, возможность предоставить этим картинам временное помещение в одном из подведомственных Вам симбирских зданий? Когда наберется этих картин достаточное количество, они будут принесены в дар Симбирску. А до этого времени они составляют мою собственность и только в случае моей смерти переходят в собственность города Симбирска...».

Однако, говоря современным языком, формальные обстоятельства помешали осуществле-

нию этого плана. Спустя три с половиной месяца началась Великая, как ее тогда называли, война. 24 апреля 1915 года, после непродолжительной болезни, скончался Поливанов; заупокойная служба прошла в Троицком кафедральном соборе Симбирска. Пополняемый Цветковым каталог художественных произведений заканчивается 1916 годом, когда были закуплены три картины. 17 февраля 1917 года года Иван Евменьевич, страдавший «неврастическими болями и мигренями», покинул бренный мир; отпевание совершалось в церкви Илии Обыденного на Пречистенке, прихожанином которой был усопший.

Через несколько дней «Московские Ведомости» сообщили: «Вчера закончился прием галереи, пожертвованной городу покойным И.Е. Цветковым. Все картины были найдены в прекрасном состоянии. Составлены три описи, из которых одна будет храниться в городской управе, другая – у жены покойного и третья – при галерее. По завещанию, прежде открытия доступа в галерею, город должен произвести в доме необходимый ремонт, на который оставлено И.Е. Цветковым 50.000 руб. Право размещения картин и рисунков в галерее предоставлено городскому управлению, причем галерея должна открыться осенью, по окончании ремонта.

Кроме пожертвования городу картинной галереи, покойный И.Е. Цветков оставил после себя 200.000 руб. на учреждение стипендии при Симбирской гимназии».

Вскоре революционная буря, разнеся Российскую империю, вынесла наверх сначала Временное правительство под председательством эсера А.Ф. Керенского, затем – Совет народных комиссаров во главе с большевиком В.И. Ульяновым-Лениным; оба были уроженцами Симбирска.

Для Цветковской галереи наступили тяжелые времена: не хватало керосина для освещения и дров для отопления помещений, возникали сложности с хлебными карточками и униформой 27 сотрудников, часть которых была призвана в армию.

Владимир Маковский. Цветков на даче. 1905. Доска, масло. (Из фондов Ульяновского областного художественного музея)

При сокращении штата сотрудников она получила статус филиала Третьяковской галереи. В 1926 году филиал был ликвидирован, художественные произведения поступили в Третьяковскую галерею. С этого времени картины по отдельности или группами выдавались в разные музеи России. Таким образом, уже не Симбирск, а Ульяновск получил двенадцать картин и этюдов, ранее находившихся в собрании И.Е. Цветкова. Среди них были работы Ф.А. Васильева, А.К. Саврасова, И.М. Прянишникова, И.И. Шишкина, братьев К.Е. и В.Е. Маковских.

Особый интерес представляет картина «Цветков на даче» кисти Владимира Егоровича Маковского (1846–1920), который изобразил Ивана Евменьевича сидящим в кресле на фоне пышной зелени и озера вдаль. Такую память оставил нам художник о выдающемся земляке, беззаветно любившем Россию и отдавшем ей все свое состояние.

Галина НЕВЗОРОВА

ГОРОД, КОТОРЫЙ Я ВИЖУ ВО СНЕ

Страницы воспоминаний

Воспоминания открывают нам окно в прошлое... дают нам живое ощущение современников... рассказывают то, что не получило и не могло получить отражения ни в каком другом виде исторических источников.

Д.С. ЛИХАЧЁВ

В музейном собрании Ленинского мемориала хранится личный фонд Галины Дмитриевны Невзоровой – старшей дочери Дмитрия Ивановича Архангельского, художницы, связавшей свою творческую судьбу с мультипликационным кино. Значительное место в нём занимают воспоминания. Особый интерес представляют её детские воспоминания, связанные с Симбирском, в которых Галина Дмитриевна описывает то, что в своё время произвело на неё сильное впечатление и запомнилось на всю жизнь.

Как только помню себя, с четырёх лет, всегда знала, что у нас есть бабушка Евгения Павловна Гумилевская. И именно эту бабушку мы считали настоящей, а не папину маму, которую почти не знали, ведь она ушла из жизни, когда мы с сестрой были ещё слишком малы. [Мария Александровна Архангельская умерла 2 сентября 1912 г. – В.К.]

Бабушке Евгении Павловне было 56 лет, когда мне было четыре [Евгения Павловна Гумилевская умерла в блокадном Ленинграде в 1942 г. – В.К.]

Евгения Павловна Гумилевская

Я запомнила её худощавой, гладко причёсанной, всегда опрятно одетой – всё себе она шила сама. Держалась бабушка с величайшим достоинством, с нами была строга. Мы бабушку побаивались, но уважали и слушались. Бабушка жила в Симбирске на Минаевской улице, она тогда, помнится, называлась Солдатская, в самом её начале. Дальше шёл спуск к Свяге. Жила тогда бабушка со своими дочками, значит, с нашими тётями. Сыновья бабушки жили отдельно.

Ездили мы к бабушке только зимой и только на извозчике. Это была наша особая зимняя радость. Вот извозчик останавливается. Нам с сестрой не очень-то хочется покидать санки – пусть бы извозчик ещё покатал нас, но нет, мы уже приехали. Нас, закутанных, одни носы торчат, снимают с санок. Мы входим в большой двор, где стоит деревянный двухэтажный дом. В нём четыре квартиры, которые хозяева дома сдают жильцам. Вот в одной-то из них и живёт наша бабушка. Нас ждали. Весёлые возгласы, смех. Нас обнимают, целуют, раздевают и ведут в столовую. Нас угощают, забавляют, и всё здесь удивительно и замечательно. И ёлка бывала здесь самая прекрасная, волшебная, и бывала она в Сочельник, в день бабушкиных именин. На ёлке обязательно зажигались свечи, тётя Нонна на старинном фортепиано играла нам польку-бабочку, были веселье и радость без конца. И подарки бывали. Невозможно описать мой восторг, когда я получила пенал, да ещё с пуговкой, на которую он запирался. А там! Вот чудо! Маленький, но настоящий перочинный ножичек! Ведь не за горами день, когда меня поведут учиться в гимназию.

Нонна (слева), Галя Архангельские, Феликс Гумилевский.
Симбирск (до 1916 года)

Какое огромное счастье бывать в гостях у бабушки, дом которой мы покидаем всегда со слезами. Зимой лучше было у бабушки, а летом – у нас, и тёти с бабушкой часто гостили у нас, на тихой, зелёной Шатальной улице.

Любопытно вспомнить, какой была Шатальная [ныне – ул. Корюкина. – В.К.] в годы нашего детства. Вспоминаю те времена, когда дорогу замостили булыжником. Перед домами по всей улице разбили газоны, огородив их от дороги низенькими деревянными столбиками. Потянулись к небу молодые саженцы – будущие деревья. Тогда же на смену деревянным тротуарам пришли асфальтовые. В дома были проведены электричество и водопровод. А пока не было водопровода, мы с няней ходили на конец улицы в будку за водой. У нас были оплаченные талоны. Няня протягивала талон, ей наливали воду, и мы шли домой с полными ведрами. Тогда ведра с водой носили на коромыслах. У нас тоже было два коромысла, но как только провели водопровод, они стали не нужны и хранились в чулане. Все эти нововведения в городе были проведены как-то сразу, быстро, одно за другим, на наших глазах, поэтому многое запомнилось.

В то время нашим городом управлял деятельный губернатор. Об этом я слышала от взрослых. [Ключарёв Александр Степанович – симбирский губернатор в 1911–1916 гг. – В.К.]

Момент, когда ломали старые, узкие, неровные деревянные тротуары, я хорошо запомнила ещё вот почему.

Шатальная улица

Был у меня тогда любимейший резиновый чёрный мячик – крохотный, величиной с крупную сливу. Играла я им, играла, да и закатился он у меня в щель между досок тротуара. Достать его не было никакой возможности. Уж я шарила палкой в щели, ложилась на живот и всматривалась в эту зловещую тьму под тротуаром, ковыряла пальцем – всё напрасно. Горе было велико, но оставалась одна надежда: уже начали ломать старые деревянные тротуары, и я ждала, что когда дойдёт очередь до нашего, то я обязательно найду свой любимый мячик. Увы! Я не нашла его! И даже помню тот момент, когда рабочий ломом поднимал на дыбы доску в том месте, где, как я была уверена, лежал мой мячик, и как я, дрожа от нетерпения, не могла дожидаться этой минуты... и вдруг – ничего нет. Почему? Куда же он мог деваться? Я так и не поняла. Но от обиды и горя хотелось плакать. Грустный эпизод! В детстве он казался очень значительным событием.

Почти все дома на нашей улице – деревянные, одноэтажные (я припомнила только три двухэтаж-

Дом с мезонином

ных дома). Архитектура самая простая. У многих – терраски, балкончики, мезонины, крылечки различной формы, на окнах – ставни, занавески белые или кружевные, на подоконниках – цветы в глиняных горшках.

Когда теперь я вспоминаю свою улицу через бесконечное расстояние во много лет, она мне представляется разноцветным детским рисунком. Самое интересное в нашей улице было то, что дома были окрашены в самые разные цвета, что создавало особый колорит. Больше всего – жёлтых и зелёных, но и они все разных оттенков: темнее, светлее, ярче или с примесью другого цвета. Были дома сиреневые, розовые, бордовые, серые, голубые, синие. Все они такие нарядные. И только наш бедный домик имел самую скромную окраску. Он – коричневый. Это всегда меня огорчало. Я его жалела, но тем больше любила свой «домик крошечку в три окошечка» со ставнями, с крылечком в одну ступеньку и со звонком.

Сестры Архангельские – Галя и Нонна – на крыльце своего дома. Симбирск (до 1916 г.). Фото Д.И. Архангельского.

Нехитрое устройство этого звонка теперь умиляет меня своей патриархальностью. Было в нём что-то от детской игрушки. Со стороны улицы над входной дверью довольно низко висит на толстой проволоке увесистая деревянная ручка. Проволока, продетая в отверстие выше двери, идёт дальше по сеням и опять через отверстие над дверью в дом проникает в прихожую. Здесь над внутренней дверью к этой проволоке прикреплен внушительный колокольчик, который висит на крюку. Когда на улице дёргали за ручку, колокольчик заливался громким звоном, который можно было услышать даже в кухне.

Дом отапливался печами. Одна печь на две комнаты. В кухне находилась большая русская печь, занимавшая больше половины всего помещения. Кроме того, у нас был флигель, в котором тоже была русская печь. Флигель и дом были соединены между собой кухонной стеной. Они находились как бы под одной крышей. Очевидно, так было сделано в целях экономии. Русские печи в кухнях в то время топили ежедневно круглый год. Другой возможности для приготовления пищи не было.

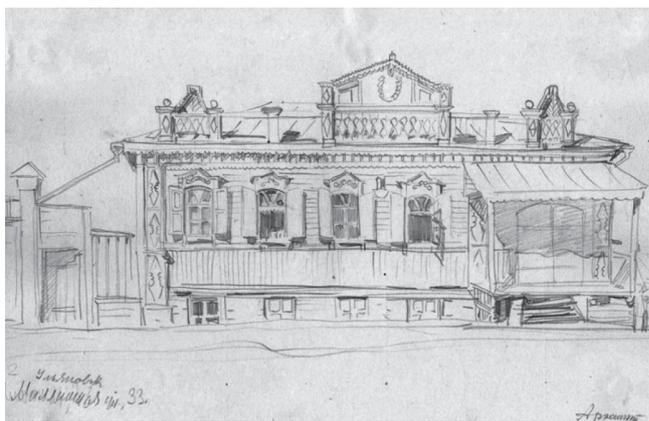
Все дома на нашей улице были частновладельческими.

Дом с антресолями

И мы тоже были хозяевами своего домика. Каждый владелец старался строиться так, чтобы помимо основного дома было помещение, которое можно было бы сдавать внаём и на полученные деньги поддерживать дом. Чаще всего это были так называемые флигели во дворах – маленькие, очень уютные домики. Но бывали случаи, когда хозяева сдавали дом, а сами проживали во флигеле.

При каждом доме обязательно был свой сад. Сады вообще покрывали всю нашу Симбирскую крутую гору. Яблоки выращивались у всех самых разных сортов, общим же сортом был анис. Улица была очень тихая, спокойная и зелёная. Иногда проезжали по улице извозчик или лошадь, впряжённая в телегу с горой арбузов. Это означало, что из Астрахани по Волге привезли арбузы и теперь их развозят по городу, а продавец громко выкрикивает: «Арбузы! Арбузы! Арбузы!».

Дом с лавочкой

На улицах нашего города устраивались торговые лавки, или просто лавочки, как их тогда у нас называли.

Были они, конечно, частновладельческими и лавочники, по мере своих сил и возможностей, вели торговлю, обеспечивая всеми необходимыми товарами главным образом жителей данной улицы и прилегающих улиц и переулков. Обычно взрослые не брали детей с собой в лавку, думая, что им там делать нечего. И всё же раза три-четыре мне посчастливилось посетить это удивительное заведение. Прежде всего я говорю о лавочках на улицах с жителями среднего достатка. Там и лавочник утверждался не слишком богатый. Но все лавочники были удивительно предприимчивы, предельно учтивы и вежливы с покупателями. «Что угодно? Что прикажете? Берите – не пожалеете! Увидите, придёте ещё – ведь Вы у меня постоянный покупатель, не последний раз встречаемся!» и т.п. После таких обнадёживающих слов, которые лились из уст хозяина, не было покупателей, которые бы не сдались. И часто помимо того, что им было нужно, они покупали и то, что ловкий лавочник ухитрялся им всучить, если у покупателя ещё оставались деньги. В общем, лишних денег лучше было не брать в лавку – соблазна там всегда было много, особенно если покупатель приходил с детьми. Для меня такие посещения были интереснее и увлекательнее, чем попасть в игрушечный магазин. Уж очень всё было необычным. Лавочник в моих глазах превращался в сказочника. Его товары, казалось, были способны на волшебство: они появлялись таинственно, когда их не хватало, и, наверное, могли бы также таинственно исчезнуть. Такие лавочки занимали обычно помещение небольшое. К двери всегда прикреплялась пружина с колокольчиком. Когда дверь на тугой пружине медленно открывалась, колокольчик начинал громко звенеть. Если в лавке никого не было и хозяин находился за перегородкой, то, извещённый звонком, он выходил, приветливо раскланивался, и тут начинался приблизительно такой разговор, о котором я упоминала выше. От входной двери до прилавка было шага два-три. Дальше находилось внушительное сооружение – прилавок, а на нём не менее внушительный и обязательный атрибут торговли – весы. Дальше шли бесчисленные полки, вплоть до потолка. Вот на них-то самые чудеса и начинались. Там, казалось, было всё, что нужно человеку, даже то, чем можно было позабавить ребёнка. Прежде всего – всяческая бакалея для домашних хозяек: все сорта круп, муки, масел. Мука пшеничная разного помола, мука ржаная сеянная, несеянная. Постное масло обязательно не только подсолнечное, но и конопляное тёмно-зелёное, очень вкусное, льняное, лампадное, обязательно в таких лавках бывали хлеб, керосин, селёдка, хозяйственное мыло, бельевые верёвки, дверные замки всех размеров, стёкла для керосиновых ламп от мала до велика, спички и уже всяческие приманки для детей. Конфеты невиданной величины в обёртках умопомрачительных расцветок и блеска, словно изготовленные на ёлку. И, конечно, пряники, самые разные по цвету и вкусу: розовые, белые, коричневые, облитые сахаром, медовые, мятные, с вареньем. Здесь можно было купить и

отрывной календарь и кое-что из посуды – заманчивый чайник или нарядную чашку. Даже спички, даже средства, уничтожающие мух, были развешаны так эффектно, что нам, детям, всё казалось соблазнительным. Какие-то взбивалки для яичного белка зигзагообразной формы, металлические вещицы нам неизвестного назначения потрясали нас своей загадочностью и новизной.

Можно было спросить у хозяина любой товар, который не было видно на полках, и можно было быть уверенным, что он будет предоставлен покупателю. Мясо, колбасы, вина, гастрономия и овощи не были здесь обязательными продуктами. Они продавались на главной улице в более фешенебельных магазинах. Сельхозпродукты и товары приобретались на базаре. Базар находился в нашей стороне города, близко от нашего дома. Нам это, конечно, было удобно. За продуктами на базар всегда ходила сама мама. Она говорила, что так ей удобнее – на месте самой решать, что купить. Мама вела хозяйство и особенно придирчиво выбирала мясо. Старались, чтобы было поэкономнее и чтобы мяса хватило на всю неделю. Мясные блюда у нас были через день. По воскресеньям пекли пироги с капустой и мясом. Иногда с базара мама приносила грибы – шампиньоны или грузди, творог, яйца, топленое молоко и рыбу стерлядь. Эти продукты были у нас роскошью, и мы радовались разнообразию, которое иногда бывало в нашем скромном питании.

Дом на Стрелецкой улице. Слева – вход в лавочку

А лавочки на наших улицах нужны были как воздух. В основном они нас кормили и снабжали всем необходимым. Они являлись и своего рода «клубами», где обыватели вели с хозяином разговоры о погоде, о происшествиях, о политике.

Ещё одно воспоминание детства.

Вот наша Шатальная улица, а вот и наш маленький в три окошечка домик. Он коричневого цвета и сбоку прикреплён номер дома – 32а. Дверь домика открылась, и на улицу вышел папа, а с ним две девочки.

Мы идём с папой на Большую улицу в фруктовый магазинчик Абушаева.

На улице довольно холодно – осень, но снега ещё нет. Деревья стоят почти без листьев, только кое-где на коричневых ветках остались жёлтые и оранжевые листочки. Трава поблекла, и местами

Нонна (слева) и Галя (справа) Архангельские,
Лина Голубева (в середине)

видна мокрая чёрно-лиловая земля. Небо серое и пальтишки на нас с сестрой тоже серые, их сшила нам мама. На голове у нас ярко-красные пушистые беретки.

Пройти надо немного, и вот она – Большая улица [Большая Саратовская. С 1912 г. ул. Гончарова. – В.К.]. Почему эта улица так называлась, нам было всегда понятно. Ведь она была главная, находилась в середине города и была очень длинная и широкая.

Справа – дом Буско. Открытка – почтовая карточка.
Симбирск. Угол Большой Саратовской и Дворцовой улиц.
г. Симбирск. 1904–1909 гг. Изд. магазина И.Г. Посудина

По тем временам так оно и было. Однако было ли такое название Гончаровской улицы, как Большая, общепринятым в то дореволюционное время, называли ли её жители Симбирска в разговорной речи так или лишь в нашей семье она называлась Большой улицей, я не знаю. Да это не главное. Главное – Гончаровская улица и до сих пор остаётся для меня Большой улицей.

На Большой улице дома уже все были кирпичные, одно-, двух- и трёхэтажные. Окраска домов уже не пёстрая, как на нашей улице, тона светлые: белые, серые, желтоватые, розоватые. Мне очень хорошо запомнилась аптека. Дом, в котором она располагалась, – одноэтажный, белый, большая витрина занимает почти весь фасад. А за стеклом ви-

трины выставлены три огромных шара величиной с большой арбуз. Шары стеклянные, стоят на подставках, и все разного цвета, потому что там была налита жидкость, окрашенная в разные цвета – красный, синий и зелёный. [В аптечных витринах было принято выставлять стеклянные шары, наполненные разноцветными жидкостями. По вечерам они подсвечивались лампами. По этим шарам ещё издали можно было узнать аптеку. – В.К.]. Эти шары нас с сестрой всегда как магнитом притягивали. Уж если мы попадали на Большую улицу, около аптеки непременно должны были постоять.

А совсем рядом с аптекой и цель нашего путешествия – магазинчик Абушаева. Это маленький полуподвальчик – две ступеньки вниз. Над входом – вывеска, очень она нам нравилась, так красиво там было написано «Фруктовый магазин Абушаева».

Читать мы ещё не умели – это нам папа прочитал. Буквы на вывеске были украшены завитками, а вокруг надписи шла узорная кайма, тоже вся в завитках, в виноградных листьях и виноградных кистях. Вошли. И что же! Всё там удивительно. Уютно и красиво. Словно волшебная кисть Билибина нарисовала такую картину. Нас встретил сам хозяин – богатый татарин. На нём красивый пёстрый халат

и ещё более красивая яркая красочная тубетейка на голове. Он очень приветлив и учтив. «Какой хороший барышни ко мне пришёл гости, садитесь пожалиста – одна сюда, другой сюда», – говорит он с акцентом, сладко улыбаясь и показывая нам на кресла. Нас посадили в два больших кресла, которые находились в магазинчике около прилавка одно против другого.

Сидим, ноги у нас болтаются. Мы, конечно, немного смущены, но всё хорошо, всё нам нравится, даже очень, особенно когда хозяин даёт нам по хорошей шоколадной конфетке. Мы совершенно счастливы. Пока хозяин отпускает «товар», а делает он это не спеша, улыбаясь и одновременно беседуя с папой, мы заняты своим делом. Нас интересует всё, что находится в этом чудо-магазине, всё привлекает и всё нужно внимательно рассмотреть. Ещё как только мы вошли сюда, ещё ничего не видя, почувствовали изумительное благоухание: это смешались ароматы апельсина, лимонов и кофе. Да, вот они эти ящики с фруктами, стоят друг на дружке у стены. Два ящика раскрыты и стоят на полу совсем рядом с нами. Они полны апельсина и лимонов, и каждый плод завернут в папиросную бумагу, ярко и пёстро украшенную – это особенно нас поразило. На прилавке стоит кофейная мельница, чтобы по желанию покупателя можно было тут же помолоть зёрна кофе. Мельница ярко-красного цвета, и это очень красиво – она тоже украшает магазин. Кроме того – это уже вообще как в сказке – здесь же стоят для украшения высокие, восточного типа вазы. Они голубые и расписаны узорами: розовые и белые цветы, среди цветов, на ветках – райские птицы, и

тут же извиваются огненно-коричневые драконы.

Потрясённые, мы долго разглядываем невиданные никогда ранее, удивительной красоты предметы. А на полках много прозрачных цилиндрической формы банок. Они полны самых разнообразных конфет. На их обёртках самые заманчивые и соблазнительные изображения и рисунки самых ярких расцветок.

Соблазна вообще здесь много. Шоколадные плитки разных размеров, форм и цвета, и в золоте, и в серебре, и в ярком сверкающем оформлении. Не магазин, а прямо сказка, а сам хозяин и есть чародей и волшебник.

Позднее мы узнали, что Абушаев слыл в нашем городе одним из богатеёв. Имел большой яблоневый сад промышленного значения, получал от него немалую прибыль. Вероятно, у него были и другие источники дохода. А в детстве Абушаев представлялся нам добрым, интересным и даже сказочным человеком.

Все воспоминания раннего детства до 1916 г. у меня самые восторженные, самые радужные – ведь столько за короткий срок было в нашей маленькой жизни прекрасного, удивительного, нас поражающего и приводящего в изумление и восторг, что маленькие неприятности, которые тоже неизбежно иногда возникали, забывались скоро, не оставляя следа. А оставалась одна радость, она-то и запомнилась на всю жизнь.

Подготовила к печати
Валентина КОСТЯГИНА,
старший научный сотрудник отдела
фондов ОГАУК «Ленинский мемориал»

О Галине Невзоровой

Галина Дмитриевна Невзорова (1909–2002) – старшая дочь одного из самых ярких и самобытных мастеров культуры Симбирского-Ульяновского края Дмитрия Ивановича Архангельского, светлое имя которого очень популярно на его родине.

Родилась она 27 февраля (12 марта) 1909 года. С раннего детства отец пристально и внимательно руководил художественным воспитанием дочери. После окончания 3-й советской школы 2-й ступени Галя уехала учиться в Москву и в 1932 году окончила художественное отделение Московского текстильного института, став художником печатного рисунка для тканей.

С ноября 1935 года до ухода на пенсию в апреле 1964 года работала на киностудии «Союзмультфильм» художником-декоратором, а в создании известных советских мультфильмов «Конёк-горбунок», «Левша», «Аленький цветочек», «Золотой ключик» и многих других была ведущим художником.

Даже краткая фильмография включает в себя более 150 «мультфильмов» с участием художника Г.Д. Невзоровой. В Музее-мемориале В.И. Ленина бе-

режно хранится личный фонд Галины Дмитриевны, в составе которого более 200 рисунков, фотографии, документы.

Среди документов – трудовая книжка со сведениями о многочисленных поощрениях за безупречную работу и множество почётных грамот, в том числе Почётная грамота Министерства культуры СССР, подписанная Е.А. Фурцевой.

Скончалась Галина Дмитриевна Невзорова в Москве 9 мая 2002 года на 94-м году жизни. Похоронена в посёлке Родники Московской области рядом с родителями – Дмитрием Ивановичем и Надеждой Павловной Архангельскими.

Незадолго до смерти она написала замечательные слова: «Жить надо так, чтобы не пропустить ни одного мгновения радости».

В фонде Галины Дмитриевны значительное место занимают рукописные воспоминания, охватывающие всю её долгую и содержательную жизнь. Особый интерес представляют те, которые связаны с детскими годами, проведёнными в Симбирске. В №2 журнала «Симбирскъ» за 2020 год была опубликована часть из них, озаглавленная «И вижу дивный мир», где Галина Дмитриевна с большой любовью рассказывала об отце в доме, семейном укладе и традициях.

Сегодня вниманию читателей предлагаются ранние воспоминания о родном городе, о радости, которая запомнилась на всю жизнь.

Валентина КОСТЯГИНА

ОКНО В ПРОШЛОЕ

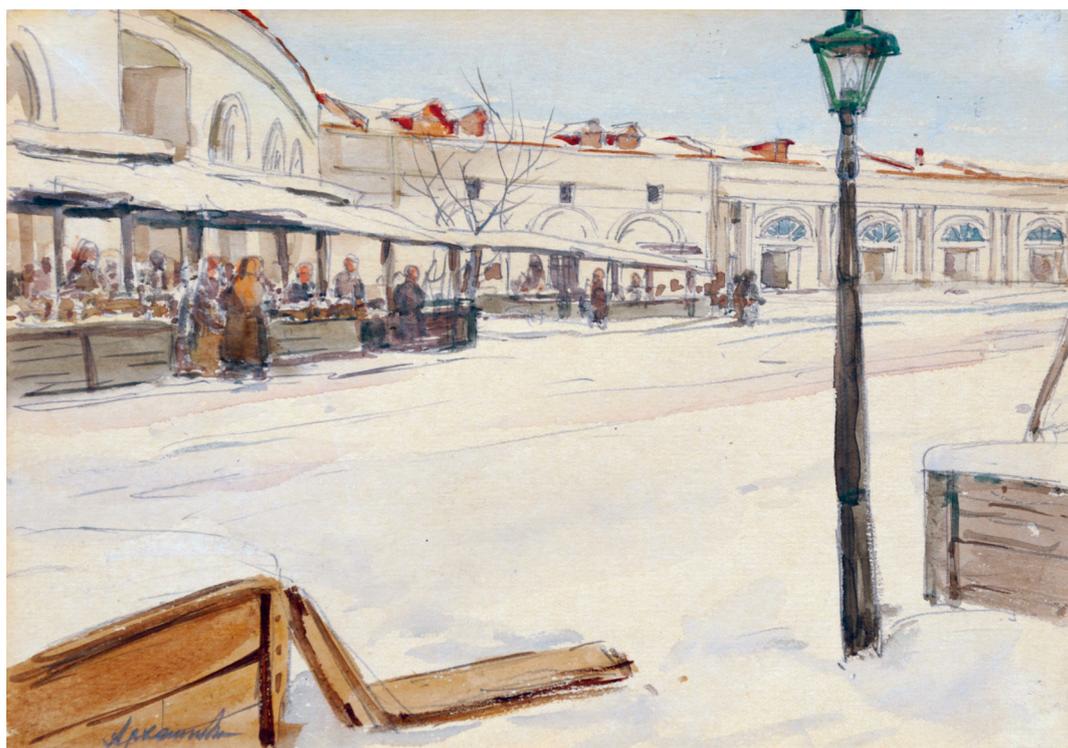
Симбирск в акварелях Дмитрия Архангельского

Никольская церковь. 1920-е. Бумага, акварель. 18,5x12,9

Гончаровская улица. Учебно-трудоустройственный пункт. 18 октября 1925. Бумага, акварель, 24x29

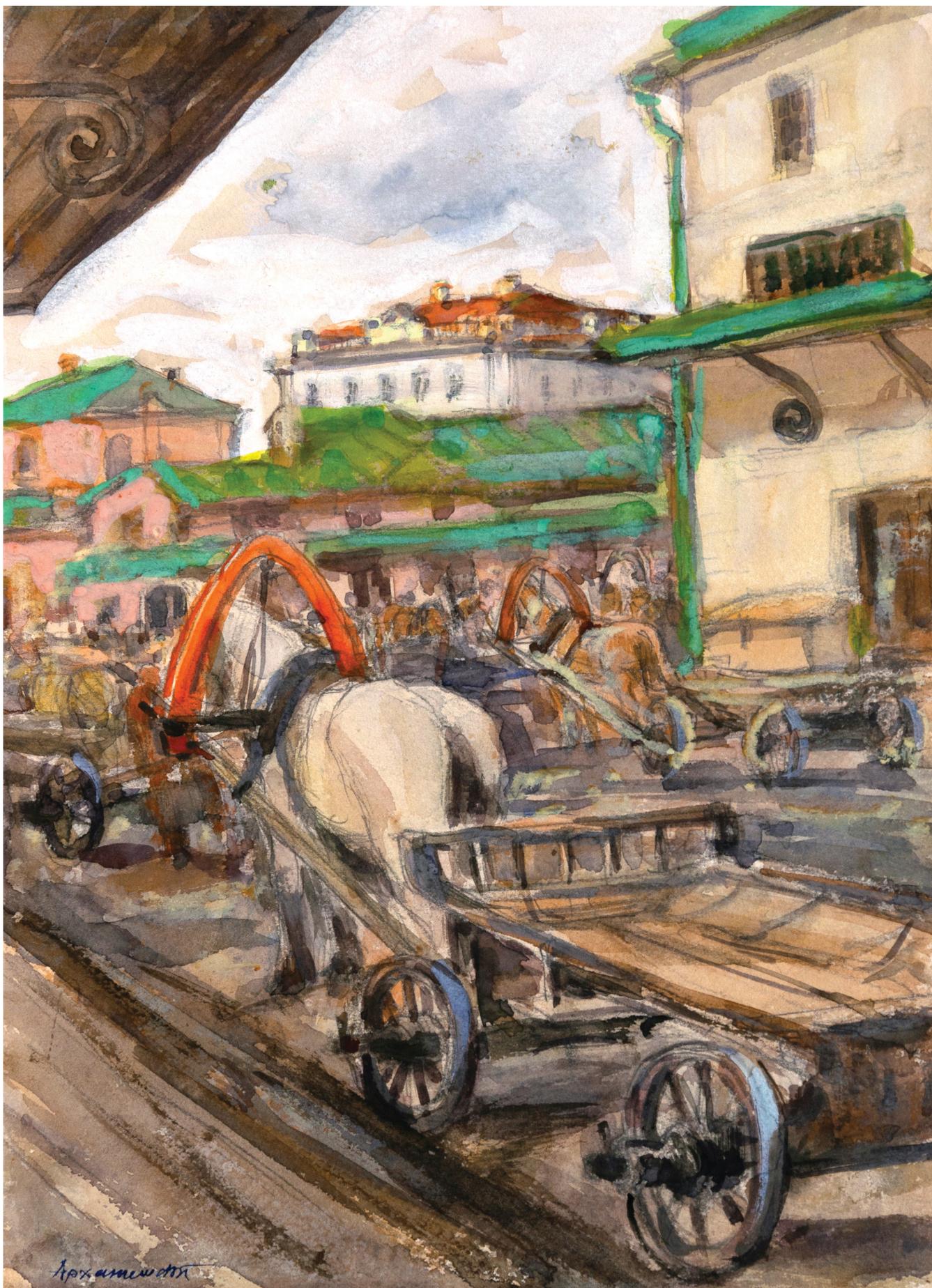
Дворянский базар. 1910-е. Бумага, акварель. 14,8x21

Гостиный двор. Западная часть. 1910-е. Бумага, акварель, 14,8x20,8

Гостиный двор. Южный корпус. 1910-е. Бумага, акварель, 10,3x15,9

Базарные ряды. 1920-е. Бумага, акварель, гуашь. 28,2x20,8

К 800-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ СВЯТОГО БЛАГОВЕРНОГО КНЯЗЯ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

2021 год объявлен в России Годом Александра Невского. Указ о праздновании подписан президентом России В.В. Путиным. В Ульяновской области, согласно инициативе губернатора Сергея Морозова, 2020/2021 учебный год посвящен 800-летию со дня рождения Александра Невского. Для проведения памятного 2021 года в регионе создан оргкомитет, утверждена большая культурная программа.

6 декабря 2020 года в день памяти благоверного князя митрополит Симбирский и Новоспаский Лонгин освятил место для строительства нового каменного храма во имя святого Александра Невского. Владыка Лонгин напомнил, что Церковь чтит святого князя и «как мужественного воина, победителя, и как молитвенника за родную землю, который перед смертью принял иноческий постриг».

В этот же день состоялось открытие памятника Александру Невскому возле гимназии «Дар».

Изготовила памятник организация «Аллея российской славы». Директор гимназии «Дар» Валерий Морозов, в частности, сказал: «Это подарок не только для нашей гимназии, это подарок для всего города. Наше поколение выросло на фильме «Александр Невский» и знания о великом полководце должно передать нынешним школьникам».

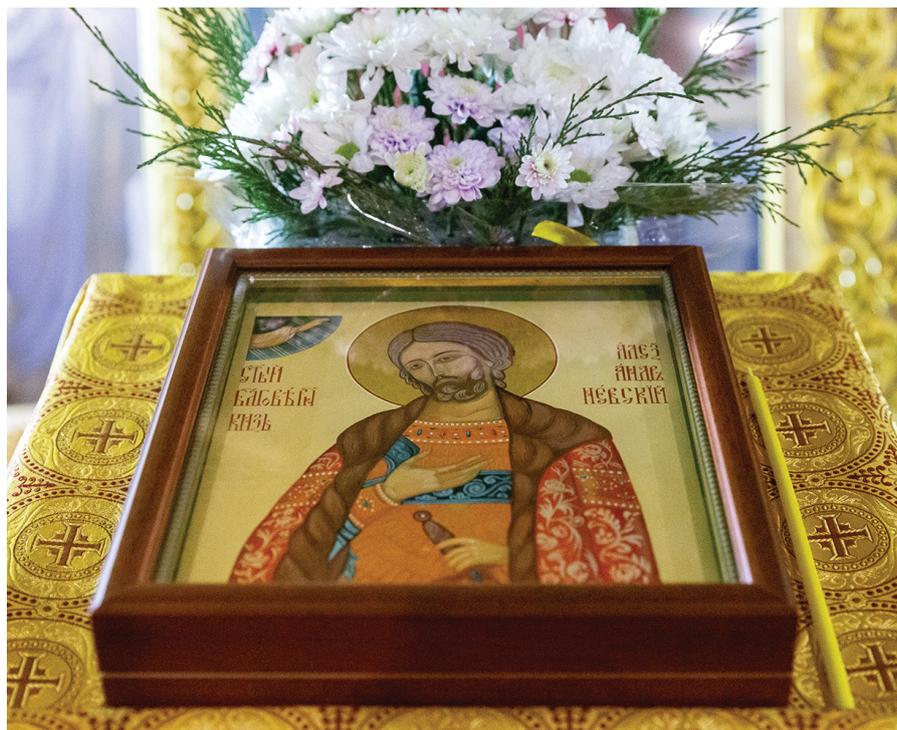

Фото с сайта Симбирской митрополии

«АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ – КНЯЗЬ И ПОЛКОВОДЕЦ»

Музей народного творчества ОГБУК «Центр народной культуры Ульяновской области» организовал онлайн-выставку.

Идеалом для подражания на Руси традиционно были национальные герои и святые, которые совершали подвиги во имя Отечества, отдавали жизнь за други своя, созидали и преображали мир вокруг себя.

Галина Зандер.
Князь Александр Невский.
МОУ Крестовогородищенская СШ

Благодарный князь Александр Невский – одна из важнейших исторических фигур российской истории, он сделал исключительно много для формирования политического, культурного и духовного облика нашей Родины. В нем запечатлены образы воина – защитника Руси, политика и дипломата, духовно одаренного человека. За свои свершения князь Александр Невский высоко почитается на государственном уровне, а в Русской православной церкви он причислен к лику святых.

Сотрудники музея народного творчества предлагают вам ознакомиться с работами детей и взрослых – жителей Ульяновской области, участников онлайн-выставки «Александр Невский – князь и полководец».

Участниками выставки стали художники, мастера декоративно-прикладного искусства, учащиеся школ, центров детского творчества и просто талантливые люди из Ульяновска, Новоульяновска, Брядинской, Володарской, Мирновской, Крестовогородищенской средних школ Чердаклинского района и многие другие.

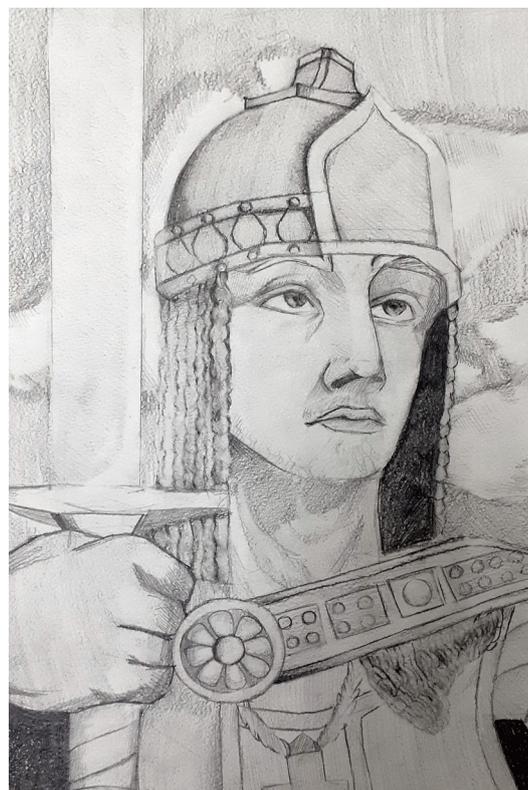
Работы участников онлайн-выставки «Александр Невский – князь и полководец» представлены на страницах музея народного творчества в социальных сетях.

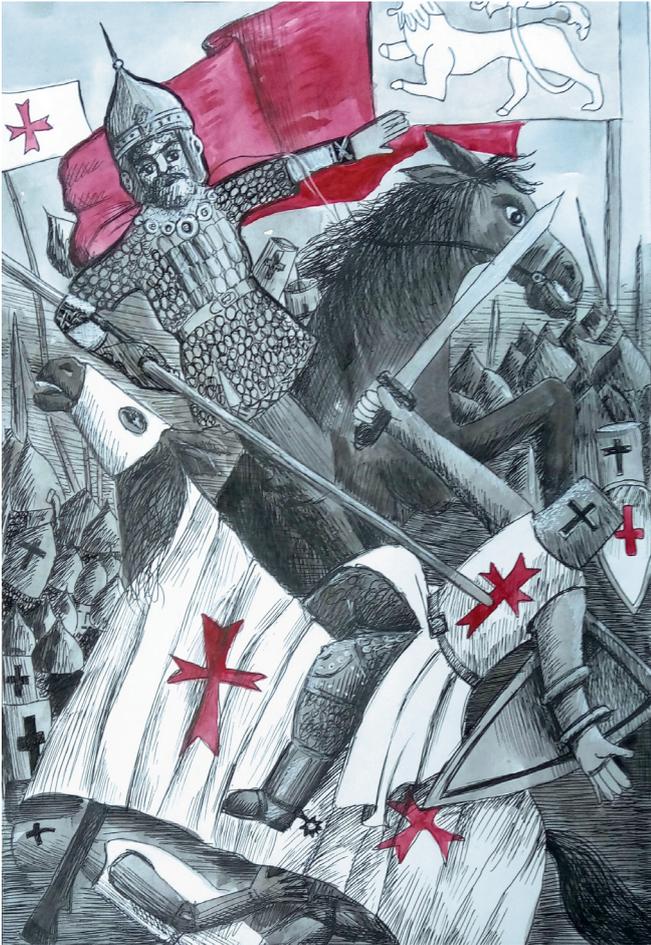
Епифанов Александр Евгеньевич.
Александр Невский (в резном киоте)

Валентина Белова. Храм Александра Невского. ОГБУК ЦНК

Токунова Анастасия.
Александр Невский. Карандаш.
МБУ ДО Инзенская детская школа искусств

Пятницын Арсений, 11 лет.
Кто с мечом к нам придет... МБОУ ДО ДШИ №13

Надежда Черникова, 14 лет.
Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет.
МУ ДО Новоульяновская ДШИ имени Ю.Ф. Горячева

Егор Карзанов, 8 лет. Работорец.
МБОУ Средняя школа №15 им. Героя Советского
Союза Д.Я. Старостина г. Ульяновска

Маргарита Смирнова. Мир всем.
Музей народного творчества

ПРЕКРАСНАЯ ПРИРОДА ЗАБАЙКАЛЬЯ

К главам романа О. Шейпак «Тарбагатай»

«Позвоночник» Бурятии

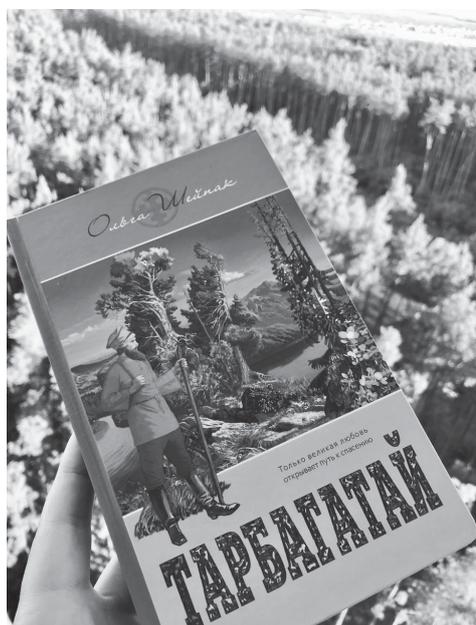
Ледоход на Селенге

Фото Татьяны Семёновой-Дульской

Елена МЕРКУЛОВА, зав. отделом-специализированной библиотекой №12 имени В.И. Даля.

ТЁПЛАЯ ВСТРЕЧА С ТАРБАГАТАЕМ

20 января в рамках цикла встреч с писателями и поэтами «Ульяновск литературный», посвященных Году книги в Ульяновской области, в модельной библиотеке №12 имени В.И. Даля МБУК ЦБС состоялась встреча с Ольгой Георгиевной Шейпак – писателем, главным редактором журнала «Мономах», членом Союза писателей России, членом Союза журналистов России, лауреатом Всероссийской литературной премии имени И.А. Гончарова, Всероссийской православной литературной премии имени святого благоверного князя Александра Невского.

Темой долгожданной встречи стало издание нового романа писателя «Тарбагатай», вышедшего в свет в мае 2020 года в издательском доме «Алдоор».

Еще в июне, на презентации симбирского словаря Даля, Ольга Георгиевна сделала дорогой подарок читателям библиотеки имени Даля, передав недавно вышедший в свет экземпляр книги с дарственной надписью. Позже на полках появились еще несколько, уже номерных экземпляров.

Удивительно теплой и полной открытий стала эта встреча для постоянных читателей библиотеки имени Даля, молодежи и литераторов, несмотря на то, что за окнами стоял мороз и в это непро-

стое время участникам встречи необходимо было соблюдать все установленные санитарно-эпидемиологические нормы.

– «Тарбагатай» – это исторический роман, он охватывает более чем трёхвековую историю нашей Родины, но это и роман о любви. Пришло время встать на защиту любви, любви в широком смысле, которая в древнерусском языке имела много названий: чаять, жалеть, заботиться. Слово от Бога, оно не просто материально, оно духовно, это само орудие жизни, его нужно ценить. И, конечно, работая над романом, я использовала словарь Владимира Ивановича Даля, – сказала в начале встречи Ольга Георгиевна.

Автор достиг своей цели, роман действительно, читается на одном дыхании, читатель путешествует из века в век с героями семейского рода Чебуниных, ищет вместе с ними правду жизни, неистово любит, горюет, радуется. Откроем книгу и потечет перед нами живая, яркая речь старообрядцев, насыщенная старинными словами, предстанут перед нашим взором подлинные герои, и не отпустит воображение сибирская природа, могучий Байкал...

Ольга Георгиевна несколько лет серьёзно изучала церковную реформу XVII века, которая привела к расколу не только в церкви, но и в обществе. И тема, казавшаяся совершенно далёкой, вызвала живой интерес, все слушали затаив дыхание о том, как, отстаивая свою веру, гибли тысячи людей, другие бежали в леса, далёкие поселения, были посланы в Сибирь, пытаюсь сохранить свою правду и традиции предков.

Любовь к семейскому роду Чебуниных, несомненно, почувствовали все, кто пришёл на встречу. Смелые, трудолюбивые, честные люди несли правду жизни для своих детей, потомков. Участники встречи пережили своеобразное путешествие в историю, а молодёжь впервые услышала о том, что происходило не только в далёкой Сибири, но и по всей Руси. Ольга Георгиевна щедро делилась со своими читателями любовью к своему роду, забайкальской природе, рассказывала об уникальной духовной культуре тарбагатайских семейских, которая была провозглашена «шедевром устного и нематериального наследия человечества» и включена в первый

список ЮНЕСКО. Как объяснила Ольга Георгиевна, это культура духовного пения, позволяющего старообрядцам войти в особое надмирное состояние и без усталости стоять на церковной службе по 4-5 часов.

Читатели даже смогли прикоснуться к материальной части культуры старообрядцев! Ольга Георгиевна принесла на встречу женский пояс, сотканный предками в Польше в XVIII веке и привезённый семейскими в Сибирь.

Участники встречи и О.Г. Шейпак с семейной реликвией – подлинным женским домотканым поясом XVIII века

И где-то там, в Забайкалье, у далёких родных остались и янтарные бусы, принадлежавших семейским красавицам ещё в Польше, крупные, размером с ранет, несущие тепло солнца и покров Богоматери. Обрести их, передать детям и внукам мечтает ульяновская ветка Чебуниных.

И замечательно, что в Тарбагатае есть музей, сохраняющий культуру семейских, и хор, продолжающий традиции духовного пения.

Богатой на эмоции, исторические открытия, полной любви к своим родным корням стала встреча писателя Ольги Шейпак со своими читателями. Её участники высказали искренние слова благодарности писателю за новый, интереснейший роман. Добавим, что все экземпляры романа «Тарбагатай» в нашей библиотеке уже на руках, пожелаем же ему счастливой читательской судьбы.

Ольга ШЕЙПАК, член Союза писателей России, лауреат премии имени святого благоверного князя Александра Невского, лауреат премии им. И.А. Гончарова.

ТАРБАГАТАЙ

Страницы романа

Глава 3

Главная потеря

Тарбагатай. 1912 год

Селенгинская долина завораживает своей неброской красотой. Весной она долго спит – до тех пор, пока к ней с высот горных острогов не спустятся ангелы, чтобы вернуть дар речи чистым родникам и горным утёсам, каменистым предгорьям и солончаковой степи. И тогда Селенгинская долина просыпается и с великой радостью славит Творца.

В начале лета краски богаче, ветры нежнее, музыка ветров крылата, а песни тарбаганов веселы и задиристы. Травяным пьянящим духом перенасыщен воздух. Чабрец, богородичная трава, дикий лук, солодка – от густой пряной смеси кружится голова, и так хочется жить, любить и верить, что эта богатая земля никогда тебя не обманет.

Как только забайкальское солнце наберёт силу и, как кипящий самовар, раздует пузо, травы пожелтеют, запахи поблекнут, разморённые жарой тарбаганы смолкнут. Лишь ворчливые кузнечики продолжают устало стрекотать и что-то доказывать друг другу.

Зато осенью начинается настоящая цыганщина. В разгульной пляске озорная осень смеётся всей ширью неба над прыгающими по степи снопами перекати-поля, а пунцовый от любви боярышник жмётся к рябине, стыдливо скрывающей пожар сердца.

Рано или поздно любому празднику приходит конец. Мудрая ясность неба напоминает о приближении стужи. И вот уже богатый сарафан Селенги скован толстым льдом, как и рукава её рубахи – реки Тарбагатайка и Куйтунка, разметавшиеся по слободе. Но, даже закатая со всех сторон снегами и ветрами, Селенга дышит полной грудью. Красуется своей мощью, размахом крыльев и всевластием покоя.

Зимнее солнце яркое, но трусливое: поутру выглянет, оглядится, сыграет в снежки и поспешит за горизонт, в неведомую страну теней, оставляя каменных идолов сторожить древние курганы Селенгинской долины.

* * *

Подъезжая к слободе после долгого отсутствия, Ларион в волнении натянул вожжи и тихо скомандовал лошади: тпр-ру. Рыжая перешла с рыси на шаг неохотно: видела, что дом совсем рядом, рвалась в родное стойло.

Всю упряжь, включая седло и потник, Ларьке подарили буряты – Рыжая пришла к ним голой, каким-то чудом довезла больного хозяина до улуса. Телега осталась на Щучьем озере.

Парень с ужасом подумал, что открытый разговор с дедом о бурятах неизбежен.

Вот и Тарбагатай. Центральная улица протянулась на несколько вёрст. От волнения сердце Ларьки учащённо забилося. Он любил свою слободу. Впер-

вые этим летом расстался с ней на такой большой срок.

Разросся Тарбагатай за последние годы, более полутьсячи дворов отстроил, расплодил жителей: если с младенцами считать, около семи тысяч наберётся. Всем хлебушка подавай. Старосты неоднократно к властям обращались с жалобой на недостаток земли. Семейские старообрядцы – их в слободе большинство – землю любят, работать умеют. Сколько ни дай им земли, всё поднимут и вспашут. Для этого надобно миллионы камней из земли вынуть и новые горы сложить. Так и делалось веками.

Проезжая мимо церкви Николы Чудотворца, Ларька незаметно перекрестился. Она единоверческая, сюда семейским путём заказан. Дед называет эту церковь обманкой и ворчит, когда о ней заходит речь: «Придумали единовере. Что тако, не знамо. Обманка...»

Есть в Тарбагатае ещё один храм: Зосимо-Савватиевский. Он совсем старый, деревянный, но крестятся здесь по-новому и службу ведут короткую, позорную, как говорит дед. Но что-то тянуло сюда Ларьку, и он, будучи мальчишкой, иногда проникал тайком в церковный двор и во время службы заглядывал в щелочку храмовых дверей: что там происходит? Кто-то из семейских увидел его однажды на крыльце храма, доложил деду. Старик оттащил внука за ухо, а потом посадил перед собой на лавку и, глядя в глаза, начал объяснять, почему им закрыт путь в церковь.

– Было благодатное время, когда наши предки в русских церквях молились. Да не в таких, как Зосимо-Савватиевская, а в Москве-граде. Прадед говорил, там лепота сказочная, иконы сияют, золото глаза слепит.

– Где ж та Москва, деда? – мальчонка рот открыл.

– Далече, сыне, далече... – Иван Игнатьевич махнул рукой, показывая, что увидеть Москву невозможно.

– Неужто дальше луны?

Как ни просил Ларька деда, тот про Москву больше не сказывал, потому что сам ничего не знал о сказочном граде. Но часто повторял, что ушла благодать из церквей и потому нельзя участвовать в литургии, иначе осквернишься.

Однажды внук снова, уже по собственной воле, завёл разговор о церкви:

– Скажи, деда, зачем сибиряки из чаши напитков пьют?

– Это причастие – к крови и телу Христову. Раньше, давным-давно, из чаши благодать получали, а потом потеряли, когда раскол случился. Одно нам осталось – духовную благодать через молитву стяжать, потому и молимся долгими часами.

– Выходит, нельзя к чаше прикасаться?

– Молись, сыне. Придёт время, и мы к чаше приложимся. Хфеофан Хфедотов твердит, не пере-

велись на Руси истинные епископы, скоро к нам пожалуют.

И снова дед пугал внука, в ярких красках рисовал, что ждёт осквернившихся людей в аду. С тех пор мальчишка в церковь не заглядывал, ходил с дедом в молельню, где на клиросе читал уставщик. Но пришло время, и Ларька с дедом причастились.

Братья Федотовы – Абросим и Илья, их отец Феофан и дядья решили поставить часовенку прямо на своей земле, в огороде на Шелухановой улице. Они призвали семейских подсобить и выделить два-три бревна с каждого двора. Поначалу дед Иван Игнатьевич это дело не поддержал:

– Нет свою древлеправославного священника – кака церковь? Кто литургию служить будет?

Но брёвна выделил. Часовню Федотовы поставили, а через год на Страстную неделю Абросим поехал в Новониколаевск и к Пасхе привёз священника, рукоположенного по старому уставу митрополитом Белокрыницким. Неделю гостил священник в Тарбагатае и совершил сотни духовных треб. Все Чебунины на исповедь и причастие пришли, в том числе и дед Иван. Ларька тогда впервые в жизни причастился.

После отъезда духовника в часовне служили сами братья Федотовы – Илья и Абросим. Даже беспоповцы в их церковь хаживали. Семье Федотовых – почёт и уважение. В праздничные дни их часовня всегда была переполнена, а новенький каменный храм Николы Чудотворца стоял пустой.

Сейчас Ларька поймал себя на непреодолимом желании войти в Никольский храм. Он спрыгнул с кобылы, но вместо того чтобы привязать её к воротам, обнял морду Рыжей и уткнулся носом в её огромный всевидящий глаз. Она вытянула губу, подняла ухо – Ларька почувствовал, как учащённо забилось её сердце.

В этот момент парня окликнул знакомый голос. Подбежал Мишка Елизаров – тоже из семейских, вместе росли, в лапту играли. Ларька его не сразу узнал: за одно лето вырос, возмужал, челюсть обросла молодым пролеском. Друзья поздоровались, обнялись.

– Ты почём без шапки? – Мишка хитро прищурился. – Али снял, штоб в единоверческом храме помолиться?

Ларька растерялся, нахмурился.

– Ладно, я так, шуткую. Говорят, ты заимку взял в Тохое? – спросил Елизаров.

– Стало быть, не брешут. Взят. – Ларька попытался улыбнуться. Он устыдился того, что товарищ застал его в минуту слабости, у церкви. – Зимовать домой приехал, – пояснил он.

– Это хорошо, что приехал. – Мишка не скрывал своей радости по поводу встречи. – А то не попрощался, тайно убёг. Я даже усомнился в нашей дружбе.

– Чиво зря брехать – не люблю пустомелить.

Неожиданно заржала Рыжая. Хозяин недобольно обернулся. Лошадь напрягла шею и задрала вверх голову, показывая своё нетерпение: она рвалась домой. Ларька потрепал её по загривку.

– Одному Богу известно, что из моей затеи выйдет.

– Это так... – Мишка похлопал себя по ляжкам – он так часто делал, то ли ободряя себя, то ли со-

гревая. Видно было, что его распирало от каких-то новостей.

– Ну сказывай, что тута деелось... Какая жисть.

– Дык всяко живём, а хлебушек свой жуём. Тятка твой объявился.

– Отец приехал? – Парень сам не понял, обрадовался он этой новости или испугался.

– Картинно приехал, на всю слободу ославился. В каждой избе до сих пор судачат.

– Что такое? – У Ларьки лицо посерело.

– С полсотни бутылей вина купил, связал верёвкой и таскал по улицам, раздавая направо и налево – угощал, значит, пьющих. Бабы говорят: с ума стужился, на приисках диаволу душу продал за золото. Другие завидуют: денег полно – раздул кадила.

Чтобы скрыть чувства, Ларька снова отвернулся к кобыле, погладил Рыжую по шее, потянулся к сбруе. Мишка подумал, что он собрался домой, и поспешил сообщить главную новость.

– Ну а Михайло Карпович, как прознал про Иону, так и огласил, что родница с вами не будет, Дарью за Петьку Ефимова отдаст.

– Всё сказал? – Коршуном глянул Ларька на друга. Острые скулы обозначились резче, лицо вытянулось прямоугольником, сделалось некрасивым. – Домой поскачу. Мож и мне от Ионы кака бутыль осталась.

Он понужил лошадь и рванул к дому.

– Ларька, стой, погоди! Я ведь не со зла – предупредить тебя хотел, – кричал Мишка вслед старой кобыле.

* * *

Выехав на свой порядок домов, Ларька спрыгнул с лошади. От волнения бороду скомкал в кулак и дёрнул. Понял, что перенял глупую дедову привычку рвать на себе бороду, и шлёпнул левой рукой по правой: негоже лишать себя мужицкой красоты.

Дом Мишки Елизарова, дальше – Михайловых, следующий – огромный, как храмина, бревенчатый дом Ефимовых. Из-за высоченного забора лишь наполовину выглядывают оконца второго этажа. В детстве Ларька водил дружбу с Елистратом и Григорием, а их старшего брата Петра Ефимова обходил стороной – больно напыщен, словно индюк.

Наконец, дом брательников по матери – Фёдора и Ферапонта Чебуниных. Их отец, тоже Ферапонт, был старшим братом матушки Фени. Нелюдимый, смурной, он с родственниками не общался. С его сыновьями, двоюродными братьями, Ларька дружил, когда мама Феня была жива. В ту пору обе семьи Чебуниных, можно сказать, одним домом жили, но потом отдалились.

Как-то раз внук задал деду вопрос, почему разладились отношения с родичами.

– Да не разладились... Не знаю, что тебе сказать. – Иван Игнатьевич задумался. – Ушла Хфеня – ушла родня. И вообще, Ларька, неча задавать глупые вопросы.

Вот и родная изба. Карнизы окон украшены резьбой – дело рук отца. А разноцветные цветочки на ставнях – память о матери, её художество. В гуще цветов – павлин, по четырём углам ставен – голуби.

Ларька плохо помнил матушку, но в памяти отложился её рассказ о павлинах: есть такие прекрасные птицы, живут они в раю.

– Матушка, родненька, а вы были в рае? Неужто видали чудесных птичек?

Мама Феня погладила сына по голове, грустно сказала:

– Мне вряд ли доведётся в рае побывать – така радость лишь святым праведникам дана. Они нам, грешным людям, тайны открывают.

– Я, матушка, хочу, чтобы мы с вами вместе тудысь попали, – Ларька заглянул маме в глаза – они были полны слёз.

Не сбылась детская мечта...

Калитка тоже разрисована матушкой: красный петух будто бы летит над полем.

Ларька переступил порог родного дома и сразу понял: давно не топлено. Глянул под ноги: пол не дощатый, как у тётки в Ганзурине, а посыпан дресвой, потому и стынет быстро. Невольно подумалось: в новом доме полы непременно надобно застлать досками и покрыть вязаными половичками. А Дарьюшка, по примеру матушки Фени, разрисует весёлые ставенки и опечек осанистой русской печи, от которой всегда будет исходить тепло.

Закашлялся дед. Ларьке стало не по себе от собственного тщеславия – он бросился к стылой печке. У топки – ни шепочки дров.

Старик несказанно обрадовался приезду внука. Он так и не вылечился, хвороба его одолела.

– Как же так, деда? Вы пошто себя не берегли? – причитал Ларька, ощупывая холодные кирпичи под стариком. – Неужто некого было позвать – избу вытопить?

– Не брешы, паря, делай дело... – голос у деда был совсем слабый.

Ларька помчался во двор рубить дрова. Наколот охапку, принёс, начал суетливо разводиться огонь – от волнения сломал одну спичку, вторую. Выругался.

– Ты чо, Ларька, Бога гневишь? У зверя реветь научился? – проростал дед.

– Каюсь, деда. Не думал я, что вы тут один помигаете.

– Я не один был. Батька твой с приисков вернулся. Наделал шуму в слободе...

Дрова мгновенно схватились огнём.

– Буянил? – спросил внук как можно равнодушно, будто не слышал новость про отца.

– Нету, – отозвался дед, – но купил винища бутылей 30, кажная – по штофу. Связал бутылки верёвкой и таскал энтот груз по улицам. Шум стоял, смех, крик. Кого ни встретит по дороге, хрясть ножом по верёвке – держи, мужик, бутылка!

– Пошто он таку комедь разыграл? – Ларька стиснул зубы. – Решил нас вконец опорочить? Где он?

– Остынь... Сыми меня, – прокряхтел Иван Игнатьевич, – посади у печки. Да брось доху на пол. Кости совсем застыли. И душе неуютно, так и рвётся на волю.

Ларька постелил овчину, усадил деда возле самой топки, сам примостился рядом. Сухое потрескивание дров действовало успокаивающе, он расслабился. И вдруг вспомнил, что в дорожном мешке у него лежит бурятская шапка. Подумал: надо бы её спрятать подальше, но куда? В сундук, где хранятся родовые реликвии? Осквернить самое-самое, чем так дорожит старик? Но дед не столько старьём до-

рожит, сколько внуком. А тот осквернился – далее некуда.

От этих мыслей на душе снова стало погано.

Старик согрелся возле тепла, размяк. Выпил кипятка вприкуску с сахаром и вроде бы ожил. Начал рассказывать, что приключилось с Ларькиным отцом.

Иона покинул прииск неспроста. В апреле на Бодайбо произошла трагедия. Люди не вынесли измывательств начальников и хозяев – восстали против штрафов, поборов, грязи, обмана с выплатами. Во время стачки офицер приказал солдатам открыть огонь по рабочим. Более двухсот человек погибло. Иона получил ранение в левую руку. Сразу же после случившегося рабочие и старатели стали покидать Бодайбо. Тысячи людей бросились на Витим к пристани, чтобы арендовать баржи и лодки. Да разве ж на такую ораву найдётся переправа? Слёзы, крики, паника. А путь по Витиму долгий и опасный – до устья 280 вёрст, а там – Лена, потом – Байкал, наконец – непроходимая тайга.

Иона чудом жив остался. Потому и устроил театр с бутылками. Его раненая рука ещё в пути загноилась, а в Тарбагатае жар свалил с ног. Дед Иван снарядил сани и отправил сына в Верхнеудинск.

– Что ж получается, деда? Вы с тятьей оба хвораете. Что мне делать? Как я вас тут брошу одних?

– Ничо, справимся как-нибудь. Ты-то как? Побоялся зимовать на озере?

Внук долго молчал, не решался признаться в том, что гостевал у бурят. Но делать нечего, правду скрывать нет смысла.

– Горько говорить, деду... Не знаю, как начать, – кое-как выдавил из себя Ларька.

– Ты с конца начни, так вернее будет. – Дед напрягся, попытался подняться с пола, но сил не хватило, и он обмяк.

– С конца – так с конца! – рявкнул Ларька. – Осквернился я. К бурятам попал в юрту и осквернился.

– Как так – осквернился? – Голос глухой, будто не деда Ивана, а чужого старца.

– Без сознания был, захворал шибко. Ел, пил у них...

– Ну... Тагды изыди из избы. Тута, вишь, святые иконы висят... Аль забыл, что сказано в Сказании о священных правилах от учителей церковных? Сколь раз я тебе читал: «Не подобает к еретикам приобщение имети в ядении, в питии, дружбах и любви. Те, кто с еретиками сообщения имеют, – ересь. За то полагаети отчуждение и вечные муки с ними».

– Куда ж мне идти, деду? Некуда. Зима.

– Бяри каку-либо манатку да иди в сенцы. Или на сеновал. Больше мне сказать нечего.

– Выслушайте хотя бы меня! – Ларька ещё недеялся на снисхождение.

– Слухать нечего. Не тьяни время, не оскверняй дом. Пожалеть тебя? Считаю, что я пожалел. Но заруби на носу: погубели предшествует гордыня, падению – надменность.

– Говорю же: захворал я! Какая гордыня, какая надменность? Откуда?

– От маловерия! Ты не в Бога веруешь, а в силы свои немереные. Вот откель гордыня. Иди, сыне, не гневи Господа.

* * *

Так Ларька остался без крова. На дворе уже хозйничал декабрь, а у него, как известно, свои правила поведения. Ночевал изгой в бане: натопит – и ладно. А пищу приходилось готовить в котелке на морозе.

Но не холод волновал парня, а здоровье деда. Пришлось обратиться за помощью к Михаилу Елизарову.

– Упрямый у меня дед, в избу не пускает. Я за яво жисть боюсь – больно он хворый. Зайди в дом, узнай, как он там.

– А чо случилось? Почему не пускает?

– Поссорились мы, – Ларька уклонился от ответа. Мишка вышел от деда хмурый.

– Кажись, помирает Иван Игнатъевич. Сходи к тётке Зинаиде – она травница, отпоит деда отваром.

– Схожу. А ты исть ему занеси, – Ларька подал Михаилу котелок со щами, а сам пошёл к знахарке. Её дом стоял в конце того же порядка.

Зинаида Карповна выслушала парня и занялась приготовлением трав. Пришла быстро. Отпоила деда отварами, прибралась в доме. Вечером, прежде чем уйти к себе, позвала Ларьку – он сидел в летней кухоньке, грелся у очага.

– Иди, дед зовёт...

– Куды?

– На кудыкину гору. К яму иди! – Она перекрестилась двумя перстами. – Чует моё сердце, отдаст Иван Игнатъевич ночью свою душу Богу.

Ларька кинулся в дом.

– Деда, я печь затоплю!

– Не надо жара. Теперь ужо не надо. Сядь, Илларион, выслушай, что скажу. Я много думал. Есть тако понятие: мёртвое слово. Есть живое слово. Апостол Павел писал коринфянам: «Письмо Христово не чернилами писано, но духом Бога живого, не на скрижалях каменных, но на платяных скрижалях сердца». Буква убивает, а дух животворит. По всему выходит, чего-то недопоняли наши прадеды, когда закон превыше всего поставили. Так тебе завещаю: служи не букве, но духу.

– Понял, понял, деду! – Ларька захлопал носом, хотя ничего не понял из того, что сказал старик. – Не помирайте, деда, ладно? Не оставляйте меня, Христа ради! Я во всём буду слушаться. Как скажете, так впредь и будет, де-е-ду... – Он уже не просил, а скулил, как побитый и изгнанный из будки пёс.

– Беги... за уставщиком Хфедотом... Шибче беги... – старик говорил с трудом, собирая последние силы. Ларька бросился к двери, напоследок обернулся – дед поманил его рукой, сказал едва слышно. – Никому не говори о бурятах... Никому, слышишь? Пушай энта тайна со мной в могилу уйдёт.

В этот момент дверь открылась. На пороге стоял сам Федот Савельевич.

– Вы, дядя Федот, как здесь? – изумился юноша.

– Знаю я, паря, где мне быть и когда, – недружелюбно отозвался уставщик. – Выйди погуляй... Ну что, брат, – обратился он к Ивану, – исповедуешься перед встречей с Богом?

Ларька видел, как дед улыбнулся в ответ.

Через час Федот Савельевич вышел на крыльцо, позвал парня:

– По исходу души я прочёл... Беги к соседкам,

Прототип героя романа Илларион Чебунин (справа) с орнитологами на Байкале. 1928. Из семейного архива автора

пушай бабы яво обмоют, а потом садись читать Псалтырь. Надо до завтра все кафизмы прочесть. В полдень схороним.

Ближе к вечеру дед, обряженный в последний путь, лежал на лавке. Его лицо показалось Ларьке живым, улыбка по-прежнему играла на устах. Казалось, старик, запеленатый белым саваном, объят безмятежно-ласковым сном. Уснул, чтобы очнуться в другом, справедливом мире.

Покойно было стоять при свечах около домины и читать кафизмы. Ларьке казалось, что эти странные песни Давидовы приподняли его над земным миром и приблизили к небесному.

Но сердце-то сокрушено! Судьба обрушилась внезапно, неестественно крупным градом. Как нести тяжкий крест, когда уничтожены душевные посевы и убиты живительные силы?

Остаётся одно: безоговорочно верить Слову.

«Сердце сокрушено и смиренно Бог не уничтожит...»

Через два часа Ларькины ноги одеревенели. Язык тоже устал, начал заплетаться, коверкать слова. Негоже так читать. Что дед говорил про живое слово и мёртвое? Ларион задумался. Голова как чугунный горшок...

В этот момент в дверь просунулась густая кучерявая борода – в избу вошёл старший сын уставщика – Семён Чебунин, красивый коренастый мужик, у которого было многочисленное семейство: старшие сыновья женились и даже народили детей, а младшие ещё только обучались грамоте. Семён Федотович молча подошёл к Иллариону, обнял его и коротко сказал:

– Садись, отдыхай. – Взял в руки псалтырь и начал читать Трисвятое.

Ларька был рад приходу родственника: он не помнил, когда последний раз Семён Федотович их навещал. Ну вот, значит, не отринет община Ларьку за отцовские грехи. А почему за отцовские? Парень задумался. Он, Ларион, не меньше отца нагрешил, осквернился у бурят.

Глянул внук на мёртвое чело. Нет, не дед лежит на лавке, а восковой слепок с него, а сам Иван Игнатъевич спрятался на печи и выглядывает оттуда, хитренько щурясь по своему обыкновению: что происходит? Того гляди, что-нибудь отчебучит.

Видать, правда, нет смерти – одна обманная

картинка. Пошто молчишь, деда? Что ты несколько часов назад говорил про живое слово и про дух? Ты часто повторял, что предки наши завещали хранить правую веру, без искажений апостольского правила. А про дух... Дух животворит. Ну да... Дух от мертвечины отличить – вот главное...

Ларька почувствовал, что не в силах разомкнуть веки.

В дрёме ему показалось, что Семён Федотыч, читающий псалтирь, стал вдруг выше ростом и годками моложе, начал читать громче и бойчее. Ларька заставил себя открыть глаза. Каково же было его удивление, когда он и впрямь увидел молодую высокую спину в собачьей безрукавке. По голосу узнал Петьку Ефимова. Соперник, которому Михайло Карпович обещал Дарью в жёны отдать, пожаловал в их дом к смертному одру деда. Как он посмел? Да ещё кафизмы перед иконами читает!

Первый порыв – схватить Петра за шиворот и выбросить из избы. Но как можно оскорбить человека, читающего святые тексты?

С трудом сдержал гнев. Когда буря в душе утихла, Ларион встал со скамьи, подошёл к гостю со спины, похлопал по плечу:

– Спаси Христос, Пётр! Дальше – я сам.

Больше ничего не сказал. Ефимов ушёл.

На рассвете Ларька пошёл за домовиной под навес, где хозяйничали куры. Он впервые осмотрел постройки глазами хозяина и ощутил полное запустение. Стропила сарая почернели и скособочились, заплоты на заднем дворе давно стояли пустые, выветрились в них запахи парного молока и навоза. Лишь старая кобылка и её молодой жеребец дремали в стойле на задках, да в будках возле дома были охотничьи дедовы собаки.

Ларька погладил верхнюю часть смертной колоды. Она оказалась загаженной куриным помётом. Парень достал топор, оседлал домовину и начал скрести остриём по бревну, а выходило так, что скрёб себе по нервам. Отбросил топор, схватился за голову.

Почему так устроен мир? Нет в нём постоянства. Подул ветерок не в ту сторону – и пал человек, как былинка. А зачем родился – неведомо. Чтобы отмучиться и уйти? И оставить несчастными близких? Скорби преследуют всех и повсюду. Почему невозможно просто жить и радоваться?

Дед умел радоваться. Каждому лучику, всякой птахе и букашечке. Куриному яичку. Внезапному дождю. Червячку, появившемуся из влажной почвы. И Ларьке хотелось научиться жить так же – не получалось. Хотя и научал дед внука: «Оставь своеволие и принимай жисть, кака она есть. Недовольство – от гордыни. Отринь уныние, и поселится мир в душе».

Это сколько ж надо с собой бороться, чтоб отринуть!

Надо было поторапливаться: хоронили Ивана Игнатьевича по семейскому обряду на второй день.

Старушки с утра читали молитвы по лестовкам. До поминального обеда полагалось пройти лестовки семь раз. В каждой лестовке – 109 бобочек, а значит, надобно прочесть 756 молитв.

Пока несли усопшего к последнему пристанищу, соседские дети помыли в избе все иконы: к святым образам может прикасаться только безгреш-

ный. Коли кто другой дотронется до «богушко», так перед тем возьмёт в руки чистый платок.

Поминальный стол сладили женщины: кутью, блины, щи, пироги с рыбой – всё, как полагается. Ларька на помин не пожалел денег.

Почти все Чебунины пришли на похоронки, лишь Михайло Карпович, а также его домочадцы и братья побрезговали домом родичей. Других семейских было мало. Из соседей – Михайловы, Елизаровы и Думновы, из Ефимовых – никого. Обычно к поминальному столу притекало до трёхсот человек.

«Стороняйся нашего дома, – рассудил Ларион. – Считают Иону осквернившимся, раз он на приисках жил с кем попало. А коли б прознали, что я с бурятами яхшался, ни один бы человек не переступил порог нашего дома...»

У родных сосен

На девятый день Ларион пошёл на могилки. Слова «кладбище» семейские не знали или не признавали. Высились восьмиконечные кресты могил на полулысом холме с редкими соснами и елями.

Боль потери стала по-настоящему ощутима лишь теперь, по прошествии девяти дней. Какая тайна заключается в девяти днях? Дед говорил, что ангелы всё это время показывают райские кущи, а уж после покойный проходит через мытарства.

Шёл Рождественский пост, приближался праздник, а на душе было так тяжело, что жить не хотелось. Уход деда Ивана – не просто тяжкая потеря: неодолимый обрыв на Ларькином пути. Как отпевали, как хоронили деда – всё стёрлось из памяти, словно это был плохой сон, который хочется поскорее забыть. Но у любого сна есть конец: досмотрел, проснулся. А действительность какова? Взбирается Ларька на холм, вязнет в снегу и понимает, что пробуждения не будет.

Вот и родовой угол Чебуниных. Ларькина мама Феня – Феодосия. У её могилки разрослась посаженная Ионой берёзка – единственная на могилках. Неподальку лежат дедушкин отец Игнат и его брат Иван, который тоже был уставщиком. Дальше – отец Игната: прадед Симон, общий дедка с веткой уставщика Федота. А отец Симона Михайло – общий дедка с Михайлом Карповичем и, стало быть, с Дарьей. Вот только нет могилки Савелия – отца уставщика Федота. Почему?

Ларька впервые задумался: а ведь он вообще не помнит деда Савелия... Вроде был, а вроде и не был вовсе. Все семейские по одной фамилии лежат, рядышком, а Савелия нету. Как так? Не забыть бы спросить у дядьки Федота...

В Забайкалье много снега не выпадает, но здесь, среди вековых сосен, для него хорошее убежище. Ларька рукавицей смёл снег с ближайших могил. У деда Ивана натоптано. Намёрзшие комья тяжёлыми валунами набросаны на домовину. Ничего, крепка, тепла такая изба. Прости, деда, спи спокойно...

Ларька притулился к стволу старой сосны. Рядом с ней ещё три сестрицы, чуть помоложе, сплелись крепко ветками, будто из страха, что их разлучат. А кто их может здесь разлучить? Уже никто...

Всем лежащим открывается путь в бесконечное, неземное. Там смолкает судьба, гаснут страсти, растворяется в небытии человеческое эго. Только

Бурятия

Бог, только Его любовь.

Правы были предки, что выбирали для могилки самый высокий холм – между земным домом и небесным.

Долго стоял Ларька у родных сосен, пока не почувствовал, как под тулуп пробирается холод. После болезни лёгких и чудесного выздоровления рисковать здоровьем – большая глупость. Впереди – непосильные труды. Надо дожидаться Пасхи и – на заимку. Только бы отец не стал перечить. Если он вообще объявится, отец...

Пора назад, в слободу.

Посмотрел Ларька на тропу, бегущую вниз, и вдруг подумал, что эта тропа ведёт не домой, она – из жизни в смерть. Дорога к жизни, наоборот, – на холм, к корням и стволам этих сосен, к верхушкам и выше...

* * *

Прошло уже две недели, как схоронили деда, а отец так и не вернулся. Небось, загулял в городе. А если сгинул? Дед Иван говорил, что у отца были деньги, а где деньги, там и беда...

Иона появился неожиданно. Ларька был занят по хозяйству. Дал овса лошадям, покормил кур, направился в амбар за мукой и увидел отца – тот стоял посреди двора, широко расставив ноги. Плечист и высок, как дед, но немного сутулился. Голубые глаза смотрят сурово. Окладистая борода срослась с усами, лицо заросло, как у таёжного зверя. Волосы давно не стрижены. Во всём облике – неопрятность, чего раньше никогда не было.

Отец и сын, замерев, смотрели друг на друга. У Ионы из правого рукава овчины выглядывала красная от мороза кисть, другой рукав казался длиннее и поуже – из него ничто не выглядывало.

Наконец Ларька понял, что произошло с отцом, и вмиг простил его за всё. Понял и то, что тятка знает о кончине деда: трагичным и безутешным было его лицо, резко обозначились морщины на лбу и носовые складки, побелела борода.

Помолившись, сели за стол. Отец рывками ошипывал кожуру с горячей картошки и бросал её в рот, глотал, обжигаясь и морщась. Хоть и не принято было говорить за едой, не удержался, спросил, указывая на миску с квашеной капустой:

– Откель?

– Теть Зина научила, я и насолил.

– Она по-прежнему бобылкой живёт? – поинтересовался Иона.

– Кто ж её возьмёт, колдунику?

Иона недобро глянул, ничего не сказал.

С утра до вечера занимаясь запущенным хозяйством, отец и сын подолгу молчали. Ларька отвык от Ионы, не знал, как себя вести с ним, о чём говорить. Как просто и легко было с дедом! Тот и Писание знал, притчи разные, как сказки, сказывал, про святых старцев говорил. И шутить умел. Чаще поддевал не другого, а себя, зато собеседнику свой грех виделся яснее. Отец другого склада: смурной молчун, шуток не признаёт.

Как-то раз поехал Ларька с отцом в лес по дрова: летом и осенью некому было заготовить топливо на зиму. Запрягли в сани Ярого. Его мать, рыжая кобыла, совсем обессилела – то ли от старости, то ли от летних перегрузок, когда помогала Ларьке возить из тайги лес на озеро.

Мороз стоял сухой, крепкий. Иона выбрал сосну для рубки и первым взялся за топор: ничего, справимся, махать можно и одной рукой.

Вздрыгнула тишина, зазвенела от удара остря о стылое дерево. Взвился к небу снежный пух и вскоре снова посыпался вниз, смешиваясь со свежей стружкой.

Вскоре Ларька сменил отца: молодой, крепкий, за лето поднаторел на рубке. После того, как в стволе обозначился глубокий надруб, отец и сын взялись за пилу. Тяжело было Ионе действовать одной рукой, но сосна уже сдалась, подготовилась к валу. Как только Ларька навалился на неё мощным корпусом, она хрястнула и взвыла. Падала картинно, со стоном, как подбитая птица, разметав в испуге широкие крылья.

Ларька снова взялся за топорик, чтобы очистить ствол от веток. Воздух наполнился запахом свежей порубки.

Начали распил. Тут беда: без поддержки пилы второй рукой у Ионы ничего не получалось. Полотно моталось вправо-влево, извивалось змеей. Ларька заметил, что отец шибко расстроился.

– Отдохнём, тятя. Приноровитесь – получится.

– Получится...

Неожиданно Иона заговорил о приисках, да многословно, будто прорвало плотину, удерживающую боль души.

– Не знаю, как живым остался. Сколь товарищей полегло – жутко вспомнить. А рука – ну её к лешему. Пожить ещё охота.

– Пошто восстали?

– Накопилось. А как ты думал? Положено 11 часов работать, а мы – по 14 да 16 часов, до упаду. Положен выходной – шиш тебе. Помолиться – и на то нет времени. Раньше полегче было. Я летом даже старателем ходил. Один раз вот такой самородок нашёл! – Отец показал сыну сжатый кулак.

– Ого! – восхитился Ларька. – А деньги за него дали?

Иона сморщился, отвёл лицо в сторону и сплюнул.

– Пропили мы тот самородок с мужиками, – буркнул. – Ты тятку не осуждай.

– Я не осуждаю...

– Врёшь, осуждаешь. Не знаешь, какво мне жилось. Там же мерзлота! Ледник кострами разогреем – пойдет вода. Её откачивать надо без остановки. Стоишь по щиколотку в воде – каки сапоги выдер-

жат? Знамо, намокнут. И роба намокнет. После работы идёшь мокрый пять вёрст по морозу... Всё тело до костей льдом схвачено. Добрался до барака – там грязь, вонь. И тут начал ты оттаивать – боль така, что волком воешь. Утром снова затемно надо выходить, в ледяную шахту спускаться. Хошь не хошь, а приходится лечиться, не то этой же ночью помрёшь, не встанешь. На севере одно лекарство от всех болезней – спирт!

Иона снова сплюнул и с отчаяньем схватился за пилу. Она сначала не слушалась, ходуном ходила вправо-влево, но потом, как умный конь, поддалась единственной руке Ионы Ивановича, признала его власть.

Часа три потратили на заготовку дров. Ехали назад молча. Ларька подумал: раньше на одну сосну ушло бы часа полтора, не больше. Через какие испытания придётся пройти Ионе, прежде чем он привыкнет жить и работать одной рукой? А что если не пустит сына на заимку? У семейских так: как старший сказал, так и будет. Но если Ларька всё же уедет, сдюжит ли отец, оставшись один? Не сопьётся ли?

Уже дома, когда рубили и складывали дрова в скирду, сын спросил:

– Почему вы, тятя, никогда не рассказывали мне про мамку?

Иона промолчал, ничего не ответил.

Вечером после молитвы, когда уже лежали на полатах, отец возобновил откровение.

– Ты, Ларька, не думай, что твой тятка завсегда изгоем был. По молодости меня все уважали, и Хфеня по любви меня выбрала. Имел я мастерство на любое дело, за кое брался. А когда ещё мальцом был, батюшка покойный, Царствие Небесное рабу Божию Ивану, любил зимними днями книжечки почитать. Мамаша за ткацким станком сидит, тятя читает, а я слушаю, развесив уши. И читал он старинную книжицу – она наверняка в сундуке целёхонька лежит – про муки адовы, как Бог сойдёт судить, как все грешники смолой горячей обольются. И так мне было страшно! Тятя уже давно книжицу закрыл и седьмой сон видит, а я дрожу на горячей печи и представляю, как меня черви будут исты.

И стал я стараться изо всех сил по-доброму жить. Трудился, сил не жалея, молился истово, поклонны земные клал – матушка дивилась, охала да останавливала. Дал я себе слово николи не курить, вино не пить и не браниться. И всё хорошо шло, пока сомнения не напали: что если книжка придумана и нет никакого ада? Откуда про ад знал тот старец, что книжку написал? Не был он там! Жить и так тяжело, утешиться нечем, а кругом запреты: то нельзя и это. А вдруг на тамошнем свете нет ничего хорошего? Старается-старается человек, постничает, воздерживается от страстей, умрёт наконец – а там пусто. Сии мысли так меня одолели, что побороли все добродетели в один миг. И сделался я из праведника – последним грешником. Решил заработать много-много денег, чтобы здесь, в земной жизни побыть сытым и богатым. Ты как там, Ларька, не спишь ли? – прервал он рассказ, усомнившись, что сын его слушает.

– Не сплю, – мрачно отозвался парень. – Понятное дело: бесы в уши сомнения напели. Что дальше-та?

– А дальше – сам знаешь: прииски. Знамо дело: кто ишшо, акромья бесов, про золото в уши напеть может? Они, дьявольское отродье! Так что не сделали меня прииски ни сытым, ни счастливым. Из-за золота я Хфеню потерял.

Ларька весь превратился в слух: что ещё тятя про мамку скажет? Но отец молчал. Долго ждал сын продолжения рассказа, да не дождался.

* * *

Крепко взялся Иона за хозяйство. Хоть и не сразу, всё ж кое-как приноровился столярничать одной рукой. Сыну тоже не давал расслабиться, заставлял работать.

Заменяли стропила в сарае, отремонтировали стойло.

– Куплю пару телков и ярочек с десятков – пушай плодятся, радуют глаз и ухо. Надоела энта мертвецкая тишина. – И вдруг добавил: – Ты б женился, а? Деток голоса – в самый раз были б в доме. А то у меня душа обуглена, сердце стылое. Как жить, не ведаю.

– Да я, тятя... – Ларька не был готов к разговору. – Я ж заимку взял в Тохое, разве ты не знашь? Сосватаю невесту да туда свезу.

– Тьфу ты! – Иона сплюнул, выругался словами, каких Ларька сроду не слышал, и бросил топор, ушёл в избу.

С того дня он стал часто отлучаться из дому. Приходил трезвый, и это настораживало сына: куда он мог ходить? К уставщику – вряд ли. Друзей у Ионы в слободе не было, если не считать пьющих: эти часто заглядывали. Знали, что у него с приисков сохранены деньги, просили на трактир. Всё это были не старообрядцы, а сибиряки, крестьяне и ремесленники. Раньше путь в дом им был заказан, теперь же, с уходом деда, рухнул старинный закон.

Ларьку это не радовало. Часто, ворочаясь на полатах без сна, думал он о старой вере. Была в ней какая-то сила, надёжная опора. А что ежели дед правду говорил о вероотступниках? Получается, что катимся вниз: от хорошего к худому. Какие же времена грядут?

Молодо-зелено

Хоть Иона и начал поднимать двор, многие продолжали относиться к нему как к осквернившемуся и обходили дом стороной. При таком раскладе как можно помышлять о свадьбе с Дарьей? Не раз порывался Ларька сходить к Михаилу Карповичу, но всякий раз себя останавливал: надо сначала подняться, показать, чего ты стоишь.

На вечерках Дарья не появлялась, спросить о ней у подружек парень стеснялся. Неожиданно в гости пришёл Михаил Елизаров. Отца не было дома.

Памятуя о встрече на улице, Ларька для острости нахмурился, но в душе был очень рад появлению Мишки: хоть что-то от него узнать – так сердце приотомилось от неведения.

Была и другая причина для этой радости: коли Мишка переступил порог их дома, значит, не отвергнуты Иона и Ларька семейской общиной.

– Ты садись, садись, Михаил! – суетился Ларька, подвигая скамью к столу. – Сейчас чаевать будем – у меня самовар как раз готов.

– Возьмёшь – черно, польёшь – красно. Пан

кричит «сладко», а мы кричим «гадко», – Мишка проговорил загадку про чай, которую сызмальства знал каждый семейский, потому что чай, как любой крепкий напиток, был запрещён уставом. Произнёс высокомерно, подчеркнув, что он-то знает устав, а Чебунины, видать, позабыли.

Ларька поморщился, но сдержал норы, сказал спокойно, между тем ругая себя за то, что начал метаться перед незванным гостем:

– Разве я тебе чёрный чай предлагаю? У меня душица со зверобоем в ковше заварены. С медочком попьём – глядишь, сердце разогреется. А то у нас с тобой в последнее время недопонимание выходит.

– Ну да! Это ты кипятишься, а я что? Пришёл с миром по старой дружбе. Меня, браток, что интересует? Не жалеешь ли ты, что заимку взял?

– Ну взял... Заимка не жена. Жену не ту выбрал – ешь, хоть подавись, до скончания веку. А заимку бросить – кака бяда? – Ларька водрузил на стол самовар, пошёл в кухню за мёдом.

– Понятное дело, – крикнул Мишка. – Ты мне честно скажи: как там земля? Жить можно?

Хозяин не ответил. Друзья помолились, налили чай.

– Я тоже хочу уйти на заимку и жить на воле, – пояснил гость.

– Заимку взять – что в поле поссать, а дом поставить – не скирду сложить. Трудиться надо без сна день и ночь, иначе никак нельзя. Как говорицца, живой не без хфатиры, мёртвый не без могилы.

Ларькины слова задели Мишку, но он не растерялся:

– Так и я тебе, брат, по-русски отвечу: не рыбака рыбу ищет, а рыба рыбака. Ещё что скажу: полно молодёжи слободской в ратники ополчения записали. Ты тоже, кстати, в списке. Хочешь служить?

– О чём ты? Мне дом поднимать надо. Люблю, когда хлеб колосится, когда тёлочка телицца, молочко доицца.

– Тогда пошто меня от заимки отговаривашь? Али не хочешь, чтобы кто другой с тобой соперничал?

– Да что ты, Михаил! Разве ж я отговариваю? – Ларька устыдился своей спеси. – Давай соберём ребят, сколотим артель заимщиков и зачнём своё поселение. Как тебе такое предложение?

Елизаров вытарашил глаза.

– Это ты сейчас надумал или раньше?

– Сейчас, – откровенно признался Ларька.

– В корень глядишь... Энто, паря, надо обмозговать. Жись всё труднее, а где-то земля пропадает, незапаханная. Подати непосильные, да ишло с каждого хозяина налог. Тятя ропшет: «Где взять такие деньги?»

– Негоже плакаться, Миха! – Ларьке не нравилось, когда друг начинал жалобиться.

– Хорошо тебе... Иона, говорят, большие деньги принёс. А другие? Взять нашего соседа. Дядька Хфома – инвалид, евошный сын в солдатах, невестка одних девок наплодила. Кому работать? Всё одно налог платит.

– Ну, коли твоя семья так же бедствует, как и Хфомина, – Ларька сознательно подчеркнул Мишкин старый выговор, хотя сам приучился говорить

чистое «ф», – пошли со мной по весне в Тохой. Бери заимку и подымай.

– Кого ещё возьмём? – Елизаров воодушевился. – Артелью работать веселее, да и подсобим друг другу. Предлагаю Афанасия Думнова – он парень работающий... Мишку Баннова, Братьев Ефимовых – Елистрата и Григория. Можно ишло Евсташку Акинфиева. Сгодяцца таки в друзья?

– Мысль здравая. Тока они сами должны захотеть. Понимаешь? – Ларька почесал затылок. – Давай Петьку Ефимова позовём?

Ларион и сам не ожидал от себя такой мудрости: уговорить соперника уехать из слободы – значит оттянуть намечающуюся свадьбу Петьки и Дарьи. А там, глядишь, Ларька первым построится, и у Михайлы Карповича не будет другого выхода, как отдать дочку за него.

Мишка насчёт Петра ничего не сказал, но почему-то поинтересовался, собирается ли Ларион сватать Дарью.

– Попытаю счастья, – ответил тот уклончиво, – а там – как Бог даст.

– Ну да, ну да... А мне, брат, девки не семейские любы.

– А какие?

– Мы с тобой в самом соку. – Мишка покосился на киот и понизил голос почти до шёпота, будто испугался, что Бог услышит. – Кровь играет. Ты меня на краю слободы встретил, почто не спросил, откель иду?

– Откель? – Ларька тупо смотрел на друга.

– Там купчиха живёт вдовая.

– Ты что, Мишка, купчиху вдовую полюбил?

– Зачем полюбил? Говорю же: кровь играет. – Друг по привычке похлопал себя по ляжкам. – Это как болезнь. Кто ж её вылечит, как не баба?

У Ларьки от переносицы до самых волос поперечная морщина легла, а сам он дара речи лишился и смотрел на друга, как на прокажённого.

– Ты как будто только из скорлупы вылутился. Не понимаешь, об чём говорю.

– Я одно не понимаю: как можно без любви? Бык и тот не на всяку корову вскочит!

– Да ну тебя! – Мишка рассердился, махнул рукой. – Об чём толковать, коли ты бабу на вкус не пробовал? Ты вот по Дашке сохнешь, а что про неё знаешь?

– Что я должен знать? – насторожился Ларька.

Елизаров похлопал свои плотные бёдра, глянул на друга и сразу отвёл глаза: он сомневался, можно ли говорить с неопытным человеком на плотские темы.

– Говори, чего молчишь?

– Ну, допустим, ты пришёл в гости и сел с хозяевами за стол. Тебе ещё не подали миску с кисельём, а ты уже нахваливашь угощение. Могёт такое быть?

– Причём здесь кисель? Что я, баба – кисель нахваливать? Я тебя про Дарью спрашиваю: чего ты про неё знаешь?

– Дурак ты... Ничо в бабах не смыслишь, а туда же: любовь! Я тебя спрашиваю, ответь: можешь ты знать, сладкий ли кисель, покуда не распробуешь?

Ларька напрягся. Он тупо смотрел на притолоку двери, откуда спускалась паутина. От напряжённой тишины она покачивалась, будто на неё дули.

– Так вот ты о чём! – прошипел Ларион, вздох-

нул глубоко, будто собирался нырнуть, и вдруг заорал, что было мочи: – Пшёл во-о-он!

Мишка пулей вылетел из избы.

Утром, насыпая зерно курам, Ларька невольно засмотрелся на петуха. Хозяин курятника порывлся в подмёрзлой земле, откопал клювом камешек и, закинув голову назад, проглотил его – прочистил горло. Надменно глянул в сторону хозяина и гордо прошёлся по курятнику. Потом вдруг взметнулся, вскочил на насест и, демонстрируя своё превосходство, начал быстро-быстро махать крыльями – так, что несколько кур слетели вниз.

Ларька усмехнулся: поди разберись, что такое любовь.

В тот же день он пошёл к уставщику в молельню: с некоторых пор Федот Савельевич жил здесь, чтобы не мешать старшему сыну Семёну, семья которого быстро разрасталась.

У ворот молельни Федот Савельевич отгребал деревянной лопатой выпавший ночью снег. Гостя он увидел издали: у Ларьки шаг широкий, крепкий, уверенный – с пути не собьёшь. Несмотря на мороз, шапку снял загодя.

– Дело какое? – поинтересовался уставщик, а сам подумал: «Ничо, правильный малый растёт, но всё равно, мало его дед Иван порол».

– Да так, мимо шёл... Давеча на могилках был да про вашего батюшку вспомнил, отца Савелия. Он же тоже уставщиком был?

– Был, – буркнул Федот.

– Совсем не помню яво. И могилку не нашёл.

– Проходи. Да валенки от снега обмети, – скомандовал хозяин, подавая веник. И добавил: – Я тебя ждал.

– Почему ждал, дядя Федот? – спросил Ларька на крыльце, веником обметая с валенок снег.

– Вопросов много у меня к тебе, паря. Да и у тебя найдутся, не так ли? – уставщик задержал на госте испытывающий взгляд.

– Напоминаете, что прозорливы?

– Зачем мне перед смертью такой грех на себя брать? Я в дорогу собираюсь вечную, кажное слово взвешиваю.

Прошли в молельню. Она состояла из трёх комнат. Слева от входной двери находилась пристройка с нарами – там отпевали покойников. Первая комната была проходная, с киотом в углу. Во второй комнате проходили богослужения – её Ларька хорошо изучил. Здесь были два аналоя, большой стол, по периметру – полки с деревянными иконами в серебряных окладах и литыми иконами без окладов. Стояли корзины со свечками и поминальницами.

В третью комнату Ларька никогда не заглядывал, но знал, что там находятся две печи, обогревающие весь молельный дом. Сюда пригласил его сейчас Федот. Тут он работал над книгами и отдыхал на печи между долгими праздничными службами. На полках стояли восковые свечи в подсвечниках и богослужебные книги: два Евангелия, псалтырь, часослов, три певчих писания.

Помолились, сели к столу, на котором рядком лежали божественные книги.

– Собираетесь уходить, Федот Савельевич, вслед за моим дедом? На кого ж оставите нас, непотребных? Кто посла вас устав Чебуниных держать будет?

– Не бязи впряд оглобли. Уйду – узнаешь но-

вого уставщика. Окромя Чебуниных есть другие беспоповцы. Ты за себя в ответе перед Богом. Времена тяжкие грядут, нужно быть готовым к гадостной встрече с антихристом.

– Как же я должен готовиться к гадостной встрече?

– Сдаёцца мне, хил ты духом, хотя и силён телом. Антихрист давно пришёл на землю и на Русь тож, но ликование его не началось, покуда мы своим уставом старую веру держим. Таково нам задание Богом дадено: держаться из последних сил. Вот ты поспрошал меня, где могилка моего тяти. Так я тебе скажу, а ты слухай и не перебивай. А то, вишь, даже не знашь про Савелия Чебунина.

Дядя Федот начал рассказ о былых временах, как полвека назад активисты-священники принялись искоренять раскольников в Сибири.

Был такой отец Варлаам: недюжинную свою энергию обратил против семейских. Его поддерживал другой архипастырь – преосвященный Нил.

Мудрым и хитрым оказался отец Варлаам. Отправился он в путешествие по всем старообрядческим селениям и начал с людьми разговоры вести: мол, чего верующий человек жаждет больше всего? Конечно же, причащения Святых Таинств – поддерживать и укрепить дух, чтобы обрести опору в делах суетных, не упасть в придорожную колею, когда житейская непогода расхлябает земной путь.

Какому ж православному не хочется иметь такую поддержку? Отец Варлаам дальше разговоров пошёл: колеблющимся семейским предложил принять законного священника, который будет отправлять богослужение по старопечатным книгам. И поддались некоторые. Около пяти тысяч раскольников переметнулись в новую церковь.

Вскоре к попу Варлааму примкнул ещё один активный помощник – отец Иоанн Иров.

Преосвященный Нил тоже не дремал: испросил у Святейшего Синода денег на постройку единой церковной церкви и получил средства, поставил Нижнеарамский храм Покрова Богородицы. Специально для забайкальских старообрядцев в новую церковь поступили из России старопечатные церковные книги, требник, служебник и даже антиминос древнего освящения – подарок от архиепископа Вологодского. Сам митрополит Филарет поучаствовал в устройении церкви для старообрядцев: прислал древние священные сосуды.

Чего ж ещё? Радуйтесь, православные!

Так нет же!

– Наши тарбагатайцы стояли на своём. – Федот Савельевич умильно поглаживал бороду. – И тятя мой, уставщик Савелий, призывал людей одуматься. Он со своим дружкой Никитой, сыном уставщика Андрея Заиграева, надумал дерзость супротив власти. Оба они составили жалобу. Да кому! Самому министру иностранных дел. Жалобились: невозможно жить, единоверцы давят на свободную совесть старообрядцев.

Ларька слушал, затаив дыхание.

– Что же с ними приключилось? – прервал уставщика.

– Погоди, быстрога... Церковь в Тарбагатае, как сам видишь, поставили – в честь святителя Николая. Жива ишо, ты знаешь, старая сибирская церковка, Зосимо-Савватиева, но дряхленька – неча

об ней говорить. А старообрядческая часовня Хфедотовых без священника стоит. Наш прадед Иван тоже когда-то ставил часовню на свои кровные денежки, тока другие были времена – снесли её. Жалобщики получили отпор: негоже агнцу бодать быка.

Дядя Федот смолк, но Ларион понимал: рассказ не окончен. Что значит: получили отпор?

– Из Синода пришёл строжайший указ: прошение упёртых тарбагатайцев признать незаконным, виновных зачинщиков наказать. А виновные кто? Которы писали жалобу: Никита Заиграев да Савелий Чебунин.

– Неужто убили за веру?

– Сослали в Охотск.

– Была ли потом весточка от них? – Ларька впервые глядел на уставщика с сочувствием.

– Если бы! – сокрушённо вздохнул Федот Савельевич. – Представь, паря, как сохнет моя душа. Не знамо, как молиться за тятю – умершего или живого?

– Ну, дядя Федот! Вам сколь? Девяносто?

– Поболе...

– А тятю вашему – ещё полстолько? – Ларька повеселел, чуть ли не рассмеялся над уставщиком. Тот глянул на него строго и продолжил рассказ.

– Бяда не только в том, что тятю сослали. Нашлись тогда нестойкие, обрадовались устройению церкви да примкнули к новой вере. Священником в Тарбагатай прибыл Василий Знаменский – вот уж он усердствовал! Браки наши объявил ложными, мужей – грязными греховодниками, жён заклеил позором, называл распутницами. Вот и матушка твоя... – Федот Савельевич осёкся.

– Что матушка? – встrepенулся парень.

Уставщик замаялся.

– Василий попытался разлучить её с Ионой... Вышел у твоих родителей раздор большой. Да что об этом щас говорить? Царствие Небесное Хфене. – Он сокрушённо махнул рукой. – Потом, слава тебе, Господи, власть одумалась и порешила не вмешиваться в дела семейские и не выступать супротив старообрядческих треб. А мы, стало быть, держим веру, как Бог велел.

– Откель вам, дядя Федот, ведомо то, что Бог велел? – Ларька сдвинул на переносице рыжие брови.

– Всё в книгах сказано. Любую, что на столе, открою и прочту. Вот Стефан Зизаний. Энту книгу наши предки из Польши вывезли. Читаю тебе, остолопу: «Сумма всех знаков антихристовых тот есть разум, хто мает, нехай зрахеу личбу зверя, а бо вем личба человека и личба его есть ббб... еще и третяго смока укажет, мовячи, и виделе мы из уст смоковых, из уст «зверя».

– На каком языке она писана?

– На польском.

– Неужто мы поляки?

– Самые что ни есть русские. Толковать тебе не буду – есть дела важнее. Жаль, сути ты не понял. Запомни хотя бы одно: уста зверя – уста смоковные, сладкие. Много обещаний будут изрыгать уста антихристовы, а ты не слухай, затыкай уши. Слухай одно лишь сердце – в ём правда.

– Сердце мне, дядя Федот, одно и то же нашётывает: бери Дарью и уезжай из слободы! Что вы мне скажете?

– А то скажу, Илларион: не гони горячку, не попукай время. Бог сам подскажет, где лежит твоё, а где – чужое.

Дядька Федот книжку закрыл, от себя отодвинул – дал понять, что разговор окончен. Но Ларьку волновал ещё один вопрос, который он никак не решился задать. Давешний ночной разговор с отцом задел его за живое: коли на том свете нет ничего хорошего, стоит ли стараться? Как бы спросить уставщика, чтобы он не догадался, откуда у этого вопроса ноги растут.

– Вот вы, дядя Федот, сказали: уста зверя – уста смоковные. Так и я признаться хочу. Сумления меня мучат. Есть ли на том свете счастье?

Уставщик долго смотрел на парня. Потом взял со стола свою лупу и приблизил к Ларькиному глазу, будто хотел разглядеть в его лице то, что человечье-му глазу не видно.

– Гляжу я на тебя, паря, и диву дивлюсь: откель у тебя такой хилый дух? Может, ты не Чебунин вовсе, не внук Ивана? Надо же такое придумать... Щастье! Где ты яво видывал? Вода в бредне – вот што тако щастье!

– Хотите ругать – ругайте, а ответ дайте. Уставщик должен все непонятки разъяснить. Счастье я не видывал, оттого и сумлеваюсь.

Лицо уставщика смягчилось. Сквозь бороду просвечивалась лёгкая улыбка.

– Вот что я скажу, Ларион. Враг душевный тебя мучит. Большие силы нужны, чтобы супротив него стоять. Сила така есть: Слово Божие. Не бойся мук адовых. Даже греха не бойся! Страх вниз тянет, в преисподнюю. А вверх что помогает идтить? – в ожидании ответа Федот сделал паузу.

– Мечта о рае, небось... Дедка мне часто о рае сказывал. Предупреждал, что осквернившегося путь в райские кущи заказан.

– Запутал ты, в трёх соснах запутался. – Уставщик сокрушённо покачал головой. – Вот скажи, что тебя окрыляет? Что заставляет на заимке горбатиться?

– Ну, дык... Эта... Любовь. – Ларька покраснел.

– Вот именно. Любишь ты девицу – хорошее дело. Но любишь ли с такою же силой Христа? Молчишь, паря... Потому что сказать нечего. Бог хочет, чтобы мы шли к нему как к Отцу. Жить надо честно, однако ж не из страха и не из желания получить дары царственные, а из любви к Богу и стремления соединиться с Ним душой и сердцем. Вот тогда обретёшь радость в земной жизни, а сладость – в Царствии Небесном.

– Красивые слова говорите, дядя Федот, да только себе противоречите.

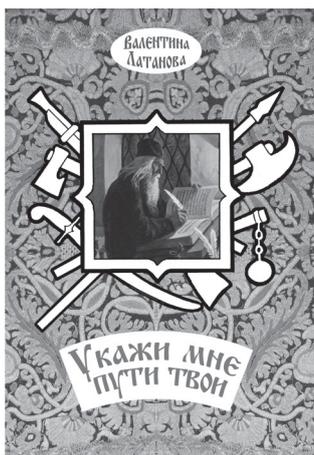
– Как это? – Уставщик аж подпрыгнул на стуле, выпала маленькая скамеечка из-под его ног.

– А так. Говорите, главное – любовь к Христу, да? А пошто наш дом стороной обходят? Отец осквернился? Или я, к примеру, попаду в неловкую ситуацию. Меня тоже община отвергнет? А кто мне в душу заглядывал? Может, я, Федот Савельевич, пуще вас Христа люблю? Он ли меня отвергнет?

Уставщик заёрзал на стуле, попытался носками подтолкнуть под ноги упавшую скамейку. Наконец-то получилось обрести для ступней опору, и он сказал миролюбиво:

– Ты, Ларион, ступай уже домой. Хватит на сёння разговоров.

Валентина ЛАТАНОВА (1938–2005), педагог, литератор, член Российского Союза профессиональных литераторов.

УКАЖИ МНЕ ПУТИ ТВОИ

Окончание.

Начало см. «Симбирскъ» №7, 8, 9 – 2020

Глава 15 Снова в Симбирске

*Под небом голубым есть город золотой,
С прозрачными воротами и яркою звездой.
А в городе том сад, всё травы да цветы,
Гуляют там животные невиданной красы:
Одно как жёлтый огнегривый Лев,
Другое – Вол, исполненный очей,
С ними золотой орёл Небесный...*

Вверх по Смоленскому спуску тяжело поднималась странница. Слева взбирался в гору ряд покосившихся избёнок. Перед ними – лестница с кое-где уцелевшими перилами. Лицо женщины было скрыто под кашемировой коричневой шалью с кистями, завязанной крест-накрест тугим узлом на спине. Жиденькая котомка и палка-падог, вырезанная из ствола вишни, дополняли её облик. По ветхости одежды и обуви и по тому, как часто она останавливалась, можно было понять, что странница немолода и что прошла она не один десяток вёрст. В очередной раз она оглянулась на преодолённую ею часть крутого подъёма, потом перевела взгляд на остров Чувиченский, что напротив пристани, и держала его на Смоленской церкви, уцелевшей после набега разинцев. Здесь, на паперти, она около двух месяцев побиралась, да и ночлег нашла рядом – в пристрое, куда, крадучись, пускала её сторожиха за помощь по хозяйственным делам. С малыми детьми и бабами ближних домов они отсиживались в погребах, когда мятежники шли на штурм кремля, а с его стен в ответ летели пушечные ядра. Бои миновали, но наступили холода, и странница должна была искать тёплого пристанища.

– Послушай, Богомила, – обратилась к ней сторожиха, – я то помышляю, иди-ка ты в женский Спасский монастырь, ты работящая – примут в послушницы, да и в богадельне там место сыщется. Бог даст, перезимуешь, а по весне на родину пойдёшь.

– Не ведаю, как и где дни свои скоротать в зиму здешнюю долгую. Сколь вёрст прошла из краёв чужих, неужто Господь не даст терпения и сил добраться до краёв родных, – горестно молвила Богомила. – Спаси тебя Господь за хлеб-соль!

Когда странница поднялась в гору, то так задохнулась, что в глазах у неё потемнело, голова закружилась, и она непременно упала бы, если бы сильные руки не подхватили её. Взор её стал прояс-

няться, и она вдруг увидела перед собой склонённое лицо своего погибшего Петра, он навеки остался в её памяти молодым.

– Петенька! Ты?! Как же так! Господи, что это со мной... ведь сколь лет миновало, – добавила она упавшим голосом.

– Обознались, матушка. Николай я, не Петр, а Миколка, Николай то есть.

– Господи, а похож-то как на мово мужа убиенного.

– Можа и похож на кого, – весело отозвался юноша. – Ну, крепко держишься? Вот и ладно, стой, а я пошёл.

У Николая было отличное настроение. Он только что встретился с лучшим другом своего детства татаринцем Ахмедом. Тот торговал на ярмарочной площади прямо с саней, устроив на них навес. Николай приблизился сбоку и вдруг выпалил по-татарски:

– Чем торгуешь, малой?

Ахмед живо обернулся, на лице его отразилось радостное изумление. Минута – и они обнялись. Ахмед хлопывал друга по спине и кричал по-русски: – Миколка! Ты?! Откуда?

Николай объяснил в двух словах, потом озабоченно спросил:

– Пошто здесь на холоде торгуешь? Аль случилось чего? Ведь у вас в слободе своя хорошая лавка была.

– Много чего было, друг. И дед, и отец, и достаток. Всё война унесла.

– Как?! Муслима-бабая нет?! – в голосе Миколки чувствовалась боль от потери. Сколько лет в прошлом он заменял ему, сироте, отца: по-соседски кормил голодного, разутого, обувал. Нищему бродяжке мудрый аскал не позволил стать вором, давал возможность по силам заработать, обиженного всегда подбадривал:

– Как это случилось, Ахмед?

– Бой с разинцами за Свягой был. Дома в слободе подожгли. Дед с отцом моим добро стали спасать, да не успели выскочить. Горящей крышей накрыло их... Ахмед резко отвернулся, вытирая глаза.

– Ух, страх-то какой!!! Держись, брат, – он положил руку на плечо Ахмеда, – мой отец тоже пропал. Уж сколь лет весть не подаёт.

– Фёдор?! Где?

– В Сибири, под Тобольском. Туда с дьяком московского приказу отправлен был в лето 63-го. Как

раз там война шла, иноземцы немирные восстали... Только чую, жив он. Вернусь домой – в Сибирь пойду искать. Мыслю, в полон попал. Вести подать не может. Найду – выкуплю, ай выкраду! – хлопец сжал кулаки, глаза его сузились, во взгляде решимость.

– В Тобольске было? Сибирские татары редко пленников убивают, они их в полон маньчжурам или даурам перепродают. А то и в Среднюю Азию. Ведь из Тобольска и туда торговые караваны ходят. Возьми меня с собой в Сибирь, пригожусь, братом тебе буду, отца найти помогу. Ты хоть и говоришь по-нашему, по-татарски, но лицом не похож. А я везде своим сойду, про Федора разведваю.

– Ну и что ж, не похож. У вашего Чингисхана, в летописях писано, тоже глаза голубые, – засмеялся Миколка. – Как же ты своих здесь оставишь?

– Мать умерла, а братьям я не нужен. От другой матери они.

– А бабушка София? Ведь она-то любила.

– Бабушка от горя помешалась, никого не узнаёт. Один я. Брат хочет женить меня на кривой Зульфие. Из дома богатого она, а я не хочу.

– Ну и не женись. Вроде рано ещё жёнку тебе заводить.

– Так это он старший нынче в доме. У нас старшего слушаться положено. Но я сбегу, всё равно. Ну, берёшь меня с собой? – Ахмед требовательно смотрел на друга.

– По рукам! Я и не мог помыслить о таком. Братьями названными будем. Ты вот что, с родней не ссорься. А сам потихоньку готовься, ранней весной с первыми купеческими стругами на Нижний двинемся.

– Долго ждать.

– Дядька Иван болен, а и дорога санная лесом опасная. Сейчас никак не лететь. Вот мне бы в работники куда наняться.

– Есть тут немец один, из Москвы прислан градоделец, помогать город восстанавливать. Он артели плотников набирает. Сможешь?

– Да я с отцом-то сколько!

– Завтра приходи сюда, сведу, с кем надобно. Дядя мой по матери Давид Бунчак, здешний татарин, служилый, поможет, я попрошу.

На том и расстались.

Николай возвращался в Спасский монастырь и недалеко снова встретил странницу. Что-то заставило его подойти к ней.

– Ты богомолка что ль, бабуня? Тебе куда?

– Монастырь мне надобен Спасский. Тут богадельня, сказывали, есть, перезимовать бы.

– Богадельня есть. Да ведомо тебе, чаю сколь горя и бездомных кругом... «Яко птица покрывает крылами бедствующие птенцы своя», но наша обитель бедна и всех принять не может. Ты вот что, пойдём со мной, я сведу тя к бабуне своей. Она в монастыре давно подвизается и мыслю, потеснится в келье своей.

Бабка Серафима с порога встретила внука радостным сообщением:

– Миколушка, Иван ожил, Слава Богу! Вставать стал и уже списки с икон делать хочет. Я ему: «Куды тебе, силы-то нет у тоби», а он: «Силы телесные в нашем деле только помеха. Тут Дух Святой каждому противу силы его даёт».

Серафима высказывала всё это с большим волнением, повернув голову в сторону внука и одновременно усаживая неожиданную гостью поближе к печке. Появление странницы её не удивило, тем более в монастыре. Да и время было такое: война привела в движение множество людей, сорвав их с родных мест. И уцелевшие монастыри сколько могли поддерживали бездомных.

– Иван молвит, – не успокаивалась Серафима, – когда иконы пишу, то «чую блаженство неизречённое». Тут из Успенского разорённого подгорного монастыря старец Варлаам и отец Макарий ему иконы повреждённые принесли. А иные, мол, и в огне не сгорели...

– А ты, бабуня, гостью нашу похлёбкой горячей попотчуй. Вишь, она закоченела вся, – остановил Серафиму внук.

Богомилу, странницу, покормили и устроили спать на печи. Николай спал на лавке. Ночью ему стало жарко, и он снял поняву, свою нижнюю рубашку. Чуть забрезжил рассвет, Богомила встала, но Серафимы уже не было, ушла на службу. Странница подошла тихонько к Николаю, чтобы наглядеться без посторонних глаз на его лицо. И тут взгляд её упал на ладанку, что была на груди у спящего.

– Ой, – воскликнула Богомила, – моя ладанка! – и протянула руку к ней.

– Тебе чего?! – испуганно спросил Миколка, схватил её за руку.

– Ладанка, откуда она у тебя?

– Отец перед тем, как в Сибирь отправиться, мне дал.

– Он ладанку на теле своём носил?

– Не-е, не видел, хранил где-то. А тебе что, бабуля?

– Да как моя будто. Красна, и узелки тут на мешочке приметные, и тверда. Я делала такую, коли молода была.

– Тверда! Да сколь годков-то прошло с того времени. Сорок? Ай боле? Дак и закаменеть всё может за время то.

– Нет, там внутри пластинка медная круглая, а на ней буквицы вытесненные. Муж мой Пётркузнец изготовил.

Вошла Серафима и с удивлением уставилась на обоих, почуяв что-то необычное.

– Чаю, случилось что?

– Ладанку она свою у меня нашла, – усмехнулся хлопец.

– Ну, ты что-то путаешь, сестрица.

– Да моя, моя это. Сыночку своему годовалому делала. Посмотрите внутри, там пластинка медная с письменами.

– А ну дай-кося сюда, – раздался голос тихо вошедшего Ивана, он повертел ладанку в руках, – у Фёдора видел я, это его ладанка. Игуменья Василиса ему передала.

– Фёдора?! Сыночка мово тож... тож Феденькой мы нарекли, – прошептала женщина и замерла, уставившись на Николая, не в силах вымолвить ни слова.

– Давай, сымай, Микола, поглядим, что за письмена.

Иван вспорол защитый медальончик, из него посыпались крошки ладана и выпала пластинка.

– Там буквицы начальные молитвы: «Спаси, Господи, младенца Фёдора», – вымолвила бедная Богомила, замерев от напряжения.

– Сей часец узрим, аще есте..., то обрящем... Вот, вижу буквицы: глагол, фита... – выкрикнул обрадованный Иван, счищая налипший воск с пластинки...

– Истину молвлю вам: моя, Феденькина ладанка... Ты – Фёдор? Фёдор! Чего молчишь? Люди, скажите мне правду, не вмещаю больше ничего в головушку свою, – опустила на лавку женщина, обхватив голову руками.

– Нет, бабуня, я сын Фёдора! – не выдержал Миколка и метнулся к ней от великой жалости.

– А Федя, сыночек мой, где? Отведите меня к нему, люди добрые...

– Он жив, жив! – упрямо уже для самого себя повторил юноша. – В Сибири ноне, с казаками от Приказа послан.

– Давно?! Послан-то? Коли вернётся? – с надеждой на каждого глядела Богомила.

– Вернётся! Бог даст. Ждать надобно и верить, – твёрдо за всех ответил Иван. – А пока, мать, прижми к сердцу внука своего родного.

Она прижалась к Миколке и долго плакала, потому что никак не могла унять накопившееся нестерпимо долгое время слёзы от разлуки с близкими и горемычными годами жизни в неволе.

Её снова уложили в постель. А сами все сидели рядом и взволновано переговаривались.

Иван вспомнил, что в медальоне, «коий матушка Василиса при прощании повесила на шею Фёдора, она записала всё, что ранее поведала ей случайно уцелевшая при нашествии соседка его родителей. От неё и ведомо стало, что младенца Федей нарекли».

В эту ночь все они за разговорами не спали, Богомила всё выпрашивала «о Феденьке» и его семье. Задремали кто где под утро.

Разбудил всех грубый стук в дверь. На пороге стоял привратник со стрельцом, последний спросил:

– Николай Силантьев ты будешь?

– Да, аз есмь. А что надобно?

– Собирайся, воевода тебя к себе требует.

– Батюшки! Пошто так? Что натворил-то? – строго повернулась Серафима к внуку.

– Да ничесоже. Горазда ты причитать, бабуня! – вскипел внук.

От воеводы вернулся Николай, радостно размахивая письмом.

– Весть от Юрка, от брата весточка!

– А что воевода? Не был у него? – встрепенулась Серафима.

– Был. Важно так принял. Ты, молвит, кем боярину Богдану Хитрово приходишься?

– Юрок-то, чаю, Хитрово попросил с оказией письмецо мне передать. Ну, об этом пока умолчу. Сперва прочитаем:

«Свет, братец мой и друг головной Миколка! Я о сем в душе своя колеблюся, пошто покинул вас с дядькой Иваном под Синбирском. Целехоньки ли добрались до него? Чаю, забот тебе, брате, в граде разоренном о нужной пище хлопотать. Мыслью, в мимо шедшее времена рабочища слаще того ели

здесь у нас, чем вы ныне там питаетесь... Живу в Москве в боярском доме Луки, службе он помощником младшего дьяка в Польском приказе меня приставил. Служу с усердием, долг свой надлежит исполнять с честью. Но мне боле по душе по воскресеньям бегать в Оружейные палаты к Богдану Матвеевичу, там еще в его мастерских всяким художествам обучаюсь. Оружейничий Хитрово ласков со мной.

А боярин Лука снова хворой слёг. Молвил мне, что поручает меня Богдану Хитрову «в случае чего».

Беспокоюсь о матери и сестрёнке. На праздники проведу их. От отца вестей нет. Как вы, светы наши? Здорова ли Серафима и Иван? Кланяйся им от нас. Остаюсь твой брат Юрок».

И приписка ниже.

«Брате, в Тайном приказе Хитрово разведаль, что разинский атаман Шелудяк в Астрахани силу новую собирает, сказывают, несколько тысяч уже, хочет вновь Синбирск воевати... Коли можете, приезжайте быстрее... Храни вас Господь».

Письму все были рады. Горячо обсуждали, но ещё раз все согласились меж собой, что ранее весны с отъездом из Синбирска не получится. Но отъезд состоялся через весну, и виновата в этом была вспыхнувшая любовь Николая.

В поисках заработка Николай отправился вновь к Ахмеду. В торговых рядах было шумно. Каждый здесь промышлял, чем мог. От собранных по сусекам выдавших виды пожитков до новых манящих, добротных товаров, чудом уже доставленных сюда неистребимым купеческим племенем.

«Гляди ж ты. Им и война не война», – подумал Николай, косясь на разложенное на прилавках богатство. Навстречу людскому потоку протискивался незамысловатый мужичишка, Агейка Васильев, известный в городе нищий, предлагая потёртые места мести портки. От него, назойливого, отмахивались, смеялись. Нимало не смущаясь, он, совершенно уверенный в своей правоте на цену, которую непомерно загнул, выкрикивал:

– Да ты смотри! Вещь-то суконная!

Подле Ахмеда в своей кибитке сидел незнакомый человек, с виду дворянин, но одет как чужестранец...

– Я работу тебе нашёл, – быстро проговорил Ахмед, кивнув на незнакомца, – якиши работа и таньга будет.

И уже громко в сторону незнакомца прокричал: – Господин Циммер, вот плотник вам, рекомендую. Николаем звать.

– Карош. Николай, – немец высунулся поболее из кибитки, – карош работать – деньга, Geld, карош давать. Плёхо работать – долой гнать, – немец сделал строгую гримасу и ткнул пальцем в направлении Миколки.

Договорились, где, когда и за какую цену работать. Приезжий немец-архитектор поселился в семье своего родственника полковника Рихарда, тот снимал дом у купеческой вдовы. Хоромы были добротные, располагались в посаде прямо у кремлёвской стены. Часть дома пострадала во время боёв, сама купчиха подалась в Москву, «выторговав» со съёмщиков условие, чтобы дом был восстановлен полностью. Этим и должен был заниматься

Николай в числе других плотников. Убедившись, что набранные при помощи посредников строительные бригады для восстановления жизненно важных городских объектов в большинстве случаев не справлялись со своей задачей по вине пьянства, Циммер сам решил утверждать их состав. Первую же хорошую, на его взгляд, плотницкую бригаду, пока суть да дело, он не направил сразу по назначению, а приставил в дом своего брата Рихарда, дабы ремонт сей не был ему чрезмерно накладен. Но работа на первых порах не заладилась, не хватало готовых досок. И экономный Циммер стал брать с собой в инспекционные поездки по городу (и эта обязанность была Москвой на немца возложена) Николая в качестве кучера, воспользовавшись прекрасными знаниями последним окружающей местности. Да и повзрослевший Николай был уже высок и плечист. С ним Циммеру в чужом городе было спокойнее.

В назначенный день они встретились у Приказной избы на территории кремля. Циммер быстро решил свои дела в Приказной. Они сели в санный возок и отправились проверять водозаборные сооружения на реке Свияге. Ехали некоторое время по Большой улице, огибающей кремлёвскую стену мимо ряда домов, примостившихся здесь. Николаю приходилось придерживать лошадь. На крыльце одного из богатых теремов стояла купчиха в дорожной широкой меховой шубе с накинутой поверх парадного кокошника большой цветной шалью. Она окликнула своего конюха, возившегося подле запряжённых лошадей.

Здесь было много народа: сновали из ворот боковой башни кремля дяки, подьячие, священники и военный чин; спешили в сторону ярмарочной площади городские торговцы рыбой, промышлявшие зимней рыбалкой и направлявшиеся в Рыбный двор. Там командовали Фёдор Бакшеев, который переправлял из Синбирска в Москву по реке Суре рыбу «государеву», и Иван Бахтин, наводчик (старший из рыбаков). Много было служилых людей из «меньших чинов» – казённых кузнецов, пушкарей, плотников струговых... В западные ворота Спасского женского монастыря въезжали два водовоза, понукая тощих лошадок, вода плескалась на бочки и тут же замерзала тонкими белыми струйками. За ними, предводительствуемые монахиней-наставницей, вереницей тянулись девочки-подростки из монастырского приюта, которые несли на коромыслах деревянные бадьи с водой.

– Далеко девицам со Свияги воду таскать. Ай нельзя ближе сделать? – обратился Николай к Циммеру, со скрытым интересом продолжая разглядывать девичью процессию.

– Я смотрел план. В нашем городе уровень Свияги выше уровня воды в Волге на сорок... э... как это по-русски?

– Сажен!

– Да, сажен! Так что пока эта Свияга главный Qulle, источник водоснабжения.

Они подъезжали к Панской улице, здесь Николай, увидев чёткий марш отряда стрельцов под командирские выкрики младшего офицера из чужестранцев, спохватился, что вовремя не свернул на повороте. Чуть было своей пролеткой не столкнулись с возом соломы, который с трудом тащила в

гору крестьянская лошадейка. Седок с возка разразился в адрес Николая руганью:

– Куды, остолоп, прёшь?! Ай не видишь?.. – тут возница внезапно осёкся с дальнейшим «словотворчеством» в подобном духе, разглядев в кибитке важного господина.

– Маненько загляделся, не сердитуй, отец, – извинился юноша и обернулся на немца.

– Как вы, господин Циммер (так архитектор велел себя величать при первом знакомстве)?

В ответ Циммер состроил жалобную гримасу, только махнул вперёд платком, которым вытирал ушибленную и испачканную руку.

И тут внимание немца привлекла хорошенькая польская панночка, которая вела за собой двоих детей и строго что-то выговаривала старшему из них.

– Полька?! – удивился Циммер, ни к кому не обращаясь, но Николай его услышал и объяснил:

– Да их тут много живёт из поздних воев, наёмников-стрельцов да и прежних пленных от войн с Польшей, коих царь Алексей Михайлович и сюда, под Синбирск, сослать повелел. Сказывают, часть их позднее перешла на службу государеву.

Проехав вниз по Панской, они пересекли городскую черту и очутились за валом, в Свияжской конной слободе, основателями которой явились в своё время поселившиеся в ней казаки. Николай заметно заволновался, потому что именно здесь был дом его деда-казака, в котором прошло его, Миколакино, детство. «Бабуня» Серафима предупреждала, что теперь от дома осталось одно пепелище: «Усё Разин Стенька пожёт». Но юношу прямо тянуло в конец улицы, а надо было подчиниться немцу Циммеру. Николай направлял лошадь? куда надо было «послужбе», но при этом заметно нервничал и вертел головой по сторонам, как бы здороваясь с родными местами. Но всё же они благополучно миновали три старых полуразвалившихся сарая, в которых когда-то изготавливали кирпичи для Богоявленского храма, одного из самых старых храмов в Синбирске. Они выбрались в Богоявленский переулочек и достигли наконец водозаборных сооружений на берегу Свияги.

И тут Николай не выдержал. Да и кто бы мог выдержать, не взглянуть на родные с детства места, которых не видел много лет? Пока Циммер разбирался со строителями, почему медленно идут восстановительные работы, он подошёл к стоящей на углу бабе с большой бутылкой, которую она тщетно прикрывала фартуком:

– Послушай, тётъ, когда немец выйдет к лошади, скажешь ему, что сейчас вернусь. Мне туда вон надо, – он кивнул в конец слободской улицы.

– Тебе по надобности что ль? Дак это в другую сторону, тут недалече, – безразличным голосом ответила баба, не прекращая своих наблюдений за градоделцами.

– Да нет, мне хату нашу там посмотреть надо.

– Каки там хаты? Одно пепелище!

– Ну, ты скажи-и! – оглядываясь на бегу прокричал Николай.

Но как только на площади появился Циммер, баба тотчас спряталась. Сзади «инспектора» сменил пожилой градодельский десятник Степан

Ермолов, пытался заглянуть немцу в лицо и взволнованно доказывал:

– Да оне робяты ничего, работящи. Баба тут одна из казачек поддельной горилкой их спаиват. Спасу от неё нет! Туточки только она тут была. Знать не все заплатили. Дожидалася. Хоть городовому её сдавай.

– Я городофрой не звал. Ты сам отвечать! Нет порядка завтра – ты сам в острог. Понять?

Циммер больше не слушал возражений, забрался в кибитку и завертел головой:

– Николая!

Но ждать ему пришлось не по русским понятиям слишком долго – целых десять минут. Это он точно заметил по своим часам. Наконец он увидел запыхавшегося Николая, который молча взгромоздился на лошадь, расстроенный видом обугленных головёшек, он не слушал упрёков немца. Взял в руки вожжи и, обернувшись, спросил:

– Куда надобно?

Немец понял тщетность своих упрёков, достал план города, ткнул пальцем, прочёл:

– Московская.

Николай кивнул, тронул лошадей, и скоро они уже поднимались по Богоявленскому спуску на Московскую улицу, на которой уже было изрядное количество дворов.

Тут же на них чуть не налетел удалой «ямской охотник» Гришка Васильев, развозивший почту. Остановились у пожарной вышки, частично повреждённой пушечным ядром. Здесь долго не задержались. Зимний декабрьский денёк быстро катился в сумерки. Уже почти в темноте они подъехали к перекрёстку Московской и Большой улиц, и здесь путь им преградила толпа народа на старом кладбище, что находилось здесь, в ограде деревянной приходской церкви. Ближе к ограде стояло несколько саней, прикрытых рогожами, из-за которых торчали закоченевшие ноги воинов, собранных здесь же, недалеко от Свяги, на полях сражений.

Горели факелы, освещая братскую могилу, по краю ходил священник, нараспев читавший заупокойную молитву. Николай снял шапку, перекрестился. Кто-то сзади промолвил:

– Пошто и разинских воров отпевают? – голос принадлежал толстому купчине, сидевшему в собственном возке.

Ему возразили:

– А кто кого здесь разберёт, на поле сражения все перемешку: и царские, и разинские.

– Поди угадай, чья рука аль голова, воровская ай нет, – хихикнул чумазый оборванец.

На него зашикали, чтоб замолчал.

– Богатенькие своих павших давно схоронили, а здесь простолюдины, – жалобно вздохнула женщина. – Все христиане, Господь сам разберётся с мерой вины каждого.

– Помолимся, братья и сёстры, за души павших, – возвысил голос священник.

Толпа поредела. Николай вновь начал понукать лошадь.

Когда на другой день они вновь посетили «градодельцев» у водозаборных сооружений и застали прежнюю картину, Циммер так разгневался, что начал от возмущения кричать, размахивая руками,

пятиться назад, оступился и свалился с берега на лёд, который тут же провалился, место оказалось глубоким, и немец стал тонуть. Рабочие растерялись, а Николай схватил доску и, толкая её вперёд себя, по-пластунски стал двигаться к тонущему. Циммер успел схватиться за край доски. Николай ещё крепче сжал свои руки на другом её конце, подбежавшие мужики схватили за ноги Николая и так и тянули их животами по льду, пока не вытащили. Уже сочувствуя «начальнику» (отходчивые люди на Руси!), дали дрожащему, мокрому немцу выпить горилки казацкой из той же бутылки, коей пользовались сами, накиннули сверху сухие одежды и тут же препроводили в ближнюю жилую хату к жаркой русской печке. Так господин Циммер был спасён.

На следующий день немец объявил пришедшему к нему Николаю, что в знак благодарности он и его брат Рихард приглашают его, Николая, на обед в ближайшее воскресенье к ним в дом.

Семья Рихарда состояла из четверых человек: его жена Марта и две девицы лет по шестнадцати. Одна – дочь, а другая племянница Ленхен, приехавшая из Курляндии погостить ещё до разинского мятежа и застрявшая здесь по этой причине надолго.

Девичья половина немецкого дома заранее веселилась в ожидании: «русский медведь в гостях у европейцев». Фрау Марта в назидание девицам проявляла сдержанность. Как человек умный и воспитанный, она понимала необходимость прежде всего собственного культурного поведения в любой ситуации. Мужчины были далеки от мелких девичьих каверз и лишь обсуждали меж собой, сколько серебряных денег следует дать Николаю как вознаграждение за спасение Циммера и следует ли давать вообще.

– А может, предложить ему жить у нас, внизу, в подклети вместе с прислугой? Там в каморке слева от кухни можно ещё постель соорудить. Ему жить негде. Их дом с бабушкой сторел, а нелегально Николаю жить в монастыре уже нет возможности, – объяснил брату Циммер. – Ты не будешь против?

– О чём ты говоришь? Он спас тебе жизнь! Я с него даже платы не возьму.

– Рихард, ты настоящий брат, – растрогался Циммер.

Итак, немецкие девушки ждали в гости «русского медведя». Внешне Николай действительно был похож на молодого сильного и по-сказочному доброго медведя.

Родные юноши тоже готовились к выходу его в гости. По-своему, конечно. Бабка Серафима выстирала внуку на всякий случай ещё не грязную косоворотку и порты, почистила полушубок. На ногах у Николая были уже сапоги (отец справил повзрослевшему сыну).

В назначенный час Николай стоял у хором, где жили немцы, у двери в подклеть, нижний этаж, где расположены хозяйственные помещения и жильё для прислуги. Вошёл, тщательно вытерев ноги. Его встретила русская стряпуха, показала, где раздеваться, и повела по внутренней винтовой лестнице наверх в горницу, где жили хозяева. Наверху были сени и две двери: направо – дверь в палаты родителей; налево – в комнаты дочерей. (Об этом он узнал позже.) Поскольку домовладелицей была русская

купчиха, то и внутреннее убранство этому факту соответствовало, потому что съёмщики появились здесь совсем недавно.

Стряпуха открыла дверь направо, предварительно дёрнув за висящий на верёвочке звонок. И Николай, внутренне подбодрив себя, храбро перешагнул порог. На противоположной стороне было три высоко расположенных овальных слюдяных оконца. Окна были узорчатые, расцвеченные, а кусочки слюды замысловато обрамлены, словно сканью, красивой решёткой. Всё это производило впечатление праздничности. Этому же настроению вторила изразцово «красою украшенная» русская печь слева от двери. Изразцы были дивные, с заморскими чудищами, львами, крылатыми конями, райскими птицами, всадниками и двуглавыми орлами.

Николая усадили на лавку справа от двери. И пока стряпуха с помощниками накрывала на стол, юноша незаметно разглядывал горницу. Бабка Серафима предупредила: «Придётся в чужой дом – по сторонам головой не крути. Исстари ведётся, что негоже так». Над окнами на резной деревянной полке красовались поставцы, ковши, две братины и керамический кувшин в виде петуха. Справа, в углу, небольшой деревянный иконостас, пред иконами висящая под потолком на металлической цепи лампадка, низ иконостаса был завешан шитьём с золотыми и унизанными жемчугом нитями. На полу стоял кованный медью сундук. Между окнами и иконостасом висела створчатая полка, дверцы её были приоткрыты, там стояли по внешнему виду древние богослужебные книги с металлическими застёжками. На полу были застланы чистые домотканые половики. Слева – дверь в спальню, виден был угол кровати с горой подушек, и на комодке – новшество: круглое венецианское зеркальце.

Наконец Николая пригласили к столу, он вежливо сказал:

– Благодарствую.

Тихонько отодвинул одно из деревянных кресел (вдоль окон у стола была лавка) и сел. Дверь отворилась, и с едой на подносе появилась племянница хозяина Ленхен, за ней – хозяйская дочь Анна.

Анна вошла чинно, щёки её разругались, она постоянно поправляла белоснежный передник, не поднимая головы. Ленхен же – напротив – весело стреляла глазками в сторону Николая, задрал свой носик и поджав губки. Светлые кудряшки выбились из-под её чепца. Она тряхнула головкой и резво покинула горницу с пустым подносом в руках. Следом тихонько вышла Анна.

Девушки скоро вернулись и сели за стол напротив. Ленхен прямо уставилась на Николая, отслеживая каждое его движение. И – о диво! – «русский медведь» не клал локти на стол, ел не чавкая. И, оказывается, знал назначение многих приборов на столе и мог ими пользоваться. Все удивлялись, потому что не знали, что воспитателями отца юноши – Фёдора – были Силантий и игуменья Василиса; а матушка Мария, супруга Фёдора, многое в этом отношении вобрала в себя в боярском доме от Луки и Регины; и когда семья Фёдора получила Силантьёво наследство, Мария с усердием ещё большим начала обучать сыновей всем навыкам поведения, справедливо надеясь на более счастливую их долю

в будущем, готовила их к жизни в другом сословии.

Но всё же Николай допустил за столом небольшую оплошность. Девушки моментально заметили это. Ленхен, что-то сказав по-немецки сестре, приснула и, зажав рот рукой, выскочила из комнаты. Анна хотела было последовать за ней, но строгий взгляд матери удержал её на месте.

Николай смутился, потом рассердился на себя за это смущение и сидел за столом уже как ни в чём не бывало. Решив, что обед закончен, он встал, старательно тихо отодвигая от себя кресло, развернулся назад, и тут раздался грохот падающего подноса с фруктами на десерт, которые как раз поднесла к столу Ленхен. Оба разом нагнулись подобрать рассыпанное и столкнулись лбами, отчего девушка неожиданно рассмеялась, подняв глаза на Николая. Ему вдруг тоже стало смешно, он распрямился и смотрел не отрываясь в глаза Ленхен, по-доброму широко улыбаясь; спохватившись, молвил хозяйке:

– Виноват, не чаял я. Благодарствую за обед, – и решительно направился к двери.

– Moment mal! – воскликнула изумлённая хозяйка.

Юноша ничего не понял и на всякий случай снова повторил:

– Благодарствую!

Его задержал у двери Циммер. Он при всех поблагодарил Николая и протянул ему в знак своего спасения кошелек с деньгами, который Николай молча тут же отодвинул. Тогда немец торжественно произнёс:

– Наша благодарная фамилия... э... семья (Рихард в этом месте энергично и согласно закивал головой) позволяет тебе жить в нашем доме, там фнизу, бесплатно.

Николай кивнул, третий раз произнёс своё: «Благодарствую!» – и добавил.

– Всем до свидания.

Ленхен, обезьянничая, изобразила церемонный «кникс», но Николай, даже не взглянув в её сторону, «громыхал» вниз по лестнице, уже нисколько не сдерживая себя. И облегчённо вздохнул только на улице, плотно закрыв за собой дверь...

Зима завертела метелями всё вокруг в белую пелену, а главное – следы ужасных битв. Всё стало чисто, торжественно и светло, как и на душе Николая. И все события из его жизни в эту зиму в Сибирске объединились одним главным – чувством первой любви к Ленхен.

Конечно, он много трудился, уставал, в свободное время помогал монастырским: возил воду, заготавливал и колол дрова, ухаживал за дядькой Иваном, и выслушивал со вниманием длинные рассказы своей новой бабуни Богомилы о её тяжёлой жизни в крымском плену...

В один из таких вечеров, когда Николай смог навестить родных, все собрались в келье Серафимы. Весело потрескивала растопленная печь. Николай подкладывал дрова. (Он всегда с удовольствием смотрел на огонь.) И слушал, слушал...

Голос Богомилы звучал, как на исповеди:

– Поведать надобно мне жизнь свою, как жила в чужой земле, как хранила свою веру и любовь свою к земле родной. Перепродавали меня в крымском ханстве, молодую и красивую, от одного богатого

мурзы к другому. Дорого стоила. Пока за непокорность свою в турецкую Кефе, то есть Феодосию по нашему, не попала, вывели меня на невольничий рынок. Стою, испуганная, и думаю: не видать мне уж никогда милой родины, продадут сейчас в Египет, али Италию, страны заморские, дальние – и конец мечте, не вернуться мне...

А руки грязные, глаза жадные перекупщиков ко мне со всех сторон тянутся. Только духом я к тому времени с Божией помощью крепка стала...

Николай повернул свою голову в её сторону, внимательно посмотрел в лицо Богомилы, подумал: «Истинная краса была!» Спихватился, пошёл мыслью вдогонку за рассказом Богомилы.

– Встретила я его, по счастью, вскоре после своего пленения у ханского мурзы. Он в невольниках был, Святославом его нарицали, из Малороссии бывший казак, – снова слышит Николай голос сказчицы. – В годах он уже был и со следами ран старых. Молвит мне в день един: «Ты пошто по ночам горько плачешь и с долей своей не смиришься?» «Како же можно с разлукой с сыночком сердцу материнскому смириться?» – спрашиваю. «Да вот ради дитя своего и смиришь, уповая на Бога. Ай забыла, что во всём Воля Его Святая?» Не поняла я сразу, о чём он молвит, и в глубине сердца снова супротив речей его продолжаю: да я, мол, только верой в Бога и держусь. Он: «Какая твоя вера, коль ты, не понимая сама того, ропщешь на судьбину свою, коли по ночам в унынии плачешь? Слаба твоя вера. Ежели в сердце твоём – Бог, то там покой, тишина и свет. Потому что ты безоглядно и твёрдо веришь, что у Господа всё возможно, и он милосерден. Только прежде покайся, смиришь, отринь своеволие и уповай на Его, Божию, волю, призывай Господа в помощь себе. И даст Он тебе терпение и поддержит тебя в смирении твоём. И ты успокоишься. И по вере твоей будет дано тебе. А коли ты – в сомнении, унынии, в страстях, то там нет места Богу и никакой истинной веры твоей, о которой ты только напрасно мнишь, нет вовсе». Послушалась я Святослава и стала смиряться от воли своей и на Господа пламенно уповать. И постепенно так успокоилась в Духе, что всё хорошо будет. И спросила много времени спустя Святослава: «Откуда у тебя знания сии истинные, с которыми Благодать иного человека касается?» И ответил он мне: «Весть добрая православная по миру летит и никуда не пропадает, а зерном в душу нужную западает и прорастает в ней, чтобы и далее быть посеянной в своё время и в своём месте. Однажды на пути мне старец пленённый из Киевской лавры встретился. Он и объяснил мне всё про жизнь внешнюю, страстями кипящую; и жизнь внутреннюю нашу в Духе Святом, для неё надобно Господа постоянно призывать в сердце своё. И откроется тебе Царствие Небесное. Только по жизни зла никому не помни и Добро твори, где только можешь!»

– Ну, а ты? Ты-то куда с невольничьего рынка продана была? – спросила Серафима.

– Никуда. В Феодосии же болгарин богатый для сыночка своего в няньки купил. Большой спрос у чужеземцев на русских нянек и кормилиц для малых деток своих был, чаю, за доброту душевную. Так и была я при болгарском мальчонке том, пока не вырос он. В благодарность его отец сам меня с

казаками на родину отпустил. О Святом Слове потом доскажу. Устала я.

Всё это было лишь фоном новой для Николая, молодой жизни, имя которой – Любовь. И кульминация этой настоящей в его понимании жизни – катание в санках на лошадях в дни Масленицы за город, далеко заснеженный простор, в направлении Соловецкого монастыря, перевёрнутые на повороте сани и они вдвоём, вылетевшие в снежный сугроб. И первый их поцелуй, такой чистый и случившийся так естественно, как бы сам собой... и их летние ночи бдения в тутовом саду... И разрывающее души двоих любящих расставание. Когда он, Николай, весной 1671 года, с первыми купеческими стругами с немощной бабкой Богомилкой и дядькой Ивановом на руках отплывал в Нижний Новгород. И она, Ленхен, удерживаемая почти силой своей сестрой на берегу. И их возница, орущий изо всех своих отчаянных сил: «Ехати, ехать пора, барынька. Очнитесь! Погибнем ведь!» И Ахмед, успевший вскочить в струг. Отплывали в большой спешке. Многотысячная армия мятежников под руководством уже атамана Шелудяка подступала к Синбирску и начала его обстрел. И когда в сумерках истекшего дня их струг уже скрывался за высоким мысом, последнее, что увидел Николай, взглянув на город, – это огромное, грозное огненное зарево.

Глава 16

Укажи мне пути Твои...

Фёдор не спит. Он лежит в бурятской юрте и через поднятый край полога смотрит в звёздное небо. Вот уже который год он живёт в пленниках у монгольского бая. Летом вместе с бурятами, данниками монгола, пасёт его отары овец в Прибайкалье, они с наступлением холодов перебираются в зимние юрты и на него, хорошего охотника, бай накладывает ясак соболями. Охотился в тайге с кем-либо из бурят, под присмотром. И здесь, в каком-нибудь из встреченных зимовий, где останавливались на ночлег, пленённая душа Фёдора распрямлялась.

Никогда его не покидала мысль о побеге. Все прежние попытки заканчивались неудачно. Прибайкалье было населено различными кочевыми племенами, главным образом бурятами, которые, как и остальные из коренных народов юга Сибири, подвергались постоянным, опустошительным набегам воинственных монгольских и маньчжурских баев.

К середине XVII века маньчжуры овладели большей частью Китая, в Пекине была провозглашена маньчжурская империя Цин. Могущественные завоеватели делали набег и на Джунгарию (Западную Монголию), вытесняя кочевые племена в Сибирь. Те и другие оказывали яростное сопротивление начавшемуся проникновению русских в южные области Сибири, вплоть до Забайкалья и Приамурья. Русские воины пытались укрепиться в спешно отстроенных, укрепленных острогах. Но их было поначалу мало, поэтому помощи Фёдору во время побегов было ждать неоткуда, и он вынужден был менять одну неволю на другую. Так он оказался в Забайкалье. В предстоящую зиму решил уходить на север Байкала, подальше от кочевников. Во товарищах по предполагаемому побегу был не-

мец Август, да-да, тот самый «синбирский тать», посланный в Тобольск и, по воле случая, спасший ему жизнь. Чудно переплетение судеб людских!

Теперь Август был товарищем Фёдору по несчастью. Он тоже находился в рабстве, недалеко, но у богатого шорца, который приставил его к кузнечному делу. Хозяин платил ясак баю железными изделиями.

Фёдор, лёжа в юрте, тихонько достаёт кусочки засушенной топлёной пенки молока и подкрепляется, с благодарностью думая о бабушке Долганке, матери хозяина юрты, которая ещё днём, крадучись от сына, засунула свой гостинец в карман старого шёлкового, когда-то синего халату, который носил Фёдор.

«Добрая душа, – думает Фёдор, прислушиваясь, как охает от бессонницы Долганка, лёжа на нарах на правой стороне женской половины юрты. – Такая добрая душа есть в каждом народе. Этими немногочисленными и часто незаметными людьми и спасается народ. А то на земле было бы одно зло. Взять хотя бы бабушкиного внука Ладона, тиуна свирепого!» – Фёдор ёжится: до сих пор кости болят после последнего неудавшегося побега и побоев Ладона.

Фёдор с любовью наблюдает, как бабушка Долганка, вздыхая, встаёт и раскуривает свою трубку. Огонёк на краткое время освещает её морщинистое лицо, подслеповатые глазки и огрубевшие от работы руки.

Случилось так, что в конце лета отары овец отогнали поближе к даурам. Воспользовавшись благоприятными обстоятельствами, наши беглецы, Август и Федор, достигли русского острога, где воеводой той «новой Даурской земли» был Афанасий Пашков, одиозная фигура, которая из «Жития» протопопа Аввакума и его челобитных к царю стала известна чуть ли не всему образованному миру.

Но сначала радости многострадальным бывшим пленным Фёдору и Августу не было предела. Обласканные и подкормленные казаками острога, они быстро набирали силы.

Вскоре им дали оружие, добротную одежду и приняли в отряд охранять новые гарнизоны Российского государства. И первое, что сделал Фёдор, – это упросил сына воеводы Еремея Пашкова, которому надлежало по вызову добираться в Москву, свезти письмецо от него Марьюшке, о том, что жив; и передать через Богдана Хитрово и Луку Евсеича.

Забегая вперёд, скажем, что письмо то сразу в руки Богдана Хитрово не попало, он находился в опале, в Пскове, и получила его Марьюшка (и то Слава Богу!) много лет спустя...

Скоро, по прибытии в даурский острог, Фёдор узнал от казаков (и на собственном горьком опыте) о суровом характере Пашкова. Он стал свидетелем жестокой расправы воеводы с подчинёнными за малейшую провинность и совершенно не спровоцированного обращения с протопопом Аввакумом, сидения которого в земляной яме захватил Фёдор.

Фёдор же, как человек честный и решительный, не смог терпеть произвола воеводы Пашкова и стал заступаться за его невинных жертв, свидетелем которых он стал, чем вызвал гнев и гонения на себя лично. И это привело к тому, что Федор вновь стал думать о побеге, на сей раз от русского воеводы.

А в это время Аввакум, сидя в земляной тюрьме, сочинял в уме челобитную царю на неправды воеводы Пашкова:

«Да он же, Офонасей, государевых служащих взял во двор к себе сильно: Олёшку Брацкого да Юшку Иванова... Да он же, Офонасей, живучи в даурской земли, служилых государевых людей не отпускаючи на промысел, чем им бедным питаться, переморил боле пятисот человек голодною смертию. А которые, не претерпев гладу, ходили промыслять нужные пищи, и он, Офонасей, их пытал, бил кнутьем, и ребра ломал, и огнем жег... Да приходили в Нерчинский острог из Енисейска служилые люди, пятидесятник Иван Елисеев со товарищи, с грамотами государевыми... А он, Офонасей, для вести, чтоб про него на Руси не ведомо было, не отпустил их назад и уморил в дощенике двух человек, прикащика Сомова Ивана да толмача Константина...»

Вот пред таким человеком предстал Фёдор. К Пашкову Фёдора привёл Матюшка Зарян, окликнул, как бы невзначай: «Иди, воевода тебя к себе требует».

– Пошто требует? – насторожился Фёдор.

– Да так, по какой-то малости.

По дороге к воеводе Фёдор успел шепнуть казаку, кому доверял:

– Скажи Августу, что воевода меня к себе позвал.

От таких вызовов уже никто ничего хорошего не ожидал.

– Ты кто таков?! – ястребом налетел воевода на вошедшего Фёдора.

– Я православный христианин по вере и человек вольный по жизни.

– А кто это доказать может?

– Боярин Богдан Матвеевич Хитрово в Москве да его друг боярин Лука Евсеич, да дяк Сибирского приказа Семён Третьяк, с коим я во товарищах по государеву делу в Тобольск послан был и оттуда в полон уведён иноземцами мятежными. Я тебе, воевода, уже ранее поведал о том.

– Здесь твою сказку подтвердить некому, можешь беглый из крепостных, аль из заводских Строгановских приписных, аль разбойник с большой дороги?! А посему здесь ты никто. Я один здесь тебе и царь и Бог! А за хулу твою супротив меня из казаков велю разжаловать. Рабом в моём дому мне служить будешь! Слышишь?! Р-а-б-о-м! А ежели ещё супротив меня пойдёшь, то николи из этих стен острожных живым не выйдешь!

– Я служу государю, а тебе рабом не буду! – твёрдо ответил Фёдор.

– Ну ладно. Добро. Подождём до утра. Зарян! – крикнул воевода. – Запереть в арестанскую да глядеть в оба!

– Слушаюсь!

В камере Фёдор с тоской посмотрел на маленькое оконце под потолком, подумал: «Через него не выбраться. Да, крепко на сей раз в сеть попал. Вынеси, Господи!»

Фёдор взял себя в руки, лёг в углу на солому и заставил себя успокоиться, а потом и уснуть.

Ночью дверь камеры открылась, и Фёдора вывели на свободу его друзья. А вместо него затолкнули

и закрыли на замок палача Заряна, предварительно связав его и заткнув рот. Крепко ненавидели казаки этого воеводина холуя.

Казаки же потихоньку выпустили из ворот острога Фёдора, Августа и двух их помощников, взяв с них слово, что они доберутся до Москвы и доставят челобитную до царя-батюшки про их горькое житие.

– На Пашкове – «дело и слово государево», – решили все.

Четверо беглецов сразу разделились и пошли в разные стороны. Фёдор и Август стали пробираться на север Байкала.

Шли долго, хоронились от погони, стороной обходили редкие остроги, отлёживались и отогревались в редких зимовьях. В них задерживались: Фёдор занимался охотой, запасались провизией, ладили короткие и широкие таёжные лыжи, соорудили некое подобие нарт. К «священному морю» вышли в конце января. Байкал только-только встал. Двигались по льду встреч ветра, две прибившиеся к ним дорогой собаки тянули нарты с грузом. Много пройти не удалось за первый короткий зимний день. Мешал сильный морозный ветер. Чтобы укрыться от него, свернули к скалистому берегу в бухточку. Обрадовались, разглядев в долине повыше зимовьюшко. Забывшись, ринулись вперёд, но тут же провалились по грудь в снег. Пришлось приделывать лыжи. Когда подошли к зимовью, то подумали, что оно заброшенное: провалившаяся частично крыша, слегка покосившаяся труба. Но внимательный взгляд Фёдора заметил следы на снегу, которые вели от двери за угол дома в лес. Это были следы от лыж, которые делаются здесь из тонкой еловой доски и оклеиваются шкуркой нерпы. Фёдор оглянулся на Августа и молча показал ему на след, знаком велел подождать, а сам пошёл по следу. За деревьями мелькнула тень и затаилась, но выдали собаки – свои и чужие. Август едва удерживал их за нарты. Фёдор вскинул бердыш, прицелился:

– Кто будешь? Выходи по-доброму!

Минута-две, и из-за дерева показался небольшой человек в островерхой бурятской шапке, в тёплом халате и унтах. В руках у него был лук со стрелой. Фёдор первым опустил ружьё, когда понял, что перед ним мальчик.

– Чей будешь?

«Не поймёт по-русски», – мелькнула мысль, хотел уж повторить по-бурятски (знал с десятков-другой фраз), как мальчик неожиданно с лёгким акцентом ответил по-русски:

– Я с отцом тут, – он кивнул на зимовье.

Фёдор встрепенулся, посмотрел на подошедшего Августа, молвил обоим:

– Пошли!

В дверь протянулись с трудом. Она широко не открывалась из-за намерзшей наледи у основания. В зимовье было довольно прохладно, хотя в печи ещё тлели головёшки. Раздули огонь. Вдруг с печи послышался хриплый взволнованный голос:

– Кто тут? Сынок, ты? – мужчина пытался подняться. При свете жировика Фёдор увидел на большом остатке солдатского мундира.

«Беглый», – подумал он.

Спустя некоторое время, когда на печи булька-

ло варево (похлёбка из толокна), Фёдор и Август дослушивали рассказ мальчика:

– Мать – бурятка, отец – русский солдат. Жили сначала в бурятском улусе недалеко от Култукта. Потом налетел с отрядом монгольский бай, разгромил улус, увёл пленников и с ними мать. Мы с отцом были в тайге, вернулись к пепелищу. С тех пор живём в тайге. Да на охоте его медведь поранил. Ему всё хуже.

– Что худо, сами видим, – Фёдор подошёл к печи, приоткрыл одеяло и отпрянул:

– Антонов огонь!

– Что? – не понял немец.

– Да как тебе растолковать? Ну, нога у него мертва уже и смердит зело.

– А gangrene, – покачал головой немец. – Это скорый смерть!

Они задержались в зимовье. Однажды к вечеру солдат вдруг заговорил возбуждённо и несколько больше обычного.

– Ты, Фёдор, хошь иттить к Ангаре, а там через Енисей на Тобол целисья. Далеко не уйдёшь, здесь заводчики руки везде протянули. На всех путях драгуны беглых ловят и без разбору, аки крепостных, к заводу приписывают. То хуже рабства будет. На слово вам никто верить не станет, что вы люди вольные. На север по льду байкальскому идите, там в верховьях ещё улус бурятский есть. Не достанут вас там.

Солдат замолчал, тяжело дыша, потом вымолвил:

– Христом Богом прошу, сына моего, Ивашку, не бросайте здесь. Если в тягость вам будет, то оставьте его у бурят в улусе том. У них древний обычай добрый есть: чужих детей усыновлять. Считают, что они, сирые, в дом счастье приносят.

– Не бойся, солдат. Вот те крест – не брошу. У самого в России два сына и дочь имеются, – ответил Фёдор.

– Ещё прошу, схороните по-христиански, крест над жальником моим поставьте, помолитесь, как сможете. Данилой меня звали... Из Костромы я сам. Данила Тихонов сын Костромич...

К утру солдата не стало. Крест поставили, как и просил. Собрали пожитки, оставили в зимовье всё как полагается, по-честному, по обычаю.

Трёх собак впрягли в нарты с поклажей. Ивашка, как хозяин родной ему земли, молча пошёл впереди всех к середине Байкала.

– Зачем так далеко? Нам на север надо, а ты поперёк моря хошь? – спросил Фёдор.

– У берега опасно. Торосы ледяные. Вода здесь живая подо льдом. Старики говорят, шибко вода сердится, изо льда рвётся, оковы скинуть хочет, – ответил мальчик.

И как бы в подтверждение его слов гулкие раскаты подводного грома прокатились несколько раз. И уже у них за спиной фонтаном вверх плеснула вода и не опала вся, оставив бугорок наледи на краю разошедшейся наледи.

Снег ближе к середине Байкала был сдут ветром. И Фёдор с Августом невольно переглянувшись, осторожно ступая на уходящую в темноту, сверху прозрачную толщу льда.

Через несколько часов пути Ивашка стал с беспокойством поглядывать на вершины горных хребтов, что тянулись по западному берегу «моря».

– Что беспокоишься, сынок? И нас торопишь? – спросил Фёдор. – Мы далеко уже прошли на север изрядную часть пути. Из силушки выбились. Смотри – немец Август еле тащится, непривычна ему природа здешняя. Передохнём, присядем на нары. Вишь, какая тишина. Ветер и тот на отдых пошёл.

– Нет! Нет! – испуганно молвил мальчик, привычно поворачивая упряжку собак к светлой полосе торосов у берега.

– Да ты что командуешь? Эх развоевался борзо!

– Сарма идёт. Ветер Сарма. Она, однако, смерти нашей хочет.

В глазах мальчика был такой испуг, что Фёдор внимательнее взглянул на вершины хребта и с удивлением обнаружил, что узкая полоска облаков с большой скоростью вырастает на глазах в плотную, нависающую, серо-белую тучу, готовую обрушиться на всё расположенное внизу.

И тут он почувствовал тревогу необыкновенную, оглянулся, подхватил подмышку Августа, увлекаемая им за собой и следом – за упряжкой. Собаки, подчиняясь своему инстинкту самосохранения, сами понеслись к торосам, но проворный Ивашка успел-таки прыгнуть в нарты, крепко удерживая в руках поводок. Он пару раз оглянулся, что-то прокричал Фёдору, но тут воющая снежная вьюга, взметнувшись к небу вихревые столбы, закружила всё вокруг, сбив путников с ног, распластала их на льду и понесла за собой. Некоторое время до них доносился ещё прерывистый лай собак...

На долгое время затерялись следы наших героев...

Зимой 1675 года на берегу Байкала остановилось царское посольство, направлявшееся в Китай, под руководством учёного Николая Гавриловича Сапфария. С посольством добрались до границы и Николай с Ахмедом, разыскивающие Фёдора. Их гостеприимно встретил воевода Селенгинского острога. Сапфарию предстояло вместе с посольством добираться до столицы Цинской империи Пекина и устанавливать дружеские отношения.

Сапфарию вызвал к себе Николай.

– Дело есть. Слово я боярину Хитрово дал, что буду тебе сполучником в поисках отца твоего Фёдора. Мы скоро уйдём за границу, ты тут с Ахмедом на свой страх и риск остаёшься. Ахмед я с отрядом дозорным вперёд направил, на пути обратном велел в Даурский острог заглянуть, узнать, там ли отец твой. Сколь лет прошло? Достань-ка письмо.

– Да я и так наизусть всё заучил. В лето 1669.

– Нет, ошибся ты, братец. Циферки поистёртые здесь. Но если твой отец в остроге Пашкова и Аввакума застал, то они были вместе там десять лет, значит, не далее лета 1664 – когда Аввакум отозван был. Много воды утекло с тех пор. Край здесь неспокойный... Да будем надеяться, что Ахмед с отцом твоим вернётся.

– Я же сам с отрядом просился.

– Нет. Ахмед-толмач нужнее на дороге опасной. К тому же не хочу жизнью твоей рисковать... Да, слышал я, что грамоту не худо разумеешь. Тут запиши мною наспех сделаны о море байкальском. Для

пользы государевой. Подиктуй мне, я перепишу. Где надо – спрашивай, растолкую.

Николай старательно вычитывает. Перо Сапфария бойко скользит по бумаге.

«...а зимнею порою мёрзнет Байкал, начинающее около Крещеньева дни и стоит до мая месяца... а лёд живёт в толщину по сажени и больше и для того на нём ходят зимнею порою санями и нартами, однако де зело страшно, для того, что море отдыхает и разделяется надвое и учиняются щели сажени по три, а вода в них не проливается по льду и вскоре сойдётся вместе с великим шумом и громом, и в том месте учинится будто вал ледяной; и зимнею порою везде по Байкалу живёт подо льдом шум и гром великий, будто из пушек бьёт (неведущим страх великий)»...

Учёный перестал писать свои записки, задумался, потом произнёс:

– Да, дивен край и богат пушшиной, рудами и необыкновенно разнообразным животным миром... Мне приходилось читать одно из посланий Авакумовых о животном мире Байкала, правда, описывает он своими названиями. Много необыкновенного в мире сем. Есть свидетельства первых землепроходцев на Байкал, архангельских и мезинских поморов, о том, что здесь водится один из видов тюленей, лахтак. Они его назвали «морским зайцем». Как он мог сюда попасть? Это загадка, какую науке ещё надобно решить. А сколько ещё тайн неразведанных в краю сем?

Николай слушал с горящими глазами. Но тут вернулся отряд дозорщиков. Рассуждения учёного перебил шум за дверью. Сапфарию встал и молвил напоследок Николаю:

– Вижу в тебе, юноша честный, любознание велие. Достоин тебе пристать к землепроходцам, что новые земли государству Российскому открывают. Есть в сибирском краю сборщик податей из Тобольска – Ремезов Семён, человек зело мудр и любознателен. Постарайся к нему прибиться. Встретишь, поклон мой передай землепроходцу сему.

Учёный передал письмецо со словами:

– Тут к Семёну Ремезову и о тебе слово есть. Храни Господь тебя на путях твоих, юноша.

Сапфарию велел позвать старшего из дозорных. Николай, поклонившись, вышел, ему не терпелось увидеть Ахмеда, который принёс весть неутешительную:

– Отца твоего, Фёдора, в остроге даурском давно нет. От старожилы узнал, что бежал он от воеводы. Старик полагает, что надобно по берегам байкальским искать, что подале от кочевников и заводчиков.

– Спасибо, друг! Ты прости меня, что сокрыл я от тебя тайну одну, не по злomu умыслу, а из-за матушки Марьи. Видел я числа чётко написанные в письме, коими письмо своё пометил отец, коим нам отправлял. То было уж лет десять назад. Долго плутало оно, письмецо отцово, из Сибири, пока к нам попало. Пришлось мне дату подтереть. Марья-то думала, что весть Фёдор недавно подал. А то не благословила бы в дорогу нас. А я сердцем чую, пони-маешь, Ахмед, почему-то ведомо мне: жив он. Только выручить его надобно. А тут как раз посольство Сапфариёво сюда направилось, ну, матушка через

Юрка и Хитрово нас к нему и определила, так ей спокойнее, а нам в пути легче. Прости, Ахмед, вины мои. Нет у меня тайн от тебя, и эту, малую, поведал бы тебе, всё едино. Да только в душе надежда малая была: а вдруг отец всё ещё в Даурах!

– Да что ты, друг. Я бы и при тайне твоей – тогда раскрытой – всё равно с тобой пошёл бы. Сколь на свете интересного-то увидел!

Дружественное посольство Сапфариёво отправилось в Китай, то бишь, в империю Цин, где господствовали маньчжуры. А воевода селенгинского острога посоветовал Николаю с Ахмедом перезимовать в ближней Вознесенско-Иннокентьевской пустыни:

– Её основал недавно схимонах старец Герасим (по благословию Сибирского митрополита Корнелия) на левом берегу Ангары, в трёх верстах ниже Иркутска. Там есть деревянная церковь, срублена ограда, и кельи некие построены, хотя строительных дел ещё много.

– А примут нас? – спросил Николай, косясь на Ахмеда.

– Примут. Руки рабочие им зело нужны. А что друг-то татарин с тобой – не беда. Скажете, я прислал. Да мало ли татар крещёных в России-матушке. Да и один Господь у всех. Ну, с Богом.

Так два друга оказались в монастыре, где сразу же много стали трудиться «аки градоделцы». В конце января в монастыре как-то по-особенному зазвонили колокола церкви. Николай взволновался:

– К вечерней службе? Да звон что-то не тот. Пойду, разведая.

Вернулся быстро, грустный.

– Царь Алексей Михайлович преставился. Теперь новый государь будет, сын его, Фёдор...

Так начался 1676 год.

В последние недели зимы, когда солнце всё чаще появлялось из-за горного хребта, в обители вдруг появился Семён Ремезов, тобольский служилый человек, «сын боярский», сборщик податей. С игуменом они беседовали о приписных землях к монастырю и о племенах «иноземцев» в округе, с которых ему, Семёну Ремезову надлежит собирать яsak в казну царскую.

Узнав о приезде, Николай с Ахмедом скоро предстали перед ним. Семён Ульянович выслушал юношу, спросил:

– Чем полезны в нашем деле государевом хотите бытии? У Сапфария что делали?

– Всё, что ни прикажете, всё со старанием сладким, – заверил Николай. Ахмед же молвил кратко, указав себе на грудь:

– Толмач!

Надо сказать, что у этого чернявого юноши оказались удивительные способности к языкам. Позднее он в краях забайкальских и монгольский язык усвоил быстро, и другие тюркские языки на лету схватывал.

На следующий день Николай и Ахмед отправились с Семеном Ремезовым к «братам», племенам татаро-монголов собирать дань. Их сопровождали ещё товарищи – сыновья Ремезова и небольшой отряд казаков. В первый день Николай заметил что-то особенное в поведении Семёна: при переходах останавливается, что-то чертит в тетради, делает

пометки. Вечером, в гостеприимной юрте бурят, после угощения Семен Ремезов снова достал свою тетрадь в кожаной обложке. Николай не выдержал, подсел к нему на войлочный ковёр, скрестив ноги по-бурятски.

– Что смотришь? – спросил по-доброму Семен.

– Однако вельми интересно сие.

– Постой, допишу: «... и здесь саженой десять всего, а берег весьма горист... и название месту сему тунгусское. Как, Ахмед, повтори!

– Иркут, – живо ответил татарин.

– Ну что, Николай, а ты будешь мне помогать.

– Как? Зело любопытно по мне.

– Научу землю проходить, берега рек саженьями мерить, а где и днями пути конного; чертежи простые делать.

Много вёрст было суждено прошагать Николаю и Ахмеду, проплыть по рекам, проташиться с тяжёлым грузом по волокам на просторах Сибири рядом с Семёном Ульяновичем Ремезовым. И настанет день, когда он, Николай, вместе с Ремезовым поедет в Москву, где новый молодой российский государь оценит труд Семёна Ремезова и его помощников-сыновей по составлению первой географической карты и атласа Сибири. И ещё в первый их приезд в Первопрестольную Николай будет представлен государю как верный, неутомимый помощник Ремезовых в деле сем. Николай будет замечен царём и взят им в своё Великое посольство в чужеземные западные страны в 1696 году. И через это изменится вся жизнь Николая...

Всё это впереди, в будущем, а пока ещё на русском престоле продолжается шестилетнее царствование Фёдора Михайловича.

Николай с Ахмедом сидят у костра на берегу реки Нижней Тунгуски. Высокие языки огня взмывают навстречу звёздному небу. Всё вокруг таинственно и удивительно умиротворённо. Неописуема красота мироздания. В эти минуты Николай доверяет другу Ахмеду историю своей любви к немецкой девушке Ленхен, которую встретил в их родном Синбирске и которую памятью сердца с тех пор носит в себе; объясняет, как невыносима для него разлука с ней. И Ахмед сочувственно цокает языком...

Увлечённый новым занятием, Николай не оставлял мысли найти отца. К поиску Фёдора подключились все сопровождавшие Ремезова. В различных таёжных стойбищах спрашивали, не встречали ли в здешних краях русского.

Наконец таёжная почта принесла весть: в северо-западной части байкальского побережья в бурятском улусе видели русского с мальчиком. Николай обрадовался, но и засомневался: откуда малец?

С волнением вместе с Ахмедом добирались до указанного улуса, но увидели тут запустение и разорение. Хотели было уже назад повернуть, несолоно хлебавши, как вдруг в одной уцелевшей юрте Ахмед обнаружил бабушку-бурятку. Она сидела, безучастная ко всему на свете, и курила трубку. Ахмед из беседы с ней выяснил всё, что произошло.

Улус часто разоряли своими набегами поморы из Мангазеи. Отбирали у местных охотников пушнину, уводили женщин пленницами. После очередного набега, когда охотники вернулись из дальней тайги, на совете племени решили, что надо уходить

в другие места. Тут неожиданно в улусе появились трое: двое мужчин и мальчик. Буряты нацелили на чужаков луки со стрелами. Но мальчик заговорил по-бурятски, сказал, что это его друзья, один из них – русский, и что пришли они с добром. Через несколько дней весь улус снялся с насиженного места и ушёл вместе с чужаками в верховья Лены...

– А почему ты не ушла со всеми, бабушка? – спросил Ахмед.

– Хочу, чтобы к умершим предкам меня проводили духи родного стойбища.

В глубокой тайге, в верховьях Лены, был слышен стук топоров и лай собак. От жилья тянуло дымком. У избы с пристроем (по-видимому, это было бывшее зимовье) сидел Фёдор и мастерил соху. Ему помогал Ивашка. Немец Август хлопотал в самодельной кузне, здесь же была кустарная плавильная печь. Этому ремеслу способный немец научился, будучи в плену у богатого шорца. Всё взрослое население, состоявшее едва ли не из десятка человек, собиралось на выезд в поле, возделанного под руководством Фёдора и Августа на старой заброшенной большой поляне в тайге, покинутой углежогами. Сейчас Август готовил металлический наконечник для деревянной сохи. Дом, на крыльце которого сидел Фёдор, стоял в окружении многочисленных деревянных бурятских юрт.

Закончив работу, Фёдор, сильно прихрамывая, ушёл в избу. Пораненная нога во время скитаний на Байкале была главной причиной, почему они с Августом откладывали попытку возвращения домой (каждый, разумеется, думал о своём доме). Фёдор из-за ранения не мог, а Август не решался на одиночное плавание по опасным сибирским рекам.

Вдруг собаки яростно залаяли: в стойбище появился чужой. Это был Ахмед. Фёдор, услышав лай, выглянул наружу и остолбенел: за спиной татарина возвышался Николай.

– Миколка?! – беззвучно выкрикнул отец.

– Отец! Я, я это, Николай, ай не признаёшь уже?

Они обнялись крепко, по-мужски, с досадой вытирая набегающие на глаза слёзы. Но какая это была мелочь по сравнению с тем огромным счастьем обретения вновь родного человека, и в это счастье они всё ещё до конца не могли поверить.

– Николай! Миколка! Родной, вот уж не чаял встретить тебя в краях здешних.

– Я за тобой, отец, уж который год иду.

– Как Мария, Настенька? Живы ли, здоровы?

– Были живы, здоровы, когда я дом покидал, Слава Богу!

На крики сбегались все, кто был в стойбище.

Вечером гостям устроили праздник. Вернулись охотники, принесли добычу – кабана. Лучшие куски отдали в юрты слабых и старых, а также для гостей. Мужчины готовили большие бурятские пельмени – бозы. Ещё гостям подали на блюде из бересты приготовленную баранью голову, обложенную рёбрышками. Старик Бадай, обращаясь к гостям, сказал при этом:

– Самое вкусное мясо – всегда на косточке, а самая плодородная земля – всегда между гор.

Ивашка тут же перевёл сказанное на русский язык. Он не спускал восторженных глаз с сына Фё-

дора – Николая. Когда подносили блюдо с кушаньем, повернули его по своему обычаю бараньим носом в сторону Николая и Ахмеда.

– Это знак уважения к вам, – шепнул Фёдор Николаю и Ахмеду.

Старик Бадай обратился к Фёдору и Августу:

– Вы уйдёте от нас, вас ждёт ваша родина. Но оставьте нам Ивашку. Он породнил нас. И это ещё наш обычай – не бросать сирот. В любой юрте его примут как родного.

– Мы ещё вернёмся, – ответил Фёдор. – Ваш край стал мне новой родиной. А Ивашка пусть решает сам, согласен ли остаться.

– Я согласен, – ответил мальчик. – Остаюсь.

– Мы ещё вернёмся сюда, – повторил Николай за отцом. Он уже почувствовал, что здесь, в сибирском краю, он вышел на свою верную дорогу жизни.

Август уходил с ними.

– Кто это? – спросил Николай отца. – Что-то лицо знакомое.

– Да так, из наших краёв, в Тобольске встретил, потом всё поведаю...

Глава 17

Однажды зимой к Вознесенскому-Иннокентьевскому монастырю, что на берегу Ангары возле Иркутска, подъезжал длинный обоз. У ворот обители один из приезжих прокричал:

– По-именному повелению государя Фёдора Алексеевича и по грамоте Сибирского приказа игумен Санаксарского-Богородицкого монастыря, что на берегу реки Мокши близ Темникова (в Поволжье) Феодосия с некоторою братию прибыл в Сибирь с миссионерской целью для устройства в Иркутском наместничестве, в Верхне-Уденском уезде, на реке Селенге, впадающей в озеро Байкал, Преображенского Посольского монастыря. Впустите, во имя Отца и Сына и Святого Духа.

– Аминь, – прозвучало с внутренней стороны ограды, загремели засовы, и окованные железом ворота распахнулись.

– Милости просим, – произнёс один из приратников.

В обители приезжих уже ждали. Из Иркутска предупреждены были.

Когда обоз въезжал в ворота, то с одного возка прозвучал голос девушки:

– Мама, мы приехали? Это та обитель, коя нам надобна?

– Нет, Настенька, ещё не та, но скоро доедем. Притомилась ты, дитятко. Длинна дорога к отцу твоему. Приведёт ли только к нему? Где и как его искать? Так и неведомо.

– Не кручинься, мама. Ведь было сказано в письмеце том: «в Даурах». Сама же сколько лет о сём мне молвишь.

– Да ежели бы там он был, то, чаю, Николай с Ахмедом давно бы сыскали его и весточку о том дали. А то и сами ныне неизвестно где.

– Не думай ни о чём, Мария, положишься на волю Господа, всё у тебя сладится, – раздался рядом голос старца.

– Откуда то известно Вам, батюшка? – восторженно спросила Марьюшка.

Феодосий промолчал.

А в келье, наедине с дочерью, Марья всё никак не могла успокоиться прозорливостью старца, о которой давно было известно. И радостно вслух думала:

– Не зря в путь дальний, опасный собрались мы с тобой, доченька. Да и то помыслить надобно: разве бы взял отец Феодосий нас с собой, коли бы не было у него надежды?

На следующий день они сами напросились к повару-монаху на послушание. Разговорились, пока мыли котлы, и монах мимоходом молвил:

– Все кого-то ищут в Сибири. Я так мыслю, оттого сие происходит, что страна здесь огромная, прямо как небеса земные, и человек россейский неопытный скоро затеряться может. Вот в позапрошлую зиму тут два друга жили, один русский, другой татарин. Русский-то тоже отца в Сибири искал.

– Постой-постой! Отца он как величал?

– Фёдором. Всех спрашивал, не ведомо ли кому, где находится...

– Ах! – готова была закричать Мария и закрыла рот рукой, – Миколка, Миколка то был! Так ли?

– Мама, Николай, а не Миколка! Уж недоросль давно, а ты его всё как отрока кличешь, – вмешалась Настенька. – Николай то, брат мой.

– Да, истинно, Николай, а другой татарин...

– Другой – Ахмед. Тоже точно так.

– Где они, где? – перебивая друг друга, всполошились обе. – Что ведомо тебе?

– Толковали они про север байкальский. Да они ещё здесь к Семёну Ремезову, служивому государеву, пристали. С ним и ушли. Сыскать его не трудно. Человек в краях здешних известен. Ясак в государеву казну собирает...

Марья побежала к Феодосию.

– Ты зря не суетись. Пиши письмо сыну Николаю на имя Ремезова. Оставим его в Иркутской епархии. Ремезов её не минует. Ему там с монастырскими приписными каждое лето разбираться надобно. Вот и дойдёт весть до сына. А уж нас на Селенге в новом монастыре искать епархии не надобно. Сами всё знают. А сейчас вели дочери собираться, на Селенгу едем.

Скоро отправились в путь на санях. На второй день пути были на месте. Присланные ранее епархией монахи-строители уже сделали пристрой к бывшему здесь зимовью, несколько келий. Средства на строительство этой новой обители пожертвовал «купчина Пекинского каравану» Григорий Афанасьевич Осколков. Осваивать средства начали, разумеется, в тёплое время. Прошло несколько месяцев со времени прибытия сюда наших путников. Уже была построена часовенка и начато сооружение деревянной церкви. Наступила весна, а с ней и пробуждение к новой жизни. Однажды к этой новой обители весенним солнечным днём устремились по волнам священного моря байкальского несколько судов с товарами, необходимыми для монастыря. А когда прибывшие сошли на берег, то случилось чудо, которое непременно должно уже было произойти: с гостями на берег ступили Николай, Ахмед и... Фёдор.

Марьюшка узнала Фёдора издали и с криком бросилась ему навстречу. Волнение её было столь велико, что она едва пережила его. И, уже освобо-

дившись из крепких объятий мужа (уступая место дочери), она, как шальная, утверждала перед всеми:

– Есть Бог на свете! Есть Господь Бог!

Когда на следующий день вспыхнувшая огненная радость встречи начала гореть ровным пламенем, вся семья, сидя снаружи у костра, на котором в большом котле готовили для всех обед, обсуждала будущее.

– Может, здесь останемся, Марьюшка? Полюбил я вельми края здешние, красоту величавую. Для души просторную. Как ты разумеешь? – спросил Фёдор.

– Да как ты велишь, свет мой, Феденька. Теперь не расстанусь с тобой ни на один день! Только и то поразмыслить надо, как всё там, на Волге, дома-то бросить.

– А что нам с тобой, Марьюшка, надобно, много ли? Можно здесь при монастыре жить, работы всем хватит. Можно и в улусе подале, на байкальском берегу хлебопашеством заниматься. Дом у меня там имеется. Дети наши при нас. – Он с любовью посмотрел на Настеньку, которая о чём-то тихо беседовала с Ахмедом. – И Юрок, молвишь, пристроен.

– Да ему Лука... – выпалила торопливо Марья, взглянула на мужа и запнулась.

– Ну, что Лука Евсеич для сына нашего Юрка сделал? – молвил Фёдор, улыбнувшись одними глазами.

– Да ты ведь ещё не знаешь, что умер наш боярин, а часть наследства своего Юрку завещал. Юрок не беден теперь. Его Регина в страну заморскую повезла учиться.

– Да, жаль боярина, жаль... А что мы с тобой после Силантия имеем, пусть этим детям пойдёт! – Фёдор указал на Настю и Николая.

– Всё моё дарю Настеньке, сестрице моей, – вставил своё слово Николай, – а я и сам пробьюсь. Пути-дороги мои теперь ясны мне. К Ремезову вернусь, края дальние для пользы Отечества описывать. Ты, отец, всё наставлял меня: «Учись прилежно, как Юрок». Тогда невдомёк мне сие было. А теперь, как другой мир открылся взору моему, учиться хочу, чтоб в разных потом странах заморских побывать. Мне и бабушка Богомила сколь дивно о них рассказывала.

– Так, сынок, правильно разумеешь. Тебе моё на то родительское благословение будет. А что мать свою родную не привёл мне Бог увидеть, а теперь уже и поздно... Всё рассказала мне Марьюшка вчера, как встретили её, обласкали и в вечность вскоре проводили...

– Тятенька, вот портрет бабуни Богомилы, Юрок тебе срисовал, – вставила Настенька, протягивая его отцу.

Фёдор схватил парсуну, отошёл в угол. Надолго замолчал, разглядывая.

– Когда-нибудь приедем в края наши, на Волгу – родным могилкам поклониться, – молвил наконец Фёдор, вытирая глаза.

– А я тогда и останусь там, в родных краях, нас всем, – робко проговорила Настенька.

– Да и я хотел бы вернуться в края свои, – быстро проговорил Ахмед.

– Ну, вот и ладно. Да будет так. А пока все вместе тут порадуемся, – вставила своё слово Марьюшка.

Через несколько дней к ним заглянул Семен Ремезов.

На следующее утро с ним все провожали и Николая. Ахмеда попросили помочь на строительстве монастырском. Он согласился.

Попрощавшись со всеми, Николай подошёл к старцу Феодосию.

– Благословите в путь мой.

Феодосий поднял руку с крестом и молвил словами Евангелия: «Да светит свет ваш перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного».

Эпилог

Ранней весной 1680 года, далеко от мест сибирских – в келье Крыпецкого монастыря, что близ Пскова, сидел старый монах и при «свете лампы и свечи воздыхал и тихо шептал слова», возлагаемые гусиным пером на бумагу:

«Лю-без-ный друже, Богдан Матвеевич!

Пишу тебе сие посланьице, скорбя сердцем об участи своей! Вот и все житие мое мирское, выражаясь слогом монастырским, истекло. И я, опальный боярин, а ноне де никому уж не нужный старец Антоний пишу с единым желанием услыхать от тебя, боярин Хитрово, человека образованного и до сих пор успешного делателя на службе государевой, ответ на мой вопрос.

Неужто служение мое было напрасным и все мои труды воинские, посольские и другие по устройству внутри государства Российского теперь забыты?!

И то ведомо мне, сколь много потрудился и ты, Богдан, на пользу Отечеству. Наши годы преклонны. Скоро предстоит путь в мир иной. А оглянись кругом – не вижу на Руси лучших перемен. Сколь много, зело много палачей, разбойников, душегубов, грешников, лгунов, завистников, интриганов, корыстолюбцев, блудниц и пьяниц! И через думы о сем впадаю я в уныние глубокое. Неужто вся наша жизнь, все старания наши в Думе при царях (мои – при Алексее Михайловиче, Царствие ему Небесное!) впустую были? Ты, боярин, ведаешь, что сильных мира сего я не боялся николи и не боюсь по день сей и умираю в правде, но скорбно на душе моей...»

И ещё долго в подобном духе продолжал писать бывший сильный человек при дворе царском, Ордин-Нащокин, а ныне – Антоний, не совсем добровольно ставший монахом.

У него ещё хватило сил отправить письмо в Москву, в Оружейную палату, боярину и оружейнику Хитрово; крепиться несколько недель в ожидании важного для осмысливания жизни своей ответа.

Боярин Хитрово полученному письму был рад. И хотя находился в великой горести и болезни по причине смерти своей младшей дочери, несколько раз порывался изложить ответ на бумаге с «пристрастием великим» Ордину-Нащокину. Письмо боярина взволновало Хитрово и прежде чем урывками (по причине нездоровья) переносилось на бумагу, оно скоро почти всё написалось в уме и раз-

мышлениях о жизни своей в государстве.

А на бумаге Богдан Матвеевич сразу же отверг волнения Нащокина, что тот обращается к «высокому боярину» «без церемоний, просто, и не по чину уже».

«Любезный брате, Афанасий Лаврентьевич, – писал в свою очередь Хитрово к бывшему «товарищу по службе царской», – напрасно волноваться изволишь «за дерзость свою». Мы сейчас, друже, как мне ведомо, оба находимся на кратком уже пути, чтоб предстать перед Господом Богом. И на этом последнем пути все равны меж собой грешные людишки: и высокие чины и простолюдины. Ты, Афанасий Лаврентьевич как брат теперь мне. Всегда внутренне клонил аз главу свою пред тобою за честное служение твое. И далече теперь от дел первопрестольной и Никон в своем северном монастыре, в большой ослабе и затворе он там. И, мыслю, что желание царя Федора вернуть его из ссылки (есть молва о том) напрасно будет, не доедет старец сей. И враг его вечный – Аввакум, за хулу царского дома в своих посланиях тайных из пустозерского заключения, по слухам, скоро казнен будет...»

И что всем нам, на судьбу Руси в свое время влиявших делать теперь? Честь?! То только на небесах Господь (кто из нас праведен?) решит, а на земле потомки – историки еще целые века, полагаю, судить-рядить о нас будут и целые народы последствий свершений наших в неспокойное время, что выпало нам на долю, устранять или с благодарностью преумножать вознамерятся. А что касается нашей с тобой пользы Отечеству принесенной, то мыслю, не зря мы...»

Тут письмо обрывается. Оно останется недописанным, так как Богдан Матвеевич Хитрово умер в марте 1680 года, пережив всего на несколько дней свою младшую дочь. Они и похоронены вместе в некрополе Смоленского собора московского Новодевичьего монастыря, в который он неоднократно делал многочисленные вклады, среди могил князей и представителей царских фамилий. На могильной плите до сих пор хорошо сохранилась надпись: «1680 года марта в 27 день на память матери нашей Матроны Солунския преставился боярин, оружейничий и дворецкий Богдан, завомый Иов, Матвеевич Хитрово, в третьем часу дня... а тут же погребена дщерь его младенец Ирина».

Не дождался ответа на своё письмо монах Антоний. Не спавший всю ночь, не сомкнувший глаз от раздумий, услыхал под утро крик петуха за окном кельи. Вздрогнул Антоний, и как пелена густая с души спала:

– Что я, Господи, роптать удумал на судьбу свою? Слава Тебе за все милости Твои ко мне!

И в душе монаха зазвучал песнопением стих:

«Теплится лампадка, свет свечи весёлый,

Старый инок шепчет, голову клоня:

«Милостивый Боже, я познал глаголы:

Симоне-Ионе, любишь ли меня?»

– Люблю, Господи! – прошептал Антоний.

СТРАНА ПОЭЗИЯ

ЕЩЁ НЕМНОГО СНЕГА...

* * *

Печаль становится блаженством,
Почти спасением, когда
Грядущее небрежным жестом
Бросает свет на провода.

Он мчится над сырым проспектом,
Собою подводя черту:
Была печаль – и стала светом,
И свет уходит в темноту.

И, осыпаясь лёгким звоном,
Зима летит издалика –
Младенцам, старцам и влюблённым
Стелить перины-облака...

И тише, тише тайный шёпот
О том, кто сгинет, что грядёт,
Какая ложь холодным шёлком
К ногам под вечер ниспадёт...

Но объясните ж, Бога ради,
Зачем, вступая в свой черёд,
Оценщик в городском ломбарде
Весь этот блеск на вес берёт?

Нина ЯГОДИНЦЕВА, поэт, секретарь Союза писателей России, лауреат премии им. П.П. Бажова, координатор работы Совета молодых литераторов СП РФ, кандидат культурологии, профессор Челябинского государственного института культуры. Живет в Челябинске. Нина Ягодинцева приезжала в Ульяновск в июне 2018 года, вела поэтический семинар на Всероссийском совещании молодых писателей «На родине Гончарова».

* * *

Вспоминая Сыростан,
Вспоминаешь неземное:
Словно снег несёшь устам,
Истомившимся от зноя.

Словно тает он в горсти,
Между пальцев ускользя,
Словно молишься: прости! –
О своей вине не зная.

Словно ищешь наугад
В темноте избы фонарик,
Словно острый зимний град
На крыльце в глаза ударит,

Словно, жёлтою звездой
Освещая путь железный,
Прогрохочет пустотой
Товарняк из гулкой бездны.

Словно плачешь: Бог с тобой,
Не всегда блажен, кто верит.
Словно каменный прибор
Выплеснул тебя на берег –

И поплыл бесшумно вспять,
Не будя посёлок сонный.
Словно входишь в избу – спать,
Благодарный и спасённый.

* * *

Стояла ночь – зелёная вода.
Я слушала невнятный шёпот крови.
И неотступно, словно невода,
Метанье звёзд преследовали кроны.

Я распахнула в глубину окно:
Струилась кровь, и речь её звучала,
Как будто бы стекавшая на дно,
В магическое, зыбкое начало.

Я знаю всё, что я хочу сказать.
Но речь её была такая мука,
Что никакою силой не связать
Могучий ток неведомого звука.

* * *

Ты знаешь, как хочется нам красоты.
Ты видишь, насколько она невозможна!
Нахлынувший сумрак стирает черты,
Когда из дубовых дверей осторожно

Выходят под розовый свет фонарей,
На пенье тишайшего снежного хора
Женщины в шурах убитых зверей,
В сырых бриллиантах, в цепях из фарфора.

О, как драгоценная их суета
Хрустит под ногами, слепые осколки
Впивая в подошвы... Но полночь не та,
И небо линяет, и в городе волки.

Их стая черна, и черны жожаки,
Их жажда с амвона гнусаво воспета.
Свирепые джипы вонзают клыки
В горячую, спелую мякоть проспекта,

И сразу за ними смыкается тьма,
Где еле видны из-за снега и дыма
Два тусклых, расплывчато-красных пятна,
Палящих, но тающих неотвратимо.

* * *

В печали ты ясна, а в радости жестока.
Но я тебя люблю и помню лишь о том,
Как сладко пить вдвоём твоё вино восторга,
С неведомой войны вернувшись со щитом.

В печали ты ясна, в печали ты прозрачна,
И тайной глубиной мерцаешь, как звезда –
Но страшно пить вдвоём твоё вино удачи:
Ты выбираешь раз и губишь навсегда.

Не родина, не мать – одной любви под силу
Простор твоей души, пожар твоей крови.
Но только для тебя я эту жизнь просила,
И отдаю тебе – как хочешь, так крои.

В печали ты ясна – я повторяю это
Как заклинанье – вслух, и вся печаль во мне
Восходит словно свет, а то, что прежде света,
Жемчужным холодком покоится на дне...

* * *

На том берегу Юрюзани,
Словно уже на небе,
Избы стоят высоко.

Мостиком в три дощечки,
Тропкой по косогору –
Разве туда взберёшься?

Речка бежит и плачет
К морю, как будто к маме –
Сбиты её коленки.

Платьце пенит ветер,
Выгоревшие прядки
К мокрым щекам прилипли.

Смотришь так отрешённо,
Словно душа узнала,
Куда ей потом вернуться.

* * *

...А скрипочка? Ну разве что скрепить
Зелёный сквознячок синичьим свистом,
Блеснуть на солнце мехом серебристым
И беглым блеском жажду окропить.

Да, скрипочка! Когда уста солгут,
Когда замрёшь, как тать, в немом испуге,
Вот – скрипочка: мы не разнимем руки,
Хотя глаза бесчинствуют и жгут...

Мир милосердной музыкой повит,
Но все кровоточащие разломы
Она соединяет по живому.
Что ж удивляться, коль душа болит?

И, стягивая рваные края
Той трещины, на дне которой – пламя,
Наивная, она звенит меж нами,
Не разделённая на «ты» и «я».

* * *

Оплывает апрель, подсыхает слюда на губах.
Собираются мерсы на Пасху в шикарный кабак.

Словно Божии птицы слетаются к щедрой руке:
Под блестящей бронёю живая душа належке.

Ветер плещет волнами,
секьюрити шепчет в трубу.
Ослепительно пусто сегодня в Господнем гробу,

Оглушительна музыка и разноцветны цветы,
Любопытное солнце стоит у закатной черты.

Все мы будем одним –
все мы будем рассветным огнём,
Даже если сейчас ничего и не знаем о нём.

Ровно в полночь,
покорная судному гласу трубы,
Расцветает броня, и моторы встают на дыбы.

То ли звёзды уходят от нас
в непроглядную тьму,
То ли небо как свиток уже не свернуть никому.

Но осталось ладонями пламя с земли соскрести,
Повторяя бесслёзно:
«воскресе», «люблю» и «прости»...

* * *

В нём тоже музыка живёт –
Искрою волчьего оскала
Порой блеснёт тоска такая,
Что долго-долго сердце жжёт.

Кого обманываем мы,
Себя на правду обрекая?
Полётов лёгкие лекала
Лежат на мягкой ткани тьмы.

В нём тоже музыка! Дотла
Сгорая в каждой новой страсти,
Она уже почти несчастье –
Но слава Богу, что была

И возвращается опять,
Но с каждым разом больше пепла.
Мне кажется, она ослепла,
Ведь музыка не может лгать...

В нём только музыка! И ей,
Ведомой, ведомо и зримо,
Как в тишине проходит мимо
Глухая вереница дней...

*Сергей Куняев, Нина Ягодинцева, Карина Сейдаметова,
Елизавета Мартынова – руководители семинаров на
Всероссийском совещании молодых писателей, Ульяновск,
июнь 2018*

* * *

Останься – ведь любишь, останься хоть жилкой
Запястья, ручья, – прорости камышинкой,
Поймай переливчатый воздух весны
На острую вспышку небесной блесны!

Останься, не мучай. Молчаньем, украдкой,
Разжатой ладонью, растрёпанной прядкой,
Тетрадкой – раскрытой, чтоб вырвать листок...
Хотя бы дословно. Хотя бы меж строк.

И даже не трепетом воздуха – крыльях
И так осыпаются радужной пылью –
А просто пробелом, горящим мостом
Для тех, кто на этом краю – и на том...

* * *

Ещё немного снега – а потом
Вернуться в дом, младенчески жалея,
Что без тебя пустынная аллея
Не выведет к беседке над прудом –

Заблудится в сугробах, забредёт
За молодые заросли акаций
И никому не будет откликаться,
С густых ресничек смаргивая лёд.

Как будто замкнут на душе твоей
Незримый контур для земного тока,
И только ты, своею жизнью только
Смысл придаёшь сейчас себе и ей.

И первый снег – куда ему теперь
Идти по тишине невыразимой
Через свои бесчисленные зимы –
И молча одиночество терпеть?

А первая синица у окна?
Она на прошлогоднюю кормушку
Не к семечкам летит, а потому что
С тобою хочет свидеться она...

Жизнь без тебя смутна и неясна.

Ты это знаешь, и тебе тепло...
Отряхивая шубку и сапожки,
Ты говоришь себе: я выйду позже.
Выходишь позже.
Всё уже прошло.

* * *

Пади, вечерняя роса,
Роса вечерняя!
Прости за всё, за что нельзя
Просить прощения!

Пади, как падают в поклон
Пред виноватыми,
Сырой подол беря в полон
Лесными мятами!

Не зёрнышком среди хлебов,
Не рыбкой в неводе –
Пади, как падает любовь
Под ноги нелюби,

Пади на травы и цветы
Горючей влагою –
И он опомнится: «Да ты
Сегодня – плакала?..»

* * *

Домашнее вино в захватанном стакане,
Октябрь, похожий больше на раннюю весну...
Оставь меня, тоска! Я без твоих стараний
Сегодня не усну.

Неужто это всё – прокисшею отравой
Нам суждено поить привычную тщету?
Век минул золотой, и схлынул век кровавый –
И все за ту черту,

Где ненасытна ночь, и в гибельных пучинах
Руины городов вмерзают в чёрный лёд.
Там царствует луна, и гасит кровь в мужчинах,
И слёзы женщин пьёт...

Оставь меня, тоска! Жестокою виною
Вскормившею святой младенческий наив, –
Довольно, я сыта! А дальше – Бог со мною,
Суров и молчалив.

*Ольга Шейпак, Иван Пырков (Васильцов),
Елена Кувшинникова, Нина Ягодинцева. Ульяновск*

Руководитель семинара Нина Ягодинцева. Ульяновск

* * *

Так тигр подходит к бабочке, смеясь
И в первый раз пьянея на охоте...
Он осторожно втягивает когти:
Откуда эта радужная вязь,

Откуда эта пряная пыльца
И воздуха неуследимый трепет?
Он морщит нос и любопытство терпит,
Как терпят боль, пощады не прося.

Он тянется, дыхание тая,
Он видит всю её, почти не глядя,
В разлёте крыл, как в крохотной тетради,
Прочитывая буквы бытия.

Потом уходит, мягок и тяжёл,
Своей кровавой славе потакая,
Легко угрюмый воздух обтекая,
Запоминая то, что он прочел.

Она живёт ещё какой-то час,
Ещё какой-то век своей свободы,
Со всей великой библией Природы
Одною этой встречею сочтаться.

* * *

Оборванный звонок, измятая записка –
Молчание любви таится слишком близко.
Коричневой каймой едва набухших почек
Струится по прямой неприхотливый почерк.
Март сыпанул снежком, тропинки полустёрты,
Залиты синевой воздушные реторты...
Алхимия любви! Кто на тебя не падок?
До чёрных дыр прожжён весны рабочий фартук,
И золотая пыль, в сыром луче взлетая,
Не более чем ложь, но тоже – золотая.

* * *

Внезапный снегопад остановил часы.
Лавиною сошёл с невидимой вершины!
Как занавес, упал – застыли, недвижимы,
Привычные черты привычной суеты.

Нам некуда идти. Сырым тяжёлым гнётом
Деревья клонит ниц до хруста в позвонках.
И то, что вознесли до неба на руках,
Теперь лежит в грязи, плывёт холодным потом.

Всё будет хорошо. Растает, зарастёт,
Запустим время вновь –
пойдут по кругу стрелки
На башне городской в золоченой тарелке –
Но этот снегопад, и ужас, и восторг

Останутся как весть о грозном, несказанном,
О родине стихов, о лежбище лавин,
Чей лёгкий синий флаг летит, неуловим,
И поднимает ввысь легко, одним касаньем.

А.К.

* * *

Во тьме случайного ночлега
В глухом предчувствии беды
Душа у Бога просит снега,
Чтоб он засыпал все следы.

Я прислонюсь к холодной раме:
Как хорошо, что есть приют,
А там, за ветхими дверями,
Слепые ангелы поют.

Огонь в печи воздел ладони
И замирает, трепеща,
И на серебряной иконе
Подхвачен ветром край плаща,

И длится, длится тайный праздник,
Душа пирует налегке,
И лишь свеча всё время гаснет
На неподвижном сквозняке.

* * *

Теченье донных трав, подобное дыханью,
Не отпускает взор; так ветер льститесь тканью
Легчайшего плаща: коснётся – и отпрянет,
Весь в лепестках цветов и ароматах пряных.

Теченье донных трав, подобно заклинанью,
Не отпускает слух; так шелестом за тканью
Наивно поспешать: она скользит без звука,
Прохладой голубой обманывая руку...

Теченье донных трав, подобно ожиданью,
Не отпускает прочь – но обещает тайну.
Они текут, текут: отныне и донныне...
Опомнишься – зима. Оглянешься – пустыня.

* * *

О, эта жизнь захватывает дух
В неумолимый плен,
Не хлеб, но лёгкий тополинный пух
Даря взамен!

Протянешь руку – он летит в испуге прочь,
Замрёшь – и вот,
Наивный страх пытаюсь превозмочь,
Он льстит и льнёт.

И как посмеешь этот дар принять?
А не принять?..
Боишься крылышки ему примять –
Учись пленять,

Как эта жизнь – жестоко и легко,
Одной тоской.
Как этот пух, которого легло
Невемо сколь.

В Александре Филатове меня подкупает его искренний интерес к собратьям по перу, к тому, что делается в мире литературы, искусства и культуры. Я знаю, что в нём органично сочетаются многие качества, свойственные человеку эпохи Возрождения. Он ищет себя в музыке, литературе, театре. Осознание поэзии как высокого призвания и ответственности за него порой ведёт к непредсказуемым последствиям. Часто время обманывает поэта, но всегда оставляет ему право выбора. Поэт, доказавший собственной судьбой преданность своему делу, всегда занимал в истории русской литературы особое место. Недаром одной из основных поэтических тем Александра Филатова становится выяснение взаимоотношений человека и вечности. Темы, надо сказать, традиционной для нашей страны. Литературный путь тернист, но и необыкновенно притягателен. И я желаю Александру пройти его до конца!

*Вадим ТЕРЁХИН,
сопредседатель Союза писателей России*

Александр ФИЛАТОВ, член Союза писателей, Союза театральных деятелей и Союза журналистов России, Евразийского Союза композиторов, ИППО.

СПИСАННЫЕ ЛЮДИ. «Я – ЧЕЛОВЕК ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ...»

*Всё промелькнуло – детство и игра –
Театр теней в каком-то ретростиле.
Ещё чуть-чуть, и я начну с нуля,
А то, что было, кажется, приснилось...*

ЭЛЕКТРОНИК

Век людской недолог и нестойк –
Все вокруг меняется стократ:
Только ты, как вечный Электроник,
Во дворе всё ждёшь своих ребят.
Чтобы память гнать по переулкам,
Будто всё, как много лет назад!
Но друзья не выйдут на прогулку,
И звонки не школьные звенят...
Ты один, как юности поклонник,
Вновь приходишь в прежние места –
Время нас не тронет, Электроник,
Лишь весна чужая нам пуста.
Одинок в месяце апреле –
Ты в него на вечность опоздал,
И стоят крылатые качели,
Наше время – аэровокзал...
Ты в душе нисколько не ребенок –
Раб железной юности своей,
Словно грустный призрак, Электроник,
На тропинках выросших детей...

КАРАНТИН

Мы – теплые жертвы холодной войны,
Распада фатального пленника,
Когда на излете огромной страны
Сменились и флаги, и ценники.

И вместо того, чтобы встать на крыло,
Как было годами назначено,
Нам с вами, ребята, отдельно свезло,
И юность напрасно потрачена.

Жизнь – это не то, что легко отложить,
Пусть даже на время безвременья,
Когда девяностые, как карантин,
Во время большой эпидемии.

И до – не успели, и после идти
Осталось уже по накатанной,
Хоть ты и вокрес в середине пути,
Под солнцем места порасхватаны.

Зарытых талантов бескrestный погост
Как памятник нашим мечтаниям...
Да, выбор рожденья по дате непрост,
А нашему – нет оправдания!

Сегодня, в тисках капитальных программ,
Что юным внушают радетели,
Мир любит рыдать над экранностью драм,
А нашу едва ли заметили...

МЕМАСИК

Всякий момент и смешон, и прекрасен,
Жизнь – словно лента.

Не трус, гражданин!

Знай, и твоя в популярный мемасик
Тоже уложится, пусть не в один...
Пряча лицо под застиранной маской,
Думаешь, ты

уникален в веках?

Только любой – как расхожий мемасик
С сменными фразами на облачках.
Чем захотят тебя, тем и раскрасят,
Всё уже было,

куда ни крути...

Вся наша жизнь – как прикольный мемасик,
Вброшенный в хляби вселенской сети.

ТОРГ

Кипит торговля мировая,
Пузырь финансовый надут –
Тебя всё время покупают,
Тебя всё время продают...
Дороже – если ты успешен,
Дешевле – если мал ресурс,
За волатильностью усмешек
Какой сейчас обменный курс?
Всё в этой жизни золоченой
Контакт, похожий на контракт:
Или герой за миллионы,
Или массовка за пятак...

ПУТЬ

Когда устанешь ты в дороге
И даже при плохой погоде,
Когда не радуют итоги –
Господь

выводит...

Когда в пустыне ожиданий
Ты стал угрюм и старомоден,
Из мрачной засухи желаний
Господь

выводит...

Когда в потерянности смысла
Родник познания бесплоден,
И даже в середине жизни –
Господь

выводит...

ИСПОВЕДЬ

Выхожу я к рифме, как на исповедь,
И не тороплюсь слагать слова,
Очень тяжела бывает искренность,
Да и исповедник глуховат.

К исповеди нужно подготовиться,
С мыслями собраться всякий раз,
Чтоб впустую мне не славословиться,
Не надумать что-то напоказ.

Шепот губ, в ночи рождая символы,
Под негромкий стук – сердечный бой,
Мне подарит истинные стимулы
Поделиться хрупкой тишиной.

И в дыханье горестной интимности,
Признавая годы и грехи,
Выхожу я к рифме, как на исповедь –
Только так рождаются стихи...

ПОИСКИ

Мой крест до скончания века,
С рождения или потом –
Все время ищу Человека
В себе или в ком-то другом.

В слепой суете мирозданья,
При свете обычного дня,
И даже в стремнине сознанья,
Которая кружит меня.

В тени эпохальных событий,
В зените обычных вещей –
Как Бог, растворён, но невидим
И тысячам зорких свечей.

Где гордость его, и окраска,
И разум, и воля, и статья?
Веками по норам растаскан –
Так, может, не стоит искать?..

...Мой крест до скончания века,
С рождения или потом –
Все время ищу Человека
В себе или в ком-то другом.

БОДЯГА

И стихи тоже стерпит бумага,
Для нее потерпеть – не вопрос,
Просто помню – однажды бодягу
Я тебе как-то срочно принес.

Небольшое ведь, в сущности, благо,
Не великая польза, а так –
Только тянется эта бодяга,
Хоть зажил и забылся синяк.

В том и есть жизни правда-сермяга
(Буду твердо стоять на своём) –
Начинается дружба с бодяги,
А улыбка приходит потом.

Каждый, в общем-то, сам здоровяга,
И не нужно ему ничего,
Но есть миг, что в обычной бодряге
Мы нуждаемся больше всего.

Филантроп или жмот-скупердяга,
Друг ли, враг ли, сосед или так...
Приносите друг другу бодрягу,
Не тяните напрасных бодряг!

СТИЛИЗАЦИЯ

125-л. С.Е.

Не лишайте родину поэта,
Не маните в дальние края –
Жить в России без тепла и света
Только с вами, знайте, мог бы я.
Ну а вы задумали уехать,
Предлагая новый поворот, –
За капризным призраком успеха,
Расширяя как бы горизонт.
Где же ваши думы о высоком,
О великом русском языке? –
Оставайтесь, или выйдете боком
Эта блажь с синицею в руке.
Я – синица, птица небольшая,
Не сбиваюсь от рожденья в клин,
Но за вами иногда взлетаю,
Хоть парю и падаю один...
Что я буду петь там, на чужбине,
Слов иных, не русских, не знаток?
Чтобы здесь, наверное, отныне
Кто-то не дождался новых строк?..
Может, мне, чья песня не допета,
Перелет не вынести большой? –
Не лишайте родину поэта,
И она оплатит вам с лихвой...

СОСУД

Расплескиваем жизнь, как воду из сосуда,
Который мы несем небрежною рукой –
Там целый океан, и мы идём оттуда,
Где вышли на песок в свой первый миг земной.

Нам дадено сполна – предвидящий Создатель
В дорогу влаги той отмерил нам запас,
И брызги детских дней мы без остатка тратим,
И капли юных лет – в пылу своих проказ.

А солнце всё сильнее, а жажда всё заметней –
Уж пролито в пути немалое зазря,
Но с пересохших губ, как будто мы бессмертны,
Бесценную росу не устаём терять...

ТРУДНО

Трудно хранителям-ангелам
Нашим сердцам угодить,
Самая неблагодарная
Им предназначена жизнь.

Всё суетиться и маяться,
В думках о нас, о земных,
Но не признать нам, безжалостным
Вечно невидимых их.

Между людей постоянные,
Как неизбежный рассвет,
С самых времен незапамятных
Ангелов – стойкий процент.

Доля твоя безотказная –
Нас от невзгод охранять,
Ангелы могут быть разные,
Будь то отец или мать,

Или коллега, прохожая –
Да кто угодно на миг! –
Это же правда расхожая:
Бог говорит через них.

Как достучаться до крайнего,
Снять эту налечь с души –
Трудно попутному ангелу
В нашей озябшей глуши...

ОКНО

Ты живешь, и думаешь – кто-то рядом вечно,
Вон окно горит в ночи – там же, где всегда:
И не приближается в жизни быстротечной,
И не удаляется – точно, как звезда.
Словно камень каменный,
 словно снег январский,
Это ж дело должное, как вещей уклад,
Всё вокруг меняется, всюду перетряска –
Только светит тот маяк, где опять не спят...
Знаю, что к хорошему люди привыкают,
Ну а тут, тем более, сердце не чудит –
Ничего не требует, просто освещает:
Ну, горит себе оно, и пускай горит...
Мне б туда приблизиться, мне б остановиться –
Некогда задуматься даже на бегу:
Может, это ждуют меня, если там не спится?
Может, мне бы завернуть надо к очагу?..
Так проходит молодость –
 в буднях безучастных,
Всё бежим, торопимся, мимо и насквозь.
Вдруг однажды вечером то окно погаснет:
Может, просто съехали, были – не срослось...

СЧИТАЛКА

Меняются годы, меняются лица,
Меняются соты карьерных амбиций,
Опоры и скрепы, кумиры и стили,
Модели и модули, автомобили,
И цены, и ценности, даже законы,
Погоны,
 вагоны,
 рингтоны,
 гормоны...

Меняются лидеры и гегемоны,
Коллеги, знакомые, их телефоны,
Как будто в безумном большом сериале,
Где всё на экране по ходу смешали –
Любимые песни, кино, анекдоты,
Банкноты,
 банкроты,
 широты
 и шпроты...

Вода и вино, увлечение и дело,
И даже молекулы нашего тела
Меняются мигом, что даже не пикнуть,
А хочется крепко к чему-то привыкнуть...

ПРИВЯЗКА

Надену одноразовую маску
На ту, что я лицом влачу с утра.
У той ко мне извечная привязка –
Она, увы, как мир и я, стара.
Так, носим обе маски ежедневно –
Природу и бумажную, внахлест, –
И не пробьет завесу задушевность,
Закрываются плотно рот и даже нос.
И с вирусом мы вновь фильтруем что-то,
Что ставило нас прежде в ряд живых:
Да, вдвое больше спрятан и замотан! –
Но Боливар не вынесет двоих...
Хоть, задыхаясь в масочном затылке,
Неузнанные миром и людьми,
Мы, надевая маски из бумаги,
Могли бы снять, хоть временно, свои...

ПИСЬМО

Я довольно накидал туману,
И изрядно, в общем, натворил,
Чтоб потом исследователь рьяный
Всё моё наследство изучил.

Чтоб искал он сложное в обычном –
Тайный код и откровения звезд,
Дар пророка, мнимую циничность
И еще какой-нибудь невроз.

Чтоб мои стихи разнес на части,
И под микроскопом разобрал,
С них стряхнув налет минутной страсти,
Обнаружил «авторский подвал».

Образ ли прекрасной незнакомки,
Поиск Бога или же расчёт? –
Да-а, такой «послание потомкам»
На любой язык «переведёт»!

Вы ищите, Бог не под запретом,
Изучайте вещее письмо!
Думал ли когда-то я об этом? –
Если получалось, то само...

ТИХАЯ ЛЕГЕНДА

Как много тех, кто без толку шумят,
Кошмарят сеть причудливым окрасом –
На этот счет скептический мой взгляд
Не совпадает с общим реверансом.

Как много тех, кто в смишной чехарде
Наводят шорох собственной персоной –
Сегодня громкий хайп в любой байде
Не признак, как бывало, моветона.

Отчасти вызывая тошноту
В немом бессилье скрытого протеста,
В кумиры выбиваясь на виду
В большой борьбе за солнечное место.

Нам никуда не деться от него
Такого опостылевшего тренда –
Король теперь, как правило, нагой...
А мне по сердцу тихая легенда!

Чем больше сути, тем она скромней.
Её в обычном нелегко заметить.
Лишь шепотом услышите о ней –
Не все блестит, что золото на свете.

Уйдёт тихонько, как одна из нас,
Чужда любой игре высокопарной,
Но обратятся вслед ей сонмы глаз
За истиной той самой, легендарной.

...Как много тех, кто без толку шумят,
И напоказ слагают небывлицы.
Одни легенды снова промолчат,
Ведь настоящих в мире единицы...

ВОПРОКИ

Спорьте с миром, да хоть с самим дьяволом,
А потом замолите грехи,
Чтобы Бог вам однажды пожаловал
Драгоценные ваши стихи.

И не бойтесь, что вырвется лишнее –
Озарения нынче редки,
Лишь скажите спасибо Всевышнему
За свободу стиха вопреки.

Не подпевки чужому созвучию! –
Жизнь не тратьте на то, чтоб опять,
Продолжая каноны живучие,
Бесперывно чего-то писать...

Пусть кругом ваш дерзит угол зрения –
Бойтесь все же себе изменить.
Всем доступно хоть что-то от гениев –
Это принцип писать, чтобы жить...

СПИСАННЫЕ ЛЮДИ

Не знаем их фамилий и имён,
Но эти люди в наших галереях –
Они как будто списаны с икон,
А может, кем-то списаны на берег...

Как образы больших литератур,
Что с нами рядом могут жить порою –
Они, бывает, списаны с натур,
А может, просто списаны из строя...

Им нелегко, от лона до креста,
Когда едва заметен штрих эскизный –
Они, должно быть, списаны с Отца,
А, может, просто списаны из жизни...

В земном мельканье самых разных лиц,
И в ежедневном плотном сером гуде,
В слепом движенье всех живых частиц
Мы все немножко... списанные люди...

ЭПОХА

Случались в мире разные эпохи –
 То в моде постмодерн, то декаданс,
 Иные были, кажется, неплохи –
 Ну, взять хотя бы тот же Ренессанс.
 И в этом итальянском Возрожденье
 Я представлял себя отнюдь не раз –
 Ученым и художником, и в келье
 Стихи писал не под прицелом глаз.
 Но выяснилась вдруг такая штука
 К реальности вернувшимся творцом –
 Я это всё безжалостно профукал.
 Другие времена. Другой геном.
 Никто не дал мне выбрать день рожденья –
 На небесах, наверно, был аврал?
 Я – человек эпохи Потребленья,
 Хоть это время я и не алкал.
 Мне не найти от времени забвенья,
 Ведь на Земле уже не хватит вин:
 Я – человек эпохи Повторенья,
 Где для искусства больше нет причин.
 Вы не примите факты за брюзжанье,
 Пусть мой сарказм порой и не на ять:
 Я – человек эпохи Отрицанья,
 Хотя проблемы трудно отрицать.
 Кого замыслил Бог венцом творенья,
 Тот нынче Икс, не более того:
 Я – человек эпохи Уравненья,
 Где цифра заменяет естество.
 Так, может, время думать о спасенье –
 Ну кто еще, как если бы не мы?!
 Я – человек эпохи Возмущенья,
 Когда по миру бродит дух войны.
 И цепь тревог наращивает звенья,
 Но эта сеть – один гигантский кляп!
 Я – человек эпохи Вырожденья,
 И в этом, видно, весь её стартап...
 И нет уже ни Личности, ни Мненья,
 Сама Душа поставлена на кон,
 Я – человек эпохи Умаленья,
 Где человек эпохой умалён...

...Трещат уже основы мирозданья,
 Но что ушедших ценностей взамен?
 Я – человек эпохи Ожиданья
 Фатальных для планеты перемен...

АВАРИЯ

Срубили белую березку
 Под нашим стареньким окном,
 Ей тоже стукнуло за сорок
 В году, для многих роковом.
 Она ушла под скрежет зубьев –
 Осиротел подъезд немой,
 Хотя не надьшались люди,
 Её воздушной белизной.
 Она росла со мною вместе,
 Когда из дома выбежал,
 Не про такую ли Есенин
 В далекой юности слагал?
 И по ошибке трагедийной –
 Что не искупится уже,
 Её назвали аварийной –
 Авария у вас в душе!

Дух сострадания неведом,
 Но вечна сила серебра, –
 Она, как в саване, под снегом
 Лежит до самого утра.

...И ветви принакрылись снегом
 Теперь, как видно, навсегда...

ДЕТИ

Дети – это маленькие люди,
 Со своими вечными скорбями,
 Со своими смыслами и верой,
 И попыткой дотянуться к свету,
 Даже пусть с поддержкой табуретки...

Дети – это маленькие люди,
 В них шторма невиданные плещут,
 Есть на всё у них цена свободы,
 И своя непонятая правда –
 Даже больше правды, чем у взрослых...

Дети – это маленькие люди,
 Здесь нога в уменьшенном масштабе,
 И рука в уменьшенном масштабе,
 Но душе масштаб по барабану,
 Ей взлететь скорей над колыбелью...

Дети – это маленькие люди,
 Потому что вырост – это время,
 Потому что время – это сложно,
 Словно есть другая форма жизни,
 У которой песни параллельны...

Песни – это маленькие люди...

КАРАВАН

Как вышел из песков, никто не знает
 И потому, увы, нигде не ждет,
 И кто он, и откуда он шагает –
 Собаки лают, караван идёт.

Бурлит внутри, шумит – всё честь по чести,
 Но как решиться сделать поворот?
 Когда замедлить ход – подобно смерти,
 Собаки лают, караван идёт.

Он так внезапно вынырнул, о Боже,
 Но даже страх обратно не вернет –
 За горизонтом скроется, как сможет:
 Собаки лают, караван идёт.

Летучий призрак он, мираж в пустыне,
 Где след колес любой порыв сотрет,
 Из века в век, всегда и всюду мимо:
 Собаки лают, караван идет.

А время мчится вдаль неумолимо,
 Конца пути не видно наперед,
 И лишь одно есть факт неоспоримый:
 Собаки лают, караван идёт...

P.S. Так, разрезая космос негасимый,
 Планета продолжает свой полёт, –
 И будет жизнь, пока в такие зимы
 Собаки лают, караван идёт...

ИЗ РОДА СИМБИРСКИХ КОЛЮБАКИНЫХ

Щит разделен перпендикулярно надвое,
в правом голубом поле изображены две золотые трубы,
под ним того же металла рог и серебряный зуб.

В левом серебряном поле знамя и возле оно
положены крестообразно три стрелы, острыми концами вниз.

Щит увенчан дворянским шлемом
с дворянскою на нем короною и тремя страусовыми перьями.

Намет на щите голубой, подложенный серебром.

Фамилии Колюбакиных, многие в древние времена Российскому Престолу
служили в разных чинах и жалованы были от Государей поместьями.

Гость «Симбирска» –
поэт Марина Ахмедова (Колюбакина),
внучка Алексея Ивановича Колюбакина.

Из книги М. Марова
«Род Колюбакиных
в русской истории»

Колюбакины – древний дворянский род.

Внесён в VI, II и III части родословной книги
Московской, Новгородской, Тверской, Воронеж-
ской, Владимирской и Симбирской губерний (Гер-
бовник, VI, 33).

Колюбакин Алексей Иванович (1891–1937).
Родился в Сенгилеевском уезде Симбирской губер-
нии. Окончил Симбирскую классическую гимназию
в 1909 году и юридический факультет Казанского
университета в 1913 году. Поручик царской армии. С
1914 по 1917 гг. воевал на фронтах Первой мировой
войны. После революции участвовал в Гражданской
войне (белый офицер). Скрываясь от преследова-
ний, уехал в Сибирь, а затем на Урал, в г. Челябинск.
В 1937 году был репрессирован.

*Гимназист Алексей Колюбакин.
Симбирск. 1909*

*Мать Алексея Колюбакина Елена
Александровна Филаретова
с младшим сыном Сашей в Симбирске*

Алексей Колюбакин с женой Юлией. 1921

*Алексей Колюбакин –
царский офицер. 1914*

Анатолий Алексеевич Колюбакин с женой и дочерью

Анатолий Алексеевич Колюбакин

*Внучка Алексея Ивановича
Колюбакина – Марина
Анатолевна Ахмедова
(Колюбакина), поэт
и переводчик.
Родилась 5 января 1952 года
в г. Челябинске.
Живёт и работает в
г. Махачкале в Дагестане*

Единственный сын Алексея Колюбакина – Анатолий Алексеевич Колюбакин (22.11.1922, г. Мариинск – 10.01.1999, г. Харьков).

Родился в Мариинске. Затем семья переехала в Челябинск. В 1940 году поступил в Московский институт инженеров железнодорожного транспорта. В июле 1941 года ушел на фронт добровольцем. После двухмесячных курсов попал на фронт в звании лейтенанта. Был дважды тяжело ранен: в боях под Москвой и при форсировании Днепра. Окончил Челябинский политехнический институт. Жил и работал в Челябинской области, затем в Харькове.

Семья Колюбакиных.
Челябинск. 1932

Фотографию комментирует Марина Ахмедова. Сидят: Евгения Богатырева (родная сестра моей бабушки Юлии), папа – Анатолий Колюбакин (ему здесь 10 лет), Александр Колюбакин – брат деда, прабабушка Александра Лаврентьевна (мать бабушки) с внучкой Нонной (дочь Евгении), бабушка Юлия Дмитриевна и дед Алексей Иванович Колюбакин. Стоят (слева направо): жена Александра, муж Евгении Эмилий Богатырёв и их старшая дочь Елена. Все они жили в одном доме большой дружной семьёй. Прабабушку и деда репрессировали в 1937 году.

Марина АХМЕДОВА

* * *

Год тыща девятьсот тридцать второй –
на старой фотографии все живы.
Ещё все живы...
Только время лживо
и бессловесно, как глухонемой.
Не закричит оно, не защитит
их от непредсказуемого века,
от чёрного, как ворон, человека,
который в «чёрном вороне» летит.
Ещё с надеждой смотрят в объектив
дед Алексей, прабабка Александра...
Но время, как пророчица Кассандра,
с заплечною сумой уже в пути.

Родные смотрят пристально с листа,
пять полных лет ещё у них в запасе...
И только десять
маленькому папе,
который здесь ещё не сирота.
Но чёрный век,
как чёрный человек,
когтистой лапой в дверь уже скребётся –
он жертвоприношения дожждётся,
и в темноте со свистом пронесётся
тот «чёрный ворон» сквозь декабрьский снег.
Но это будет завтра,
а сейчас
ещё все живы, любят и любимы...
Господь не пронесёт их чашу мимо,
но даст им время посмотреть на нас.

Марина АХМЕДОВА, поэт, переводчик, публицист.

Родилась 5 января 1952 года в г. Челябинске. Окончила Литературный институт имени А.М. Горького. С 1980 года работает в Союзе писателей Дагестана. Член Союза писателей и Союза журналистов России. Ответственный редактор газеты «Литературный Дагестан», редактор детского журнала «Соколёнок». Автор многих книг стихов. Народный поэт Дагестана. Лауреат Государственной литературной премии Республики Дагестан имени Расула Гамзатова. Лауреат Государственной премии Республики Дагестан в области литературы. Автор переводов стихов народных поэтов Дагестана Расула Гамзатова, Фазу Алиевой, Сулеймана Стальского, Магомеда Ахмедова и других. Живёт в Махачкале.

БЕЛАЯ ПТИЦА МЕТЕЛИ

ЯНВАРЬ

Январь, занеси меня снегом,
как дерево в поле твоём.
Промчись необузданным бегом
по жизни моей напролом.

Ведь мы же одной с тобой крови –
нам падать, метаться и петь,
чтоб только хватило любви
замёрзшую землю согреть.

Январь, научи меня думать,
что эта дорога легка,
лишь ветер попутный подует
и мускулы вздыбит река.

Ручьёв голубые прожилки
забьются под снегом сильней,
вещая о жизни, о жизни –
единственной цели своей.

Но запеленают метели
младенческую синеву,
мой сын закричит в колыбели
от снов, непонятных ему...

И будет весь вечер кружиться
Сочельник за нашим окном,
как будто библейская птица,
судьбу заслоняя крылом.

* * *

Проснусь от холода и вздрогну –
так фантастичен лунный свет...
Как перед дальнею дорогой
опять в душе покоя нет.

И память, перепутав даты,
заблудится в житейской мгле,
и мне покажется, когда-то
уже жила я на земле.

И выплывут, как из тумана,
предметы, лица, голоса...
И мне протянет руку мама
через осенние леса.

И я прижмусь к ней, будто в детстве,
когда от страха в темноте
стучало маленькое сердце
в незащищенной нагоде.

И от его мольбы ранимой
расступится угрюмый лес
и белым ангелом незримым
мне мама явится с небес.

* * *

Улица в снежном плену,
мёртвая, словно царевна,
спит, прижимая к окну
тонкие руки деревьев.

Даже луна и звезда
мертвенны, как изваянья,
будто уже никогда
в них не проснётся дыханье.

Брат мой, январь, погоди!
Что же ты делаешь, право?..
Сердце мне не остуди
этой морозной отравой.

Так ещё хочется жить
равно на радость и муку,
летние платица шить
снова на скорую руку.

Что же молчишь ты, родной,
с завистью или тоскою?..
Хочешь, не глядя с тобой
я поменяюсь судьбою?

* * *

Когда-нибудь в случайном звуке,
в неосторожном всплеске дня
я снова вспомню эти руки,
не отпускавшие меня.

Не знаю, станет ли мне больно
иль, может, будет всё равно...
Душе прямой и своевольной
себя предвидеть не дано.

А век двадцатый на исходе,
и жизнь теряется в толпе...
Но вновь душа в потемках бродит
и ищет равную себе.

* * *

Метель метёт, метель метёт,
следы с дорог сдувая,
И что за снегом тем грядёт,
никто из нас не знает.

Что через час, что через год
с планетою случится?..
Метель метёт, метель метёт,
бездомная, как птица.

И бьёт наотмашь по лицу,
чужому ли, родному,
и заматает путь к крыльцу
заснеженного дома.

Где весело трещит огонь
за чистой занавеской
и матери моей ладонь
растрескана, как фреска.

Она глядит на мой портрет
и тихо шепчет: «Боже!..»
Её печали тыща лет,
а, может быть, и больше.

Мне по наследству перейдёт
всё это неизбежно...
Метель метёт, метель метёт
безудержно, как прежде.

* * *

Ты нагадай-ка мне, цыганка,
дорогу – больше ничего.
Красавиц с царственной осанкой
оставь для мужа моего.

Оставь для брата кучу злата
и благодарность от детей.
А мне оставь мои закаты
у остывающих морей.

И Бога ради, ни полслова
о человеке дорогом...
Пусть будет жизнь моя суровой,
как это небо за окном.

Как этот снег, внезапный, сильный,
по грудь занесший города,
как имя, что произносила
я только про себя всегда.

Как отчий свет родного дома,
куда я столько лет иду,
повисший в небе невесомо
и превратившийся в звезду.

Я не прошу тебя о многом...
Свершилась в жизни только бы
дорога, дальняя дорога,
что дальше может быть судьбы.

ВЬЮГА

Когда с тобой мы смотрим друг на друга,
не замечая рядом ничего,
мне кажется любовь моя, как вьюга,
проносится у сердца твоего.

Слепит глаза мне снег её колючий,
след заматавая, кружит по степи.
То в жар бросает, то ознобом мучит,
то шепчет долгожданное: «Терпи!»

И я иду, не ведая дороги,
как на огонь, на тихий голос твой
и чувствую: сомненья и тревоги,
как хищники, крадутся за спиной.

Всё ближе, всё слышней, всё нестерпимей
спешит по следу чуткое зверьё...
Но я твержу твоё родное имя,
как будто в нём спасение моё.

Как будто за невидимую гранью
найду я дом, где тихо и светло...
Войду в него, и вьюга перестанет
стучаться птицей раненой в стекло.

И пусть злословят те, кому от века
не перейти заветную черту
и не понять, что можно человека
любить как снег, как поле, как звезду.

* * *

Февральский вьюжный вечер,
славянский синий снег
нам заматает плечи,
любимый человек.
Соседняя церквушка
седеет на глазах,
как тихая старушка
с иконкою в руках.

А снег летит всё чаще
над миром и судьбой
и заматает нашу
звезду над головой.
Но прежде чем расстаться,
растаять, словно снег,
хочу тебе признаться
в тоске своей навек.

А ветер завывает,
он тоже против нас,
того не понимая,
что именно сейчас
за миг один ничтожный
припасть к твоей щеке
я сердце отморожу
на этом сквозняке.

* * *

Опять февраль бинты снегов сдирает
в агонии сверкающего дня.
Он хочет жить – и всё же умирает,
капелью надоедливой звеня.

Он, как и ты, цепляется напрасно
за каждый ускользящий свой час.
Он, наконец-то, понял – жизнь прекрасна!
Но не осталось больше про запас.

И ты когда-то тоже это понял –
как голос твой мучительно дрожал
в от слёз обледеневшем телефоне,
где в проводах запуталась душа.

Ты звал меня, ведь ты ещё не верил,
что, как свеча, угаснешь на заре...
И не предотвратить твоей потери
в холодном том проклятом декабре.

Он канул в век ушедший, словно в Лету,
а нынче – новый век и новый день!
Но почему я думаю об этом,
когда в окне мелькает ветра тень?

Там, за окном, весенний воздух пьяный
прижался напоследок к февралю...
Беда не в том, что ты ушел так рано,
а в том, что я тебя не разлюблю.

* * *

В детстве было мне другом окно –
взгромоздясь на большой подоконник,
я глядела, как будто в кино,
как заката пылает шиповник.

Как торопятся люди домой
с коконами замотанных ёлок,
и как вьётся над первой звездой
пар из труб, будто ангельский голубь.

То шальная в нём вьюга мела,
то дожди барабанили скучно –
подоконник мой вместо стола
мои детские строчки подслушал...

То апрель на зелёном коне
прилетал с юго-западным ветром,
посыпая на голову мне
лепестки с абрикосовых веток.

То хмельная в нём липа цвела,
и весёлые пчёлы жужжали,
то осенняя морось и мгла
целый мир от меня заслоняли.

И уже никакое окно
мне таким больше другом не стало...
Только это родное, одно
ждёт ещё,
хоть давно в нём темно,
вглядываясь в прохожих устало.

* * *

Выхожу из привычного круга,
Раздвигая плечом пустоту.
Ты кричишь мне: – Останься, подруга!..
Но срывается крик на лету.

И летит, как подстреленный ворон,
На границу меж злом и добром.
Кто ты?.. Муж мой, жених или ворог,
Вероломно ворвавшийся в дом?

И зачем неприступные выси
Променял ты на зыбкость ветвей,
Золотые и чёрные искры
Высекая из жизни моей?

Так не спрашивай у пепелища,
Что за музыка там, за окном?..
Это ветер забвения свищет,
И грохочет возмездия гром.

Зажимая ладонями уши,
Поскорей уходи от окна,
Чтоб спасти свою бедную душу,
Даже если она не нужна.

Только губ моих сжатых движенье
Принимать за ухмылку не смей...
Не смеюсь над твоим пораженьем,
Над победою плачу своей.

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ

Снег хрустит под Рождество,
снова жизни торжество
перезвоном колокольным
всё пронзает существо.
Лапой хвойною слегка
ёлка ласковой щенка
бьёт меня совсем не больно,
замирая у виска.

Бог родился!
Он уже
в белом храме, и в душе,
и в родном озябшем доме
на забытом этаже.
Я по лестнице взбегу,
заглушая сердца гул,
и в мучительной истоме
робко прикоснусь к звонку.

И божественно тихи
мне посылаются шаги
за ещё советской дверью,
потемневшей от тоски.
Щёлкнет старенький замок,
как взведённый вдруг курок...
Бог родился! Верю, верю!
И шагну через порог.

* * *

Белая птица метели кружит,
падают лёгкие перья.
Как никогда ещё хочется жить,
плакать, смеяться и верить.

Как никогда ещё мне на земле
хочется петь, не смолкая...
Родина, как колокольчик во мгле,
тройка несётся шальная.

Брызжет огонь из-под гулких копыт –
белый, холодный, высокий...
Как никогда ещё воздух звенит,
путь предвещающая далёкий.

Светятся в сизом тумане огни,
то ли село, то ли город.
Время, пространство своё распахни –
нам расставаться не скоро.

Ведь у равнин этих в снежном плену
нет ни конца, ни начала...
Тройка летит, оглушив тишину
неповторимым звучаньем.

Не докричатся, зови не зови –
вьюга следы замечает...
Как никогда еще жажда любви
губы мои обжигает.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Пусть на Кавказе в январе
не сыщешь снега на дворе,
но ведь январь – мой брат...
Родившейся под Рождество,
мне на земле милей всего
январский снегопад.

Таков был замысел Творца –
металась вьюга у крыльца,
и в плоть мою вошла
её мятежная душа,
от боли внутренней дрожа,
вонзилась как игла.

И в небе вспыхнула звезда,
ну да, единственная та,
что тыщи лет назад
путь озарила в Вифлеем
волхвам и путникам – и всем,
кто был спасенью рад.

И от недобрых глаз уйдя,
мать в яслях спрятала дитя,
припорошив травой...
Но выжил тонкий голосок
от гибели на волосок,
вознёсся над землёй.

С тех пор минуло много лет,
и затерялся хрупкий след,
и день сменила ночь...
Но каждый раз под Рождество
я чувствую всем естеством,
что я той вьюги дочь.

От плоти плоть не оторвать,
мне так же падать и вставать
в лихие времена...
И в споре с собственной судьбой
то милосердной быть, то злой –
такой же, как она.

* * *

Была в несчастье я тверда.
Дай Бог, такой же быть в удаче,
когда случайная звезда
во тьме кромешной замаячит.

Была я сильною в любви.
Дай силы и в разлуке тоже,
когда я ноги до крови
собью, идя по бездорожью.

Когда три посоха сношу
и съем три каменных просвиры,
тоску сквозь душу прощужу,
не сотворив себе кумира.

Но в полымя да из огня
шагну, не думая о боли...
Отдам полцарства за коня
и тут же выпущу на волю.

СНЕГ ПУШКИНА

По снегу,
по серому снегу
он мчится сквозь сплетен метель,
и знак, ему посланный с неба,
в земной пропадает тщете...

По снегу,
по красному снегу
он, силы теряя, ползёт,
надеясь в бреду ли, во сне ли,
что ангел-хранитель спасёт...

По снегу,
по чёрному снегу
тайком его сани влекут
туда, где торжественно немо
последний встречает приют.

Позёмка январская слепо
путь скорбный его заметёт...
Но следом
по белому снегу
к нему вся Россия придёт.

КРЕЩЕНСКОЕ

Когда всей грудью я вдыхаю
мороз крещенский ввечеру,
вновь себя русской ощущаю
и верю, в иордань ныряя,
что никогда я не умру.

10 февраля – День памяти
Александра Сергеевича Пушкина

Юлия УЗЕНЁВА, хранитель музея-усадьбы «Михайловское».

ТО ЛИ ДЕЛО, БРАТЦЫ, ДОМА!

Дом в жизни и творчестве А.С. Пушкина

Дом, семья, домашний очаг – это особые темы в жизни и творчестве А.С. Пушкина. Обратившись к «Словарю языка Пушкина», можно узнать, что слова «дом», «дОма», «домашний», «очаг» встречаются у поэта 689 раз. На протяжении всего творчества он касался этой темы: в трагедии «Борис Годунов», поэме «Цыганы», романе в стихах «Евгений Онегин», повести «Дубровский» и ряде других произведений. Так, одно из важнейших решений в своей жизни его герой Владимир Дубровский принимает, размышляя о судьбе своего дома, своего рода: «Итак, все кончено... еще утром имел я угол и кусок хлеба. Завтра должен я буду оставить дом, где я родился и где умер мой отец, виновнику моей нищеты... пускай же и ему не достанется печальный дом, из которого он выгоняет меня». И затем, читая письма покойной матери, «позабыл все на свете, погрузясь в мир семейственного счастья, и не заметил, как прошло время».

Для каждого дворянского ребёнка дом – это целый мир, полный преданий, сокровенных воспоминаний, нити от которых тянулись через всю дальнейшую жизнь. Например, в воспоминаниях писателя С.Т. Аксакова повествуется, как разлука с родителями и родным домом обернулась для ребенка недетской

Дом-музей А.С. Пушкина в Михайловском. Фото Г.Н. Василевича

трагедией (его перевезли из поместья родителей в казанскую гимназию).

По словам Ю.М. Лотмана, «наиболее разительной чертой пушкинского детства следует признать то, как мало и редко он вспоминал эти годы в дальнейшем». Пушкин довольно легко покинул стены родного дома. Глубокой привязанности к родителям не было, но потребность в такой привязанности, видимо, была исключительно сильна. Старшая сестра поэта Ольга Сергеевна вспоминала, что, в отличие от отца, человека «нрава пылкого и до крайности раздражительного...», мать, напротив, при всей живости характера, умела владеть собою и не могла скрывать предпочтения, которое оказывала сперва к дочери, а потом меньшему сыну Льву Сергеевичу...». Но это, как известно, не мешало Надежде Осиповне близко принимать к сердцу дела старшего сына и стараться ему помогать, когда это было возможно. Пушкин не был лишён родственных чувств: брата и сестру он нежно любил всю жизнь, помогал им, сам находясь в стеснённых материальных обстоятельствах. Отношения с родителями у Пушкина хотя и были непростыми, но стали теплее в 1830-е годы. Близкая знакомая семьи поэта Е.Н. Вревская (Вульф) вспоминала о том, что, когда Надежда Осиповна в последний год своей жизни была больна, «Александр Сергеевич ухаживал за нею с такою нежностью, что она узнала свою несправедливость и просила у него прощения, сознавалась, что она не умела его ценить... После похорон он был чрезвычайно расстроен и жаловался на судьбу, что она и тут его не пощадила, дав ему такое короткое время пользоваться нежностью материнскою, которой до того времени не знал».

Когда в дальнейшем поэт хотел оглянуться на начало своей жизни, он вспоминал Лицей, который в сознании поэта был для него родным домом, а товарищи-лицейсты – братьями.

Ю.М. Лотман довольно точно заметил: «В юные

годы для Пушкина дом (Лицей, Петербург) – келья и неволя. Пребывание в них насильственно, а бегство желанно. За стенами дома видится простор и воля. Пока Пушкин в Лицее, простором кажется Петербург, когда он в Петербурге – деревня». Настанет время, когда дом для Пушкина делается символом самых заветных чувств и наивысшей ценностью.

Домом с большой буквы стал для поэта старый дедовский дом в Михайловском, в имении матери, «счастливый домик», который завещал хранить и беречь, куда он приезжал в 1817, 1819 годах, где провёл годы ссылки, куда потом не раз возвращался, где находил покой и вдохновение, куда поэт мечтал вернуться всю жизнь. Пушкина не покидали мысли о своем собственном доме, своем «уголке земли». Позднее, после смерти матери, Пушкин рассчитывал, унаследовав Михайловское совместно с сестрой и братом, выплатить им соответствующие суммы и тем самым стать единоличным владельцем имения. Осуществить задуманное не пришлось. А за несколько лет до этого, в 1831 году, он строил планы (также несбывшиеся) купить принадлежавшее Затеplinским имение Савкино, по соседству с Михайловским. Хозяйке Тригорского П.А. Осиповой он писал из Царского Села: «К слову сказать, если бы я не побоялся быть навязчивым, то попросил бы вас как добрую соседку и дорогого друга сообщить мне, могу ли я приобрести Савкино и на каких условиях. Я бы выстроил себе там хижину, поставил бы свои книги и проводил бы подле добрых старых друзей несколько месяцев в году...». В июне 1834 года поэт признавался: «Блажен, кто находит подругу – тогда удались он домой... О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню – поля, сад, крестьяне, книги, труды поэтические – семья, любовь...».

На свете счастья нет, но есть покой и воля.

Давно завидная метается мне доля –

Давно, усталый раб, замыслил я побег

В обитель дальнюю трудов и чистых нег.

В.С. Непомнящий в работе «Лирика Пушкина как духовная биография» так определял понятие дома для Пушкина: «...это ценность важнейшая, коренная, бытийственная. Дом – жилище, убежище, область покоя и воли, независимость, неприкосновенность. Дом – очаг, семья, женщина, любовь, продолжение рода, постоянство и ритм упорядоченной жизни. Дом – традиция, преемственность, отечество, нация, народ, история. Дом, «родное пепелище» – основа «самостоянья», человечности человека, «залог величия его», осмысленности и неодинокости существования. Понятие сакральное, онтологическое, величественное и спокойное; символ единого, целостного большого бытия».

В 1830 году, в первую Болдинскую осень, еще не обретший семьи Пушкин написал стихотворение «Два чувства дивно близки нам», в котором обращается к важнейшей, дорогой ему мысли о том, как связана любовь к своему дому, селению, «пепелищу» с почитанием прошлого, предков, истории, традиции.

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам...

Пушкин со временем особенно остро и настойчиво стал мечтать о доме, его тяготила неустроенность личной жизни, одиночество и бесприютность, отсутствие домашнего крова и семьи. Его мечта о доме становится мечтой о спасении, о тихом покое. Об этом разными словами он писал во многих произведениях этих лет.

Мой идеал теперь – хозяйка,
Мои желания – покой,
Да щей горшок, да сам большой.
Стихотворение «Зимняя дорога» наполнено глубокими мыслями, оно заканчивается так:
Скучно, грустно... Завтра, Нина,
Завтра, к милой возвратясь,
Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.
Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит...

Исследователь творчества Пушкина Е.А. Маймин отмечал, что в этом стихотворении поэт выражал свою мечту «о Доме, о своей милой, к кому всегда можно возвратиться, рядом с которой можно забыться и отдохнуть душой». Те же мотивы и мечты и в стихотворении 1829 года «Зимнее утро»: поэт мечтает о душевном покое, о тихих радостях жизни.

В Наталье Николаевне А.С. Пушкин полюбил не только очень красивую молодую женщину, но и свою мечту о душевном приюте, о доме, о семье.

В 1830 году, находясь в Болдине, Пушкин пишет сонет, который обращен к невесте: Н.Н. Гончаровой. Стихотворение завершалось прекрасными строками:

Михайловское. Кабинет А.С. Пушкина. Фото А.А. Лазарева

Исполнились мои желания. Творец
Тебя мне ниспослал, тебя, моя Мадонна.
Чистейшей прелести чистейший образец.
Кажется, с женитьбой наконец осуществилась
заветная мечта Пушкина о доме.

Вскоре после свадьбы Пушкин писал П.А. Плетневу: «Я женат – и счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось – лучшего не дожусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился».

В письмах Пушкина к жене мы читаем строки, проникнутые любовью, заботой и тревогой: «Милый друг мой, я в Болдине со вчерашнего дня – думал здесь найти от тебя письма и не нашел ни одного. Что с вами? Здоровы ли ты? Здоровы ли дети? Сердце замирает, как подумаешь. Подъезжая к Болдину, у меня были самые мрачные предчувствия, так что не нашел о тебе никакого известия, я почти обрадовался – так боялся я недоброй вести».

После роковой дуэли, когда Пушкин узнал, что рана его смертельна, он сказал: «Мне надо привести в порядок мой дом». Все его мысли были о детях и жене.

Поэт на протяжении всей жизни находился в поисках семьи, тепла домашнего очага, и так недолго судьба позволила насладиться этой радостью и счастьем – иметь свой Дом.

Иван ПЫРКОВ (ВАСИЛЬЦОВ) родился в 1972 году в Ульяновске. Доктор филологических наук, поэт, член Союза писателей и Союза журналистов России. Лауреат премии им. И.А. Гончарова. Живет в Саратове.

ЕСТЬ ЛИ ЧТО-ТО БОЛЬШЕЕ У НАС, ЧЕМ РУССКОЕ СЛОВО?

К 184-й годовщине со дня смерти А.С. Пушкина

Лев Нецветаев.
А.С. Пушкин

он на Выборгской стороне, рядом со своей Милитрисой Кирбитьевной – Агафьей Пшеницыной. Золотая рамка найдена, выделка покоя сотворена, поэзия жизни сложена. И глядя на мир отсюда, из своего прекрасного полусонного царства, из волшебного зазеркалья, где перекликаются то ли канарейки, то ли ангелы, Обломов немедленно реагирует на несправедливость. В числе лучших, в каком-то криво-накливо пересказанном газетном обзоре не упомянут Пушкин! Так почему же?

Отвечать приходится на всё согласному и всё принимающему как есть Алексееву – тихому герою-спутнику, чьи перемолотые временем слова похожи больше на глухое отзвучье людского моря, на муку бытия, не из которой ли, как знать, пекутся славные пироги с цыплятами и «с свежими грибами». «Не хуже наших обломовских», – хвалит их обычно Захар. Вернее хвалит, потому что у Обломова недавно случился удар, и ему, под неусыпным вниманием любящей хозяйки, разрешена теперь уха из ёршиков да вишнёвый кисель.

Ах, кисельный бережочек, как ты обманчив! Ах, седьмая вода на киселе, как далека ты от родного берега. И как близка.

Стало быть, ответ держит Алексеев, будто смягчая все углы и грани, произнося «г» как «х» – на староотеческий лад.

Имя Пушкина, вспыхнувшее сквозь по-детски чистые слёзы о былом на излёте романа, было священным для Гончарова. «Когда он вошёл с Уваровым, для меня точно солнце озарило всю аудиторию...» – делится Иван Александрович университетскими воспоминаниями. И что ж это за час такой счастливый выпал, и можно ли забыть о весёлом пушкинском солнышке?

Но никуда не деться и от другого, пасмурно-тусклого, тревожно нахмуренного зимнего неба: «Я помню известие о его кончине... И в моей скромной чиновничьей комнате, на полочке на первом месте стояли его сочинения, где всё было изучено,

где всякая строчка была прочувствована, продумана... И вдруг пришли и сказали, что он убит, что его больше нет... это было в департаменте. Я вышел в коридор и горько-горько, не владея собою, отвернувшись к стенке и закрывая лицо руками, заплакал... Тоска ножом резала сердце, и слёзы лились в то время, когда всё ещё не хотелось верить, что его уже нет, что Пушкина нет! Я не мог понять, чтобы тот, пред кем я мысленно склонял колени, лежал без дыхания. И я плакал горько и неутешно...»

То другие, неизбывные слёзы.

Детство России закончилось, когда не стало Пушкина.

Из дальнего-дальнего детства помню: Карсунская дорога, буйная июньская зелень, Пушкинский праздник в Языково. И Пушкинская ель. В не счастье сколько обхватов. И надпись на табличке: «Внимание! По преданию, эта ель посажена Александром Сергеевичем Пушкиным». Тихая, таинственная вода прудов. Деревянная лесенка, ведущая на скромную сцену – прямо под открытым небом. Люди поднимаются, рассказывают что-то, читают стихи. И мой отец тоже читает. А я, ничего не понимая, почему-то радуюсь. А потом заезжаем в Прислониху, идём к пластовскому роднику.

Через много лет снова посчастливится мне побывать в Языково. И я буду тихонько рассказывать милой своей Таточке, жене, о легендарной ели, о том, какой виделась она мне с издевства. И сетовать: наверное, все прежние хранители сменились.

Вдруг меня кто-то окликнет и назовёт по имени. Окажется, здесь никого и никогда не забывают. Здесь, на родной земле. И будет удивительно сердечный разговор. И будет долгий и яркий летний вечер, а в мягких сумерках среднерусского благословенного лета взмахнут тёмно-пёстрыми шальями мудрые совы. Им тоже есть что сказать, чем поделиться, что вспомнить...

Но то Пушкинский день рождения, июньский праздник в Языково, царственная зелень просторного летнего дня. Впереди солнцестояние. Вся жизнь.

А теперь зима. Коренная, снежная. С ещё короткими тенями и длинными ночами. С северным ветром, который так и хочется назвать Борею. С оковами льда на реках, которые и подо льдом стремятся к движению. С холодными звёздами. Молчаливыми? Равнодушными?

«Ты себя не спрашивай – поэт ли? // Не замедлят – возведут в пииты! // Все пути – от пули и до петли – // Для тебя с рождения открыты. // И когда забьётся человеке – // Ты поймёшь, мотив припоминая: // От Елабуги до Чёрной речки – // Широка страна моя родная».

С Ириной Ратушинской не поспоришь. И цветастому мужественному слову не возразишь: «Первое, что я узнала о Пушкине, это что его убили». Да и о чём тут держать спор, чему возражать, если такова наша история. Вдруг – по-ребячески совсем – подумалось: проживи Пушкин ещё десятилетие, всё могло бы поменяться для России – отступили бы войны, жестокость друг к другу сменилась бы на милость. «Человека, человека давайте мне! Любите его!» – восклицал Обломов, следуя, как и сам Гончаров, пушкинскому лучу.

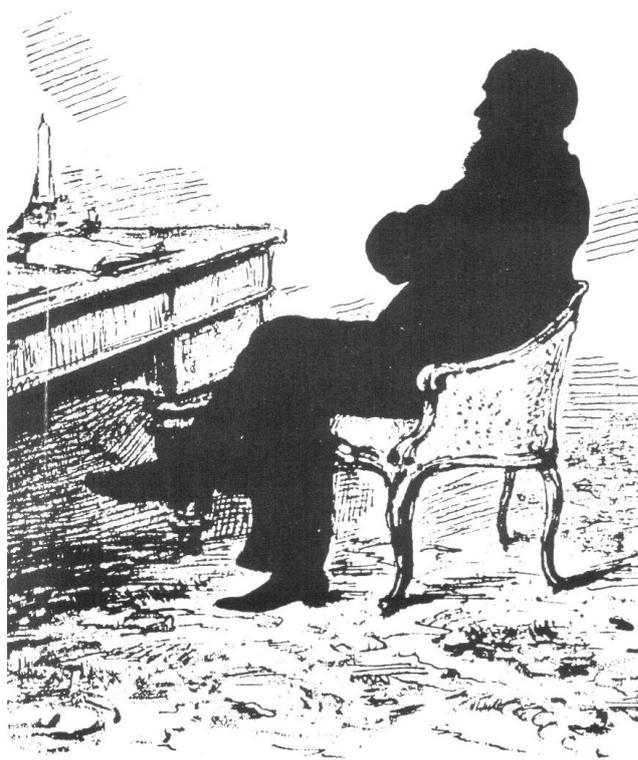
И ещё одна наивно-детская мысль: Пушкина не могли убить в июне, и не весной, и не осенью. Нет, только в зимнее выстуженное время. На низком солнце. На высоком снегу. Но сам же Пушкин опровергает этот наив. А как же «Мороз и солнце; день чудесный!», а «Морозной пылью серебрится // Его бобровый воротник», а синица, что «тихо за морем жила» – из ещё одного, со страниц букваря всем нам памятного, зимнего пушкинского шедевра?

«Звезда пленительного счастья» и в снежном декабре, и в траурном январе сияет неравнодушно.

Забывший историограф литературы Пётр Николаевич Полевой в «Истории русской словесности» так начинает главу о Пушкине: «Немного более полвека прошло с кончины Пушкина, и имя его уже вполне сознательно повторяется миллионами уст, повторяется с восторгом, с благоговением, с глубоко прочувствованной признательностью... Мы говорим: *Пушкин* – и в сознании нашем является представление о чём-то высокоизящном, прекрасном и по сущности своей, и по форме. И под этим именем мы разумеем не личность, даже не произведения поэта, а... великого творца и доброго гения русской поэзии, облечённого в светлую ризу».

Прошло ещё полвека. И ещё. Вот уже и 184-я годовщина со дня смерти поэта. Мы всё дальше от Пушкина. Но и всё ближе к нему. Да и может ли быть иначе, если такие люди посвящали пушкинскому наследию жизнь, как Павел Васильевич Анненков, Дмитрий Николаевич Садовников, Семён Степанович Гейченко, Дмитрий Дмитриевич Благой, Борис Викторович Томашевский, Юрий Николаевич Тынянов, Юлиан Григорьевич Оксман... И как это важно, что у каждого города сложились свои отношения с пушкинским гением.

Пушкин и Симбирск – история особая. Александр Сергеевич бывал на Венце, любовался Волгой и Воложками, был приглашён на торжественный обед в доме губернатора Загряжского, прогулялся по Троицкому переулку, любовался домом Карамзиных... Впрочем, что это я? Лучше замечательно-ульяновско-симбирского краеведа и блестящего знатока истории литературы Жореса Трофимова не скажешь: «На рассвете следующего дня поэт отправился с Венца по Смоленскому спуску до нижней волжской набережной. Покидая город, с которым волей судеб было связано столько поездок, Пушкин довольно хорошо узнал его, увидев со всех сторон горизонта: приехал он из Казани в Симбирск – с севера, на запад – уезжал в Языково, с юга – видел Симбирск при неудачной поездке до Сенгилея и обратно; находясь же на паромном дощанике, поэт

И.А. Гончаров. Силуэт работы Е.М. Бем. 1886

любовался живописным, покрытым садами склоном высокого берега Волги – таким открывался перед ним вид на горе с востока. Эту прощальную картину он запечатлел в своей дорожной тетради: на двух развёрнутых страничках скупыми, но точными карандашными линиями обозначил Венец...»

Вспоминаю Жореса Александровича с благодарностью, наши с ним разговоры о Гончарове, о русских писателях...

...Быстро темнеет. Расходится снег. Пора открыть окошко и подсыпать семечек в кормушку для птиц – вдруг да и пушкинская синица прилетит и расскажет сказку.

Время задаёт много вопросов. Самые сложные – детские. Или вечные. Как кому нравится. Почему так быстротечна жизнь? Зачем люди любят друг друга? Как можно человеку сохранять в себе чело-вечность? Нужно ли говорить правду? Что такое справедливость? Есть ли что-то большее у нас, чем русское слово?

И когда ты пытаешься отвечать или хочешь сам полюбопытствовать о чём-то, как тебе кажется, важном, неизменно – само собой так получается – сверяешь свои выводы и раздумья с мнением родных тебе людей, лучших друзей, любимых писателей. Думаешь: как бы поступил тот или другой, что бы выбрал?

И, пожалуй, главным ориентиром не только лично для кого-то, но для отечественной культуры и жизни нашей в целом навсегда останется краткая и незаменная нравственная сверка:

– А Пушкин?

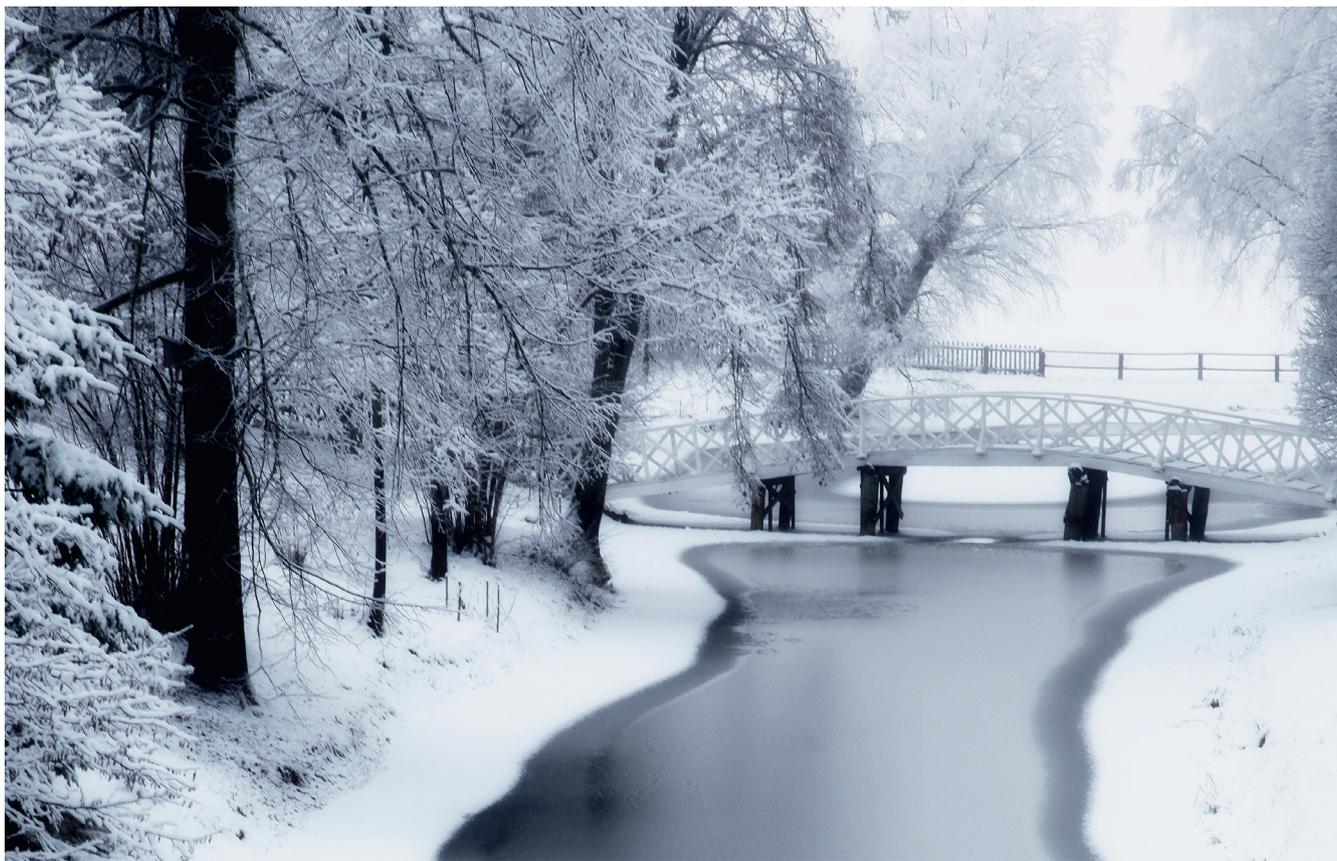
**«ПОД ГОЛУБЫМИ НЕБЕСАМИ...»
ЗИМА В МИХАЙЛОВСКОМ**

Фотографии Николая Алексева

Михайловское. Остров уединения

Беседка в Петровском

Михайловское

Николай Андреевич Алексеев родился в 1957 году в Самарской (Куйбышевской) области.

В 1986 году окончил лечебный факультет Ленинградского санитарно-гигиенического медицинского института. В течение пяти лет работал судовым врачом на рыболовецких судах объединения «Ленрыбпром». В дальнейшем работал врачом в поликлинике Академии наук в Санкт-Петербурге. Фотографией увлекся еще в школьные годы.

В Пушкинском Заповеднике впервые побывал в 1996 году. Тогда и были сделаны первые фотоснимки Пушкиногорья. Эти места так поразили Н. Алексеева своей красотой и одухотворенностью, что поездки в Пушкиногорье стали довольно частыми. А в 2009 году Н.А. Алексеев стал сотрудником музея-заповедника.

Первая выставка фотографий Н.А. Алексеева в Пушкинском Заповеднике состоялась в 1998 году. Далее была фотовыставка в 1999 году, когда праздновался 200-летний юбилей со дня рождения А.С. Пушкина. Кроме фотографий, Н.А. Алексеев автор нескольких видеофильмов, посвященных Пушкинскому Заповеднику: «Приют Поэта», «Под сенью Тригорского», «Петровское», «Воспоминание. Молитва памяти Поэта». Документальный фильм «В разные годы... Валентин Курбатов. Воспоминания о Хранителе» принимал участие в конкурсной программе кинофестиваля «Литература и кино» в Гатчине в 2016 году.

В 2020 году вышел фотоальбом с работами Н. Алексеева «Михайловские времена года».

Николай Алексеев

ДОРОГА К ПУШКИНУ

День памяти поэта

10 февраля в Литературном музее «Дом Языковых» прошёл день памяти великого русского поэта А.С. Пушкина.

В этот день, 29 января (по старому стилю) 1837 года, Пушкин в возрасте 37 лет скончался от ранения, полученного двумя днями ранее во время дуэли с Дантесом. Вспоминая это трагическое событие, ежегодно 10 февраля по всей России чтут имя великого русского поэта.

Мероприятие открыла церемония возложения цветов к памятнику А.С. Пушкину на площадке около музея. В продолжение дня памяти поэта состоялась презентация выставки «Дорога к Пушкину» (из собрания Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское», Псковская область). На выставке представлена 21 работа выпускников факультета графических искусств Московского государственного университета печати, учеников народного художника России Б.А. Диодорова, созданная в одной из самых сложных графических техник – цветной литографии.

*Материал подготовлен
старшим научным сотрудником
Литературного музея «Дом Языковых»
Дарьей Козловской*

«О ТАТЬЯНЕ В ТАТЬЯНИН ДЕНЬ»

Выставка памяти краеведа Татьяны Громовой

С СИМБИРСКОМ СВЯЗАНА СУДЬБОЙ

Выставка в Литературном музее «Дом Языковых»
памяти краеведа Татьяны Громовой

В конце января – начале февраля 2021 года в музее «Дом Языковых» экспонировалась выставка «О Татьяне в Татьянин день», посвящённая памяти известного ульяновского краеведа, заслуженного работника культуры Ульяновской области, старшего научного сотрудника Ульяновского областного краеведческого музея Громовой Татьяны Алексеевны (09.02.1954 – 15.12.2020).

На выставке были представлены материалы из семейного архива: фотографии и документы нач. XX века о дедушке Василии Михайловиче Фомичеве, служившем священником в с. Ляховка, ныне Майнского района; бабушке Анне Ивановне, прожившей 102 года; родителях – учителях истории, проработавших в Карлинском всю жизнь, также о Сергии Петровском, священнике Карлинской церкви, основавшем в 1908 году общество трезвости, а в 1912 году открывшем в селе Дом трезвости. Память об о. Сергии очень чтили в семье Булаховых. В семейном архиве бережно хранились документы, фотографии того времени, они были представлены на выставке.

Громова Татьяна Алексеевна

В 1971 году Татьяна Алексеевна окончила Карлинскую среднюю школу, в 1976 году – Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина. С 1978 года работала в Ульяновском областном краеведческом музее.

Татьяна Алексеевна была прирожденным и успешным исследователем. С 1997 года она приняла участие в 53 научных конференциях в Париже, Москве, С.-Петербурге, Свяжске, Ярославле, Ульяновске. В научных сборниках опубликовала более 60 научных статей, около 200 статей в местных СМИ. Татьяна Громова много лет была членом редакционного совета и автором журнала «Мономах», не раз публиковалась и в журнале «Симбирск». Одна из последних опубликованных статей Татьяны Громовой (о семье Мусиных-Пушкиных) была напечатана в октябрьском номере нашего журнала за 2020 год.

Татьяна Алексеевна – автор и соавтор 9 книг. На выставке были представлены как широко известные ее работы: книга о симбирском городском голове Л.И. Афанасьеве и замечательная книга «С Симбирском связаны судьбой» о женщинах-симбирянках, так и мало известные широкому кругу ее публикации в столичных изданиях – «Летописи историко-родословного общества в Москве», альманахе «Гербоведение».

Большой заслугой Татьяны Алексеевны перед ульяновским краеведением является то, что она открыла ряд незаслуженно забытых имен, разыскала потомков известных симбирян, получила от них ма-

териалы в фонды музея, узнала ранее неизвестные факты. Среди тех, с кем она постоянно общалась, были потомки Афанасьева, Воейковых, Шапрон дю Ларрэ, Корольковых.

В Краеведческий музей пришло много писем со словами соболезнования. Вот одно из них.

Группа подготовки Полного собрания сочинений Алексея Николаевича Толстого Института мировой литературы им. Горького РАН и Музей-квартира А.Н. Толстого ГМИИРЛИ им. Даля приносит искренние соболезнования коллективу Ульяновского областного краеведческого музея им. И.А. Гончарова и родным глубокоуважаемой Татьяны Алексеевны Громовой.

Мы потеряли коллегу, товарища, соратника в деле изучения жизни и творчества Толстого, потеря эта для нас огромна! Статьи и доклады Татьяны Алексеевны мы всегда ждали с нетерпением и интересом, ведь они всегда глубоки и насыщены архивным и фактическим материалом. Важнейшее направление – реальные прототипы героев произведений Толстого – связано с трудами Татьяны Алексеевны, в которых воссозданы биографии симбирских дворян, их родственные связи и взаимоотношения. Мы потеряли удивительного, отзывчивого, доброго, светлого человека! Татьяну Алексеевну всегда было приятно слушать, всегда приятно на нее смотреть – ее речь нетороплива и мелодична, она всегда была приветлива и очень уважительна к собеседнику. Очень горько! Светлая память замечательному ученому, доброму прекрасному человеку!

Татьяна Алексеевна воспитывалась в замечательной семье, душевный строй которой передают слова мудрой ее бабушки.

Пожелание Анастасии Ивановны Фомичевой (1895–1997), бабушки Т.А. Громовой, жителям Ульяновской области. (Это она сказала, когда ей был 101 год.):

Живите, люди добрые, пока жизнь вам в радость, удерживайте в сердце доброту, изгоняйте злые мысли и смотрите вокруг себя светлыми глазами.

Дай вам Бог!

P.S.

Мы последний раз разговаривали по телефону с Татьяной Алексеевной Громовой 5 ноября 2020 года. Я просила ее, в частности: «Напишите о себе, о своей семье для нашего журнала. О дедушке – священнике Василии, о дружбе семьи с отцом Сергием Петровским... Давайте расскажем нашим читателям, представим документы из семейного архива». Татьяна Алексеевна обещала, но попозже. У нее было много первоочередных задач и планов... А 15 декабря ее не стало. Уход Татьяны Громовой – большая потеря для всех нас. Светлая память замечательному человеку. Ее бабушка говорила: «Смотрите вокруг себя светлыми глазами», и ведь Татьяна Алексеевна Громова, действительно, «смотрела светлыми глазами», лучилась! Такой ее и будем помнить.

Благодарим краеведческий музей и лично Ольгу Егоровну Бородину, друга и соратника Татьяны Громовой, сотрудников Литературного музея «Дом Языковых» за организацию выставки и за предоставленные материалы.

Елена КУВШИННИКОВА

ЧЕРЕМШАН

* * *

Россия, Россия, отрада моя!
Как дороги сердцу родные края,
Родные березки, родное село,
Где снегом черёмухи всё замело.
Россия, Россия, ты – сердце строки.
Ты душу поишь, как реку родники.
Твоя красота мне молчать не велит
И песнь о тебе в моем сердце звенит.
Россия, Россия – российская речь.
Тебя ли не славить, тебя ль не беречь?
Без речи твоей, без цветов на лугу,
Без песен твоих я прожить не смогу.
Россия, Россия – мой воздух и свет!
Иду за тобой я под стягом побед.
Я имя твое в своем сердце ношу.
Тобою живу и тобою дышу.

Евгений ЛАРИН

*Раиса КАШКИРОВА, руководитель
дмитровградской писательской организации
«Слово», член Правления УРО СПР, редактор-
составитель книги Е.С. Ларина «Девушка в шинели».*

Я ИМЯ ТВОЁ В СВОЁМ СЕРДЦЕ НОШУ...

Памяти Евгения Степановича Ларина

Дорогие читатели, со скорбного известия мы начинаем первый выпуск рубрики «Черемшан» в этом году.

20 декабря 2020 года на 95-м году жизни перестало биться сердце большого писателя, жизнерадостного и мудрого человека, героя, прошедшего Великую Отечественную войну и ставшего очевидцем и участником других исторических событий прошлого века, нашего любимого коллеги, друга и наставника Евгения Степановича Ларина (30.10.1926 – 20.12.2020). Это невосполнимая утрата для города, области и страны, для всех, кто знал и ценил Евгения Степановича, кто пропустил через сердце его замечательные произведения. Такое ощущение, что с ним ушла целая эпоха...

Мы соболезнуем родным и близким Евгения Степановича и разделяем их горе. 2 января 2021 года вслед за супругом покинула этот мир Валентина Ивановна Ларина. Те, кто близко общался с Валентиной Ивановной, навсегда запомнят её доброту и сердечность. Она очень любила и поддерживала Евгения

Степановича, могла бесконечно слушать его стихи и рассказы. У них было на двоих всё – и радость, и боль... Вместе учились, работали, подняли детей, вырастили внуков, поддерживали правнуков. Вместе переживали за судьбу России. Жили душа в душу и ушли друг за другом.

«Самородок, певец земли Симбирской... Его талант питали реки и леса родного края, он дышал запахами вспаханного поля и цветущих лугов» – так написали об ушедшем поэте сотрудники Аксаковской библиотеки...

Творчество Е.С. Ларина в последние годы было представлено на страницах нашего журнала и литературного приложения «Слово» к газете «Димитровград», его стихи вошли в альманах «Димитровград литературный 2000–2015», антологию «Ульяновская словесность: начало XXI века» и сборник «Симбирская пристань». Как человек неравнодушный, Евгений Степанович до последнего активно участвовал в общественной и литературной жизни города и области. Каждое выступление мэтра димитровградской поэзии было настоящим событием для коллег и читателей. Фестиваль «Поэтический город», который проходил в Димитровграде в начале 2020 года, подарил нам возможность несколько раз соприкоснуться с исполнительским мастерством талантливого поэта, а видеосюжеты с выступлениями Евгения Степановича являются бесценным достоянием не только города и области, но и всей России.

Сегодня я держу в руках долгожданную книгу «Девушка в шинели»...

Книгу, в которую вложено столько жизни, столько труда... книгу, ставшую итогом творческого пути большого писателя и уникального человека.

Целый год мы составляли её, набирали от буквы до буквы, переводя в электронный вариант текст печатной машинки, верстаки, придумывали и создавали дизайн, тысячу раз проверяли, редактировали, меняли обложки, фотографии и вёрстку. Не досыпали, откладывали другие важные дела, переживали, радовались, спорили, всегда приходя к единому мнению, отстаивали целые главы и произведения, которые имели право на существование в этой книге.

Неугомонный Евгений Степанович хотел, чтобы она была именно такой – «Девушка в шинели».

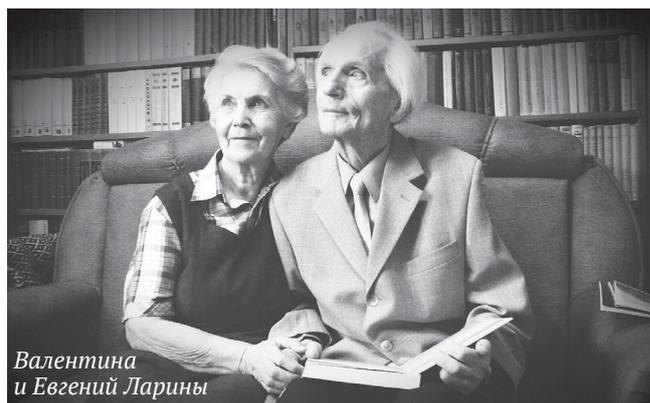
И мы с Юрием Шерстнёвым были свидетелями его счастья, его необыкновенной радости, когда он получил первый экземпляр книги.

Горько от осознания того, что нет больше Евгения Степановича, нашего улыбочивого, искреннего, неравнодушного коллеги, друга и наставника.

Светло от того, что его жизнь продолжится в его замечательных творениях.

«Стараюсь сдерживать слёзы, но не могу... Умер мой учитель и соратник, и тот, кто несколько лет назад в меня поверил как в писателя и поэта, умер тот, кого ещё недавно я обнимал в его прихожей, с которым горячо дискутировали о будущем димитровградской писательской организации, а ближе к Новому году намечали встречу по поводу выхода в свет долгожданной «Девушки в шинели»...

Хочется крикнуть вслед: «Не уходи, ведь вот-вот твоя книга-заповедь придет к читателям...». Но... Отвоевал? Отгорел? Отболел?... Остался навсегда в книгах, фотографиях, видеороликах... Нет. Не дово-

Валентина
и Евгений Ларины

евал и недолюбил, потому что были ещё и планы, и цели, и мечты, и любовь не иссякла – до последнего удара сердца не иссякла – к каждому из нас, ко всей России», – пронзительно звучат прощальные слова Юрия Шерстнёва.

Книга, в появление которой Евгений Степанович и сам порой не верил, появилась на свет тиражом в 1000 экземпляров, но и этого, наверное, не хватит, чтобы удовлетворить читательский запрос.

Для меня и Евгения Степановича год создания «Девушки в шинели» был дорогой длиной в жизнь.

Хочу выразить огромную признательность и самую сердечную благодарность всем, кто вместе с нами прошёл этот путь.

Сборник появился на средства областной программы книгоиздания, и здесь нужно сказать огромное спасибо Сергею Ивановичу Морозову, пообещавшему найти средства на подарочное издание и сдержавшему своё обещание.

Неизменно помогала, поддерживала Евгения Степановича директор областного Дворца книги Светлана Валентиновна Нагаткина, в сложный для издания момент она выступила в защиту его авторских прав и сохранила книгу в том формате, в каком её видел автор. А реализовать его творческие задумки помог художественный талант Юрия Шерстнёва, и, наверное, только ему известно истинное количество вариантов обложки книги: без возражений и упрёков, он, словно волшебник, исполнял все наши с Евгением Степановичем пожелания или требования совета по книгоизданию. Кстати, замечательное оформление сборник получил ещё и благодаря очень правильным, дельным замечаниям и подсказкам Марины Владимировны Верковой, зав. сектором издательской деятельности Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки.

Вёрстка книги достойно выполнена Сергеем Кошелевым, и стоит отметить неисчерпаемую терпеливость этого улыбочивого, добродушного человека, с которым мы засиживались порой и за полночь, чтобы в сотый раз внести исправления, найти нужные элементы дизайна и достойно разместить фотографии. Огромная благодарность Екатерине и Анатолию Кирюхиным (газета «25 канал»), которые переживали вместе с нами и радовались нашим успехам. Много лет с безмерной теплотой оказывали они Евгению Степановичу безвозмездную поддержку и в этот раз предоставили помещение и оборудование для работы над книгой.

Благодарю за доброжелательность и грамотные советы учителя русского языка и литературы Любовь Николаевну Миронову – сколько раз она помогала нам

в решении орфографических задач! Безоговорочную помощь в решении многих вопросов в процессе рождения книги мы получали и от Ирины Николаевны Ширяевой, начальника управления культуры г. Димитровграда, и от руководителя управления по информационной политике и общественным коммуникациям администрации города Ольги Николаевны Рясковой, которая всегда душой болела за нас, писателей, и особенно – за Евгения Степановича. Очень своевременно приходил на выручку Николай Анатольевич Горшенин, помощник губернатора Ульяновской области в Димитровграде. Не раз плечо подставляла наша коллега Александра Георгиевна Белова: когда было трудно, она говорила: «Рая, ты всё сможешь, всё получится!», и я продолжала работу.

Это, наконец, моя дочь Виктория. Есть в книге фото с писателями, на котором мы вместе с Евгением Степановичем и годовалой Викой направляемся в Ульяновск; в тот памятный день меня по инициативе первого и единственного литературного отдела Союза писателей. Евгений Степанович настойчиво просил опубликовать фото в сборнике, шутливо утверждая, что Вика имеет на это полное право: вместе с Ингой Гаак и Эдгаром Кобелевым, ставшими для нас за долгие годы совместных свершений много больше, чем друзья и литературные соратники, она вручную набирала текст книги, помогала выверять тексты, утирала мне слёзы, когда что-то шло не так, и окутывала меня ореолом той любви, без которой не вырастают за спиной человека крылья. Весь 2020 год для всей нашей семьи прошёл под стягом «Девушки в шинели», и я бесконечно благодарна Евгению Степановичу за неугасимый сердечный свет этих памятных встреч, а дочери Виктории и супругу Владиславу за их огромную моральную и физическую поддержку и неизменно тёплое отношение к Евгению Степановичу, к нашей с ним дружбе и совместной деятельности.

По сути, «Девушка в шинели» была задумана как своеобразный творческий отчёт писателя Николаю Благому, большому другу и соратнику Евгения Ларина. И совсем немного не дожил автор до решения жюри конкурса литературной премии им. Н. Благова. Но когда Евгения Степановича не стало, мне показалось, что все награды и регалии перестали иметь значение. Ушёл из жизни Человек. Навсегда ушёл.

Пусть всё, что не досказано им, донесут до читателя его книги.

Светлая память!

Юрий ШЕРСТНЁВ, член Союза писателей России, член димитровградской писательской организации «Слово».

21 декабря 2020 года в Никольском кафедральном соборе Димитровграда состоялось прощание с Евгением Степановичем Лариным – писателем и журналистом, участником Великой Отечественной войны, почетным гражданином города, наставником, учителем, другом, отцом, дедом... Его не стало в списках живущих и животворящих днем ранее – то был чёрный день, полный горечи и печали от внезапного расставания, когда спазм сжимал горло так, что слова комом застревали в нем... Это стало шоком для всех, кто еще несколько дней назад общался с ним, строя совместные планы на будущее, обсуждая последние правки в долгожданной его книге «Девушка в шинели»,

сигнальный экземпляр которой он с огромным и радостным волнением успел прижать к сердцу...

Эта книга стала его последней книгой – книгой-заповедью, книгой-завещанием. Всего себя он отдал ей – все последние переживания сердца ветерана, последние радости писателя из всё дальше уходящей эпохи, последние строки и думы Гражданина и Человека...

Помню, как расставаясь со мной и Раисой Иршатовой Кашкировой, в тот поздний вечер Евгений Степанович как всегда обнял каждого у дверей, запланировав встретиться уже по случаю выхода в свет «Девушки в шинели», пообещав щедро и по-доброму, по-ларински отблагодарить каждого, кто несколько месяцев помогал в подготовке ее к печати. Мы много шутили, не скрывая общей радости от предстоящей встречи, штрихами намечая варианты презентации...

Не сбылось. Теперь всё это состоится без Ларина! Да, будут его портреты, видеокадры последних, совсем недавних его выступлений на публике... Ему было 94. Ему чуть-чуть не хватило дожить до дня, когда и эти грандиозные его планы сбудутся.

...В день отпевания в зале собора у гроба с телом Евгения Степановича Ларина и чуть позднее у его могилы из-за известных всем противоковидных ограничений не было того огромного стечения народа, которое он заслуживал. Но были среди них те, кого он не раз называл своими главными соратниками, друзьями и самыми любимыми людьми. От всех земляков в последний путь Поэта провожали представители губернатора и правительства региона, главы города и городской думы, коллеги-журналисты, коллеги-писатели, родные и близкие люди. Не всем им удалось сдержать слёзы, стоя у гроба, вспоминая яркие моменты общих дел, произнося прощальные слова, выражая благодарность Евгению Степановичу за крупнейший вклад в развитие и продвижение ульяновской словесности, за написанные книги, за жизнь, до самого последнего мига отданную людям, за советы, за любовь...

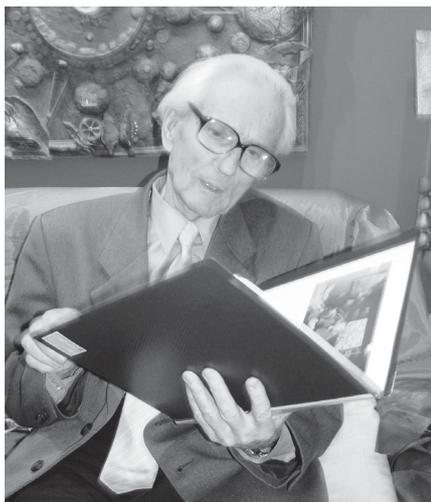
Лидия СТЕПАНОВА, член димитровградской писательской организации «Слово».

Евгений Степанович Ларин – мэтр нашей димитровградской поэзии, фронтвик, человек с большой буквы, почетный гражданин города. Поделюсь тем, чем он мне запомнился. А будет помниться Евгений Степанович своей честностью, принципиальностью, добрым отношением к людям, независимо от их социальной принадлежности.

Будет помниться неповторимой страстной ларинской жестикующей, декламацией своих стихов. Он будет помниться своей неподкупностью перед властью предрежащими, что и звучало в его стихах и поэмах, которые он писал практически до последних дней своих. Он поистине был и Поэтом, и Гражданином.

Не верится, что больше не встречу Евгения Степановича, не поговорю по душам, не спросит он меня: «Как, пародии пишутся? Лида, ты у нас второй Иванов!». Это был редкой душевной прямоты человек, с которым можно было говорить откровенно.

Евгений Степанович, вечная Вам память! Спасибо за то, что вышло из-под Вашего пера! Спасибо за то, что ВЫ жили на этой земле, а нам довелось быть рядом с Вами! Вы были для нас примером настоящего ПИСАТЕЛЯ, настоящего ЧЕЛОВЕКА!

Литературная
гостиная
УлПравда ТВ
с участием
Евгения Ларина

Наша справка:

Евгений Степанович Ларин, писатель, поэт, фронтовик, журналист, краевед, член Союза писателей СССР, член Союза писателей России и Союза журналистов России, член писательского объединения «Слово» города Димитровграда.

Родился 30 октября 1926 года в селе Верхняя Якушка, ныне Новомамыклинского района Ульяновской области. Детство и юношество прошли в посёлке Красный Яр Чердаклинского района. После окончания Мелекесского педагогического училища работал учителем в селе Адовщина Радищевского района.

Воювал на фронтах Великой Отечественной войны. Тема войны – сквозная в его творчестве.

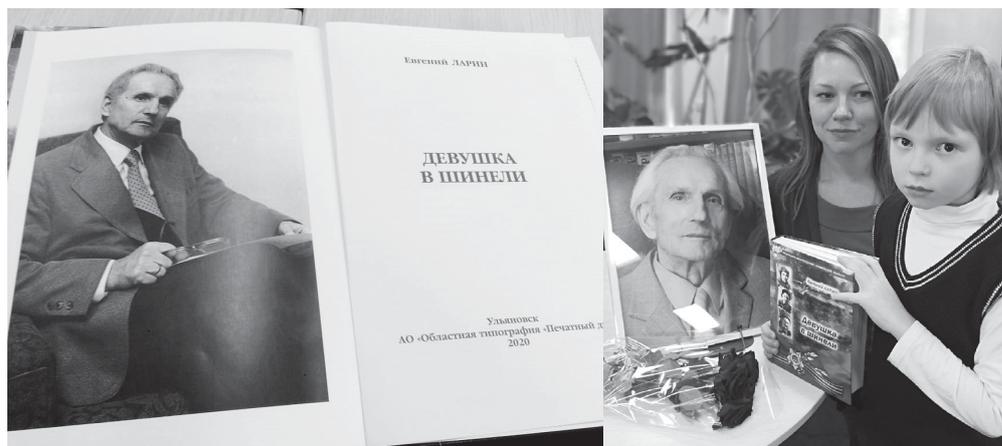
В 1953 году Евгения Степановича пригласили в объединённую газету «Сталинское знамя», вскоре переименованную в «Знамя коммунизма» (Димитровград), где он прошёл все ступени: от литературного сотрудника до редактора газеты. Был участником литературного объединения «Черемшан». Окончил Ульяновский педагогический институт. Друг большого волжского поэта Николая Николаевича Благова.

Автор более десятка книг, сборников прозы и поэзии. Последняя книга Евгения Ларина «Девушка в шинели» вышла в 2020 году.

Почётный гражданин города Димитровграда. Умер 20 декабря 2020 года. Похоронен в Димитровграде.

ЖИВОЕ ЛАРИНСКОЕ СЛОВО

Презентация книги поэта-фронтовика Евгения Ларина стала первым событием Года книги в Димитровграде.

Светлым февральским днём зал библиотеки «Дворец книги» г. Димитровграда заполнился поэзией Ларина, стихами о Ларине, воспоминаниями близких Евгения Степановича и впечатлениями тех, кто едва успел прикоснуться к жизни и творчеству большого поэта.

«Ларинское слово» – так назвал невероятно трогательный видеоклип ведущий вечера Юрий Шерстнёв, близкий друг и соратник Евгения Ларина по писательскому цеху.

С большого экрана, расположенного в центре зала, на нас смотрел сам Евгений Степанович, звенел бесконечной радостью жизни или величиим гражданской печали его неповторимый голос, снова, как и год назад, объединяя в едином душевном порыве родных и друзей, коллег из писательской организации «Слово» и ульяновского регионального отделения Союза писателей России, журналистов, сотрудников телеканалов «Димград 24», «ДимТВ» и газеты «25 канал», начинающих авторов и любителей поэзии из клуба «Эхо», школьных учителей и

библиотекарей города и области, представителей городской администрации и управления культуры города.

Как сказала руководитель ульяновского регионального отделения Союза писателей России Ольга Даранова, в зале собралась большая димитровградская семья – настолько теплой и сердечной была атмосфера этого события. «Евгений Степанович Ларин – это гордость ульяновской писательской организации, замечательный поэт, публицист, фронтовик – это наша история, целая эпоха, это наша легенда».

Соратники автора «Девушки в шинели» сердечно поблагодарили всех, кто помог рождению книги. Прекрасным и неожиданным подарком для участников встречи стал щедрый жест главы Димитровграда Богдана Сергеевича Павленко – из 60 сборников, полученных из областного фонда администрации Димитровграда, 35 книг он преподнёс тем, кто любил и ценил Евгения Степановича. И ещё 15 экземпляров от имени автора вручили лите-

ратурным подвижникам писатели «Слова». Бережно, словно драгоценный фолиант, принимали счастливые зрители книгу Евгения Степановича, трепетно обещая делиться бесценными впечатлениями от соприкосновения с творчеством уникального поэта и гражданина с детьми, внуками, коллегами и учениками.

А мы, его близкие, впервые за долгое время ощущали не только светлую печаль или горечь невозполнимой утраты. Наши души испытывали торжество непобедимой значимости Её Величества Книги и ценность истинной поэзии, обращённой к людям. Это и есть цель настоящего литературного праздника.

Много сердечных откликов получили мы после встречи. Вот несколько цитат.

Богдан ПАВЛЕНКО, глава Димитровграда:

«Значимое событие произошло в литературной жизни города – старт Года книги...»

Книгу Евгения Ларина мы долго ждали, обсуждали, зная, что будем ей гордиться. Но не знали, что презентация сборника будет проходить уже без его автора, что это радостное событие отзовется в наших сердцах болью потери этого прекрасного человека...

Я благодарен судьбе, что успел познакомиться с Евгением Степановичем, слушал стихи в его авторском исполнении, его пламенные слова, обращённые к молодому поколению...

Эту книгу я буду с трепетом и гордостью хранить в своей библиотеке, читать и показывать гостям. Думаю, что и у всех её обладателей она будет занимать особое место на книжной полке. И конечно, сборник «Девушка в шинели» будет передан во все городские школы и библиотеки.

Спасибо всем, кто помог этой книге появиться на свет, в первую очередь, руководителю писательской организации «Слово» Раисе Иршатовне Кашкировой...

Спасибо областному совету по книгоизданию и областному правительству, профинансировавшему издание этой книги в год 75-летия Победы в Великой Отечественной войне».

Инга ГААК:

11 февраля был светлый и печальный вечер, посвящённый Евгению Степановичу Ларину, вечер-разговор о нём, с ним, даже без него... Я хотела бы вновь и вновь говорить о его чистоте, о прекрасных душевных качествах, о его юморе. О его дружбе... Он с блеском в глазах говорил о людях так, что заочно влюблялся в них. Наши с ним беседы и приятельские отношения завязались в 2004 году, благодаря общему другу – Раисе Кашкировой...

И чуть позже, когда по просьбе Евгения Степановича я начала набирать тексты произведений Анатолия Николаевича Жукова – его друга, осевшего в столице, именитого писателя, тронута была до глубины души чуткостью Ларина, неистовой верой в талант друга, влюблённостью в его творчество. Он мужественно обивал пороги, звонил, сердился, вкладывал свои деньги лишь бы книга забытого в послеперестроечный период писателя увидела свет и обрела новых читателей...

Кристина ГРИШКИНА:

Невероятная, душевная презентация ценного издания для всей России – книги «Девушка в шинели» Евгения Степановича Ларина – состоялась во Дворце книги.

Три часа действия. Все гости получили в подарок книгу «Девушка в шинели».

Я просто счастлива, будем с детьми читать!

Елена ЕРМОШИНА:

Евгений Степанович Ларин – великий человек, его произведения – гордость и достояние Димитровграда, России, всех нас. Это наследие, которое мы оставим своим детям. Честно, искренне и правдиво он рассказывает о войне, о послевоенных годах, о жизни нашей страны, её ценности.

Спасибо Вам, Раиса Иршатовна Кашкирова, Вам, Юрий Иванович Шерстнёв, за великолепную, тёплую, душевную, полную любви презентацию.

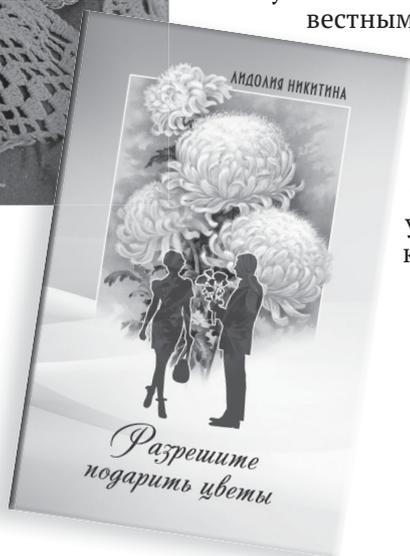

В минувшем году увидела свет новая книга Лидолии Константиновны Никитиной «Разрешите подарить цветы» (Ульяновск, УлГТУ, 2020).

Подзаголовок книги «Биографические фантазии» указывает на любимый литературный прием автора – синтез реальности и вымысла, который дарит читателям много увлекательных неожиданностей в давно знакомом. Книга адресована творческой молодежи XXI века.

«Эта книга ульяновской писательницы учит видеть прекрасное в жизни и в окружающих людях, мечтать, фантазировать, преодолевать трудности на пути к исполнению задуманного! Ведь мечтала когда-то в Ташкенте юная и никому неизвестная девочка Лидолия «по-мальчишески, в дым...» стать известным писателем! Невероятно и то, что на литературное поприще, благословила, оценив первые литературные опыты Лидолии, дочь поэта Сергея Есенина – журналист и писатель Татьяна Сергеевна Есенина!» (Марина Субина, поэт, редактор альманаха «СимбирЛит».)

Публикуем отдельные страницы книги Лидолии Никитиной – это только яркие фрагменты мозаики, но чтобы увидеть завершенную мозаичную картину, нужно прочесть книгу полностью. Чего мы и желаем нашим читателям!

Лидолия НИКИТИНА

РАЗРЕШИТЕ ПОДАРИТЬ ЦВЕТЫ

Страницы книги

Происхождение имени

На многих встречах спрашивают о происхождении моего необычного имени.

Одна ученая Дама, биолог по профессии, решила его расшифровать самостоятельно. Вот во что вылились ее размышления:

«Это имя соединяет земное с горным! Не знаю, кому сказать спасибо за столь многозначное и многозвучное имя: ЛИ-ДО-ЛИ-Я! Я встретила его впервые».

Ответ прост: его придумала моя мама – Владимировна Галина Владимировна. Взяв имя своей мамы – моей бабушки – ЛИДИЯ, она вставила в него слог из имени младшего брата Олега. Ведь к моменту моего рождения – 23 сентября 1941 года – он находился в разбомбленном фашистами в первые часы начала войны городе Бресте. За три месяца после вероломного нападения Германии на СССР от танкиста Олега Владимировна не пришло в Ташкент ни единой весточки. Вот мама и решила:

– Если мы кусочек от имени брата ОЛ вставим в ЛИДИЮ, то получится не просто красивое, но еще и символичное имя для нашей семьи!

Называя так доченьку, очень хочу, чтобы и она, и ее брат выжили в это невероятно трудное военное время!

* * *

Мой дядя прошел всю войну, горел в танке, попадал в окружение, бежал из него, брал Берлин! За мужество и храбрость, помимо многочисленных медалей, был еще награжден двумя орденами Красной Звезды! Дядя умер через тридцать лет после завершения войны. Сказались контузии, ранения и то нервное перенапряжение, которое сопровождало каждого участника Великой Отечественной войны, семидесятипятое Победой в которой наш народ отмечает в 2020 году!

Течет река Волга

Очень не просто в собственной памяти отыскать изначальный импульс, который впоследствии поделит жизнь надвое: до и после.

В один из дней 1986 года в почтовом ящике я обнаружила официальное письмо от обкома КПСС Ульяновской области и Союза писателей с приглашением переехать на постоянное место жительства в известный в СССР город на Волге – Родину Ленина – Ульяновск.

Лидолия Никитина. 1982

Едва раскрыла конверт, сразу же возникло ощущение не случайности, а закономерности этого приглашения. В моей памяти без всяких усилий отыскались несколько событий, как бы прогнозирующих этот переезд в Россию.

Событие первое

Я училась, кажется, в четвертом классе. Тогда, в пятидесятые годы, было принято на каникулах всем школьникам задавать для внеклассного чтения внушительное количество книг, входящих в будущую учебную программу. Их не только необходимо было прочесть, но и выучить наизусть некоторые стихи, изучающиеся на уроках литературы.

Моя бабушка, Лидия Александровна Волина, педагог-словесник, строго следила за моим внеклассным чтением. Однажды, отправляясь по своим делам, она наказала к ее возвращению выучить отрывок, начинающийся словами:

«О Волга!.. Колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?»

Заучивая некрасовский стих, представляла огромную реку, песочные пляжи и себя, играющую на ее живописном берегу. Эти несколько слов о великой российской реке родили в моей душе мечту – увидеть Волгу, покататься на красивом теплоходе по ее широкому руслу. Стих к бабушкиному возвращению я выучила, за что получила в награду длинную конфету – леденец в пестрой обертке. А вечером попросила бабушку рассказать мне про Волгу, на берег которой еще до революции она родилась. К моей просьбе бабушка отнеслась серьезно и пообещала в следующие летние каникулы повезти меня в Сталинград, в котором проживала ее старшая сестра Анна Александровна Чудина, мать-героиня! У нее было то ли пять, то ли шесть взрослых детей и бесчисленно внуков!

Во время следующих летних каникул мы с бабушкой приехали в Сталинград, навестили ее сестру и познакомились с многочисленными бабушкиными племянниками. Это произошло летом 1954 года, когда мне исполнилось 13 лет.

Живя там, каждый день я ходила на Волгу купаться со своими двоюродными братишками и сестренками. Мне нравилось плескаться в ласковой волжской воде неподалеку от берега – ведь плавать тогда я не умела. Но однажды, барахтаясь, случайно

оторвалась от мели и тут же провалилась в глубокую яму, видимо, образованную от разрыва снаряда во время недавно окончившейся войны. Испугавшись глубины, начала тонуть. Какой-то мужчина, оказавшийся неподалеку, заметив беспомощное барахтанье, быстро вытащил меня, тонущую, из глубокой воронки за длинную косу. Если бы не он, я вполне тогда могла утонуть...

Об этом эпизоде никогда не рассказывала и даже не вспоминала, но сейчас этот случай сам «выскочил» из детской памяти!

Второе событие, близкое к мистике

Работая в Госкомитете по телевидению и радиовещанию в Ташкенте, я много лет была старшим редактором детских и юношеских передач. Трудилась вдохновенно, потому что тематика мне нравилась. Я придумывала интересные циклы, внедряла учебно-познавательные программы, например, создала ежемесячно выходящую в эфир передачу «Подросток и закон». Все программы нашей редакции были живыми, оригинальными, запоминающимися, поэтому часто их через обменную редакцию отправляли в Москву, что означало трансляции по всему огромному СССР!

Руководство Госкомитета по телевидению и радиовещания дважды премировало меня за отличную работу туристическими путевками по маршруту Москва – Астрахань – Москва, а также подарило незабываемое речное путешествие по Оби.

Благодаря этим круизам мне посчастливилось дважды побывать в Ульяновске. В первый раз я посетила все знаменательные ленинские места города. За время экскурсий исписала несколько блокнотов, фиксируя впечатления, столь необходимые для дальнейшей редакционной работы, собирала факты, стремясь в будущих передачах как можно ярче рассказать юным радиослушателям о жизни В.И. Ленина, человека, изменившего миропорядок не только России, но и всего цивилизованного мира XX века.

Во время повторного круиза по этому же маршруту просто прогуливалась по опрятному городу, присматривалась к его быту, восхищалась домами в ажурных резных наличниках с зелеными палисадниками, уютными сквериками, цветочными клумбами, которые встречались на каждом шагу. Вот так, блуждая без цели, оказалась у старинного здания филармонии, отыскала уютное местечко в тени и села на скамейку. Передо мной открылся восхитительный вид на Волжское водохранилище! Рядом ворковал фонтанчик с холодной водой, а только что скошенная трава дурманяще благоухала. Испытывая настоящее блаженство, неожиданно для себя воскликнула:

– Как бы мне хотелось жить в этом городе!

Едва после прогулки по Ульяновску вернулась в каюту, тут же вписала в дневник свое неожиданное желание и яркие впечатления от уютного провинциального города.

О написанном тут же забыла. Спустя десятилетие в моем почтовом ящике оказалось официальное приглашение переехать на родину В.И. Ленина. Без малейших раздумий я его приняла. Для этого оказалось много причин...

К этому времени сын женился, родилась внучка Сашенька, а квартирка наша была малогабаритной, хоть и двухкомнатной. Совмещать работу, творчество, усложнившийся быт стало невмоготу.

Воспользовавшись поездкой на курорт в Кисловодск, на обратном пути из санатория прилетела в зимний Ульяновск на «смотрины».

Познакомилась с секретарем Ульяновского союза писателей Анатолием Михайловичем Наумовым и несколькими местными писателями. За свой короткий визит успела даже подружиться с некоторыми из них. Во время трехдневного визита Анатолий Михайлович вручил мне ключи от квартиры, расположенной в центральной части города на улице Орлова со словами:

– Ждем вашего переезда в самое ближайшее время!

Домой из отпуска я возвращалась почти россиянкой!

Но сразу переехать в Ульяновск не могла по причине завершения работы над историей завода НПО «Сигнал». Над ней я трудилась больше года. Переехать на Волгу удалось только летом 1986 года. Тогда-то в паспорте, к моей великой радости, и появился штамп российской прописки!

Именно в этот день после завершения всех формальностей я вновь оказалась рядом с филармонией, как и во время предыдущего речного путешествия, любовалась прекрасной панорамой Волжского водохранилища, вдыхала запах скошенной травы, слушала успокаивающее журчание воды в питьевом фонтанчике...

И вдруг в моем сознании произошла яркая вспышка! Ба! Да ведь все это уже в моей жизни было! Тут же вспомнился и возглас восхищения:

«КАК БЫ МНЕ ХОТЕЛОСЬ ЖИТЬ В ЭТОМ ГОРОДЕ!»

С волнением раскрыла паспорт с отметкой о прописке: да ведь именно сегодня моя давняя мечта сбылась! Я стала россиянкой!

Папа моему переезду не противился, он и сам мечтал со временем перебраться из Душанбе в Россию, так как родился в Старой Руссе неподалеку от Новгорода. Во время прощального визита к нему в Душанбе он подарил мне 50 тысяч рублей на обустройство в новой российской квартире.

Контейнер с необходимыми вещами, а главное, с книгами и рукописями, через месяц благополучно прибыл в Ульяновск.

Как бы потом ни складывалась в этом городе моя писательская судьба, о переезде я ни разу не пожалела! И очень благодарна мечтам, которые помогли мне в сорок пять лет, будто по маговению волшебной палочки, стать российской писательницей!

P.S.

Вселенная, оказывается, слышит и охотнее всего исполняет те просьбы, которые в душе человека вызвал неожиданный порыв сильных эмоциональных чувств! На многочисленные жалобы и требования что-то изменить в судьбе нытика, она чаще всего не реагирует.

Шахматы в моей жизни

Вскоре после переезда в Ульяновск я познакомилась с Галиной Михайловной Савиновой, искусствоведом Ульяновского областного художественного музея. Мы быстро прониклись взаимной симпатией и стали часто общаться. Однажды Галина Михайловна пригласила меня в музей и провела незабываемую экскурсию, демонстрируя богатую коллекцию картин, сопровождая ее тонкими подробностями из жизни художников, их авторов. Восхитило меня и само здание музея с его прекрасной лепниной! А после экскурсии в огромном кабинете, перегруженном многочисленными папками, шкафами с книгами и прочей музейной утварью, угостила кофе. Уже дома в своем дневнике за 19 января 1987 года я записала следующее:

«После кофе Г.М. положила передо мной большой дореволюционный журнал 1914 года с названием «КРАСИВАЯ ЖИЗНЬ». Наряду с шикарными усадьбами, комплектами уникальных ювелирных украшений царской семьи, выполненными знаменитым ювелиром прошлого века Фаберже, парковыми ансамблями, разбросанными по разным уголкам царской России, в самом конце этого интереснейшего альбома были помещены дружеские шаржи на великих шахматистов того времени.

Среди хорошо известных имен, таких как чемпион мира Александр Алехин, гениальный кубинский шахматист Хосе Рауль Капабланка, я обнаружила шуточный, но в чем-то хорошо знакомый с детства портрет мужчины, под которым было написано: «Артур фон Фрейман».

Этот выдающийся советский шахматист Сергей Николаевич Фрейман, до революции известный под своим подлинным именем – Артур фон Фрейман – и его супруга, преподаватель английского языка в Ташкентском медицинском институте, Гермина Артуровна, были близкими друзьями бабушки и мамы. С.Н. Фрейман являлся еще и шахматным наставником мамы – Галины Владимировой, двадцатилетней студентки художественного училища, ныне носящего имя художника П.П. Бенькова. Благодаря знаменитому тренеру, мама стала успешно выступать во многих шахматных женских турнирах, проходящих в Ташкенте в предвоенные годы. Я даже помню маленькую серую книжечку – удостоверение о присвоении шахматистке Галине Владимировой третьего разряда, что по тем временам было большой редкостью.

Начавшаяся в 1941 году война нарушила мамины планы в отношении продолжения учебы в художественном училище и серьезного занятия шахматами. Правда, выйти замуж за Константина Никитина, астронома из Душанбе, за год до начала войны все же успела. И первыми, кто ее поздравил с замужеством, были супруги Фрейман.

Вот как об этом эпизоде мне, школьнице, рассказывала бабушка:

– Накануне свадьбы твоей мамы, которую Артур и Гермина обожали, пожилые супруги (Артуру к этому времени перевалило за семьдесят) поехали в какую-то загородную оранжерею, спали там ночь на садовой скамейке, чтобы подарить невесте в день регистрации в ЗАГСе великолепный букет белых роз с капельками утренней росы на лепест-

ках. А когда ты родилась, великий шахматист вместо погремушки вложил тебе в ручку шахматную фигуру ферзя и пожелал Галюсику, так он называл свою ученицу, вырастить из дочки талантливую шахматистку.

Я, хоть и смутно, но все же помню этого добрейшего старичка в кремовых чесучовых брюках с тросточкой в руке, которую он, как галоши и очки, постоянно где-то оставлял, а жена была вынуждена отыскивать в разных домах забытые им вещи и возвращать своему невероятно рассеянному супругу.

Недавно в моем сознании сама собой выстроилась необычная цепочка: многократный чемпион мира Александр Алехин, Артур Фрейман, с которым Алехин встречался на турнире самого высокого ранга, так как Фрейман являлся не только сильнейшим шахматистом царской России, но и СССР! В эту цепочку мысленно после Фрейма на поместила его ученицу – свою маму, а завершила цепочку ученицей ученицы А. Фреймана, т.е. собственной персоной! Не будь моя мама подопечной этого великого шахматиста, вряд ли бы она стала в разгар Великой Отечественной войны учить четырехлетнюю дочку этой уникальной игре.

До чего удивительно то, что нас четверых, живущих в разные эпохи, приблизили друг к другу именно шахматы! Сейчас про близость разных поколений говорят проще: например, всего через три рукопожатия я рядом с величайшим шахматистом, чемпионом мира, международным гроссмейстером Александром Алехиным!

Из «Шахматной энциклопедии» узнала прежде мне неизвестные подробности биографии маминного учителя. В знак благодарности за свою шахматную судьбу хочу поместить эту информацию в своей книге.

«Фрейман Сергей Николаевич (1882–1946 гг., Ташкент), советский шахматист, участвовал в Международном турнире памяти М.И. Чигорина (1909 г.), где встречался с чемпионом мира А. Алехиным.

...С начала 1920-х годов проживает в Ташкенте, четырехкратный чемпион Узбекистана и неоднократный чемпион Ташкента. Участник 6 чемпионатов СССР (1921–1935 гг.) В 1929 году стал его серебряным призером».

Вспоминая рассказ о необычном подарке – шахматной фигуре ферзя – великого шахматиста новорожденной девочке, почему-то припомнила «Сказку о спящей красавице». Там описывается момент, когда феи, приглашенные на крестины, дарят малышке свои необыкновенные подарки, которые в будущем должны сделать ее жизнь радостной и счастливой.

Точно так же пожилой маэстро пожелал моей маме вырастить из новорожденной малышки шахматистку. Мама этот наказ мудрого наставника воплотила в жизнь!

Только сейчас, печатая эти воспоминания, обнаружила и другое уникальное совпадение: гроссмейстер Фрейман был четырежды чемпионом Узбекистана! Ровно столько же раз и я становилась победительницей таких же соревнований среди девушек, пока не превысила возрастную планку в восемнадцать лет.

Дружба моей бабушки с вдовой мамино учителя продолжалась еще долгие годы после его смерти в 1946 году. Мама умерла на десять лет позже гроссмейстера – в 1956 году.

Вдова Фреймана Германа Артуровна любила приходить к нам в гости и общаться с моей бабушкой Лидией Александровной Воиной. Старушки пили кофе из цикория, баловались папиросками, случалось, выпивали по рюмочке водки, настоящей на лимонных корочках, и целыми вечерами оживленно беседовали на французском языке, вспоминая свою дореволюционную юность. Германа Артуровна во время таких визитов помогала мне выполнять домашнее задание по английскому языку, с которым я не особенно ладила.

Да, чуть не забыла еще об одном важном для меня факте, связанном с шахматами. В моем личном архиве имеются две уникальных фотографии, на которых я снята с многократной советской чемпионкой мира по шахматам Елизаветой Ивановной Быковой. Будучи пятиклассницей, я выиграла у нее партию в сеансе одновременной игры, организованном шахматным кружком, который посещала. Занятия проходили во Дворце Великого князя Романова, родного брата последнего царя Российской империи Николая II, национализированного и отданного Советской властью детям под Дворец пионеров.

На первом снимке (1953 год) я с группой девочек-шахматисток сижу рядом с Елизаветой Ивановной. Мы разбираем только что сыгранную шахматную партию.

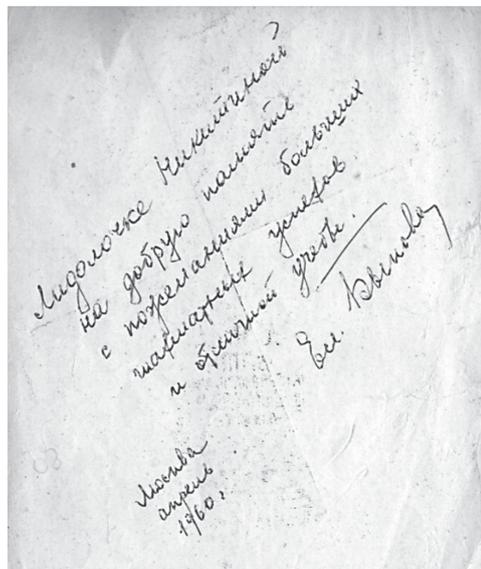
Есть и другой снимок: на нем Елизавета Ивановна снята со мной в знаменитом Центральном шахматном клубе на Гоголевском бульваре в Москве во время Студенческой шахматной Олимпиады 1960 года, когда я была студенткой первого курса филологического факультета Ташкентского государственного университета. На оборотной стороне фотографии дарственная надпись: «Милой Лидолочке от Елизаветы Ивановны Быковой с пожеланием больших шахматных успехов!».

Этот снимок формата А-4 Елизавета Ивановна прислала мне в Ташкент бандеролью вместе с шахматными книгами. В записной книжке тех лет сохранился московский адрес Елизаветы Ивановны: Москва, 3-ая Фрунзенская, дом 9, кв. 309.

*В Центральном шахматном клубе.
Студенческая шахматная олимпиада.
Е.И. Быкова пришла за меня поболеть*

Так волею судьбы на этих снимках я оказалась рядом с мировой знаменитостью! И уже не через три рукопожатия, а напрямую!

Шахматная книга с автографом

Спустя много лет, оказавшись в Москве, специально зашла в знаменитый клуб на Гоголевском бульваре, куда Е.И. Быкова когда-то приходила, чтобы поболеть за меня, участницу молодежных всесоюзных соревнований.

Из «Википедии» выписала некоторые факты из биографии этой великой шахматистки:

«Елизавета Ивановна Быкова родилась в 1913-м году в большой семье. Экономист по основной профессии. Третья в истории шахмат чемпионка мира, международный гроссмейстер. Умерла в Москве в 1989 году. Детей и семьи у нее никогда не было».

В полутемном фойе шахматного клуба поговорить тогда мне удалось только с вахтером. На вопрос о судьбе чемпионки мира Е.И. Быковой пожилой

человек, покачив седой головой, безразличным голосом сообщил, что о такой шахматистке за десять лет работы в клубе ничего не слышал...

Его ответ меня очень расстроил. В это время я только что завершила работу над шахматной сказкой «КРАЙНЯЯ ПЕШКА». Теперь мне стало ясно, кому я посвящу это произведение.

КОММЕНТАРИЙ:

О себе могу сказать: писательница Лидолия Никитина состоялась не только благодаря А.С. Пушкину, но и шахматам! Этот вид спорта не только привил усидчивость, но и развил логическое и абстрактное мышление. Он воспитал во мне бойца, что означает умение достойно отвечать на вызовы противника, каким бы самоуверенным тот ни был; не падать духом при поражениях; уметь мобилизовать силу воли для исправления допущенных ошибок, а главное, подарил постоянное стремление к самосовершенствованию!

Вот почему я желаю нынешней молодежи относиться к шахматной игре как к одной из непреходящих помощниц во многих жизненных ситуациях, особенно связанных с творчеством!

Помощница

Я – четырехлетняя девочка с огромными портновскими ножницами в бледных маленьких ручках – приснилась себе перед рассветом 22 июня 2000 года.

А накануне, перед тем как лечь спать, возилась с одной из папок, мучительно пытаюсь придумать «стержень», на который смогла бы «нанизать» интересные эпизоды для новой книги. Провозившись с рукописью допоздна, отправилась спать.

А теперь вернемся к сновидению. В нем я, малышка, подошла к оставленным вечером на стуле папкам. Сняла с них свои любимые ножницы, потом открыла верхнюю папку и обнаружила в ней исписанный листок. Покрутила его со всех сторон, но, не найдя в нем ничего интересного, тут же усеялась на коврик перед стулом и начала, ловко орудуя тяжелыми портновскими ножницами, вырезать ажурные салфетки. Мама их ласково называла «вырезушками».

Лидолия в 6 лет

Из своего сегодня за действиями малышки я наблюдала с большой тревогой: ведь она портит страницы новой рукописи! Откуда ей было знать, что теперь я – писательница, а это – не бабушкины бумажки из ненужных ученических тетрадей?

Белокурая девочка, не догадываясь о моем присутствии, продолжала безжалостно срезать края листов, превращая их в круг. Вначале я испугалась за рукопись, но вдруг меня, осенило:

– Эта девочка мне явилась не случайно, но зачем?

Вместо ответа раздался звонок будильника. Я

открыла глаза. За окном было светло, часы показывали семь утра, значит, пора вставать и собираться за работу.

По дороге в ванную чуть не уронила стул с папками. Наверху этой пирамиды почему-то оказались бабушкины портновские ножницы. Откуда они тут взялись, ведь я отлично помню, как несколько дней назад вынесла их за ненадобностью на балкон и оставила в ящике с инструментами.

А вечером почти без помарок сочинила вот этот рассказ. Правда, к героине-девочке моя фантазия добавила еще и мальчика, которого в моем детстве не было. Удивляться тут нечему, ведь я не описываю подлинные факты биографии, а даю волю воображению! Когда же моя очередная фантазия написана, не всегда могу отделить вымысел от подлинных событий. Думаю, что и читателям интереснее узнать, что за рассказ у меня получился, чем гадать: так ли все происходило на самом деле?

При этом следует помнить: чем ничтожнее реальность, в которой живет писатель, тем богаче его фантазии, а не наоборот...

И еще цитата Виктора Шкловского по этому же поводу:

«Это не фантастика, а не увиденная другими реальность».

«МАЛЬЧИК–НОЖНИЦЫ»

Рассказ

У меня есть друг, с которым, согласно семейному преданию, мы познакомились в самом начале Великой Отечественной войны: наши семьи жили в большом дворе, квартиры находились рядом, мамы дружили. В силу житейских обстоятельств частенько нас с Колей оставляли вдвоем, чтобы мы не скучали в отсутствие взрослых. Мне в то время едва исполнилось три годика, а Коле было шесть.

Неизменными спутниками того тяжелого времени были голод, холод, бесконечные людские очереди за хлебом, керосином, куском хозяйственного мыла... Эти невзгоды встречали всех младенцев, большинство из которых были зачаты еще в счастливые довоенные годы.

Ни лакомствами, ни нарядной одеждой, ни игрушками малыши военного времени не были избалованы, но само ДЕТСТВО не осознавало сложностей военного лихолетья и развлекало само себя как умело.

Именно поэтому моими первыми и запомнившимися игрушками стали мамины шахматы и бабушкины ножницы. Соседский мальчик Коля тоже любил возиться с бумажными поделками, однако тематика сюжетов у него была иной: танки, пушки, корабли, животные... Вот так, часами мы развлекали друг друга, пока наши близкие мерзли в очередях, отоваривали хлебные и прочие карточки, распродали на барахолках «остатки прежней роскоши»...

Свои бумажные творения в ожидании взрослых мы частенько выставляли на подоконнике, прислонив к стеклу на радость бегающей по двору детворе, которая весело комментировала понравившихся собачек, ежиков, куколок...

Как-то у Коли очень здорово получился бумажный танк, который он, прежде чем выставить

на обзорение, раскрасил зеленым карандашом и пририсовал на броне большую красную звезду. И тут кто-то из взрослых, задержавшись возле нашей оконной витрины, с восхищением воскликнул:

– Здорово, Мальчик-ножницы!

Рама у нашего окна была одинарной, поэтому все уличные разговоры были отлично слышны. Мне после возгласа прохожего – «Мальчик-ножницы» – тоже так захотелось называть своего дружка.

После окончания войны мы с мамой переехали к папе-астроному в Душанбе, какое-то время жили втроем в служебной обсерваторской квартире. Но основная папина работа была в горах, где находилась полевая обсерватория, в которой имелся небольшой астрономический телескоп. Когда папа приступил к работе в горах астрономом-наблюдателем, мама отправилась вместе с ним в крошечный высокогорный таджикский аул, а меня бабушка забрала в Ташкент.

После возвращения из Душанбе я узнала, что «Мальчика-ножниц» теперь в соседней квартире нет, там поселилась другая семья. По рассказам бабушки, Коля отлично учился, а его мама при случайных встречах на улицах с моими родными всегда гордилась успехами сына.

Хотя мы жили не слишком далеко друг от друга, однако детьми встретиться нам так и не довелось...

Лидолия с бабушкой, 1951 год, Ташкент

Зато когда я закончила учебу в университете, и стала не только журналисткой, но еще и начинающим писателем, встреча с Николаем состоялась! Она произошла в Ташкентском издательстве художественной литературы, куда по совету коллег-журналистов я отнесла свою первую рукопись. Блуждая по бесконечным коридорам издательства, вдруг замерла перед кабинетом, хозяином которого оказался друг моего военного детства – «Мальчик-ножницы»! Конечно, если бы не табличка на двери с его именем и фамилией, ни за что не признала в солидном мужчине с голубыми глазами и шапкой рыжеватых кудрей шестилетнего Колю.

Не буду пересказывать междометий, вызванных нашей встречей спустя тридцать лет. Главным в этом общении было то, что Николай Алексеевич, бегло перелистав мои литературные «поделки», улыбнувшись, предложил:

– Лидолия, оставь мне рукопись! Дома я внимательно ее прочитаю, потом решим, как быть дальше. Ты все еще живешь у бабушки?

– Да, но ее самой давно нет...

– Прости, я забыл, мама мне рассказывала, что была в гостях у Лидии Александровны незадолго до ее смерти... А тебя я сам навещу в ближайшее время, обсудим все в спокойной обстановке, заодно навещу улочку, где прошло наше с тобой военное детство. Ах, как давно это было!

Пока мы еще что-то вспоминали, около кабинета главного редактора издательства собрались несколько дам бальзаковского возраста.

Я, под впечатлением от встречи, дабы перевести дыхание, присела на свободный стул, стоящий напротив кабинета друга детства, и стала свидетелем разговора двух хорошо знакомых по телеэкрану поэтесс:

– Представляешь, он вырезал едва ли не половину стихов из моего сборника, одобренного уважаемыми коллегами по поэтическому цеху! Я возмущена! Потакать причудам этого бесцеремонного «редакторишки» не собираюсь!

– Правильно! – поддержала ее собеседница.

Слово «вырезал» мгновенно вернуло меня в детство. Я тут же представила, как весело «хрумякают» Колины ножницы, вырезая ненужное из рукописи крикливой авторши, возмущенной «хирургическим вмешательством» уже не «Мальчика», а «Дяди-ножницы». Слово «мальчик» к известному в республике писателю и главному редактору солидного издательства явно теперь не подходило.

Через неделю «Дядя-ножницы» пришел, как и обещал, по хорошо знакомому адресу обсудить мою рукопись. Я провела гостя в крохотный кабинет, устроенный из половинки балкона. Быстро расчистив середину стола от пухлых папок с набросками, указала гостю на кресло, а сама примостилась рядом на узком топчане и с тревогой стала ожидать «приговора» в отношении моего творения. Но Николай не спеша осмотрелся, пробежал глазами корешки книг, размещенные на узких полках в оконном проеме, и лишь после этого раскрыл выдавший виды огромный портфель. Из него гость извлек папку с моими миниатюрами, ножницы и небольшую бутылочку клея. Затаив дыхание, я наблюдала за каждым его движением. Папку с моей рукописью Николай почему-то раскрывать не стал, а вместо этого попросил разрешение просмотреть стопки набросков.

В эти мгновения сердце мое гулко стучало в висках назойливыми молоточками, кончики сцепленных пальцев застыли, а на лбу проступила испарина...

– Странно, зачем Николаю понадобились наброски? И почему он молчит по поводу готовой рукописи? Ладно, подожду, что будет дальше, – наблюдая за Николаем, думала я.

А дальше последовала просьба освободить топчан – гостю потребовалось место, куда можно разложить страницы для редактирования. Я вышла из тесного кабинета и уже из спальни некоторое время наблюдала за его действиями.

Николай не спеша стал просматривать листы с

набросками миниатюр, с какими-то незавершенными фразами, зачеркнутыми вариантами чего-то неполучившегося... Просмотрев таким образом приличное количество страниц, он разделил их содержимое на три стопки и буркнул себе под нос:

– Слева «Начало», потом «Середина», а справа – «Конец», лишь после этого раскрыл мою рукопись. И ее тоже разделил на три стопки, как и черновые листы. После этого принялся клеивать в подготовленный мною к изданию текст какие-то строчки из черновиков, где-то менял последовательность страниц, что-то добавлял, ненужное выкидывал в мусорную корзинку...

Поняв, что мое присутствие Николаю только мешает, отправилась на кухню готовить ужин. Потом несколько раз заглядывала в кабинет, но Николай моего присутствия не замечал: он находился в особом сосредоточенно-вдохновенном состоянии! Когда я вернулась к гостю, чтобы пригласить его на ужин, услышала:

– Очень кстати сам автор пожаловал! – радостно воскликнул Николай, передавая мне бутылочку с клеем. Затем последовали одна за другой его четкие команды:

– Этот абзац вклей на пятнадцатую страницу сверху! Отлично! А эта строчка должна подкрепить авторскую мысль в самом конце миниатюры. Верно, именно тут ей место! А вот эта фразочка явно украсит эпизод с сорок пятой страницы – теперь у нее будет новое «место жительства»!

После трехчасового совместного «редактирования» ножницами мою рукопись было невозможно

узнать. За работой время мчалось стремительно. Когда была вклеена нужная фраза на последнюю страницу, оба с явным облегчением вздохнули. А я, вспомнив про остывший ужин, принялась торопить Николая отведать моей кулинарии.

Когда гость уже затемно ушел, поспешила к письменному столу, но прежде чем раскрыть явно потолстевшую папку с миниатюрами, навела порядок на столе и топчане: подняла бумажные клочки с пола, очистила переполненную мусорную корзину и распахнула настежь окна. Лишь после этого с каким-то особым благоговением принялась за чтение выправленной другом рукописи.

Я узнавала и не узнавала свои миниатюры, настолько они стали монолитными, без «длиннот», с яркими неожиданными концовками.

Содержимое сборника «Два шага, чтобы встретиться», в который вошло всего пятьдесят две миниатюры из ста, первоначально в него включенных, на сей раз показалось мне драгоценностью, побывавший в руках опытного мастера – ювелира слова!

СТРЕЛА

Узнавать себя прежнюю в каждом новом дне – значит жить. Присесть на скамейку, которой прежде не замечал, – уж не значит ли это стареть?

...Летит стрела, выпущенная из лука. Достигнет ли цели?

В каждом новом дне я встречаюсь с собой прежней. Каждый новый день делает меня другой.

А стрела всё еще летит...

ЮБИЛЕИ

Татьяна ТОЛОКОННИКОВА, поэт, член Российского Союза профессиональных литераторов. Родилась 24 января 1951 года в г. Великий Новгород. Окончила Ростовский государственный университет. С 1994 года живет и работает в Ульяновске. С 2004 года руководитель Клуба поэтов при Центральной городской библиотеке им. И.А. Гончарова. Автор поэтических сборников «С открытым сердцем», «Рябиновый храм августа», «Время любить».

ЕСТЬ ТОЛЬКО СВЕТ

* * *

До дна душа моя промокла –
Читала Женины стихи.
Вечерний свет смотрел сквозь стекла.
Играл листочками ольхи.

И истину преобразуя
В слова укутывал и нес
Новорожденную, живую
В мир матерьяльности и слез.

В груди томилось ожиданье
Предчувствий. Разлилось тепло.
Как будто с будущим свиданье.
Как будто в будущем светло...

* * *

Мечтой вечерний свет направлен.
В косых лучах – незримый вес.
Как будто Благодатью Небес
Мне мир дарованный проявлен.

Есть только Свет. А тени мимо
В неведомую круговерть...
И я не думаю про смерть
И ощущаю, что любима.

* * *

Я воинов помню бесстрашных
И в мыле коней грозооких.
Сражения, битвы и башни.
И крови горячей потоки.

По мере ума и отваги
Они добывали натужно
Кто славу, кто злато и стяги.
Но редко любовь или дружбу.

А раны земля врачевала.
Травой зарастали гробницы.
Что хищникам не доставалось
Клевали пособники-птицы.

Нам горько, чрезмерно-разумным,
Глядеть на жестокости мира.
А птицы кружатся и шумно
Готовятся к новому пиру.

* * *

В 2017-м году
Господь послал нам изобилье хлеба.
Кому-то непогоду и беду.
Кому-то мир, любовь и звезды с неба.

И все во благо. В том сомненья нет.
Делами с миром говорит Творящий.
Пойдем ли мы, что есть Любовь и Свет,
А в центре Он – живой и настоящий?!

* * *

Две недели такого покоя,
О котором не грезила даже...
Сопричастность? И что-то иное.
Не почувствовав – не расскажешь.

Начинала ценить отрешенность,
Бескорыстие материнства,
Где всегдашняя незащищенность
Оборачивалась единством.

Где еще далеко до блаженства
И в душе бесконечно много
Вездесущего несовершенства.
Но уже просияла дорога...

* * *

Где ты мое «бабье лето»?
Пряные запахи трав...
Эхом в пространстве: «Где ты?»
По имени не назвав...

А знакомое лавиной
Обрушивается грохоча.
Но я распрямляю спину
И не рублю с плеча.

Весь в золотом убранстве
Словно навстречу – сад,
А за вершинами странствий –
Синий блаженный взгляд...

Желтые листья падают...
Не жаловаться! Не просить!
В жизни, как в сказке, надо нам –
Радоваться и любить!

MAME

Нежнейший розовый восход...
Тёк тихо, как бывает в храме.
И хочется прижаться к маме,
Освобождаясь от невзгод.

И верить – лучше, чем всегда
Всё будет. Просто и прекрасно.
Ты поглядишь в глаза мне ясно
И скажешь: «Ты – моя звезда!».

* * *

Листья лягут в ладони
Золотым сентябрем.
Мы ушли от погони
За несбывшимся сном.

Снова тихо и просто
Сердце ждет перемен.
Зачарованный остров
Огражден от измен.

Ветер манит в дорогу,
Нервно спорит с дождем.
Все мы ходим под Богом.
Все мы в Боге живем.

* * *

Что ж ты молчишь горемычная, мудрая?
Что ж не поешь, хоть бы Господу к радости?
Свет разливается вечером, утром ли...
Ты ж все молчишь от тоски и усталости.

Вылечи сердце красой поднебесною.
Раны молитва врачует усердная.
Все перемелется: горькое, пресное...
Ведь Воскресенье – желанное, Вербное.

Будет и Пасха. Свершится! Получится!
Страсти иссохнут как листья осенние.
Радуйся! Каяться хватит и мучиться.
Благовест слышишь? Грядет Воскрешение!

P.K.

Лидия СТЕПАНОВА родилась 16 февраля 1946 года. Пишет стихи и прозу. Член димитровградской писательской организации «СЛОВО», член Российского Союза профессиональных литераторов, член Союза журналистов России. Автор книг «Что такое, что за чудо?» (г. Самара, 2002. Стихи для детей), «Сказки детства» (г. Ульяновск, 2008. Стихи и сказки для детей), «Жизни измеренье» (г. Димитровград, 2010. Стихи), «Любовь и разлука» (г. Димитровград, 2015. Стихи и лирические миниатюры в прозе), «Свет истины» (г. Димитровград, 2015. Книга стихов и рассказов для семейного чтения), «Пой с душой в унисон» (г. Москва, 2017).

Произведения Л.М. Степановой вошли в антологии «С любовью трепетной», «Ульяновская словесность. Начало XXI века», антологию живой поэзии «От горизонтов и обратно» (г. Санкт-Петербург, 2017г.); в поэтический альманах «Димитровград литературный», в сборники «Черемшанские зори», «Мечта», «День Победы», «Венец поэзии» (г. Ульяновск, 2019). Лидия Степанова – автор культурного проекта в Димитровграде «Литературно-музыкальная гостиная «ЛиСт» с участием димитровградских поэтов, артистов, солистов и музыкантов (с 2018 года постоянно действует. За 2 года проведено 8 тематических вечеров).

Участник (член жюри) ежегодных Пасхальных и Рождественских конкурсов чтецов среди воспитанников детских домов г. Димитровграда (2018, 2019, 2020 гг.) Участник областного конкурса социальных проектов как автор проекта «Духовность – ключ к развитию общества» от Мелекесской епархии РПЦ (2019 г.). Лауреат Всероссийского конкурса «Русь православная» (2018 г.) Лауреат областного поэтического конкурса «Венец поэзии» (2019 г.). Участник форума областного отделения «Союз женщин России» как член президиума местного отделения «Союз женщин России» (2019 г.) Автор идеи и организатор межрайонного фестиваля духовной музыки и поэзии «Пасхальная радость – 2019». В сети «ВКонтакте» ведет страницу «Моя страна – поэзия».

МИГ ПОЛЁТА

МЫ С ТОБОЮ ПОЧТИ ЧУЖИЕ...

Мы с тобою почти чужие.
Писем несколько много ль значат?
Только вот в вечера глухие
Сердце вдруг о тебе заплачет,

И сожмется вдруг беспричинно,
Как сигналы SOS посылая.
Как в романе каком старинном,
О тебе, мой друг, вспоминаю.

Хоть была-то одна лишь встреча.
Осторожно слова роняли,
Письма были ее предтечей,
В них захлеб с тобой узнавали

Мы друг друга по предпочтениям
Музыкальным и прочим вкусам,
По любимым стихотвореньям,
Искушениям и искусам.

Как при встрече обнял меня ты,
Словно после большой разлуки.
Мы, душевным теплом объаты,
Разнимать не хотели руки.

Вот такие бывают встречи,
Хоть мы были почти чужие.
А язык души так доверчив!
Вот не помнятся мне другие,

А к тебе вслед за стылмым ветром
Посылаю души сигналы.
А меж нами – лишь километры,
Лишь порты, города, вокзалы...

НЕСКАЗАННЫЕ СЛОВА

Те слова, что мной тебе не сказаны,
Где-то там, на самом дне души.
Робостью моей, как нитью связаны,
Затаились в трепетной тиши.

Вряд ли бы когда-нибудь осмелилась
Я сказать их откровенно, вслух.
Сдержанностью чувства мои мерились,
Хоть порой захватывало дух...

Я не знала, с чувствами как справиться:
То ль впустить их в сердце, то ли нет...
От любви нежданной как избавиться,
Заслонила что собой весь свет?

Как барьер стоит реальность явная,
Что в грядущем нам не быть вдвоем.
Пара мы с тобой, увы, неравная,
Каждый по своей тропе идем.

И что толку вторить заклинаниям:
Ну и пусть! Какая в том беда!
Разум со своим холодным знанием
Мне твердит: – Остановись! Куда!

Так и не слетят слова признания
В том, что ты мне дорог и любим,
Чтоб никто из нас при расставании
Не ушел, раскаяньем томим.

ТВОИ ОБЪЯТЬЯ

Как крепки твои объятия,
 милый мой!
 Так могла бы простоять я
 век с тобой.
 Птицей замерла. Застыла.
 Сладкий плен.
 Ничего не надо, милый,
 мне взамен.
 Ощущать бы лишь защиту
 рук кольца.
 Слышать, как стучат открыто
 в такт сердца.
 Крепче обними, любимый,
 не пускай
 Небом мы с тобой хранимы.
 Вот он – рай.

МИГ ПОЛЕТА

Мы в этот вечер видели с тобою:
 Как мотылек, почувствовав тепло,
 Меж рамами окна бесперебойно
 Все крылышками бился о стекло.

Хоть за окном еще снега лежали,
 Он вестником весны явился нам.
 Счастливый миг полета мы поймали,
 Деля его с восторгом пополам.

Как знать – когда еще он повторится –
 Такой обворожительный момент?
 Мы с мотыльком успели воплотиться
 В восьмой сакральный полный элемент.

И в воздухе сквозило возрождением
 И обновлением наших прежних чувств.
 И мотылек был знаком примиренья.
 И все сошлось. И отлетела грусть.

ВОЗДУШНЫЙ ПОЦЕЛУЙ

Воздушный поцелуй...
 Он, как пушинка, легок.
 Ты ласково подуй,
 И скажется так много
 Без всяких лишних слов,
 Так искренне, так нежно...
 Воздушный поцелуй –
 В тебе сплелись безгрешно:
 Вся тонкость наших чувств,
 Вся аура симпатий,
 Застенчивая грусть,
 Бесплотные объятия.
 Воздушный поцелуй –
 В душе такая нега!
 Любовь, цветы, ликуй,
 Лети все выше к небу!
 Вот снова, уходя,
 Целуешь ты воздушно.
 Средь холода, дождя
 Мне будет очень нужно
 В душе своей хранить
 Тепло от поцелуя,
 Чтоб снова повторить:
 Ах, как тебя люблю я!

ПОДАРОК

Знаю, что ненадолго
 Счастье мне – быть с тобой.
 Вот положу на полку
 Милый подарок твой –
 Узкий браслет блестящий,
 Был он мне в аккурат,
 Щелкнул застежкой-счастьем
 По сердцу наугад.
 Отблеск – от позолоты,
 Радость – да через край,
 Пылкий восторг полета,
 Хоть ненадолго – в рай.
 Ты еще рядом, знаю,
 Только на сердце грусть.
 Я тебя отпускаю,
 Накрепко не держусь.
 Лишь на моем запястье
 Будет блестеть браслет.
 Как мимолетно счастье!
 Было... и вот уж нет.

КТО ИЗ НАС

МЕЛОДИЮ ВЕДЕТ

Кто чем наполнен, музыкою – ты.
 Она звучит в тебе, она – повсюду:
 И даже в звоне бьющейся посуды,
 И в каплях мягко льющейся воды.

Какую музыку нашел во мне?
 Какие лишь тебе открылись ритмы?
 Полна ли я звучаньем колоритным,
 Что слышится в небесной вышине?

И кто из нас мелодию ведет,
 А кто за нею следует и вторит?
 Или совместно в полнозвучном хоре
 Уносимся в стремительный полет?

Открой же мне, мой музыкант, секрет:
 Сыграем мы с тобою ту сонату,
 Что льется вдаль пленительным легато,
 Или пассаж, сходящий весь на нет?

Я чувствую, опять идет рефрен,
 Меня ты вовлекаешь снова в рондо.
 Ну, что ж.. Я подыграю, что угодно.
 Другой не надо музыки взамен.

СИРЕНЕВОЕ...

Мы пили вино с лепестками сирени,
 Бросая их в каждый бокал.
 Качались деревьев полночные тени,
 Ты нежно меня целовал.

А запах сирени, пьянящий и пряный,
 Окутывал нас до утра.
 Нас ночь опоила весенним дурманом...
 Все было, как будто вчера.

Я каждой весной опять молодею,
 Когда расцветает сирень.
 И снова, как прежде, на счастье надеюсь
 В такой вот сиреневый день.

МОЛОДЫЕ ГОЛОСА

Молодая ульяновская поэтесса Светлана Алькина умеет находить поэзию в самых обыденных вещах: шуме дождя и поездке на трамвае, запахе каши и прогулке по городу. Её стихи полны неожиданными образами и красочными зарисовками.

Прозаик Анастасия Миронова в рассказе «Ангел-хранитель» поднимает актуальную тему эпидемий. Действие рассказа переносит нас на сто лет назад. Молодой врач с говорящим именем Пантелей борется с бушующим в России испанским гриппом. Кто же тот ангел-хранитель, помогающий в борьбе со смертью? И есть ли надежда победить болезнь?

Алина ОСОКИНА

Светлана АЛЬКИНА родилась в Ульяновской области 30 июня 1991 года. В 2014 году окончила филологический факультет УлГПУ им. И.Н. Ульянова. Работает учителем русского языка и литературы. Член Ульяновской организации РСПЛ. В феврале 2018 год выпустила первый сборник стихотворений «Тёплая книга». Принимает активное участие в работе Совета молодых литераторов Ульяновской области.

Литературная гостиная УлПравда ТВ
с участием Светланы Алькиной

Я НЕ НАМЕРЕНА ГРУСТИТЬ

ИЮЛЬСКАЯ ЗАРИСОВКА

Шевыряясь в широкой койке,
Представляешь свои картинки:
Как на речке цветут кувшинки,
Как на ветках танцуют сойки.

Резво вертится ветер дикий,
Завиток теребит курчавый.
Пусть заварятся в чае травы
С кислой ягодой, ежевикой.

Вот смородины красной горстка
Кувыркнулась в ладонь браслетом.
Пробудилась горячим летом
Страсть безумная стихотворства.

7.07.2020

* * *

Привет тебе, цветочный дождь!
Сиреневый нектар.
Чью песню ты с собой несёшь
И льёшь на тротуар?

Зачем ты приглашаешь грусть
В мой тёплый, светлый дом?
Я серым каплям улыбнусь
И спрячусь под зонтом.

Как заблудившийся турист,
Ты вечно одинок.
Ты пахнешь льдом. Ты свеж и чист.
Пусть лужи пьют твой сок.

Пусть умывается асфальт
Сиреневой водой.
Мне не нужна твоя печаль,
Мы разные с тобой.

Я не намерена грустить.
Мечтаю. Свечи жгу.
И потому тебя впустить
Я больше не могу.

2-3.06.2020

* * *

Пахнет гороховой кашей
И порошком стиральным.
Бледной, кривой, уставшей
Шлёпаешь молча в спальню.

Сонной, забеганной, грустной,
Дремлющей и сморённой
Просишь костяшки хрустнуть
Мужа бесцеремонно.

Рядышком – нараспашку
жёлтый блокнот с ладошку,
что подарила Дашка
(с Чеховым на обложке).

«Как же мне умудриться
Солнцем сиять рутине?» –
Метко на полстраницы
Чёрный начертит линер.

Лучше не быть уставшей
И не свалиться б с гриппом...
Сколько кофейных чашек
Спрячутся с недосыпом?

10-11.03.2020

* * *

Неторопливый трамвай-тулумбасник
В послеобедье по рельсам гремит.
Зонтика нет. Нездоровится. Насморк
Не превратился ещё в гайморит.

Ты, как обычно, забыла наличку.
Транспортной картой оплатишь проезд.
Взгляд свой потерянный, меланхоличный
Переведёшь на облезлый подъезд.

Ехать до дома лишь 3 остановки.
По-черепашьи «девятка» ползёт.
Кликаешь скупо стихи-зарисовки
В свой на мобильнике гугл-блокнот.

И, не заботясь об иммунитете,
Студишься изморосью сентябрей.
Музу в моментах пытаешься встретить,
Но разгребаешь поток новостей.

Тонешь под грузом забот и волнений.
Тяжко вздыхаешь, а воздуха нет.
«Остановись!» – умоляешь мгновенье.
Где-то вдали едет твой драндулет

Неторопливый. Но как эталонно
Держит свой путь беззаботный трамвай!
Вот и приехал. Пройдёшь в глубь вагона,
Выдохнешь слёзно:
«Когда уже май?!»

Сентябрь, 2019

* * *

Вот и встретились на Сапёрной.
Что ж, допустим, тебе – до Колпино,
Ей – в Любань или пусть – в Рыбацкое.
Однозначно: не по пути.

Брошь «Тюльпаны» – на шубке чёрной.
Утро пасмурное, безмолвное.
Замерла и, зубами клацаая,
Не осмелилась подойти.

Откровений судьбы не требуй.
(От неё, говорят, не спрячется.)
Роковое или внезапное?
Судьбоносное рандеву.

Это – выпал на встречу жребий
в понедельник, а, может, в пятницу.
Кто-то точку одну нацарапал,
чтобы в ней пересечь тех двух.

Ты гадал, сомневаясь: «Явь ли?
Как совпали у нас маршруты?
Как попала она на станцию?
Один случай – на миллион.

Я её позабыл. И счастлив».
Но смотрел ей в глаза минуту
(пять шагов до неё – дистанция)
и надеялся: это сон...

3.03.2019

БЕГУН.COM

Пройдёт грациозно статной кокеткой
Осень между дворов –
Наденет плащ золотой расцветки
Город семи ветров.

Поезд промчится застёжкой-молнией.
Будто мне не знаком.
Змейкой трамвайной, почти безмолвною.
Бе-гун-ком.

Услышу мотив перевозки гымкавшей:
«То-на-то».
Вытрутся слёзы перчаткой вымокшей
В тон пальто.

Рельсы блестящие закончатся.
Просто рутинный маршрут!
Время, когда так свободы хочется,
Хотя бы на 5 минут...

25.10.2018

* * *

Мокропогодное
Мне с тобой в этот год – не так.
Объявила ты мне передышку.
Я – готовая лезть на чердак
и читать сонливые книжки.

Город сер, он уныл и строг,
Многоветрен и мокропогоден.
Я с тобой в этот год – без строк.
Связи нет, мы её не находим.

Городок наш – трухлявый пень,
Он простуженный и гнусавый.
Залечу стихами ячмень
На листве твоей бледно-ржавой.

Мне с тобой в этот год – не так,
Ты – сопатая и сырая.
Я – готовая в кипу бумаг
закопаться, зимы ожидая...

7–8.10.2018

В ГОСТЯХ У ПОЭТЕССЫ

Посвящается Анне Кольцовой

Напрямик, по дворам-извёсткам
Той весной, город чей – мольберт,
Я пройдусь вдоль домов неброских.
Ты предложишь мне камамбер,

чёрный кофе в стеклянной чашке
и шуршащих цветных конфет.
Кошка тянет свою мордашку.
Я протягиваю пакет –

из пекарни с корицей штрудель.
Ты же любишь в начинке вишню?
Март сегодня немногочелюден.
Нам с тобой он стихи напишет.

Фотографии понатыкаем,
К новой книге найдём обложку.
Нам часы своё время натикают,
и, прощаясь, мякнет кошка.

Благодарна за атмосферу,
за поэзию, деликатесы!
Не забуду того камамбера,
Угощения поэтессы.

25.03.2018

РИФМЫ НА «ЕЛЬ»

Я не была в Реймсе на берегу Вель,
В «Ле Фокс» не завтракала шампанским.
У меня здесь российский сырой апрель
и кисель славянский.

Мне не приносят молотый кофе в постель,
я сама его сыплю в чашку.
У меня здесь русский седой апрель
и сынок-скромняжка.

Я ему в супчик кладу фрикадель,
на полдник – хрустящие сушки.
У меня симбирский мокрый апрель,
на лице – веснушки.

Скалистый остров-мечта – Сен-Мишель,
пусть и не знаю язык французский,
фото его сохранил в «Апрель»
в папке «Загрузки».

01.04.2018

МАРТОВСКИЙ ЗАВТРАК

Свежесть над городом – инеем мартовским.
С неба осинам – перья лебяжьи
Белыми крупьями по Кузоватовской,
Манка сухая – пятиэтажкам.

Сквер, как бисквитный пирог с мороженым,
Кремом – штрихи городского пейзажа.
Крышам высоток – массы творожные,
Взбитые сливки – в листок бумажный.

Завтракал март ремеслом кондитерским,
Пышностью зимнего антуража,
И, не обидев, оставил сытеньким
Тихий район Дальнего Засвьяжья.

16.03.2018

Анастасия МИРОНОВА – прозаик, критик и публицист. Родилась в селе Старое Чирково Павловского района Ульяновской области. Работает инженером на заводе АО «НПП Завод Искра». Окончила филологический факультет УлГПУ. Лауреат областной литературной премии для молодых писателей «Первая роса» и конкурса кинорецензий «#Itallica_Fest_IVIew». Участник Всероссийского фестиваля «Волжская пристань» (Ульяновск) и Литфеста им. Михаила Анищенко (Самара). Лауреат литературной премии издания «День литературы» в номинации «Молодёжный прорыв» (2020).

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

1.

Странная болезнь надвигалась из Европы. Симптомы были столь необычными, что врачи поначалу принимали её за такие заболевания, как брюшной тиф, лихорадка или легочная чума. Сыпь, высокая температура, бред, удушье и неизбежный предсмертный аккорд большинства зараженных – кровохарканье – сопровождали людей, пораженных этой болезнью. Опасный недуг распространялся стремительно, за год обещая побить рекорды смертности от войны и голода.

В поликлинике № 7 самой западной губернии РСФСР никто не ставил прогнозов. От больных было не протиснуться: коридоры давно стали палатами, а доктора превратились в вечных ночных дежурных, бессменных хранителей мучительных бдений умирающих. Спасенная жизнь была чудом.

Пантелей не спал вторые сутки. Синие круги под глазами, усталый, потрепанный вид. Он толком не ел, перебиваясь бутербродами с кофе. Будучи врачом высокой квалификации, Пантелей не привык уступать болезни. Но то, что происходило сейчас, являлось необъяснимым кошмаром, разрушительной стеной, которую не способна была пробить современная медицина. Лекарства были бесполезны. Часто пациенты умирали спустя два – три дня после заражения. Смерть поглощала всё большее количество людских душ, и это сильно раздражало молодого медика.

– Всякая гадость прёт из этой Европы, – раздался громогласный раскатистый бас Семёна Григорьевича, когда Пантелей забежал в столовую, чтобы съесть что-нибудь нормальное – суп или кашу – и выпить стакан нелюбимого компота из кураги.

– Паня, – окликнул его Семён Григорьевич, – садись к нам.

Сидеть рядом с кем-то, даже с коллегами, ему не хотелось, однако ничего другого не оставалось. В последнее время он предпочитал одиночество и чтение религиозной литературы – привычки, несвойственные для медиков. Особенно ему нравился Новый Завет. Право на счастье любого грешника он принимал за разумную справедливость. Обещанное спасение и всеобщий рай без страданий, смертей и ужасов земной жизни согревали его уставшее сердце, хотя он понимал, что подобное невозможно. Но как детям необходимы сказки, так и взрослым нуж-

на панацея, чтобы пережить тяжелые времена.

– Сколько у тебя? – спросил Семён Григорьевич, отвлекая его от мыслей.

– Двадцать.

– Двадцать! А сейчас только обед. Что же будет дальше? – прикинул его собеседник.

Семён Григорьевич был врачом со стажем. Ему тяжело давались ночные смены, ударный труд по двадцать четыре часа. Такая работа изматывала его, хотя он не подавал вида, воодушевлял коллег, не унывал, взирая на происходящее, словно философ, со смирением и спокойствием, и, казалось, не терял бодрости духа.

– Я за вчерашний день шестьдесят пять принял, – добавил совсем еще молоденький медбрат. – Коридоры переполнены.

– Сегодня будет больше, – заметил Семён Григорьевич. – Ой-ё-ёй. Ничего хорошего от западных стран нам ждать не приходится. Все самые страшные болезни оттуда. Чума, оспа, теперь вот это.

Бывалый доктор провел по седым усам, смахнув осевшие капли супа.

– И войны всегда они начинают. И эту войну нам навязали. Зачем она нам? Какой от нее толк. Пусть сами со своим Принципом разбираются. А царь наш бывший, будто дурачок, повелся, ввязался в кровавый капкан. Они вон хитрые, на своей территории меньше воюют, больше на нашей. Хорошо, что власть наконец-то сменилась. Теперь будет им всем – узнают, где раки зимуют!

Когда Семён Григорьевич входил в раж, остановить его было невозможно. Его и без того громкий голос становился рокочущим.

– Вот увидите, установится справедливость в нашей стране! Советы уже принесли нам долгожданный мир!

Присутствующие – а их, помимо Пантелея, было еще двое – одобрительно кивали разбушевавшемуся оратору.

Пантелей был безразличен к подобным речам. Он вообще не любил политику и всё, что с нею связано. «Очередное вранье. Всё одно и то же, пока стоит мир», – рассуждал молодой врач. В такие минуты на него наплывала вселенская тоска; словно замыленная картинка – Империя, Республика, декрет о мире и земле; будто всё это он слышал сто раз; обещания, обещания, а страданий от них не убав-

ляется. Не верил он в Советы, как до того не верил в царскую Россию. Верил в Авиценну, Гиппократ и других светил медицинских наук; верил в целебную силу полноценного сна, в искусно приготовленное лекарство; верил в хорошую интуицию, крепкие руки и проверенные знания.

– Паня, ты кислый, будто хинин проглотил, – с беспокойством заметил светловолосый начинающий врач, ближе всех сидевший к нему.

– Панае выпасться нужно, – вмешался Семён Григорьевич. – Иди домой, дружок.

– Сделаю крайний обход (слова «последний» врачи избегали) и тогда пойду домой, – совершенно спокойно произнес Пантелей.

Он поспешил допить остатки компота и оставил коллег, не спешивших возвращаться в царство Азраила, которым стали стены больницы.

2.

Ничего другого и не следовало ожидать: еще десять скончавшихся, еще пять привезенных, всё тот же чадный со сладковатым привкусом воздух, спирающий грудь, и ни одного выздоровевшего.

Бледный, с каплями пота на лбу, Пантелей прохаживался среди коек больных, делая необходимые указания медсестрам, проверяя состояние пациентов, прописывая новые бесполезные рецепты. Он не чувствовал себя, не чувствовал беспощадно несущегося времени; казалось, всё, что происходит, не здесь и не с ним; будто это не он – кто-то другой наблюдает со стороны. Ему необходим сон, он это знал. Но нужно еще обойти несколько человек. А вдруг свершится чудо, вдруг его старания окажутся ненапряжными?..

Испуганное лицо девочки замерло в дверном проёме. Голубые глаза смотрели жалобно и словно говорили: «Что мне делать?» Маленький златовласый ангел на пороге ада. Пантелей, склонившийся у постели больного, медленно повернулся в ее сторону.

– Привезли новую пациентку, – донесся из коридора звонкий голос медсестры.

На каталке везли худую, изможденную женщину. Волнистые чёрные волосы были раскиданы на подушке, бескровные губы сжаты, руки, вцепленные в простыню, дрожали. Её мучил жар. Женщине было около сорока лет, не больше, прикинул врач.

– У нее температура сорок, – докладывала медсестра.

– Аспирин давали?

– Да, но, по-моему, ей это не помогло.

– Дайте ещё одну дозу и то лекарство, Люся, – обратился он к своей коллеге. Пантелей надеялся, что познания о лекарственных средствах, которые он почерпнул из книг Нострадамуса, смогут помочь его больным. Раньше бы он не решился на эксперименты, но сейчас... Сейчас другое дело.

Всё внимание Пантелея было приковано к больной. Он заботливо положил холодный компресс на горячий лоб, накрыл её тёплым одеялом.

– Люся, мне показалось, будто я видел маленькую девочку.

Девочка пряталась за дверью, наблюдая за взрослыми. Она была похожа на маленького зверька, потревоженного внезапным наводнением жизни.

– Да, малышка увязалась за нами, когда мы увозили больную. Мы хотели оставить её дома, но хозяйка квартиры, которую они снимают, возмутилась, сказала, что не хочет, чтоб в ее жилище обитала зараза, – сообщила медсестра.

– А соседи? – осведомился врач.

– Кажется, они тоже боятся. Никто не открыл дверь.

– Нам не нужно было её брать с собой? – в глазах девушки застыла мольба. Люся всегда была доброй, отзывчивой, настоящей сестрой милосердия.

– Нет, вы всё правильно сделали. Не оставлять же девочку на улице.

Врач снова перевёл взгляд на ребёнка: совсем крошка, не более десяти лет, может быть, семь-восемь, а глаза уже не по-детски умные, проникающие в самую душу.

– Сейчас определим пациентку, а потом решим, что делать с девочкой, – заключил доктор.

Определять пациентку. Куда? Весь коридор был заставлен больничными койками, которые ради экономии пространства начали расставлять вертикально от стен. Нескончаемые потоки больных. Множество тел в смрадном, однотонном мучении под тусклым дневным светом промозглой осени. Скоро не на чем им будет лежать – не хватит кроватей.

Вопрошающий взгляд девочки замер на бесстрастном, усталом лице доктора.

– Везите её в мой кабинет, – распорядился врач после минутного раздумья.

Люся с нескрываемым удивлением посмотрела на Пантелея.

– Никаких возражений, – опередил её врач. – Я знаю, что вы мне скажете, но иного выхода я пока не вижу.

Медбратья, стоявшие в ожидании, последовали приказу врача.

– Люся, вы можете позаботиться о девочке?

– С радостью, доктор.

– Отведите её в комнату для медперсонала.

Пусть пока побудет там. И покормите её.

Люся бережно взяла девочку за руку.

– Пойдем со мной, дорогая.

Девочка нерешительно протянула тонкую, худенькую ручку. Она в замешательстве поглядела в сторону доктора. В небесных глазах застыл страх и недоумение.

– А мама? – тихо пролепетала крошка.

– С мамой всё будет хорошо. За ней будут ухаживать, – пытался успокоить он расстроенное чуткое сердце ребёнка. Утешать у него не получалось. Он видел: маленький ангел смотрел недоверчиво, с сомнением. Пантелей слишком устал сегодня. Ему необходим сон, чтобы снова набраться сил.

– Как тебя зовут, малышка? – с нежностью в голосе обратилась к девочке Люся.

– Майя, – почти беззвучно промолвила она.

– Майя, идем, я угощу тебя шоколадными конфетами. Ты совсем бледенькая. Мы потом навестим маму. Сейчас её лучше не тревожить: она в специальной палате, отдыхает. Не переживай, с ней ничего не случится. Доктор будет рядом и поможет маме.

Кажется, неподдельная доброта, которая светилась в глазах Люси, и её тёплые слова подействовали на девочку: она перестала плакать и едва заметно улыбнулась, покорно следуя за медсестрой.

Шоколадные конфеты. Как сложно их раздобыть в наше время. Он знал этот шоколадный привкус безысходности. Безграничная доброта Люси. Конфет сама она не ела – берегла для безнадежно больных, стараясь хоть как-то скрасить их долгие мучительные часы.

3.

Лицо больной женщины приобретало восковой отлив. Она практически не приходила в сознание. Пантелей делал всё что мог, но... – он понимал это, – трагический финал неизбежен.

Майя сидела рядом. Пантелей не мог отказать ей в единственной просьбе – быть рядом с мамой.

Девочка с замиранием сердца следила за каждым движением, каждым действием врача. Для неё он был не просто человеком, не просто серьёзным доктором в белом халате. Пантелей стал для неё подобен ангелу: спокойный, невозмутимый, спустившийся с небес, чтобы спасти маму.

Молодой врач чувствовал взгляд её молящих глаз. Они смотрели с надеждой. Они верили. А Пантелей был на грани отчаяния. Стойкое спокойствие подводило его. «Что будет с мамой? Мама поправится?» Что он мог ответить на эти слова? Как сказать ребёнку о скорой смерти самого родного, самого близкого человека? Как сказать ей, что мамы не станет? Как же в эти минуты он злился на бескомпромиссную, беспощадную смерть! Зачем ей забирать молодых, сильных людей, которым жить, воспитывать детей, строить дом, загадывать желания? А Бог? Почему Он молчит? Неужели Он не может сотворить чудо ради безгрешной детской души? Но чуда не будет. Он знал это. Возможно, если с пыльных страниц Завета к ним снизошел бы Иисус, то он одним лишь взмахом руки, одним словом прекратил бы бесчисленные страдания людей. Но этого не будет.

Пантелей осознавал собственное бессилие и ответственность перед маленьким беззащитным судьей, который сейчас сидел на стуле и, прижав колени, заморожено следил за ним.

– Майя, – как можно ласковее обратился он к девочке, – у тебя кроме мамы есть родные?

– Нет, – отозвалась она. – Папа ушел на войну и не вернулся.

Война. Отец, наверное, погиб где-нибудь под Нивелем или на Карпатах, а может, где-то ещё. Матери тоже осталось недолго. Девочка останется сиротой без родного крова, без крыши над головой – одна в целом мире, обреченная на мучительную, голодную смерть.

Словно что-то беспросветное, тяжелое свинцом давило грудь. Он пытается спасти жизни людей, замученных страшной болезнью, а сколько на свете детей, погибающих от голода? Кто спасёт их? Кто спасёт невинные души от более жестокого зверя – ужасной социальной несправедливости? Если болезни проходят, то несправедливость – никогда. От неё ещё не изобрели лекарства. Кто заплатит за боль престарелого ангела? Кто ответит за отца, кото-

рого украли война, и мать, которую вскоре заберёт болезнь?

– Люся!

Он уже знал, что будет делать.

– Да, Пантелей Эдуардович. – У дверей показались медсестра. Потухший взгляд, ещё сохранивший безмятежную доброту прекрасных серых глаз, непослушные пряди темных волос, выбитых из образцово заделанного пучка. Люся всегда была аккуратисткой. Но сейчас не до этого – слишком много работы. «Бессонная ночь», – сразу определил врач.

– Возьми ключи и отведи, пожалуйста, Майю ко мне домой. Нехорошо ей находиться здесь без присмотра и среди больных. Вот мой адрес.

Он отдал ей связку ключей и листок бумаги.

– Да, и приготовь, пожалуйста, что-нибудь девочке. У меня ничего нет.

– Возьми, – протягивая денежную купюру, сказал он, – купишь продукты, какие понадобятся.

В глазах женщины застыло замешательство:

– А как же больные? Я еще не успела...

– Пусть тебя сменил Люба, – перебил ее врач.

Люся опустила голову и как-то странно посмотрела на него, будто виновато:

– Люба больше не может никого сменять, – бескровным голосом произнесла она.

Словно острая игла пронзила его. Люба – жизнерадостная, беззаботная, словно ветер, девушка с роскошными светлыми волосами и большими смеющимися глазами – всегда была королевой веселья. Её любили все коллеги, даже пожилые медсестры прощали ей легкомыслие. Она не выносила уныния. Уныние бежало от нее. И теперь ее не стало. Кто будет с быстротой молнии носиться среди палат, машинально выполнять предписанные рекомендации, пусть не всегда успешно? Кто скажет, что «русский дух победит любую хворь» с непоколебимой абсолютной уверенностью? Пантелей успел привыкнуть к ее детской беспечности, суетливой торопливости и следующей за тем невнимательности.

Что будет, если начнут умирать врачи? Кто будет лечить больных?

4.

Сегодня он снова вернулся поздно. Девочка сидела на кухне и ждала.

– Я буду жить у вас? – Голубые детские глаза смотрели с пристальным любопытством.

– Пока да.

– А дальше? – девочке нужно было знать всё.

– Что будет дальше – я не могу сказать. Но пока ты будешь жить здесь.

Сколько продлится это «пока» Пантелей не мог сказать сейчас даже самому себе.

– А мама? – последовал следующий вопрос, и голос девочки дрогнул в нерешительности.

Пантелей тяжело вздохнул, устало провел по спутанным волосам.

– Мама пока будет в больнице.

Он хотел сказать «пока ей не станет легче», но не решился. Давать пустую надежду даже ребенку жестоко, считал он. Лучше промолчать. Но как потом он сообщит о смерти мамы, Пантелей не знал. Он боялся того страшного момента, когда ребенок

с надеждой спросит про маму, а в ответ последует суровая правда, которая подобно безжизненной пустыни сотрет безоблачное детское счастье – «мамы больше нет», – и недетская серьезность отразится в глазах Майи.

– Она ведь вернется? – снова спросила девочка.

– Никто никогда не уходит бесследно. Она всегда будет с тобой рядом.

Девочка с пониманием посмотрела на врача:

– Как папа?

– Как папа.

Он обнял девочку, поглаживая ее вьющиеся светлые волосы. Он никогда не был отцом, не был женат. Всегда один. Непривычно ему было мирное биение семейного счастья.

Тридцать лет исполнилось. За последний год он сильно похудел. Резкие черты, свидетельствующие о непреклонности натуры, обозначились четче. Тонкая паутина белела на чёрных волосах: появлялась первая седина. Его не забрали на фронт, потому что он был хорошим врачом и необходим в тылу. Революция тоже проходила мимо него. Он не принимал ничьих сторон. Он просто четко выполнял обязанности: помогал людям, которые в нём нуждались. И сейчас – эта девочка нуждается в нём.

Он уложил ее на кровать; сам переночует на диване. Неумело рассказал по памяти любимые с детства сказки, которые когда-то читала его мама.

– Твоя профессия – самая важная, потому что ты лечишь людей, – с радостной благодарностью прозвучал детский голос в тихой комнате.

– Много и других не менее важных профессий, – глухо отозвался Пантелей.

– Ничто не может быть важнее людей, – отчетливо произнесла Майя.

Девочка долго не могла уснуть. Беспокойство за маму, за новое, неведомое будущее не оставляло её. Она смутно понимала, что теперь всё будет по-другому. Кто этот появившийся в ее жизни человек? Неужели ангел-хранитель – тот самый, из маминых рассказов, который пребывает рядом с человеком? Незримый, но она смогла увидеть его.

Чья-то длинная тень скользнула по комнате. Девочка испугалась.

– Кто здесь? Это ты? – едва слышно сказала она, зажав в руках старую, затертую игрушку – единственную вещь, которую успела взять с собой.

Силуэт неизвестного предстал перед изумленными детскими глазами. Он был невероятно высоким, выше обычных людей; статичное невозмутимое лицо не передавало эмоций; лишь взор был печален и сосредоточен, а тонкий лик светился неземной белизной. Он внимательно смотрел на девочку, и из глаз его струились слезы. Огромные крылья за спиной были обгажены кровью, которая стекала на пол крупными красными каплями.

Майя, не шелохнувшись, сильнее сжимала в руках мягкую игрушку.

– Кто ты? – прошептала она.

– Я – ангел, – прозвучал ровный голос в ночной тишине.

– Почему у тебя кровь? Тебе плохо? – девочке стало жаль ангела. Ей захотелось помочь ему, как маме, но если бы она знала как?

– Я задыхаюсь от страданий этого мира. Я боль-

ше не могу видеть потоки слез и крови; я больше не в силах выносить крики о помощи ни в чем неповинных людей; я больше не могу смотреть на лица незащитных детей, оставленных умирать. Я призван помочь таким, как ты, но нас слишком мало, чтобы спасти всех от разверзнувшейся тьмы. Если бы люди немного помогли нам, обратили очи к свету, – говорил ангел. Но уста его не двигались. Казалось, Майя слышала его голос в своей голове.

– Я маленькая, но мама научила меня быть самостоятельной. Ты только скажи: что мне делать?

Глаза ангела прояснились:

– Ты можешь сделать много хорошего в своей жизни. Но ты должна быть сильной. Печальная новость ожидает тебя. Обещай мне, что выстоишь, что не отчаешься.

«Нет... Мама. Я не хочу, чтобы она умирала». Страшное предчувствие мурашками ползло в детском сознании: мамы не стало. Бездонное одиночество и никому не нужная беспризорная любовь ребенка открывалась перед ее горизонтом.

– Ты не одна, – прозвучал голос ангела.

«Доктор, – промелькнула спасительная мысль, – ангел-хранитель, который должен спасти жизнь мамы».

– Порой даже ангел-хранитель не в силах спасти человеческую жизнь, – слова ангела прозвучали горько.

– Но мама говорила, что ангел-хранитель может всё. Что он всегда уберёжет человека.

– Когда-нибудь ты поймешь значение моих слов и объяснишь их доктору. Ты тоже нужна своему ангелу-хранителю. Он один в этом мире, в беспрестанной борьбе за человеческие жизни.

В памяти всплыл сегодняшний день: бледная мама, лежащая без сознания на белой кровати, озадаченный доктор, суетящийся около постели больной. К нему постоянно заходили какие-то люди; он беспрестанно отлучался.

«Он даже не ужинал сегодня», – неожиданно вспомнила девочка.

«Да, я тоже буду ему помогать», – решила Майя. – Мы вместе будем справляться с тьмой». От этой мысли на душе стало тепло.

Словно тяжелый груз упал с плеч ангела. Его взгляд просветлел, излучая покой и безмятежность. Он легко взмахнул крыльями и с первыми солнечными лучами унёсся в небесную высь.

– Куда ты?

Ей не хотелось, чтобы таинственный гость покинул её.

– Запомни, – прозвучали его слова в мыслях девочки – никогда не отвечай злом на зло. Только так возможно остановить тьму...

Майя открыла глаза. В раскрытое окно пробивался отблеск алеющей зари. На полу лежало белое перо.

5.

Это случилось ночью. Женщина скончалась в кабинете доктора.

– Ничего не поделаешь, – пытался подбодрить неумышляющий Семен Григорьевич слишком опечалившегося Пантелея.

– Ты не можешь всегда так остро реагировать

на смерть пациентов. Этак тебя и самого надолго не хватит.

– Ты знаешь, что Люба умерла? – не слышал его Пантелей.

– Знаю. Жаль ее, хорошая была девушка.

Семен Григорьевич тщательно намывал руки с мылом. Пантелей стоял рядом в ожидании своей очереди.

– Сегодня произошло чудо, – решил сменить тему разговора пожилой врач.

– Два пациента пошли на поправку. Помнишь того старичка в матроске – любителя крепких спиртных напитков? Он уже вполне себя хорошо чувствует, шуточки откальвает. Сегодня попросил у меня горькой – для лечения. Говорит, нет лекарства чудодейственнее нашей русской водочки.

Семен Григорьевич засмеялся.

– А вторая – бабушка. Она много раз болела бронхитами. Организм уже закаленный, видимо.

– Хотя, – вытирая руки жестким полотенцем, проговорил он, – это удивительно: здоровые, молодые люди практически не выживают, а старики с набором выздоравливают чаще. Я разговаривал с коллегами из других больниц. Они то же самое говорят.

– Даа-с, – протянул Семен Григорьевич, – болезнь в высшей степени странная.

Пантелей почти не слушал его. Сегодня он был как никогда рассеян. Ему предстояло тяжелое испытание – глядя в глаза ребенку, сообщить ему о смерти матери.

Он никогда не был малодушным трусом. Но сейчас он ощущал дрожь в коленях и ватную нерешительную слабость во всем теле. Если бы он мог остановить время, отсрочить страшные минуты, не возвращаться домой... Но дома его ждала девочка.

Тем временем Майя, воодушевленная ночным происшествием, решила, что никогда больше не будет плакать и унывать. Она будет во всем помогать своему ангелу-хранителю – доктору – и сделает много добра в жизни, как ей и предвещал вестник неба. Девочка начала с малого: подмела полы, протерла пыль там, где смогла достать до полок, приготовила омлет, заварила чай и нарезала хлеб (хотя мама не разрешала ей брать нож, Майя много раз видела, как она им пользуется, и решила, что ей тоже пора этому учиться). Она с нетерпением ждала возвращения доктора. Вот сейчас он придет усталый, а тут – ужин на столе и в квартире чисто.

Пантелей нерешительно открыл дверь. Войдя в комнату, он изумился: на столе, неряшливо накрытом, стоял скромный ужин, а рядом в радостном предвкушении сидела маленькая девочка. Никто никогда не ждал его дома. Он всегда приходил в пустую квартиру. Неведомое чувство кольнуло его сердце.

– Здравствуй, Пантелей! – с улыбкой на лице обратилась Майя.

– Тебя не было так долго. Мне показалось, будто прошла целая вечность. Я немного убралась здесь и приготовила тебе ужин. Ты ведь любишь омлет? Это, конечно, простая еда, я пока не умею готовить что-то еще, но я научусь.

Доктор устало сел на стоящий рядом стул.

– Майя, зачем? Не обязательно мне что-то готовить и убираться.

«Какой же я черствый идиот», – с тоской в сердце подумал он. «Девочка целый день одна, наверняка не ела, а я даже не удосужился прислать Люсю».

– Ты больше не будешь ложиться спать голодным, – деловито проговорила она. – Я теперь буду тебе помогать. Ты не должен отвлекаться от важного дела – спасения людей. Не переживай, с домашними мелочами я справлюсь. Мама меня всему научила, со мной возиться не надо.

Упомянув маму, девочка невольно, как бы с вопросом, взглянула на доктора. Пантелей опустил глаза. «Она уже не спрашивает, боится услышать подтверждение своим опасениям». Но сказать нужно. Сбросить с души этот свисающий камень.

– Майя, – вздохнул он, – мамы больше нет.

Тихие слова прозвучали как удар грома. Ясные глаза девочки посмотрели на врача прямо, серьезно.

– Я чувствовала, что это случится. Но не хотела верить, – чуть слышно прошептала она. – Сегодня ночью ко мне приходил ангел. Он сказал, что меня ждет печальная новость. Я сразу поняла, что он говорил про маму.

Врач удивился. «Ангел? Может быть, Майя заблуждается?»

– Он был такой высокий, с большими крыльями, – поспешила уверить девочка, прочитав сомнение в его глазах.

– Он сказал мне, что я должна быть сильной и не отчаиваться... и помогать тебе.

На глазах ее заблестели слезы. Пантелей поднес руку ко лбу девочки: не горячий.

– Ты не веришь мне? – спросила она.

– Нет, верю, конечно, верю. Ангелы иногда приходят к людям, – поспешил успокоить ее врач.

– Он оставил это.

Майя протянула доктору белое перо.

Пантелей, рассмотрев внимательно находку, не мог понять, какой птице оно принадлежит. Да, он и не разбирался в птицах. «Интересно, как она залетела в окно, я, кажется, его не открывал», – недоумевал врач.

– Майя, – голос его искрился ласковой добротой, – я не оставлю тебя. Ты будешь жить со мной, и я всегда буду о тебе заботиться.

Он взял девочку на руки.

– Ты – настоящий герой, – прижавшись к доктору, сквозь слезы проговорила Майя.

– Я, правда, старался... – задыхаясь от нахлынувших чувств и усталости, говорил Пантелей, – но болезнь сильнее меня. Сильнее всех наших познаний в медицине.

– Ты – ангел-хранитель. Но даже ангелу-хранителю порой не под силу спасти человеческую жизнь, – слова девочки прозвучали горько.

Логика Майи, по-детски непосредственная, на миг заставила его улыбнуться:

– Я обычный врач, Майя. Никакой не ангел-хранитель и не герой. Если бы я был кем-то из них, твоя мама бы не умерла.

– Прости меня, – после некоторого молчания произнес доктор.

– Ты ни в чем не виноват, – прошептала девочка, – это всё тьма.

Ей вспомнились слова ангела...

Они еще долго сидели на кухне. Майя тихо плакала. Пантелей бережно обнимал ее. И хотя девочка дала себе обещание никогда не плакать, она не смогла сдержать слезы, проливаемые по навсегда ушедшей матери.

* * *

За окном стояла слякотная осень. Каждое утро Пантелей уходил в больницу. Быстро проносились вереница трудовых будней, которая влекла за собой всё новые картины человеческих страданий. Рабочие дни изнуряли его. И лишь вечера приносили радостное умиротворение. Дома его ждали. Ждали с надеждой на возвращение. Ждал любимый маленький человек. Майя, которая стала для него роднее всех на свете, – его дочка, как теперь он ее называл, – всегда радостно встречала его. Теперь он никогда не ложился спать не поужинав; никогда не уходил на дежурство не позавтракав. Майя взяла на

себя домашние хлопоты. Обязанности по дому не тяготили ее, а, наоборот, приносили радость. Ведь теперь она помогала самому важному человеку в ее жизни. Майе хотелось видеть его счастливым; ей нравилась его добрая улыбка. А он всегда рассказывал ей сказки перед сном, приносил книги и иногда читал их вместе с ней.

Впервые Пантелей почувствовал окрыляющее дыхание теплых, родственных чувств – самых крепких на свете. Майя верила в него, и эта вера придавала ему сил бороться дальше. Несмотря ни на что, он выстоит, ведь теперь под его крылом нежный, еще не распустившийся цветок, который он обязан защитить от жестоких морозов суровой зимы, даже ценой собственной жизни.

Что будет дальше, он не знал, но был уверен, что теперь небесный свет озаряет его путь.

...А пока снова схватка со зловещей смертью. И, может быть, в этой битве ему удастся спасти несколько человеческих жизней среди сотен умирающих людей.

Антонида СМОЛИНА родилась 20 декабря 1985 года в деревне Горбачёво Великоустюгского района Вологодской области. По образованию учитель русского языка и литературы. Работает журналистом. Руководит районным литобъединением «Северок».

«Антонида Смолина живёт на родине Деда Мороза – в Великом Устюге. По признанию самого автора, она не умеет выдумывать, поэтому все её истории и герои абсолютно реальны».

Алина ОСОКИНА

НА КРАЮ

1.

Соседку нашу Ивановну я помню ровно столько, сколько помню себя. Самая близкая подруга бабушки, и мне она стала почти родной.

Семья у Ивановны была большая. Двое сыновей, Борис и Никола, жили с ней, бобылями, как говорили старухи. Сашка – своей семьёй в соседней деревне. Ещё один – где-то в городе, он приезжал редко.

А вот дочери, Наташа и Валя, бывали чаще – каждое лето привозили внуков.

В эти дни во дворе у Ивановны всегда было шумно и многолюдно. Стол накрывали прямо на улице, под рябинами, и непременно созывали соседей. Так принято было – делиться радостью.

О чем велись беседы в тех застольях, сейчас уже и не припомнить. Зато всякий раз, вспоминая о них, я четко вижу традиционную их концовку.

Солнышко давно скрылось за дальними огородами. Хозяйки, ухажившие обрывать скотину, по одной возвращаются к столу. Мужики курят за баней. На скамейке у веранды сидит Ивановна. Она уже накинула шаль и переобулась в валенки, свои любимые, черные с загибом. «Старая стала, кровь не греет, ноги мерзнут».

– Девки, доставайте баян! – командует Ивановна, и мы наперегонки несёмся в дом. Там, в передней – большой, парадной комнате – на комод стоит зелёный баян, прикрытый белой кружевной салфеткой.

Снимать его с пьедестала в обычные дни строго запрещено. Это не просто инструмент – это семейная реликвия. Баян когда-то принадлежал отцу Ивановны, а после его смерти перешел к ней как единственное наследство. При строгом рассмотрении понятно, конечно, что вряд ли этот инструмент имеет какую-то музыкальную ценность: и ремни у него заштопаны, и часть кнопок потеряна, и вмятина на левом боку.

Играть на баяне Ивановна не умела. Она ставила его одним углом на колено, надевала ремень на плечо и, зажав какую-то кнопку, медленно начинала растягивать меха. Баян вздыхал и будто нехотя издавал тонкий, протяжный звук. Ивановна тоже вздыхала, замирала на мгновение и так же медленно сводила меха обратно. Баян выдыхал: «Ооой!», а Ивановна подхватывала горестным распевом:

*Ой, задушевная подруга,
Никому вы не нужны,
Забирайте свои пеньси,
Летите до Луны...*

И снова тягучий стон баяна. А Ивановна отвечает сама себе:

*Ой, задушевная подруга,
На Луне-то я была,
На Луну меня не взяли:
Шибко пеньсия мала...*

Где брала она эти перепевки, не знаю, но репертуар её был неиссякаем.

До глубокой темноты могли длиться посиделки. Нас, детей, с трудом отправляли спать, а Ивановна всё пела. Влажный ночной воздух далеко по деревне разносил её страдания. Мне же через открытое окно они были слышны совсем отчетливо.

Сладко спалось в прохладной постели под горькие вздохи старого баяна.

2.

Поступив учиться в город, я уже не вернулась в деревню. Всё реже удавалось выбраться в родные места. Сначала приезжала домой на каникулы, потом – в отпуск. Но всякий раз обязательно заходила к Ивановне. Тепло и радостно было от этих визитов.

В избе у Ивановны всегда светло и чисто, и каждая вещь знает свое место. Поднимешься по крутым ступенькам на крыльцо – слева у стенки приготовлен голик – веник из березовых прутьев – чтобы было чем от снега отряхнуться.

Зайдешь в избу, склонив голову под низкой прилокой, – побегут из-под порога разноцветные половики. В углу напротив – добрый лик Богородицы в тяжелой деревянной раме. У оконного косяка висят на гвоздике ножницы с потертой зеленой эмалью на кольцах – первые помощники в рукоделье. Нечасто покидают они свой гвоздь: то спина разболится у рукодельницы, то глаза не видят.

– Где ты, Ивановна? – оглянешься в пустой избе.

– Ой, на печи лежу, бока отлеживаю, – донесется с полатей, и тяжело заскрипят крашенные приступки, спуская свою старую хозяйку. – Никак горожане в гости пожаловали? Дай тебе Бог добра-здоровья, милушко, не забываешь меня, старуху!

– Здравствуй, Ивановна! – уткнешься носом в седую макушку, знакомо пахнущую баннным мылом и утренним дымком русской печи. – А ты опять стопталась, уж до подмышки мне...

3.

Никогда не доводилось мне видеть Ивановну в печали.

– Сколько было слёз, всё выплакала, – однажды обронила она. – Теперь уж не плачется.

Каждый раз, прижимаясь к её седой макушке, я невольно думала: неужели действительно есть предел даже бабьим слезам?

После голодного военного детства совсем девчонкой выскочила она замуж. Нелюбимой невесткой пришла в дом мужа, шестым ртом в разоренное хозяйство.

Навалилась работа. Вскоре дети один за другим пошли.

Первенца своего, Николку, на крыльце рожала – не успела с телятника до дома добежать. Под ступенькой топор старый лежал – им пуповину перепиливала.

Плакала ли она тогда? От счастья, быть может?

Второй сын, Мишутка, родился в канун её двадцатилетия. Вот ведь подарочек! Так и звала его – Задарулькой.

На седьмом году Мишутка в реке утонул. Побегал с мальчишками на плоту кататься да и не вернулся. Два дня баграми реку прочесывали, а нашли совсем рядом: где упал с плота, там и остался на дне, зацепившись за корягу. Страшные два дня. Бесконечные.

Третий сын, Вовка, немного до двадцати лет не дожил. Во время посевной грозой провода оборвало. На беду, его трактор как раз под высоковольтной линией шёл. Убило парня.

Разделить бы горе с мужем, только и его уже год, как в живых не было. В кочегарке котёл взорвался – захлестнуло кипятком работников. Никого не спасли.

– Господь терпел и нам велел, – вздыхала Ивановна и говорить о своих бедах не любила.

4.

Прошлым летом сын Ивановны, Сашка, задумал в бане печку новую сложить. Только старую разобрал, как его на работу вызвали. Борис же в это время без дела сидел. Сашка и попросил его помочь с печкой.

Первый день помощник отработал на совесть: половину печи сложил и даже камни для жаровни приготовил. А назавтра запил.

Сашка с работы вернулся, пошёл к брату ругаться, мол, не о том договаривались. А Борис уже и ру-

гаться не может – пьяный спит. Замахнулся Сашка да и врезал ему со всей злостью по пьяной роже.

Ивановна на печи лежала. Поспешила на шум, да разве ж её ногами быстро добежишь! Борис вскочил как ошпаренный, в секунду метнулся к кухонному столу и схватил нож.

– Ой, ребята! – только и успела выдохнуть мать. – Сашка с ножом в груди уже валялся на пол.

На похоронах Ивановна не была. В тот день у неё впервые сделалось плохо с головой: ничего не помнила, никого не узнавала.

Я была у нее через месяц после трагедии. Казалось, что Ивановна уже пришла в себя. Только то и дело сожалела, что Борька супу не поел.

– Привели, – говорит, – его в наручниках, стали расспрашивать, кто где стоял, как дело вышло. Он всё рассказал, во всём повинился. Они его развернули и обратно повели. Уж я просила их, в ноги падала. Не дали парня последний раз супом накормить.

5.

Холодно стало в избе у Ивановны. Ранняя зима заметает тропки. Не шагают упрямые ноги через снег до поленницы. В толстом пуховом платке, старой шубе и валенках сидит у окна Ивановна. Ничего не происходит в избе. Ничего не происходит снаружи. Бело от неба до земли.

Я пристроилась на крашеной лавке, за столом напротив Ивановны и не знаю, о чём говорить.

Вчера, пока Никола спал пьяный на печи, Ивановна наощупь добралась до улицы и побрела искать людей. Забыла, что нет больше в деревне жителей. Спустя час проезжавшие мимо лесники увидели у дороги старуху. Подобрали, узнали Ивановну, вернули домой. Через почту нашли мой номер телефона, поручили мне связаться с роднёй. И вот: сидим, как прежде, ждём гостей...

Домой уезжаю затемно. Тонко и тягуче стонет над деревней метель. Одиноко желтеет огонёк в окне у Ивановны. О чём её думушки? Чем утешится?

БАБУШКА

Бабушку с утра ругали за глупость. А как иначе назвать её фантазии о пароходиках на заснеженном балконе? Бабушке шёл 87-й год, она плохо слышала и почти ничего не видела.

Когда-то давно она была дочкой капитана. Папа-капитан водил пароход по широким северным рекам. У него была персональная каюта, белый китель и сильные руки, поднимавшие её высоко-высоко, до самых чаек. По ночам ей часто снились их крики. И тогда с утра она просыпалась в тревоге.

– Пароходик-то ещё не ушёл? Я успею, Нина? – тормозила она спящую дочь и судорожно натягивала на плечи кофту. – Пароходик-то, вот ведь он, у балкона стоит, ишь, волна-то сегодня какая высокая...

– Дура ты, старая дура! – недовольно отзывалась дочь. – Квартира на третьем этаже, до реки через весь город ползти – какой ещё пароходик? Брось свои глупости, дай поспать!

Бабушка наощупь добиралась до окна и долго стояла там, прислушиваясь к несуществующим чайным крикам.

Вечером привели правнука.

– Баушка, баушка, – затараторил он с порога. – Я летающую корову хочу! Настоящую! У неё крылья белые, а сама она чёрненькая, с пятнышками. Я на неё сяду и буду летать вот так высоко, – и мальчуган задрал голову, показывая, как высоко может взмыть летающая корова.

Потом он ещё долго рассказывал, какие удивительные существа эти летающие коровы, как он ждёт не дожждётся, когда наконец у него будет своя чудесная бурёнка. И взрослые смеялись, спрашивали, что ест его корова, где спит и влезет ли она на балкон.

Бабушка тоже слушала и смеялась и была, пожалуй, в тот вечер даже счастливее своего трёхлетнего правнука, потому что он по секрету рассказал ей: коровы летают очень быстро, его бурёнка с легкостью нагонит ушедший пароходик. Теперь бабушка ждала предстоящий полёт.

«СЕГОДНЯ ДЛЯ МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ В РОССИИ СУЩЕСТВУЕТ МАССА ВОЗМОЖНОСТЕЙ...»

Интервью с председателем Совета молодых литераторов Ульяновской области Александром Дашко

Ульяновск у многих ассоциируется с литературой, и это неудивительно, ведь город имеет давние литературные традиции, с Ульяновском связаны имена замечательных писателей, а в наше время Ульяновск не раз был отмечен как город литературы и чтения на различных литературных и культурных всероссийских форумах и конкурсах. Мы решили побеседовать с председателем Союза молодых литераторов области Александром Дашко и узнать, как связывают жизнь с литературой молодые современники, как проводится работа в литературной сфере среди молодёжи и чем живут сегодня юные дарования.

– Александр, когда вы впервые обнаружили интерес к литературе?

– Интерес к литературе проснулся во мне с раннего детства. Это произошло благодаря моему отцу, который перед сном читал мне стихи выдающихся русских поэтов. Помню, я еще не умел читать, а уже знал наизусть стихи Есенина, Лермонтова, Блока. С возрастом я стал открывать для себя новых авторов, поэтов и прозаиков, круг чтения расширился, дополнялся именами русских и зарубежных писателей. У нас в доме было много книг, и моей мечтой было прочитать их все. А когда мне было 12 лет, ко мне пришло сознание того, что я хочу сам что-то написать. Это желание было настолько сильным, что вылилось в стихотворение. С тех пор я пишу. И считаю, что для творческого развития автору необходимо много читать – как классиков, так и современников, постоянно находиться в процессе развития и открытия нового.

– Вы являетесь членом Союза писателей России. Когда вы были приняты в этот творческий союз?

– Да, в Союз писателей я был принят по итогам 15-го Всероссийского съезда. В рамках съезда была молодежная программа – семинары, круглые столы. Членский билет мне вручали на сцене Центрального дома литераторов. Это был очень волнительный момент, момент не только радости, но и осознания ответственности перед людьми, которые рекомендовали меня в Союз, перед организацией, перед теми великими именами, которыми освещена русская литература. Я горжусь, что являюсь членом Союза писателей России, потому что эта организация сохранила себя в сложные и переломные годы. Потому что Союз писателей является носителем таких ценностей, как любовь к Родине, верность традициям русской литературы.

– В чём заключается ваша деятельность в Совете молодых литераторов Ульяновской области?

– Я возглавляю Совет молодых литераторов Ульяновской области. Мы создали его в сентябре 2017 года. Главные цели Совета молодых литераторов – развитие молодых авторов, их продвижение, организация мероприятий и реализация молодежных литературных проектов. Одно из главных направлений – работа литературной студии, в которой мы занимаемся развитием молодых авторов, обсуждением и редактированием их текстов. Мы организовали и провели два крупных всероссийских молодежных мероприятия – «На родине Гончарова» и «Лето молодых». А в сложном 2020 году, во время пандемии, молодые поэты написали стихи, посвященные медикам, и выпустили открытки с этими стихами и рисунками юных художников, которые были подарены врачам. Совет молодых литераторов не существует в отрыве от культурной и социальной жизни города.

– Как известно, инициатором конкурса «Первая роса» был журналист Андрей Безденежных (1967–2007). Его мама, Лариса Михайловна Безденежных продолжает дело, начатое сыном, поддерживает сайт «Первая роса», опекает участников конкурса. Вы, конечно, знакомы. Расскажите об этом человеке.

– Лариса Михайловна Безденежных – выдающийся человек, подвижник. Она вкладывает очень много сил и энергии в молодежный литературный конкурс «Первая роса» и в одноименный литературный сайт. Лариса Михайловна знает почти всех молодых писателей, заботится о них. Я безмерно уважаю этого человека. Благодаря ей столько лет существует и проходит конкурс «Первая роса», который открывает новые имена и объединяет вокруг себя молодые таланты. На каждый конкурс приходит не менее ста заявок. Я не помню, когда мы с ней познакомились, но она из тех людей, про которых думаешь, что был знаком с ними всегда.

– Так как же проводится работа с молодежью? Чем вы занимались в этом плане?

– Я работаю в сфере молодежной политики уже почти три года. Являюсь советником министра искусства и культурной политики Ульяновской области. Занимаюсь работой с творческой молодежью, с молодыми сотрудниками отрасли. Мы реализуем молодежные культурные проекты, проводим акции и мероприятия. У нас много талантливой молодежи в сфере культуры. Это художники, музыканты, писатели, сотрудники музеев, архивов и библиотек. В этом году мы провели ряд крупных мероприятий – региональную акцию «Ночь литературы», мероприятия молодежной программы Международной ассамблеи художников «Пластовская осень», мероприятия в рамках «Ночи искусств» и другие.

– Молодые литераторы сегодня: в нашем регионе и в стране в целом. Расскажите об этом.

– Сегодня для молодых литераторов в России существует масса возможностей реализации. Издаются литературные журналы, проводятся форумы, фестивали и совещания. При Союзе писателей России работает Совет молодых литераторов, региональные отделения которого появляются во многих городах России. От молодого писателя требуется только желание развиваться, творить и принимать

участие в проектах и мероприятиях. В нашем регионе большое внимание поддержке молодых литераторов уделяет и губернатор Ульяновской области, и региональное министерство культуры. Не так давно был издан сборник молодых писателей Ульяновской области «Новый Венец», проведено два крупных всероссийских молодежных литературных мероприятия – всероссийское совещание молодых писателей «На родине Гончарова» и всероссийский фестиваль литературных журналов «Волжская пристань». Ежегодно проводится молодежный литературный конкурс «Первая роса». Недавно объявлен межрегиональный конкурс молодежной православной литературы «Волжский благовест». В общем, есть, где развернуться.

Что касается самих молодых писателей, то очень радостно наблюдать за новым поколением талантливых ребят. У них свой, уникальный взгляд на мир, на творчество, на жизнь. И очень радует, что многие мои ровесники работают на основе традиций русской литературы, а не гонятся за сомнительным новаторством.

– Закончите интервью тремя словами, которые вы могли бы считать своим девизом.

– Родина, любовь, культура.

Беседовал Алексей Самсонов

*Литературная гостиная УлПравда ТВ
с участием Александра Дашко*

Мария БОРУХОВА, Саратов. Родилась в 1988 году. Публиковалась в журнале «Введенская сторона», альманахе «Вдохновение». Участник фестиваля «Каштановый дом», серебряный призёр молодежного поэтического конкурса имени Л. Киселева. Автор книги «Точка прозрачности».

ЭТОТ МИР ПЕРЕПОЛНЕН ЛЮБОВЬЮ...

ДОМ

Вот он – дом с резным крыльечком
Смотрит синими глазами.
На крыльечке том сестрички,
Узы их родства связали.
Дом заброшен и покинут.
Из окошек смотрит Вечность.
Там барашек спит на печке,
Хлеб печется в ней ржаной.
За оврагом дремлет речка,
И дугою коромысло
Спит тихонечко в сенцах,
Что наводит нас на мысли
Об отцах и праотцах.
Наши предки знали точно,
Что в семье важно единство,
Что семья должна быть вместе:
Жить и помнить о былом.

* * *

Зима ли за окном, весна ли,
Снег или дождь, гроза или метель,
Зной или холод – люди точно знали.
Но за окном была декабрьская капель.

И серой мглой нахмуренное небо,
И тени птиц, задумавших побег,
И шлейф духов, опасное плацебо,
И мир, шагнувший в двадцать первый век.

* * *

Когда теряешь смысл и волю,
Найти пытаешься верный путь,
И замираешь поневоле,
И воздух набираешь в грудь –

Зажги свечу, взгляни на небо,
Найди, где свет сменяет тень.
Отрежь ломоть ржаного хлеба
И с солью ешь его весь день!

Ведь жизнь одна, она – бесценна,
И в этом самый главный смысл.
Она – как маленькая сцена,
А ты – актёр, смотрящий вниз.

И для тебя одна задача –
Сыграть блестяще эту роль.
И знай – ты сможешь жить иначе,
На хлеб ржаной насыпав соль.

О, праздной Жизнь ежеминутно!
Налей себе бокал вина...
И чувствуй – явно или смутно:
Даётся Жизнь всего одна!

* * *

Этот мир переполнен любовью...
Только это сокрыто от нас!
Но столкнувшись с бедой или болью
Мы почувствуем это тотчас...

Ведь чудесные люди повсюду –
И поддержат, и руку дадут!
Ну а если печалиться буду,
То от мыслей плохих уведут!

Я об этом узнала недавно –
Лишь когда посетила беда...
Но болезнь мне сказала о главном!
Что любить нужно всех и всегда!

Наша жизнь нелегка, но прекрасна!
Как любое мгновенье ценить?
Понимать – в жизни всё не напрасно
И любовь свою людям дарить!

Боль и страх, безнадежность, утрата –
Это всё побеждает любовь!
Из любви к нам Спаситель когда-то
На кресте проливал свою кровь.

* * *

Нас награждает ночь-злодейка
Возможностью не видеть сны.
Зимой холодной белошвейка
Отложит нитки – до весны.

Нас жизнь всегда чему-то учит.
Даёт нам всем любви урок.
Расскажут лишь на небе тучи,
Какой кому отмерен срок.

Как ни старайся, как ни бейся –
Не повернуть нам время вспять.
Ты пламенем свечи согрейся
И попытайся жизнь понять!

Без сожалений и ошибок
Душе не обрести покой.
Душевный сложен мир и зыбок.
Как ветер над Москвой-рекой!

* * *

Кто рассыпал в небе звезды?
Их с алмазами смешал.
Надо жить, пока не поздно!
Жизни срок-он слишком мал!

Мы танцуем и смеемся,
Ходим в гости и в кино.
Мы с долгами расстаемся,
С наслаждением пьем вино...

Жизнь, как красная дорожка,
Надо нам по ней пройти.
Не топтаться у порожка,
Не застрять на полпути!

Перед боем – не сдаваться.
После боя – ружья прочь!
И всю жизнь свою пытаться
Хоть кому-нибудь помочь!

* * *

Лампа в красном абажуре,
Стол, картина на стене,
Человек в овечьей шкуре
С крупной бляшкой на ремне...

Соль, крупа, остатки хлеба,
Сизый голубь за окном.
Дождь идет и просит небо
Все перевернуть вверх дном.

Книга, разговор, молитва,
Свечка, в клеточку тетрадь,
И отчаянная битва –
Мысли в слово облекать.

* * *

Имеем уши и не слышим.
Уста имеем, но молчим.
Гуляют голуби по крыше,
И тлеют угольки в печи.

А мы глаза возводим к небу,
Не видя явленных чудес...
Нам Бог послал краюшку хлеба.
Послал нам солнце, речку, лес...

А мы своё не ценим счастье.
Не знаем мы его цены.
Но несмотря на все напасти,
Терять мы веру не должны!

* * *

Снег летит под фонарем
Жизнь приходит и уходит
Все мы кое-как живём
Хотя кое-что выходит.

* * *

Там, где не ездят машины и нет лошадей,
Где никогда не увидишь унылых,
уставших людей...

Там, где надеждой становится боль
и тоска о былом,
Птица птенцов своих там укрывает крылом.

Радость там есть и рассеянный солнечный свет,
рожь и пшеница, ромашек весенний букет.

Каждый там счастлив, огнём полыхают сердца...
Эту историю нам не прочесть до конца!

* * *

*Моей сестре Елене
с любовью и благодарностью*

Ты со мной, моя опора,
В день и в ночь,
В жару и в снег.
Я в пылу лихого спора
Запланирую побег.

От тоски, печали, грусти
Убежим с тобой, сестра!
В небо мы шары отпустим
Громко закричим «УРА»!

Без твоей любви, поддержки
Не смогу прожить и дня!
Невзирая на издержки,
Ты не оставляй меня!!!

* * *

Когда любовь рекою льется
И топит самый крепкий лёд,
На сердце ран не остаётся,
И пчелы собирают мёд.

Закрыты на засовы двери,
Но настезь окна и душа.
В бору сосновом бродят звери,
Под снегом мёрзнет черемша,

В концертных залах стонет скрипка,
Часы не замедляют ход.
И не становится ошибкой
Двадцатый год.

* * *

Дождь пошел, и февраль у порога,
Потоптавшись, отправился прочь.
И его провожала в дорогу
Тридцать первая зимняя ночь.

Не дождавшись урочного часа,
Дождь ворвался в холодную тьму.
Белый день, не меняя окраса,
Светом солнечным вторил ему.

Разрывая пространство и время,
Разводя берега и мосты,
Дождь несёт непосильное бремя –
Разрисовывать жизни холсты.

Перепутались знаки и числа.
Нет возможности это понять.
Дождь проходит, и в поисках смысла
нужно просто кого-то обнять!

**ULYANOVSK
UNESCO
CITY OF LITERATURE**

УЛЬЯНОВСК – ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГОРОД ЮНЕСКО

Подробности всех новостей – на сайте программы
«Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО»
<http://ulyanovskcreativecity.ru>

5 ЛЕТ В СЕТИ КРЕАТИВНЫХ ГОРОДОВ

В декабре 2020 года исполнилось 5 лет с того момента, как Ульяновск получил статус литературного города ЮНЕСКО. Сегодня Ульяновск остается единственным в России литературным городом, работая с единомышленниками из 39 таких же городов мира и признавая литературу и творчество важнейшими элементами городского развития. По случаю 5-летия дирекция программы подготовила ролик с участием друзей, ульяновских и зарубежных партнеров. Посмотреть ролик, а также узнать больше об итогах работы программы за эти годы и планах можно на сайте <http://ulyanovskcreativecity.ru/> Так, в 2021 году ульяновские авторы примут участие в Международной онлайн-выставке по случаю открытия Поэтической библиотеки Манчестера, Международном дне поэзии, проекте «Литературные города ЮНЕСКО» в испанском журнале Quimera, онлайн-встречах с авторами из городов литературы, Международном дне книги, работе литературных резиденций, Литературном трамвае, акции «Поэтический автобус» в Тарту и др.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАТОК

5 января на Соборной площади Ульяновска открылся Международный литературный каток. На главной площади прозвучали стихотворения поэтов из Ульяновска и 13 литературных городов ЮНЕСКО на их родных языках в исполнении самих авторов и прочтении Сергея Гогина, который перевел тексты. Среди участников – авторы мировых бестселлеров. В январе услышать голоса поэтов разных стран можно было и на 4 других катках города. Это новый проект программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО», управления культуры и организации досуга населения администрации г. Ульяновска и Централизованной библиотечной системы. Позже в сети появится ролик с голосами поэтов – участников проекта.

Посмотреть, как прошел каток, и фотографии можно здесь: <http://ulyanovskcreativecity.ru/>

ПРЕМИЯ «НОВОГО МИРА»

По итогам 2020 года роман Ирины Богатырёвой «Белая согра» удостоен престижной премии литературного журнала «Новый мир». Книга появилась из фольклорных экспедиций с Лабораторией фольклористики РГГУ, с которой автор три сезона работала в Архангельской области. Ранее Ирина Богатырёва рассказала, как создавался роман, в интервью порталу «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО» <http://ulyanovskcreativecity.ru/>

СЛЭМЫ В КАЗАНИ

Серия поэтических слэмов с участием молодых поэтов Приволжского федерального округа пройдет в Казани в течение 2021 года. Это круглогодичный проект, включающий в себя 4 сезонных поэтических слэма и фестиваль современной поэзии. У авторов есть возможность получить сертификат на съемку видеосюжета по своим текстам. В фестивале приглашают принять участие молодых поэтов и писателей из Ульяновска и области в возрасте от 14 до 35 лет.

Подробности: <http://ulyanovskcreativecity.ru/>

УЛЬЯНОВСКИЕ КОМИКСЫ В АНГУЛЕМЕ

В выставке на крупнейшем европейском фестивале комиксов, который проводится в Ангулеме (Франция) с 1974 года, примут участие работы ульяновских художников Александра Волкова (молодежный комикс) и Юлии Узрютовой (комикс об Обломове, проснувшемся в Ульяновске во время пандемии). Выставка комиксов на тему «Город после пандемии» организована Международным центром комиксов и визуального искусства в партнерстве с Урбан Школой Лиона.

Посмотреть комиксы можно здесь:
<http://ulyanovskcreativecity.ru/>

«АВТОРИЗАЦИЯ»

Прозаик из Ульяновска Татьяна Филатова стала участницей Всероссийского литературно-издательского форума для поэтов, писателей, драматургов и книжных иллюстраторов «Авторизация» в Санкт-Петербурге. О том, как это было, автор рассказала порталу «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО» <http://ulyanovskcreativecity.ru/>. Форум призван помочь авторам в возрасте до 30 лет издавать и продавать свои книги.

ОНЛАЙН-ЭКСКУРСИИ ПО ВЫСТАВКЕ ИЛЛЮСТРАЦИЙ СЕРГЕЯ АЛИМОВА

В декабре 2020 года в Ульяновске открылась выставка народного художника РФ Сергея Алимова «Иллюстрации к поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». По итогам выставки созданы онлайн-экскурсии на русском и английском языках. Подробная информация о выставке, ссылки на онлайн-экскурсии: <http://ulyanovskcreativecity.ru/>.

Организаторы – Российский фонд культуры совместно с Централизованной библиотечной системой Ульяновска и Музеем изобразительного искусства XX–XXI веков.

ПРЕМИЯ «ЦИКАДА»

Известное издательство «Русский Гулливер» открыло прием заявок на новую поэтическую премию для молодежи от 16 до 25 лет «Цикада». Заявки принимаются до 15 апреля. Призовой фонд составляет 100 тысяч рублей. Победитель получает 50 тысяч, финалисты – по 25 тысяч рублей.

Подробности: <http://cicadaprize.com/>

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ГОРОД

В Ульяновске открыт прием заявок на литературный конкурс «Мой любимый город». «Клуб активных родителей» приглашает принять участие авторов в возрасте от 8 лет до 21 года, а также педагогов. Для участия нужно до 31 марта прислать литературное произведение, посвященное истории, настоящему и будущему Ульяновска и Ульяновской области. Номинации: «Поэзия», «Проза», «Публицистика».

Подробности: <http://ulyanovskcreativecity.ru/>

ЛИТЕРАТУРНАЯ РАССЫЛКА

Ульяновские авторы и любители литературы еженедельно получают литафишу, информацию о новостях литературы, местных авторах, мастер-классах, конкурсах и резиденциях от дирекции программы «Ульяновск – город литературы ЮНЕСКО» через бесплатную рассылку Writer's Info Point.

Чтобы подписаться на нее, достаточно отправить письмо по адресу: infopoint.ulsacityofliterature@gmail.com.

Подготовила Гала УЗРЮТОВА

Антон НИКОНОВ, композитор, член Союза композиторов России, корреспондент и ведущий телеканала «УлПравда ТВ».

УЧЕБНИК ОТКРОВЕННОСТИ

Отзыв читателя или квазирецензия

В апреле 2020 года в столице вышла в свет дебютная книга молодого российского поэта, философа и журналиста Данилы Ноздрякова «Поволжская детская республика».

Молодой автор делится своими детскими и юношескими впечатлениями, удивлениями, восторгами, влюбленностями, сокровенными чувствами. Он конкретно описывает жизненные ситуации, как правило, с минорным ладом. Республика поэта малочисленна. Прежде чем в нее попасть, нужно пройти некий фейсконтроль, чтобы завоевать доверие автора. Ноздряков избирателен в своем окружении. Его небольшая интровертность полностью противостоит его же экстравертному герою книги. Как правило, мы часто вспоминаем детство. Беззаботное и веселое, с ноткой грусти несбывшихся мечт. Автор не исключение. Но только в его случае воспоминания носят как бы школьный материал, на котором стоит поучиться. Можно сказать, что он не пай-мальчик и не бунтарь без причины. Его беспокоят скорее внутренние переживания самопознания, нежели внешняя «шелуха».

Форма свободного стиха избавляет автора от заганности в рамки «правильного» стихосложения. Он и сам неправильный в хорошем смысле слова. На мой взгляд, автор отчасти складывается под влиянием битничества. Во всяком случае, молодой герой его книги, человек экзистенциальных взглядов, романтик и лирик. Поэтическая детскость и отчасти изнеженность обусловлена женским окружением и воспитанием. Многие маленькому мальчику приходилось постигать самому. Любознательность, пожалуй, украшает более всего. Его интересы разносторонни. С одной стороны, он следит за погодой и прилежно записывает ее изменения в свой дневник. С другой стороны, фантазирует о красоте женского тела, изучая обнаженную Саманту Фокс. Также автор не обходит стороной и свою нагую сущность. Он

Фото Игоря Улитина

Данила Ноздряков

чист и не скрывается за новомодными бомберами или джинсами. Другими важными линиями поэтического сборника являются влюбленность юного героя и поиск собственной сексуальности. Эти аспекты небеспопченны. Близорукий рыжеволосый мальчик не считает себя привлекательным. Беспokoясь об этом, он проходит сложный путь к принятию себя. Что радостно – ему это удастся! Калейдоскопичность детской наивности и непосредственности определенно подкупает. Героя сопровождают кошки и собаки как символ всепобеждающего добра. В них он находит сублимацию и, возможно, лучших друзей, которым вход, въезд или влет в республику открыт в любое время. Небольшая экспрессивность направлена в сторону друзей («Гриша, выходи»). В этом стихотворении поэт наиболее обнажает душу. Он требует внимания к себе. Переживает, когда деревенские мальчишки принимают его за девчонку, а это всего лишь гиперопека мамы («Полотенце»). Ноздряков не только «учит» нас откровенности, но и описывает опыт нравочений («Что ты щеришься постоянно?»).

Безусловно, эта дебютная книга – большая победа для автора, новинка для читателя и хороший подарок другу или близкому человеку, нестандартно мыслящему и несущему в себе детскую доброту в любом возрасте.

Данила НОЗДРЯКОВ, журналист, поэт. Родился в 1986 году в Ульяновске. Окончил Ульяновский государственный университет. Победитель V международного литературного конкурса «Верлибр» в номинациях «Поэзия» и «Проза» (2018). Дипломант международного Волошинского конкурса (2019). Участник международного форума молодых писателей (2019, Ульяновск) и семинара Союза писателей Москвы (2019, Звенигород), по итогам которого издана дебютная книга «Поволжская детская республика» (М., «Воймега», 2020).

Из книги «Поволжская детская республика»

МИШИН КОСМОС

перешагни через мишу обратно
а то миша не вырастет
не получит золотую медаль
и не полетит в космос

если не вырастет
никем не станет
останется жестяным барабаном
некем будет гордиться бабушке
кроме мишиной мамы

это ты помрёшь под забором
тебе незачем расти
приехал посмотреть атлас мира
умного из себя строишь

на улице ждут отпечатков
твоих грязных носков

МОЛНИЯ

способность
перекладывать горящие окна
на стене чёрного дома
параллельного взгляду

шашки
нарды
домино
эти самые
пятнашки

долго сидел и смотрел
посылал сигналы
тут зажечься
там потухнуть
перемещению случиться

но способность ли
зажигать свет в голове
независимо от воли
хозяина головы?

* * *

девочки ждали мальчиков в гости
стекляшками нарезали млечные стебли осота
на большой лопух положили жаркое
из песка, украшенное цветком одуванчика
лена принесла бокалы из дома
коктейль из дождевой воды
соломинки цикория

в шалаше у дальней помойки
возле трансформаторной будки
праздновали примирение инны и сени
семейные будни

я хочу, чтобы он принёс мне
букет красивых цветов
он не обещал, но я надеюсь, что догадается
меня в семье называют барышней-крестьянкой
за мою любовь к полевым цветам

полетели бокалы в стену
расплескалась дождевая вода
на песчаное жаркое
другая вода потекла по розовому лицу инны
лена не ругалась за разбитые бокалы
солидарность

как он смог принести букет из крапивы?
это наши отношения,
он говорил, жгут и нежные на вид
я хотела просто полевых цветов

кто же поймёт этих женщин
мне бы лучше мячик
лучше велосипед

ДЕНИСКИНЫ РАССКАЗЫ

утром
дымчатая кошка сидела на половике
перед железной дверью
в квартиру

в обед
дымчатая кошка сидела в коробке из-под обуви
– коробка красная –
коробка стояла на половике
перед железной дверью
в квартиру

вечером
коробка из-под обуви сидела на
половике перед железной дверью
в квартиру

вывод средневековых алхимиков
так и напрашивается
кошка впиталась внутрь коробки
из-под обуви
на половике перед
железной
дверью в квартиру

так ли это?

ведь она живая и светится

гриша, выходи

гриша, выходи
 выходи гулять во двор
 гриша, я зову тебя
 полтора часа подряд
 снег растаял в ботинках
 но я хочу гулять

гриша

собака связала поводком мои ноги
 как история страны
 связала геллера с некричем
 гриша, я сейчас уже упаду
 как дом ашероу или чёрный ястреб

мне холодно
 под шапкой мокро
 там жарко
 как в огне нотр-дам-де-пари
 я подцеплю орви
 или менингит
 а ты всё не выходишь, гриша

быстро погуляли бы и вернулись
 к самым опасным источникам
 электромагнитных излучений

сейчас никто не стоит под балконом
 когда можно узнать по телефону
 не набирая даже номер

гриша, у меня нет телефона
 у меня есть собака и друг гриша
 который не выходит гулять

красное

магический театр не для сумасшедших:
 представление начинается

обратите внимание
 сейчас вы увидите *мои* вещи
 взрывающиеся в небо
 в шоу *взрывающаяся школа*

пенал с динозаврами
 загорелый портфель
 перешитый из старой сумки
 вторую обувь
 в пакете из вырезок журналов мод
 а не в каком-то *холщовом* мешке

хорошо хоть
 куртку разрешили взять
 предупредить надо
 зачем выводят на стадион
красная пресня недавно была

представление отменяется

отпустили раньше с уроков по случаю
 мама в белой шубе
 ноябрь

магазин на железнодорожной

пять тысяч рублей
 синяя надпись
 на красном
 зимняя москва

путешествие на белом пегасе
 повтор аниме
 серия про эритроциты
 красные кровяные тельца

конец света на сцене
 под громкие аплодисменты
 в горящем театре

за шмот

раньше были комбинаторы
 у тебя на варежках написано *комбиватер*
 мальчик мой

это не варежки
 это перчатки

к варежкам пристаёт снег
 и болтается как черепа на поясе
 заползает внутрь
 под резинку
 с выгравированным нитками именем
 графика как на электронных часах
 стоят на чёрно-белом телевизоре
 и светят зелёным фосфором ночью

это не валенки
 это сапоги-аляски

раньше тебя звали сынок кооператора
 на танцплощадке в доме отдыха
 в малиновом вельветовом пиджачке
 сшитом отцом

сейчас не стал бы носить
 это смешно

у нас был мальчик в классе
 мы его дразнили новым русским
 в малиновом пиджаке
 его, в том числе, звали вочкой
 это ещё смешнее
 с ним никто не дружил
 он плохо учился
 его перевели в другой класс
 через несколько месяцев

и не просто в другой класс
 а в другую школу
 другого города
 другой страны

и не надоело петь вам про эту границу
 валенки и варежки на резинке

* * *

мама, пошли, поедим
 чего-нибудь вкусного и вредного
 у тебя ведь ещё не закончилась
 коробка этого чудесного консервированного
 гуляша в жёлтых банках

этикетка с умной коровой
 приглашающей на вкусный и вредный ужин
 из её мясных частей
 потрохов
 и костей

можно мы не будем есть на обед
 суп из гуляша
 с молочным горошком мозговых сортов
 выращенного дедом в огороде
 мы его уже ели на природе

на природе всё вкусно
 и можно съесть
 но не здесь

перейдём сразу к ужину
 к макаронам с консервированным гуляшом
 соль глазами на варёной кукурузе
 ворованной с колхозных полей

что стоит воровство кукурузы
 по сравнению с посадкой кукурузы
 в камеру смертников
 на зелёной миле

намажь мне гуляш и на хлеб

кавун отца

каждый день рождения (мой)
 отец приносил арбуз
 звонкий, как бубен

(отец) брал нож и вырезал сердце (не мне,
 арбузу)

корка хрустела разодранной штаниной
 на корке выростала ещё одна полоска
 – так рисуют молнию –
 сквозь неё виднелась розовая плоть
 (арбуза)

отец имел право первым
 вкусить треугольник плоти
 держал его на ноже (вах)
 процедать (он это называл)
 затем к причастию допускали все (мы)

я не любил есть арбуз
 порезанный на ломти
 убывающей луны
 я любил есть арбуз ложкой
 вприкуску с булкой

и, вообще, дыни больше нравились (мне)

* * *

мама не снимает очки во время еды
 и я тоже

есть люди, которые снимают
 и кладут рядом с собою на стол

это чтобы не запотели от разгорячённого лица
 говорит дядя юра и снимает очки

дядя юра играет на гитаре все песни трофима
 любит борщ и айвазовского картины

маму он сравнивает с айседорой дункан
 за её участие в танцевальной самодеятельности

дядя юра самодельный поэт
 мечтает стать сергеем, как его любимый поэт

культурному уровню заподлицо
 его берет и синее пальтецо

смотри, я оторвал тебе нос
 на место вернуть его не так-то просто

дядя юра оторви себя от *нашей семьи*
 и не возвращайся обратно

три очкарика вместе смотрят глупо
 нечего!

* * *

всё пронизано смертью как богом
 у пантеистов. школьный вход, он же выход
 небольшая каверна. пахнет тревогой
здесь на выпускной рыжий ботнул
единственную бутылку водки
 но это будет позже. а пока мы с михой
 встречаемся на крыльце и идём
 менять зимнюю обувь с другими детьми
 на разрешительную к применению внутри
 мы в чистилище. электричество кажется сном
 беспокойное колебание тета-волн
 на крашеной скамейке не хватает места
 говорит миха: *как во франции на пол*
рассаживайся словно в кресло
они там могут сесть среди дороги
если надо. темнота из углов
 загоняет холод под ноги
 неплохой достался улов
 из ряби, покрывшей озябшую кожу
 здесь, как в тюрьме. нагнулся
 и можешь словить в спину ножик
 надо спешить. беги, раз переобулся
 только не избавишься от этого чувства
 не смоешь, как кровь с ладоней леди макбет
 и будешь плестись в этом данс-макабре
 садясь в горячую ванну в холодной квартире
 оставаясь у камеры хранения в магазине
 спускаясь один по длинной лестнице дома
 в нарисованном де кирико пустынном мире
 слишком маленький для изнанок огромных
 и слишком большой для цивилизации гномов

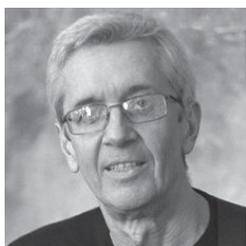

ЮБИЛЕЙНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

ФЕВРАЛЬ 2021

1 февраля – 90 лет со дня рождения государственного деятеля, публициста **Бориса Николаевича Ельцина** (1.02.1931, с. Бутка Уральской обл, ныне Талицкого р-на Свердловской обл. – 23.04.2007, г. Москва). Окончил Уральский политехнический ин-т (1955). Первый президент России (1991–1999). Был в Ульяновске в 1985 и 1992 гг., посетил авиационно-промышленный комплекс. Автор книг «Средний Урал: рубежи созидания» (1981), «Исповедь на заданную тему» (1990), «Записки Президента» (1994), «Президентский марафон» (2000).

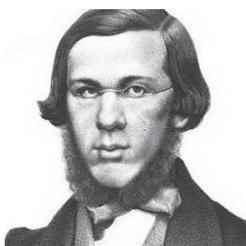
1 февраля – 70-летний юбилей отмечает поэт, рок-музыкант **Константин Николаевич Никольский** (р. 1.02.1951, г. Москва). Играл в ансамблях «Атланты», «Цветы», «Группа Стаса Намина», «Воскресение». Автор альбомов «Я бреду по бездорожью...» (1992), «Один взгляд назад» (1996), «Живая Струна» (2003), «Иллюзии» (2007), песен «Мой друг художник и поэт», «Музыкант» и др. Публиковался в антологии «Поэты русского рока» (2005). Не раз был с концертами в Ульяновске, пел во Дворце культуры «Губернаторский» в 2015 и 2019 гг.

3 февраля – 70 лет исполняется поэту **Леонтию Михайловичу Жидкову** (р. 3.02.1951, г. Минеральные Воды Ставропольского края). Пишет стихи с 13 лет. Встречался на Лермонтовских праздниках поэзии в Пятигорске с Б.Ш. Окуджавой, Р.Г. Гамзатовым, К.Ш. Кулиевым. С 1988 года живёт в Ульяновске, работал в цехе №188 АО «Авиастар» (1988–2000). Публиковался в альманахе «Рукопись» (2015). Автор поэтических сборников «Прикосновения» (2013), «Дыхание небес» (2018). Лауреат фестиваля «Русское Берещенье» (2017).

4 февраля – 60-летний юбилей отмечает литературовед **Николай Дмитриевич Александров** (р. 4.02.1961, г. Москва). С 1986 года работал сотрудником музея А.С. Пушкина, зав. отделом журнала «Литературное обозрение», на телеканале «Культура». Публиковался в журналах «Наше наследие», «Знамя», «Дружба народов», «Вопросы литературы» и др. Автор книг «Силуэты пушкинской эпохи» (1999), «Тетра-тет. Беседы с европейскими писателями» (2010). Приезжал в Ульяновск 3 марта 2012 года в рамках проекта «Литературный глобус».

5 февраля – 185 лет назад родился публицист, критик **Николай Александрович Добролюбов** (5.02.1836, г. Н. Новгород – 29.11.1861, г. С.-Петербург). После смерти родителей его младшая сестра Екатерина в 1855–1858 гг. находилась в Симбирском духовном пансионате для сирот. Был знаком с симбирянами В.Н. Назарьевым, А.Н. Татариновым, П.В. Анненковым, служил домашним учителем мемуаристки Н.А. Татариновой. Автор статьи «Что такое обломовщина?» (1859). Имя Добролюбова носит переулок в Ульяновске.

8 февраля – 280 лет со дня рождения публициста, мемуариста **Семёна Андреевича Порошина** (8.02.1741, г. Кунгур Казанской губ. – 23.09.1769, местечко Виска под Елизаветградом). Из симбирских дворян. Автор сочинения «Записки, служащие к истории... великого князя Павла Петровича». В 1800 г. за службу воспитателем императора Павла I его брату И.А. Порошину было пожаловано 15 тысяч десятин земли в с. Ивановка, Грязнуха и Вырыпаевка Симбирского у. Симбирской губ. (ныне Ульяновского р-на Ульяновской обл.).

8 февраля – 225 лет назад родился поэт **Иван Петрович Мятлев** (8.02.1796, г. С.-Петербург – 25.02.1844, там же). По линии матери приходился братом в 6-м колене А.С. Пушкину. Его отец был владельцем с. Беклемишево и д. Бутырки Карсунского у. Симбирской губ. (ныне Вешкаймского р-на Ульяновской обл.). В начале XIX века семья «частенько жила здесь по летам». Автор двух поэтических сборников «Собрания стихотворений» (1834–1935), книг «Петергофский праздник» (1842), «Тарантелла» (1844), «Коммеражы» (1844) и др.

8 февраля – 95 лет со дня рождения поэтессы **Марии Петровны Бызовой**, псевдоним – Мария Рыбникова (8.02.1926, с. Лебедёвка ныне Сурского р-на Ульяновской обл. – 19.10.2007, г. Ульяновск). Жена поэта Б.Н. Бызова. Окончила Ульяновский педагогический институт. Всю жизнь работала учителем в школах Ульяновска. Публиковалась в журналах «Литературный Ульяновск», «Волга», в сборнике «День волжской поэзии», в альманахе «С любовью трепетной». Автор поэтических сборников «Былинка» (2005), «Попрыгунья» (2008).

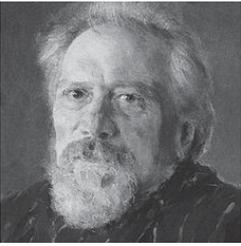
10 февраля – 140 лет назад родился прозаик, переводчик **Борис Константинович Зайцев** (10.02.1881, г. Орёл – 28.01.1972, г. Париж). Из симбирского дворянского рода, дед владел усадьбой и земельными наделами в д. Скрипино и с. Поповка Сенгилеевского уезда (ныне Тереньгульского и Майнского р-в Ульяновской обл.). С 1902 года дружил с И.А. Буниным. С 1924 г. жил в Париже. Автор книг «Дальний край» (1915), «Жизнь Тургенева» (1932), «Москва» (1939), «Жуковский» (1951), «Чехов» (1954), «Пастернак в революции» (1960), «Река времён» (1968) и др.

12 февраля – 160 лет со дня рождения писательницы, философа **Лу Андреас-Саломе** (12.02.1861, г. С.-Петербург – 5.02.1937, г. Гёттинген, Германия). Была знакома с Ф. Ницше и З. Фрейдом. Летом 1900 года с поэтом Р.М. Рильке путешествовала на пароходе по Волге от Саратова до Ярославля, была проездом в Симбирской губернии. Автор книг прозы «Битва за Господа» (1885), «Фридрих Ницше в зеркале его творчества» (1894), «Руфь» (1895), «Дети человеческие» (1899), «Райнер Мария Рильке» (1928), «Моя благодарность Фрейду» (1931) и др.

14 февраля – 70-летний юбилей отмечает прозаик **Татьяна Яковлевна Эдел** (р. 14.02.1951, с. Ново-Романово Алтайского края). В 1979 году переехала в Ульяновск. Работала в институте УНИП-ТИМАШ, на Ульяновской художественно-галантерейной фабрике. Пела в оперных студиях Дворца профсоюзов и Дома учителя. В 2005 году эмигрировала в США, живёт в Нью-Йорке. Автор книг «Приключения кота Батона и другие бабушкины сказки» (2015), «Заморские женихи Василисы Прекрасной» (2018), «Капли жизни» (2019) и др.

16 февраля – 190 лет со дня рождения писателя **Николая Семёновича Лескова** (16.02.1831, с. Горохово, ныне д. Старое Горохово Орловской обл. – 5.03.1895, г. С.-Петербург). В 1857–1860 гг. сопровождал

партии крестьян-переселенцев по Оке и Волге в саратовские степи, не раз бывал проездом в Симбирской губ. Автор романов «Некуда» (1864), «Обойдённые» (1865), «На ножах» (1870–1871), «Соборяне» (1872), повестей «Леди Макбет Мценского уезда» (1865), «Воительница» (1866), «Очарованный странник» (1873) и др.

16 февраля – 75 лет исполняется поэтессе **Лидии Михайловне Степановой** (р. 16.02.1946, г. Челябинск). Окончила Ульяновский политехнический институт (1969). Работала инженером на ДААЗе, главным редактором газеты «Димитровград. Час пик».

Лауреат конкурса «Проза детям» им. Л.А. Кассиля (2001). Автор книг для детей «Что такое, что за чудо?» (2002), «Сказки детства» (2008), поэтических сборников «Жизни измеренье» (2010), «Любовь и разлука» (2014), «Свет истины» (2015), «Пой с душой в унисон» (2018). Живёт в Димитровграде.

18 февраля – 210 лет назад родился экономист, переводчик, публицист **Виктор Степанович Порошин** (18.02.1811, г. С.-Петербург – 16.03.1868, г. Париж). Внук симбирского губернского предводителя дворянства И.А. Порошина, сын С.И. Порошина, жившего в своём поместье в Симбирской губернии. Впервые издал «Записки Семёна Порошина» (1844). В 1847 году поселился в Париже. К столетию Н.М. Карамзина перевёл на французский язык и напечатал его «Письма русского путешественника во Францию, Германию и Швейцарию».

18 февраля – 140 лет со дня рождения литератора, мемуариста **Софьи Николаевны Мотовиловой** (18.02.1881, г. Симбирск – 28.02.1966, г. Киев). Родная тётя Виктора Некрасова, который признавался, что под её влиянием стал про-

фессиональным писателем. Детство провела в Симбирске. Была знакома с И.Г. Эренбургом, К.И. Чуковским, В.Г. Короленко, Д.Д. Бурлюком, Б.Л. Пастернаком и др. Автор воспоминаний «Минувшее» («Новый мир», 1963, №12), автобиографического рассказа «Предсмертное письмо» («Континент», 1978, №15).

19 февраля – 95 лет назад родился прозаик **Владимир Васильевич Карпенко** (19.02.1926, пос. Зимовники ныне Ростовской обл. – 1.05.2005, г. Волгодонск). Член Союза писателей СССР (1963). В 1968–1971 гг. жил в Ульянов-

ске, возглавлял местное отделение Союза писателей РСФСР. В 1971–1981 гг. трудился в Москве. С 1981 года жил в Волгодонске. Автор романов «Отава» (1963), «Тучи идут на ветер» (1972), «Щорс» (1974, серия ЖЗЛ), «Комкор Думенко» (1976), «Красный генерал» (1978), «Очищение кровью» (1999) и др.

19 февраля – 65-летний юбилей отмечает поэт, автор-исполнитель **Олег Григорьевич Митяев** (р. 19.02.1956, г. Челябинск). Член Союза писателей России. Автор сборников стихов «Давай с тобой поговорим» (1992), «Непраздничные вещи» (2000), «Травник» (2001), «Лето – это маленькая жизнь» (2004), «Небесный калькулятор» (2009), «И оказалось счастье просто жить» (2019) и др. Народный артист России (2009). Не раз выступал с концертами в Ульяновске: в 2015-м – в Ленинском мемориале, в 2017-м – в ДК «Губернаторский».

23 февраля – 130 лет со дня рождения поэта, прозаика, переводчика Рюрика Ивнева, настоящее имя – **Михаил Александрович Ковалёв** (23.02.1891, г. Тифлис – 19.02.1981, г. Москва). Летом 1907 года совершил путешествие по Волге на пароходе «Святослав», 20 июня побывал в Симбирске, написал об этом в дневнике. Дружил с С.А. Есениным. Автор поэтических сборников «Самосожжение» (1913–1915), «Золото смерти» (1916), «Солнце во гробе (1921), «Осада монастыря» (1925), «Память и время» (1969), «Часы и голоса» (1978) и др.

24 февраля – 165 лет назад родился публицист **Николай Александрович Шишков** (24.02.1856, г. С.-Петербург – 16.07.1910, с. Знаменское, ныне с. Аксаково Бугурусланского р-на Оренбургской обл.). Сын М.Ю. Хованской, владелицы имения в с. Архангельское (ныне Чердаклинского р-на Ульяновской обл.). Окончил Симбирскую мужскую гимназию. Был женат на О.Л. Тургеневой, тётке писателя А.Н. Толстого. Автор просветительских книг «Счетоводство для неграмотных» (1891), «Как люди делают свою жизнь лучше» (1908) и др.

24 февраля – 95 лет со дня рождения поэта **Фёдора Николаевича Ракушина** (24.02.1926, с. Тихменёво ныне Кузнецкого р-на Пензенской обл. – 19.07.2000, г. Пенза). Член Союза писателей СССР (1974). Работал лесником в Костромской, Ульяновской и Пензенской областях (1954–1966). С 1963 года жил в Пензе. Автор книг «Корабельный бор» (1968), «Мартовские вербы» (1973), «Светлые просеки» (1977), «Царь-ягода» (1983), «Зелёный шум» (1983), «Красные вёсла» (1986), «Звезда над кровлей» (1992), «С вечностью наедине» (1997) и др.

25 февраля – 150 лет назад родился поэт, переводчик **Борис Владимирович Бер** (25.02.1871, г. Н. Новгород – 23.01.1921, станция Рузаевка Пензенской губ., ныне Мордовии). В 1896 году внесён в 3-ю часть дворянской родословной книги Симбирской губ. Был знаком и переписывался с А.М. Горьким, дружил с В.Я. Брюсовым. Жил в с. Знаменское Симбирской губ. (ныне Мордовия). Автор поэтических сборников «Стихотворения» (1897), «Сонеты и другие стихотворения» (1907), «От потока на пути» (1917), «Переводы стихов Э. Верхарна» (1917) и др.

26 февраля – 115 лет со дня рождения мемуаристки, литературоведа **Елены Александровны Скрябиной** (26.02.1906, г. Н. Новгород – 22.10.1996, г. Айова-Сити, США). В июне 1919 года переехала с матерью в Симбирск, училась здесь в школе, в 1921–1922 гг. работала конторщицей, помощником делопроизводителя в губернском финансовом отделе. В 1950 году уехала в США. Автор книг «В блокаде» (1964), «Годы скитаний. Из дневника ленинградки» (1975), «Пять встреч» (1975), «Это было в России» (1980), «Страницы жизни» (1994) и др.

26 февраля – 95 лет назад родился прозаик, журналист **Вениамин Никифорович Бондаренко** (26.02.1926, с. Преображенка, ныне Безенчукского р-на Самарской обл. – ?.02.1998, г. Самара). Член Союза писателей СССР. Жил в Ульяновске, затем работал учителем в школе с. Бригадировка Мелекесского р-на (1955–1956). Совместно с братом в издательстве «Ульяновская правда» выпустил книги «Сказки дедушки Матвея» (1955), «Хрум-хрум» (1956) и «Песня скрипки» (1957), всего издал 16 сборников сказок.

27 февраля – 100 лет со дня рождения поэта, мемуариста **Григория Андреевича Жукова** (27.02.1921, с. Вальдиватское ныне Карсунского р-на Ульяновской обл. – 19.07.2002, г. Москва). Участник Великой Отечественной войны. Генерал-майор (1970). Жил в Москве. Автор поэтических сборников «Негасимый свет» (1995), «Ясные дали» (1996), «Истоки» (1997), «Свершение» (1998), книг мемуаров «Родословная» (1991), «Сквозь огненные годы» (1993) и др. Член Союза писателей России. Его имя присвоено Вальдиватской средней школе (2014).

28 февраля – 95 лет назад родилась переводчица, мемуаристка **Светлана Иосифовна Аллилуева**, в эмиграции – Лана Питерс (28.02.1926, г. Ленинград – 22.11.2011, округ Ричленд, США). Дочь И.В. Сталина. Осенью 1941 года была эвакуирована в г. Куйбышев, где прожила до июня 1942 года; была проездом в Инзе, Барыше, Базарном Сызгане, Кузоватово (ныне Ульяновской обл.). С 1967 года жила в США. Автор книг «Двадцать писем к другу» (1967), «Только один год» (1969), «Далёкая музыка» (1984), «Книга для внучек: Путешествие на родину» (1991).

ПОЭЗИЯ

ЮБИЛЯРОВ ФЕВРАЛЯ

Константин НИКОЛЬСКИЙ (р. 1951)

СПИ, ДУША МОЯ

Небосклон туманный с ледяной луной.
Тянет с океана пылью водяной,

И смутнее далее на закате дня
Сходятся печали, сердце леденя.

Тяжелы движенья, мысли тяжелы.
Лёд опустошенья и бескрайней мглы.

Обняло ненастье сном небытия.
Помыслы и страсти – спи, душа моя.

Помню, свет нездешний улыбался мне.
Это было прежде и в иной стране.

И по светлой кромке я к нему плыву,
Берега потёмки снами наяву, –

Верю, может статься, лишь не знаю где,
Сны мои слетятся к солнечной воде.

БЕЗ ЦЕЛИ И БЕЗ РАСЧЁТА

Без цели и без расчёта,
Порывом увлечена,
Не знает стрела со взлёта,
Куда вонзится она.

За бурей, мчащейся мимо,
Пускаясь в дальний полёт,
Не ведает лист гонимый,
В какой борозде замрёт.

Таким же и я пребуду:
Не разбирая пути,
Иду, не зная, откуда,
Куда суждено прийти.

Гигантские волны моря,
Отправившись с ветром в путь,
Несутся вперёд, не споря,
На чьём берегу уснуть.

В мерцающем ореоле
Не ведают две свечи,
Которой истаять вскоре,
Которой гореть в ночи.

Леонтий ЖИДКОВ (р. 1951)

МОЛИТВА

Вновь рассвет... Первый лучик...
И молитва в устах...
Нет участия лучше,
Чем прославить Христа!

Долетает до неба
Молитва из уст...
В том краю, где я не был,
Ждёт меня Иисус...
Я с воскресным рассветом
Обращаюсь к Нему...
С благодарностью светлой
Каждый час я приму...

* * *

На Симбирск опустилась ночь...
Белый снег... Тёмно-синий свод...
И уходит куда-то прочь
Вся усталость дневных забот...

Я шагаю к себе домой...
Я рифмую последний слог...
В снег проваливаюсь... Боже мой!!!
Славен в вышних мой чудный Бог!!!

Славно снег как скрипит, скрипит...
Слышно ангелов торжество...
Зимний город ещё не спит...
С Новым годом и с Рождеством!!!

* * *

Всплеск волны оглушил...
По-над Волгой стою...
Шум сосновых вершин,
Как его я люблю...

Он напомнил Кавказ,
Спины гордые гор.
Возвращаюсь не раз
Я душой в тот простор.

Краснокожи стволы,
Шишек треск под ногой.
Так стоять бы и плыть
В небе – час и другой...

Строен мачтовый лес,
Ветерок – в паруса!
И, как прежде, Бог весть,
Верю я в чудеса!!!

Иван МЯТЛЕВ (1796–1844)

РОЗЫ

Как хороши, как свежи были розы
В моём саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодной рукой!

Как я берёг, как я лелеял младость
Моих цветов заветных, дорогих;
Казалось мне, в них расцвела радость,
Казалось мне, любовь дышала в них.

Но в мире мне явилась дева рая,
Прелестная, как ангел красоты,
Венка из роз искала молодая,
И я сорвал заветные цветы.

И мне в венке цветы ещё казались
На радостном челе красивее, свежей,
Как хорошо, как мило соплетались
С душистою волной каштановых кудрей!

И заодно они цвели с девицей!
Среди подруг, средь плясок и пиров,
В венке из роз она была царицей,
Вокруг её вились и радость, и любовь.

В её очах – веселье, жизни пламень;
Ей счастье долгое сулил, казалось, рок.
И где ж она?.. В погосте белый камень,
На камне – роз моих завянувший веноч.

1834

ПРИДИ, ПРИДИ

«Приди, приди!» – Куда зовёшь
Ты, соловей, меня с собою?
О чём неведомом поёшь,
О чём беседуешь с душою?

«Приди, приди!» – Ужели ты
В краю, куда мои просились
Всегда заветные мечты
И все желания стремились?

«Приди, приди!» – Но досказать
Не можешь ты всего, что знаешь,
Велишь ты сердцу уповать,
Зовёшь с собой и умоляешь.

«Приди, приди!» – Но я без крыл,
Не улечет мне за тобою;
Тоску ты только заронил
Мне в сердце песней неземною.

1842

Мария РЫБНИКОВА (1926–2007)

ЛЕГЕНДА О ГРОЗЕ

Ты молний боишься?
В глаза им смотри!
Гроза – не слепая немилость...
Знай: знойное солнце в день первой зари
В холодную воду влюбилось.
Лучами пленил её верный жених,
и детище силы могучей –
родилась красавица дочка у них.
Они нарекли её тучей.
Лаская, велели ей с ветром гулять.
Она полетела к свободе,
чиста, глубока и румяна, как мать,
задумчива на небосводе...
Он гладил ей кудри, баюкал ко сну.
Был сон её ласков и светел, –
он бросил её на чужбине одну
и скрылся, заманчивый ветер.
И нет ей дороги назад. И она

трепещет возмездьем суровым,
печальная, грузная, гневом полна,
и вдруг разражается громом.
Но крыльями хлещет, и гонит, и рвёт
мятежную ветреник буйный.
Как мать, оскорблённая рвётся вперёд
и плачет слезой многоструйной.
Она умирает от слёз, наконец...
и снова рождается над бездной.
А солнце на дочь надевает венец –
хрустальный венец семицветный.
Всё в мире рождается от первой слезы.
Всё в мире рождается от жажды...
Ты молний боишься?
Родись от грозы!
Герои рождаются дважды.

* * *

Иду по дюнам вдоль морского шельфа,
вблизи шумит неистово прибой.
И мне на грудь планируют, как эльфы,
сырые клочья пены голубой.
А вот и парус!.. Знать, не без причины
возник из пены, чайкой воспаря:
несёт мне жемчуг из морской пучины –
подарок от подводного царя...

Лидия СТЕПАНОВА (р. 1946)

КОЛОКОЛЬЧИКИ

Когда печалью полнится душа,
Тропинкою иди в зелёный лес, –
Найди одну полянку не спеша,
Наполненную тайною небес.
В полянку эту неба синева
Как будто ненароком пролилась,
А лёгкая зелёная трава
Как обрамленье чуда поднялась.
Здесь милых колокольчиков приют.
Ты слышишь серебристый перезвон?
Как будто нежно ангелы поют,
Как Божий глас звучит со всех сторон.
И вот уже оттаяла душа,
И тихим счастьем полнится она,
И снова жизнь легка и хороша,
И умыслом Творца опять полна.

РОССИЯ

Что для меня Россия?
Зов колдовских берёз,
И полушалок синий
Неба, и песни – до слёз,
И тишина погоста –
С прошлым грустная нить,
Край мой, который просто
Ни на какой не сменить.
Край, где мне душу лечат
Ленты больших дорог,
Что мне дарили встречи –
Те, что случались в срок.
Край, где кресты церквушек –
Ориентир души,
Звон колокольный слушай,
В суетность не спеши.

Пусть надо мной невзгоды
Вили тугую сеть,
Здесь протекли все годы,
Здесь мне и умереть.

Олег МИТЯЕВ (р. 1956)

ДЕНЬГИ

Теперь толкуют о деньгах
В любых заброшенных снегах,
В портах, постелях, поездах,
Под всяким мелким зодиаком.
Тот век рассыпался, как мел,
Который словом жить умел,
Что начиналось с буквы «Л»,
Заканчиваясь мягким знаком.

О, жгучий взгляд из-под бровей!
Листанье сборника кровей!
Что было содержанием дней,
То стало приложением вроде.
Вот новоявленный Моцарт,
Сродни менялам и купцам,
Забыв про двор, где ждут сердца,
К двору монетному подходит.

Всё на продажу понеслось,
И что продать, увы, нашлось:
В цене всё то, что удалось,
И спрос не сходит на интриги.
Явились всюду чудеса,
Рубли раздув, как паруса,
И рыцарские голоса
Смехоподобны, как вериги.

Моя надежда на того,
Кто, не присвоив ничего,
Своё святое естество
Сберёг в дворцах или в бараках,
Кто посреди обычных дел
За словом следовать посмел,
Что начиналось с буквы «Л»,
Заканчиваясь мягким знаком.

Рюрик ИВНЕВ (1891–1981)

ЧЁРНЫЙ БАРАШЕК

Чёрного барашка на базаре
Мальчик равнодушно продаёт;
А вокруг в разгуле и угаре
Суетится праздничный народ.

Где-то видел кудри я такие.
Иль о них мне прадед рассказал.
Может быть, на рынках Финикии
Были те же грустные глаза...

Подошёл к барашку я без цели
И его слегка пощекотал.
Кто его из тёплой колыбели
Вытащил и на базар послал?

Мясники меня подняли б на смех
За слова, рождённые из слёз.
А в Чикаго я, должно быть, распят
Был бы сразу за такой вопрос.

Но слеза не может испариться,
И вовеки не исчезнуть ей,
Каменейте, каменные лица,
И душа, коль можешь, каменей.

1914

БЕЗВЕСТНОМУ ГЕРОЮ

Склонись, склонись мятежной головою,
Остановись на берегу реки,
Здесь прах лежит безвестного героя,
Что пал в бою от вражеской руки.

Кругом поля и небо голубое,
Как музыка, родная льётся речь.
Узнает ли потомок место боя,
Следы былых ожесточённых сеч?

Но никого природа не обманет,
Забьётся сердце, позабыв века,
И пред глазами светлый образ встанет,
Слезою отуманенный слегка.

На берегу, среди полей и в чаще,
Средь шума волн, и в песне, и в тиши
Он вечно с нами, друг наш настоящий,
Свет наших дум и пламенной души.

1948

Фёдор РАКУШИН (1926–2000)

ЛАНДЫШИ

Проснуться бы завтра пораньше
И полем – к дубровной меже,
Где самые ранние ландыши
С зарёй распустились уже.

У дола свернуть только в сторону
И ахнуть, узрев с высоты:
В зелёные дудки завёрнуты,
Как градинки, эти цветы.

Чуть свесив росистые венчики,
Молчком на пригреве стоят,
Но белые их бубенчики –
Прислушаешься – звенят.

И есть что-то в музыке высшее,
Что входит как радость в судьбу.
И эти звоночки неслышные
Морщины разгладят на лбу.

ЖЕНСКИЕ СЛЁЗЫ

Я только отъехал от красного бора,
Как стал донимать пожилого шофёра:
– Скажите!.. А что это там за берёзы?..
– Да то не берёзы, а «Женские слёзы»!
Во время войны тут пахали бабёнки,
Пахали на полуживой коровёнке.
Землица, хотя никому не чужая,
Да больно скупа была на урожаи.

К тому ж и семян-то в колхозе не очень,
А лес и в ту пору шумел у обочин.
И вот из бороздок щетиной полез
Заместо пшеницы берёзовый лес.
Хлебнули тут бабоньки горького горя:
То с галечным камнем, то с порослью спора.
Да всё же сдались... Одолели берёзы,
С тех пор и прозвали их «Женские слёзы»!
...А белая роща светилась, дышала.
От лёгкого ветра игриво дрожала
И, тихо звеня молодою листвою,
Звала виновато под полог лесной.

Борис БЕР (1871–1921)

* * *

Небесами, над горою,
Облака плывут... Игрою
Переливен длинный бег.

На горе, под облаками,
Между чёрными лесами
Золотится белый снег.

Как на дереве киота
Блекнет, вянет позолота
От дыханья долгих дней,

Так и снег янтарно бледен,
Золотист и тускло-меден
Сквозь туман скупых лучей.

КАК ДИОГЕН

Как Диоген, в своё гляжу оконце
На необъятность светлую вселенной.
В моей душе нет зависти презренной,
О славе не пекусь и о червонце.
И если бы в представшем македонце
Мне будущность явилась несомненной,
Я б отвечал с улыбкой неизменной:
«Посторонись! Ты заслони мне солнце!»
Я жизнь люблю не за её богатства,
Не в почестях я сердце успокою,
Не в суете земного наслажденья.
Душа моя не знает святотатства:
Мой дух кипит пророческой тоскою,
И в запредельности живут стремленья.

* * *

Липы цветут.
Мне мой уют
В липах дороже,
Чем царское ложе.
Счастлив мой сад.
Пчёлы гудят
В поисках мёда
С утра до захода.
Счастлив и я.
Вечность моя –
Миг преходящий
И мёдом дарящий.
Липы цветут.

ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ ФЕВРАЛЯ

Борис ЕЛЬЦИН (1931-2007)

ИСПОВЕДЬ НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ (отрывок из книги)

А с потерей двух пальцев случилась вот такая история.

Война, все ребята стремились на фронт, но нас, естественно, не пускали. Делали пистолеты, ружья, даже пушку. Решили найти гранаты и разобрать их, чтобы изучить и понять, что там внутри. Я взялся проникнуть в церковь (там находился склад военный). Ночью пролез через три полосы колючей проволоки и, пока часовой находился на другой стороне, пропилил решётку в окне, забрался внутрь, взял две гранаты РГД-33 с запалами и, к счастью, благополучно (часовой стрелял бы без предупреждения) выбрался обратно. Уехали километров за 60 в лес, решили гранаты разобрать. Ребят всё же догадался уговорить отойти метров за сто: бил молотком, стоя на коленях, а гранату положил на камень. А вот запал не вынул, не знал. Взрыв... и пальцев нет. Ребят не тронуло. Пока добрался до города, несколько раз терял сознание. В больнице под расписку отца (началась гангрена) сделали операцию, пальцы отрезали, в школе я появился с перевязанной белой рукой.

Каждое лето я подрабатывал. Но кроме этого в летние каникулы организовывал ребят на какое-нибудь путешествие. Причём придумывал что-нибудь особенное: или найти исток какой-то реки, или куда-нибудь на Денежкин Камень, или что-нибудь в этом духе. В общем, это сотни километров с рюкзаками, жизнь в тайге по нескольку недель.

Так случилось, что после девятого класса мы решили найти, откуда берет своё начало река Яйва. Очень долго поднимались по тайге вверх – по карте мы знали, что исток реки находится около Уральского хребта. То, что взяли с собой из еды, скоро кончилось, питались тем, что находили в лесу, в тайге. Пospели орехи, жарили грибы, ели ягоды. Лес уральский очень богатый. Прожить там, конечно, можно какое-то время. Шли долго, уже никаких дорог, ничего, одна тайга... Иногда попадалась какая-нибудь охотничья избушка, там ночевали, а в основном или шалаш строили, или просто под открытым небом.

Нашли исток реки – сероводородный ключ. Об-

радовались. Можно было возвращаться. Несколько километров спускались вниз до первой деревушки. К тому моменту уже порядочно выдохлись. Собрали кто что мог: рюкзак, рубашку, ремень, – в общем, всё, что было у нас, вошли в избушку, отдали хозяину, выпросили у него взамен небольшую лодочку, плоскодонку деревянную, и на этой плоскодонке – вниз по реке, сил идти уже не было. Места были красивые, да они и сейчас там прекрасные, люди не смогли всё испортить за это время. Плывём мы, вдруг вверху, в горах, заметили пещеру, решили остановиться, посмотреть. Вошли. Вела-вела она нас, вела и вдруг вывела куда-то в глубь тайги. Туда-сюда, не можем понять, где мы, короче говоря, заблудились, потеряли нашу лодочку. Почти неделю пробродили по тайге, причём ничего с собой не взяли, а тут, к несчастью, оказалось такое болотистое место, лес-подросток, – в общем, он немного давал, чтобы хоть чем-то питаться, и совершенно не давал никакой воды. Болотную жижу вместе со мхом складывали в рубашку, сжимали её, и ту жижу, что текла из рубашки, пили.

В конце концов мы всё-таки вышли к реке, нашли нашу плоскодонку, сориентировались, но из-за грязной воды у нас начался брюшной тиф. У всех. Температура – сорок с лишним, у меня тоже, но я на правах, так сказать, организатора, держусь. На руках перетащил ребят в лодку, уложил на дно, а сам из последних сил пытался не потерять сознание, чтобы лодкой хоть как-то управлять, она шла вниз по течению. У самого оставались силы только подавать ребятам из речки воду, обрызгивать их – было всё на жаре. Они потеряли сознание, а скоро и я стал впадать в беспамятство. Около одного железнодорожного моста решил, что всё равно нас заметят, примкнул к берегу и сам рухнул. Нас действительно увидели, подобрали, привезли в город, а уже месяц, как занятия в школе начались, и, конечно, все разыскивали нас.

Мы пролежали в больнице почти три месяца с брюшным тифом. Лекарств особых не было. Ну а тут десятый класс, последний, выпускной, а я практически ни разу за парту не сел...

Николай АЛЕКСАНДРОВ (р. 1961)

СЧАСТЛИВОЕ СВОЙСТВО ПАМЯТИ *(отрывок из книги)*

Михаила Викторовича Ардова сегодня можно считать автором бестселлеров. Что меня лично чрезвычайно радует. И не только потому, что книги его читать интересно и весело, хотя и это немало важно. Поговорим о другом. О воспоминаниях.

Память – необыкновенный дар. От забвения и небытия человека спасает память, в известном смысле, помнить и значит жить. Беспамятство – род небытия. И самосознание человека основано на памяти. Или «самостоянье», говоря по-пушкински, то есть утверждение себя в мире.

Благодаря памяти человек соединяется с историей. Видит свою жизнь. Как часть истории и своей жизнью об истории свидетельствует. И если потеря памяти так страшна для личности, то что ж говорить об историческом беспамятстве? Историческое одиночество не менее страшно. Человек всегда несёт на себе (в себе) груз прошлого. Однако чем весомее груз, тем легче путь. Яснее, по крайней мере. К тому же прошлого всегда больше в жизни человека.

Память и говорит человеку, что прошлое неуничтожимо, оно вполне реально и явственно. Воспоминание воссоздаёт, казалось бы, навсегда утраченное. Можно сказать и так: что вспоминается, помнится, то только и было. Для человека уж во всяком случае.

Переживаемый сегодня бум мемуаристики самого разного рода и отраден, и вполне объясним. Если угодно, то обилие появляющихся мемуаров указывает на то, что худо ли бедно, но используется предоставленный историей шанс опомниться, что восстанавливается само чувство истории.

Другое дело, что воспоминание воспоминанию рознь. Воссоздавая словом прошлое, человек заново творит свою жизнь и зачастую полностью пере-

создаёт её. Об истории я уж и не говорю. Но дело даже не в предвзятости или злом умысле. Мемуарист может быть настолько поглощён собой и своими переживаниями, что они заслоняют окружающий мир, хотя в любом случае доля субъективизма в воспоминаниях неизбежна. Существенно лишь количество и качество его.

В конечном счёте, от этого зависит и читательское восприятие. Ведь чтение мемуаров в несравнимо большей степени, чем художественной литературы, зависит от читательского доверия.

Ардов относится к тем мемуаристам, которые сразу располагают к себе, чем не в последнюю очередь объясняется успех его книг «Легендарная Ордынка», «Возвращение на Ордынку», непосредственным продолжением которых являются воспоминания «Вокруг Ордынки».

Это воспоминания глубоко личные, хотя бы потому, что написаны о доме, в котором вырос автор. С рассказа о первых детских впечатлениях и начинается «Легендарная Ордынка». Ардов свидетельствует о людях, приходивших в дом, судит о них изнутри семейного уклада. Другое дело, что многие гости становились ордынскими жителями и в свою очередь уклад определяли. Ведь и «легендарной» Ордынка стала благодаря Анне Андреевне Ахматовой.

«Живут открытым домом» – говорили в старой Москве, что указывало не просто на характер московского гостеприимства, но именно на образ жизни, на московскую открытость, во многих домах сохранявшуюся даже в самые страшные советские годы. Открытость, которую невозможно себе представить без старомосковских застолий, чаепитий, разговоров, рассказов, баек, историй, без особой

московской памяти о родственниках, знакомых, родственниках знакомых и т. д. Инерция этой старомосковской бытовой культуры сохранялась довольно долго, и во многом из неё (конечно, с учетом артистической интеллектуальной, но главное, что по духу совершенно не советской среды), из её традиций вырастают воспоминания Ардова. И прежде всего это чувствуется в особом внимании, в чутко-

сти и любви к устному слову. Мемуары о. Михаила тем и удивительны, тем и ценны, что доносят до нас живую речь. Вот где проверяется цепкость памяти. Как часто в воспоминаниях передаётся «впечатление» от бесед или шуток, что, разумеется, отнюдь не то же самое, нежели сама беседа. Здесь требуется не пересказ, а цитата. А уж по части цитат у Михаила Викторовича нет соперников.

Николай ДОБРОЛЮБОВ (1836–1861)

ЧТО ТАКОЕ ОБЛОМОВЩИНА? *(отрывок из статьи)*

По-видимому, не обширную сферу избрал Гончаров для своих изображений. История о том, как лежит и спит добряк-ленивец Обломов и как ни дружба, ни любовь не могут пробудить и поднять его, – не бог весть какая важная история. Но в ней отразилась русская жизнь, в ней предстаёт перед нами живой, современный русский тип, отчеканенный с беспощадною строгостью и правильностью; в ней сказалось новое слово нашего общественного развития, произнесённое ясно и твёрдо, без отчаяния и без ребяческих надежд, но с полным сознанием истины. Слово это – *обломовщина*; оно служит ключом к разгадке многих явлений русской жизни, и оно придаёт роману Гончарова гораздо более общественного значения, нежели сколько имеют его все наши обличительные повести. В типе Обломова и во всей этой обломовщине мы видим нечто более, нежели просто удачное создание сильного таланта; мы находим в нём произведение русской жизни, знамение времени.

Обломов есть лицо не совсем новое в нашей литературе; но прежде оно не выставлялось пред нами так просто и естественно, как в романе Гончарова. Чтобы не заходить слишком далеко в старину, скажем, что родовые черты обломовского типа мы находим ещё в Онегине и затем несколько раз встречаем их повторение в лучших наших литературных произведениях. Дело в том, что это коренной, народный наш тип, от которого не мог отделаться ни один из наших серьёзных художников. Но с течением времени, по мере сознательного развития общества, тип этот изменял свои формы, становился в другие отношения к жизни, получал новое значение. Подметить эти новые фазы его существования, определить сущность его нового смысла – это всегда составляло громадную задачу, и талант, умевший сделать это, всегда делал существенный шаг вперёд в истории нашей литературы.

Такой шаг сделал и Гончаров своим «Обломовым». Посмотрим на главные черты обломовского типа и потом попробуем провести маленькую параллель между ним и некоторыми типами того же рода, в разное время появлявшимися в нашей литературе.

В чём заключаются главные черты обломовского характера? В совершенной инертности, происходящей от его апатии ко всему, что делается на све-

те. Причина же апатии заключается отчасти в его внешнем положении, отчасти же в образе его умственного и нравственного развития. По внешнему своему положению он барин; «у него есть Захар и ещё триста Захаров», по выражению автора. Преимущество своего положения Ильё Ильич объясняет Захару таким образом: «Разве я мечусь, разве работаю? Мало ем, что ли? Худоцав или жалок на вид? Разве недостаёт мне чего-нибудь? Кажется, подать, сделать есть кому! Я ни разу не натянул себе чулок на ноги, как живу, слава богу! Стану ли я беспокоиться? Из чего мне?.. И кому я это говорил? Не ты ли с детства ходил за мной? Ты всё это знаешь, видел, что я воспитан неясно, что я ни холода, ни голода никогда не терпел, нужды не знал, хлеба себе не зарабатывал и вообще чёрным делом не занимался».

И Обломов говорит совершенную правду. История его воспитания вся служит подтверждением его слов. С малых лет он привыкает быть байбаком благодаря тому, что у него и подать и сделать – есть кому; тут уж даже и против воли нередко он бездельничает и сибаритствует. Ну, скажите пожалуйста, чего же бы вы хотели от человека, выросшего вот в каких условиях: Захар, – как, бывало, нянька, – натягивает ему чулки, надевает башмаки, а Ильёша, уже четырнадцатилетний мальчик, только и знает, что подставляет ему, лёжа, то ту, то другую ногу; а чуть что покажется ему не так, то он поддаст Захарке ногой в нос. Если недовольный Захарка вздумает пожаловаться, то получит ещё от старших колотушку. Потом Захарка чешет ему голову, натягивает куртку, осторожно продевая руки Ильё Ильича в рукава, чтобы не слишком беспокоить его, и напоминает Ильё Ильичу, что надо сделать то, другое: вставши поутру, – умыться и т. п.

Захочет ли чего-нибудь Ильё Ильич, ему стоит только мигнуть – уж трое-четверо слуг кидаются исполнить его желание; уронит ли он что-нибудь, достать ли ему нужно вещь, да не достанет, принести ли что, сбегать ли за чем, – ему иногда, как резвому мальчику, так и хочется броситься и переделать всё самому, а тут вдруг отец и мать да три тётки в пять голосов и кричат:

– Зачем? Куда? А Васька, а Ванька, а Захарка на что? Эй! Васька, Ванька, Захарка! Чего вы смотрите, разини? Вот я вас!

Семён ПОРОШИН (1741–1769)

ЗАПИСКИ, СЛУЖАЩИЕ К ИСТОРИИ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА *(отрывок из сочинения)*

Его Высочество изволил проснуться в начале седьмого часа. Одевшись, сел за обыкновенные свои ученья. Перед обедом пришёл Его Превосходительство Никита Иванович; разговаривал о турецком законе. Я доносил Его Превосходительству о замысловатой шутке датского писателя Голберга в рассуждении турецкого законодателя Магомета. Оной писатель, рассуждая в нравоучительных своих мнениях, как хитр и пронырлив был Магомет, говорит, что и в царстве небесном насулил он туркам всего того, к чему они страстны, визнавши все склонности и прихоти сего народа; наконец заключает, что ежели б сему обманщику случилось законодавцом быть у голландцев, то б обещал им в царстве небесном неистощимое множество табаку предрагоценного, сельдей, колбасов, сыру; для лифляндцев везде б масла наставил и проч.

Его Превосходительству мысль сия понравилась, и за стол севши, изволил продолжать её несколько времени. Потом рассказывал Никита Иванович, что чужестранные министры сговариваются отстать от посла английского и отказать ему, когда будет звать их, для того что по своенравию своему особливые дни назначает чужестранным и здешним; никогда не зовёт вместе. Разговорились о визирах турецких. Я сказал при том, что невзирая на то, что так часто их давят, всегда этого места добиваются. Из сего родились генеральные рассуждения.

После зашла речь о покойном Волынском, который казнён во владение Государыни Императрицы Анны Иоанновны. Его Превосходительство Никита Иванович изволил сказывать, что он недавно читал оное дело, и чуть его паралич не убил. Такие мучения претерпел несчастный Волынский, и так очевидна его невинность! На сие зачали описывать, какой негодный человек был Волынский и какого зверского нрава. Никита Иванович, хотя и признавал, что он был человек свирепый и жестокосердный в партикулярной жизни; однако говорил при том, что имел многие достоинства в жизни публичной, был разумен, в делах весьма знающ, расторопен, бескорыстен, верный сын отечества. Невзирая на сие, ещё раза два старание приложено бедного Волынского с худой стороны представить. Великий Князь во всё сие вслушивался. Я не мог удержать

ся, чтоб прямо к нему адресуя речь, не сказать, что как всякий человек не без греха, так и Волынский, конечно, имел пороки, но такие, за кои нигде жизни не лишают, и что несправедное мучение, над ним учинённое, и жестокая ему казнь должны более возбуждать соболезнование, нежели воспоминание о слабостях его нрава.

Посем заведена речь, как жестоки и страшны были времена при Государе Петре Великом. Говоря о деле Волынского, изволил Его Превосходительство Никита Иванович сказывать, что и Григорий Николаевич Теплов по оному делу чуть было несчастлив не был. Он, будучи тогда студентом, расписывал дерево для родословной Артемья Петровича. Несчастному Артемью Петровичу Волынскому и то в государственное преступление вменено было между прочим, что он велел написать свою родословную и вёл род свой от князя Дмитрия Волынца, известного по Мамаеву побоищу; заключено, что тем будто причитался он в свойству к фамилии Романовых. Сие из самых тяжчайших его преступлений было! Но как после доказал, что он расчерчивал только по приказу, не зная ничего; что призван для того был к Волынскому, и Еропкин тут назначил карандашом как чертить ему, то освобождён, а Еропкин взят и вместе с Волынским казнён. Ещё казнён с ними Хрущов, потому что умён был и Волынскому приятель. Ещё Его Превосходительство Никита Иванович рассказывал, что по этому ж делу дошло было и до князя Никиты Юрьевича Трубецкого; но что спас его в то время Иван Иванович Неплюев. Как после добрались до Остермана, и князь Никита Юрьевич был в Комиссии, то и Ивана Ивановича Неплюева также, было, выслуживаясь, хотел управить, как и Остермана, говоря, что в нём душа Остерманская.

В окончании стола пришёл от Государыни Его Превосходительство Иван Перфильевич Елагин и требовал пневматической машины, дабы поставить в библиотеке Её Величества, и как после маскарада сего дня будет турецкому посланнику показывать оную библиотеку и внутренние покои, то б сделать перед ним несколько физических опытов. Машину тотчас велено привезть из летнего Дворца. Но после турок ни в маскараде, ни в библиотеке не был: занемог и сидел дома...

Борис ЗАЙЦЕВ (1881–1972)

ВОЛКИ *(отрывок из рассказа)*

Это тянулось уже с неделю. Почти каждый день их обкладывали и стреляли. Высохшие, с облезлыми боками, из-под которых злобно торчали рёбра, с помутневшими глазами, похожие на каких-то призраков в белых, холодных полях, они лезли без разбору и куда попало, как только их подымали с

лёжки, и бессмысленно метались и бродили всё по одной и той же местности. А охотники стреляли их уверенно и аккуратно. Днём они тяжело залегали в мало-мальски крепких кустиках, икали от голода и зализывали раны, а вечером собирались по нескольку и гуськом бродили по бесконечным пустым

полям. Тёмное злое небо висело над белым снегом, и они угрюмо плелись к этому небу, а оно безостановочно убегало от них и всё было такое же далёкое и мрачное.

Было тяжело и скучно на полях.

И волки останавливались, сбивались в кучу и принимались выть; этот их вой, усталый и болезненный, ползал над полями, слабо замирал за версту или за полторы и не имел достаточно силы, чтобы взлететь высоко к небу и крикнуть оттуда про холод, раны и голод.

Белый снег на полях слушал тихо и равнодушно; иногда от их песни вздрагивали и храпели мужицкие лошадки в обозе, а мужики ругались и подхлёстывали.

На полустанке у угольных копей иной раз слышала их молодая барыня-инженерша, прогуливаясь от дому до трактира на повороте, и ей казалось, что поют ей отходную; тогда она закусывала губу, быстро возвращалась домой, ложилась в постель, засовывала голову между подушек и, скрипя зубами, твердила: «Проклятые, проклятые».

Был вечер. Задувал неприятный ветер, и было холодно. Снег был одет в жёсткую сухую плёночку, чуть-чуть хряскавшую всякий раз, как на неё наступала волчья лапа, и лёгкий холодный снежок змейками курился по этому насту и насмешливо сыпал в морды и лопатки волкам. Но сверху снега не шло, и было не очень темно: за облаками вставала луна.

Как всегда, волки плелись – гуськом: впереди седой, мрачный старик, хромавший от картечины в ногу, остальные – угрюмые и ободранные – старались поаккуратнее попадать в следы передних, чтобы не натруживать лап о неприятный, режущий наст.

Тёмными пятнами ползли мимо кустарники, большие бледные поля, по которым ветер гулял вольно и беззастенчиво, – и каждый одинокий кустик казался огромным и страшным; неизвестно было, не вскочит ли он вдруг, не побежит ли, – и

волки злобно пяtilись, у каждого была одна мысль: «Скорее прочь, пусть все они там пропадают, только бы мне уйти».

И когда в одном месте, пробиваясь по каким-то дальним огородам, они вдруг наткнулись на торчавший из снега шест с отчаянно трепавшейся по ветру обмёрзшей тряпкой, все как один кинулись через хромого старика в разные стороны, и только кусочки наста помчались из-под их ног и шурша заскользили по снегу.

Потом, когда собрались, самый высокий и худой, с длинной мордой и перекошенными от ужаса глазами, неловко и странно сел в снег.

– Я не пойду дальше, – заикаясь говорил он и щёлкнул зубами. – Я не пойду, белое кругом... белое всё кругом... снег. Это смерть. Смерть это.

И он приник к снегу, как будто слушая.

– Слышите... говорит!

Более здоровые и сильные, впрочем тоже дрожавшие, презрительно оглядели его и поплелись дальше. А он всё сидел на снегу и твердил:

– Целое кругом... белое всё кругом...

Когда взобрались на длинный, бесконечный взволк, ветер ещё пронзительнее засвистел в ушах: волки поёжились и остановились.

За облаками взошла на небо луна, и в одном месте на нём мутнело жёлтое неживое пятно, ползшее навстречу облакам; ответ его падал на снега и поля, и что-то призрачное и болезненное было в этом жидком молочном полусвете.

Внизу, под склоном, пятном виднелась деревня; кое-где там блестели огоньки, и волки злобно вдыхали запахи лошадей, свиней, коров. Молодые волновались.

– Пойдём туда, пойдём, всё равно... пойдём, – и они щёлкали зубами и сладострастно двигали ноздрями.

Но хромой старик не позволил.

И они поплелись по бугру в сторону, а потом вкось через ложбину, навстречу ветру...

Лу **АНДРЕАС-САЛОМЕ (1861–1937)**

ПРОЖИТОЕ И ПЕРЕЖИТОЕ (отрывок из книги)

Луга ранним летом были усеяны цветами – высокими и яркими, какие встречаются только на русской земле; даже под сенью деревьев слегка заболоченная почва была усыпана необыкновенно большими незабудками. Так же глубоко, как эти яркие цветы, врезалось в мою память и то, как Толстой, не переставая живо и поучительно говорить, вдруг стремительно наклонился, раскрытой ладонью – так обычно ловят бабочек – схватил и сорвал пучок незабудок, крепко прижал их к лицу, точно собираясь проглотить, и затем небрежно уронил на землю...

Должно быть, именно эта встреча дала повод Райнеру с преувеличенным вниманием всматри-

ваться в каждого встречного мужичка, ожидая увидеть в нём сочетание простоты и глубокомыслия. Порой его ожидания оправдывались. Так, однажды при осмотре Третьяковской картинной галереи с нами рядом оказалась группа крестьян. Перед большой картиной «Стадо на пастбище» один из них недовольно произнёс: «Подумаешь, коровы! Мало мы их видели?» Другой лукаво возразил: «Они потому и нарисованы, чтобы ты их увидел... Ты любить их должен, вот почему они нарисованы, вишь ты. Любить должен, а тебе, вишь ты, нет до них дела». Вероятно, удивлённый своим собственным объяснением, мужичок вопросительно посмотрел на стоящего рядом Райнера. Надо было видеть, как от-

реагировал Райнер. Он внимательно посмотрел на мужичка и ответил на своём плохом русском: «Тебе знать это».

Наконец мы очутились там, где, как казалось Райнеру, ему на каждом шагу будет попадаться то, ради чего тоска пригнала его сюда, – среди людей и ландшафтов на Волге. Мы плыли вверх по течению, с юга на север, и сошли на берег за Ярославлем. Здесь нам довелось пожить некоторое время в русской избе. Пересаживаясь с парохода на паром, мы нашли её в глубинке – новую, пахнущую смолой, с перекрытием из неошкуранных берёзовых брёвен; молодая пара построила её рядом с уже потемневшими, задымлёнными жилищами, а сама отправилась на заработки. Скамейка вдоль стен, самовар, широкий тюфяк, набитый специально для нас свежим сеном, – вот и вся обстановка; в пустом сарае рядом – ещё охапка соломы в качестве постели, хотя крестьянка из соседней избы чистосердечно заверила, что и первый тюфяк достаточно широк для двоих...

Мы несколько раз сходили на берег с пароходов, плывущих по Волге. Бывали в гостях у точно таких же крестьян и даже гостили у крестьянского поэта Дрожжина в его избе. Несколько книг можно было бы написать о том, что мы увидели в России. Нам казалось, мы провели здесь годы, хотя на са-

мом деле это были дни, недели, едва ли месяц. Но всё слилось в один час и в образе одной избы – и виделось нам каждый раз одно и то же: как мы ранним утром сидим на пороге, кипящий самовар стоит на полу, а мы весело наблюдаем за курами, которые с таким любопытством подходили к нам от соседних сараев, точно хотели лично предложить яйца к завтраку.

«Изда, встреченная нами в пути», и в самом деле символизирует то, что было для Райнера землёй обетованной, Россией. Одна из этих изб, сложенных из берёзовых брёвен, с резным щипцом, стены которой времена года, сменяясь, насыщали чистыми естественными красками, то тёмными, то светлыми, и стала тем «местом», «местом отдыха», о котором ему мечталось перед началом путешествия, которое ему потребовалось, чтобы свершить своё. Здесь обитал народ, чьим уделом были нужда и нищета, но в характере которого покорность соединилась с уверенностью в своих силах; Райнер тоже изначально чувствовал в себе настоящее внутреннее призвание, подчинявшее себе всё, что бы с ним ни происходило. Уделом, судьбой этого народа был «Бог». Не небесный вседержитель, облегчающий тяготы жизни, а ближайший покровитель, оберегающий от окончательной гибели, – русский бог Лескова, обретающийся «в левой подмышке».

Татьяна ЭДЕЛ (р. 1951)

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОТА БАТОНА (отрывок из сказки)

В одной маленькой деревушке жила-поживала одна старушка. Домик её стоял вблизи большой дороги, и путешественники часто обращались за советами к мудрой бабушке. А ещё этот домик был знаменит тем, что у калитки день и ночь сидел огромный кот. Кота звали Батон. Когда он был ещё совсем маленьким, то лежал обычно не клубочком, как все его братья и сёстры, а вытянувшись в струнку. Ну батончик, да и только. Вот так его и прозвали – Батон.

Ах, какой был красавец кот! Шерсть длинная да пушистая, серая, словно дым. Как шёл по деревне, всяк прохожий улыбался, видя его. Лапки светлые, на груди пятно белое звездой проступает, хвост метёлкой густой дыбится. Чудо, а не кот.

Бабуся его любила безмерно, сметаной да сливками баловала. Вот и вырос кот до размеров огромных. Ленивый стал, непослушный. Не хотел дома сидеть и мышей ловить, а всё выглядывал на большую дорогу, вдруг да случится что-то необыкновенное.

Ан и случилось. Проезжала по дороге карета золочёная. Сидела в ней девочка-принцесса. Увидела она чудо-кота, крикнула слугам, чтоб поймали его. Принесли Батона, посадила принцесса его на подушку бархатную. Смотрит не насмотрится. А кот мурлычет, радуется. То-то мечта сбылась.

Вот приехали во дворец. Выпрыгнул кот из кареты, смотрит – мчится навстречу огромная собака, будто дракон чёрный. Не доводилось Батону собак породистых выдывать. Зашипел кот, шерсть дыбом.

А та и внимания не обращает, кто тут под ногами мешается. Не царской собаки это дело на всяких пришлых котов заглядывать. К принцессе ластится, прыгает, радость свою выказывает.

Припечалился кот: значит, не главный он тут будет любимец. Ну да ладно, поживём – увидим.

А принцесса – та всякую живность любила. И кто только не жил у неё: и птицы, и рыбы, и крысы, и хомячки, и много ещё всяких зверей невиданных.

Дали коту свой уголок. Спал на подушках бархатных, ел из мисок серебряных. Да только заскучал Батон. Не хватало ему любви и ласки. Раньше, бывало, каждый, кто мимо проходил, обязательно останавливался приласкать и слово доброе сказать. А тут он и не нужен никому. Даже принцесса забыла совсем о нём. Решил кот показать себя, какой он охотник бравый.

В одной комнате стоял ящик стеклянный, в нём хомячки жили. А ящик тот сверху дощечками закрыт был. Кот запрыгнул, а досочки-то мешают. Просунул он лапы, достать хомяка старается, да не тут-то было. Улёгся тут же, стал вниз смотреть да думу думать, как же изловчиться. Толстый же был кот да большущий. Вот доски и не выдержали. Провалился Батон прямо в ящик на хомяков. Сам перепугался, уши прижал, лежит, опомниться не может. А зверьки писк подняли на весь дворец. Прибежали слуги, и даже сама принцесса пожаловала. Вытащили кота, отругали и без ужина оставили.

Загорюнился совсем Батон и решил домой убежать. Подсмотрел, как двери открываются. Поздно вечером, когда затихло всё во дворце, подпрыгнул кот и повис на ручке дверной. Вот дверь-то и отворилась. Обрадовался котище и ну бежать что есть мочи.

Долго ли он бежал, то нам неведомо. Только путь его пролегал мимо мельницы. Там у телеги играл парнишка лохматый. Увидал кота, стал звать ласково:

– Киса, киса.

А как подошёл кот, схватил его мальчишка, привязал к хвосту верёвку, а на другой конец банку пустую. Побежал Батон, а банка за ним громыкает. Парень радуется, улюлюкает, а кот трясётся от страха.

Прибежал в лес, отдышаться не может. Грыз-грыз верёвку, еле перегрыз. Погоревал за долю свою незавидную и дальше побежал. А вскоре увидел Батон дорогу знакомую да дом родимый неподалёку. Пуще прежнего припустился кот, а навстречу старушка милая торопится.

– Ах ты, ненаглядный мой беглец. Уж как я рада снова видеть тебя! Как ждала тебя, как печалилась. И белый свет был не мил без тебя, друга единственного.

Взяла грязного, сбившего лапы в дороге, кота на руки, понесла домой сливочками кормить. И понял кот, что нет ничего на свете дороже и лучше дома родного да сердца любящего.

Николай ЛЕСКОВ (1831–1895)

ДУРАЧОК (отрывок из рассказа)

Кого надо считать дураком? Кажется, будто это всякий знает, а если начать сверять, как кто это понимает, то и выйдет, что все понимают о дураке неодинаково. По академическому словарю, где каждое слово растолковано в его значении, изъяснено так, что «дурак – слабоумный человек, глупый, лишённый рассудка, безумный, шут...». В подкрепление такого толкования приведён словесный пример: «Он был и будет дурак дураком». «Дурачок – смягчение слова дурак». Учёнее этого объяснения уже и искать нечего, а между тем в жизни случается встречать таких дураков или дурачков, которым эта кличка дана, но они, между тем, не безумны, не глупы и ничего шутовского из себя не представляют... Это люди любопытные, и про одного такого я здесь и расскажу.

Был у нас в деревне безродный крепостной мальчик Панька. Рос он при господском дворе, ходил в том, что ему давали, а ел на застольщине вместе с коровницею и с её детьми. Должность у него была такая, чтобы «всем помогать»; это значило, что все должностные люди в усадьбе имели право заставлять Паньку делать за них всякую работу, и он, бывало, беспрестанно работает. Как сейчас его помню: бывало, зимою, – у нас зимы бывают лютые, – когда мы встанем и подбежим к окнам, Панька уже везёт на себе, изогнувшись, большие салазки с вязанками сена, соломы и с плетушками колоса и другого мелкого корма для скотины и птиц. Мы встаём, а он уже наработался, и редко увидишь его, что он присядет в скотной избе и ест краюшку хлеба, а запивает водою из деревянного ковшика.

Спросишь его, бывало:

– Что ты, Паня, один сухой хлеб жуёшь?

А он шутя отвечает:

– Как так «с ухой»? Он, гляди-ко, с чистой водицею.

– А ты бы ещё чего-нибудь попросил: капустки, огурца или картошечки!

А Паня головой мотнёт и отвечает:

– Ну вот ещё чего!.. Я и так наелся – слава те Господи!

Подпоясается и опять на двор идёт таскать то одно, то другое. Работа у него никогда не переводилась, потому что все его заставляли помогать себе. Он и конюшни, и хлева чистил, и скоту корм задавал, и овец на водопой гонял, а вечером, бывало, ещё себе и другим лапти плетёт, и ложился он, бывало, позже всех, а вставал раньше всех до света и одет был всегда очень плохо и скаречно. И его, бывало, никто и не жалеет, а все говорят:

– Ему ведь ничего, – он дурачок.

– А чем же он дурачок?

– Да всем...

– А например?

– Да что за пример! – вон коровница-то все огурцы и картошки своим детям отдаёт, а он, хоть бы что ему... и не просит у них, и на них не жалуется. Дурак!

Мы, дети, не могли хорошо в этом разобраться, и хоть глупостей от Паньки не слышали, и даже видели от него ласку, потому что он делал нам игрушечные мельницы и туесочки из бересты, – однако и мы, как все в доме, одинаково говорили, что Панька дурачок, и никто против этого не спорил, а скоро вышел такой случай, что об этом уже и нельзя стало спорить.

Был у нас нанят строгий-престрогий управитель, и любил он за всякую вину человека наказывать. Едет, бывало, на беговых дрожках и по всем сторонам смотрит: нет ли где какой неисправности? И если заметит что-нибудь в беспорядке – сейчас же остановится, подзовёт виноватого и приказывает:

– Ступай сейчас в контору и скажи моим именем старосте, чтобы дали тебе двадцать пять розог; а если слукавишь – я тебе вечером при себе велю вдвое дать.

Прошенья у него уж и не смели просить, потому что он этого терпеть не мог и ещё прибавлял наказание.

Вот раз летом едет этот управляющий и видит, что в молодых хлебах жеребят ходят и не столько зелени рвут, сколько её топчут и копытами с корнями выколупывают...

Управитель и расшумелся.

А жеребят в этот год был приставлен стеречь мальчик Петруша – сын той самой Арины-коровницы, которая Паньке картошек жалела, а всё своим детям отдавала. Петруша этот имел в ту пору лет

двенадцать и был телом много помельче Паньки и понежнее, за это его и дразнили «творожничком» – словом, он был мальчик у матери избалованный и на работу слабый, а на расправу жидкий. Выгнал он жеребят рано утром «на росу», и стало его знобить, а он сел да укрылся свиткою, и как согрелся, то на него нашёл сон – он и заснул, а жеребятки в это время в хлеб и взошли...

Софья МОТОВИЛОВА (1881–1966)

МИНУВШЕЕ (отрывок из воспоминаний)

Я родилась в Симбирске – маленьком губернском городе на Волге, с пыльными улицами, маленькими деревянными домами, со скудной, запылённой растительностью, чудесным видом на Волгу из сада, называемого «Венец», с четырёхэтажным красным зданием кадетского корпуса, с тюрьмой, больницей, собором и губернаторским домом. В то время Симбирск считался типичным дворянским гнездом. Никто не знал ещё, что здесь родился Ленин...

Жизнь в те дни текла мирно и тихо. У моей бабушки были танцклассы. Об этих танцклассах и балах мы, дети, знали по тому, что нам в дом присылали в ковровых мешках целые вороха шёлковых и атласных туфель – бледно-розовых, голубых, белых. Они нам были велики, спадали с ног, но мы всё же надевали их и стучали высокими каблуками. Мои тётки, ещё девочки, не выезжали, но о выездах мы слышали от мамы. Казались заманчивыми рассказы, как подкатывала карета к Дворянскому собранию, прыгивал лакей, бросал коврик от кареты к ступеням и в таких атласных туфельках моя мать и тётка Лида быстро пробегали к дому. Мы любили рассматривать мамины картонки с искусственными цветами, которые прикалывались к бальным платьям, и чудесными казались мне эти нежные бледные розы.

Мимо наших окон проходил иногда красивый чёрный гимназистик, будущий замнаркома здравоохранения Соловьёв. Потом я встретила с ним в ссылке, в Усть-Сысольске. Кроме моего друга, к которому мы приехала, Соловьёв был там единственным большевик. У меня хранятся несколько снимков, сделанных им в Усть-Сысольске, и нарисованный им портрет Ницше. Он недурно рисовал.

Потом я Соловьёва встретила в здании Наркомата здравоохранения в 1927 году, в большом, светлом кабинете. Уже седой, по-прежнему красивый, в военной форме, он вошёл туда упругой лёгкой походкой.

Из тех трёх обликов Соловьёва, какие сохранились в моей памяти в разные годы его жизни, этот мне более всего понравился. Чувствовалось, может быть, и сознание власти, и сознание большой ответственности, какая-то сдержанная деловитость. Таким, думалось, простым, деловым должен быть

народный комиссар пролетарского государства.

Но в то время, о котором я пишу, Соловьёв был только красивым гимназистом; не было пролетарского государства, а была старая царская империя.

Наша детская жизнь была проста, как наш маленький дом на Лисиной улице с простой мебелью, крытой ситцем; в доме побольше, в два этажа, жили бабушка, дедушка и их многочисленные дети. Это был старый и новый мир. Там, у бабушки, – мир старых традиций, у нас – мир отрицания традиций. Отец был как-то один, в оппозиции ко всему окружающему. У бабушки он не бывал, и бабушка у нас не бывала. Помню, как-то подъехала она в своём экипаже, запряжённом парой белых лошадей, вышла мама, поговорила о чём-то, и бабушка поехала дальше.

Отец – я его мало знаю. Он любил – это я узнала уже потом, в молодости, – Писарева, а затем Салтыкова. Он бросил гимназию, где прекрасно учился, и уехал в Олонецкую губернию сельским учителем. Там оставался недолго, женился на моей матери и жил одиноко, чуждый окружавшей его провинциальной среде.

Это были мрачные восьмидесятые годы, начало царствования Александра III. От отца мы, дети, узнали, что есть чиновники, которые подбострастничают перед начальством, и есть дворяне, которые надевают дворянский мундир и ездят к губернатору с визитом. Знали мы ещё, что все думают, будто есть бог, но умные люди знают, что бога нет, и знали, что внутри земли какая-то расплавленная, горячая масса. Помню, как я сидела в нашем пыльном дворе и копала палочкой землю в полной уверенности, что раскопаю землю и дойду до этой горячей массы. Мне хотелось сделать великое открытие. И помню то напряжение, которое я испытывала, и ту радость, что сделаю открытие, и ту усталость, разочарование, когда ни до чего не удалось докопаться.

Отец чудесно рисовал, но это было только дилетантство, небрежные наброски карандашом. Рисовал он много для нас, детей, и сами мы постоянно рисовали, и отец говорил, что я рисую хорошо и когда буду большой, поступлю в Академию художеств. И я мечтала о том, как буду известной художницей. В пять лет обо всём можно мечтать...

Владимир КАРПЕНКО (1926–2005)

ЩОРС (отрывок из книги)

Первое время не хватало Николаю дня. Разрывался между ротами за посёлком и тылами, тылы нуждаются в большем догляде. Убедившись, что отделённые и взводные, подобранные из унтеров, справляются со своими обязанностями, стал больше задерживаться в посёлке. Организация служб обеспечения, команд, хозяйственной части оказалась куда сложнее, нежели строя. Одно снабжение портило кровь, забирало уйму сил и времени. До двух десятков пароконных бричек выделено продотряду. Кормить людей с каждым днём становилось труднее. Всё дальше и дальше забивались продотряды от Унечи: реквизировали, скупали у богатеев и селян хлеб, картошку, расплачиваясь квитанцией с полковой печатью. За годы войны убавился по сёлам скот, не осталось по дворам излишков. Вместо мяса снабженцы умудрялись доставать рыбу. Скудный, несытный паёк. На сутки выдавали кусок хлеба около фунта, хлеб несеяный, из овса или гречихи. Мало приходилось поесть ржаного. Варили иногда борщ с капустой и картофелем, а чаще – с прелой фасолью. Николай видел: старики не так тяжело переносят недоедание, как семнадцати-восемнадцатилетние. Делал вид, что не замечает, когда взводные на обратном пути с занятий оставляют пару-тройку ребят с сумками – покопаться в собранных картофельных делянках. Вечером, до ужина, пекли её в костре или варили в мундирах.

Одoleвало курево. Махорки поступало мало. Курили всё, что можно завернуть в обрывок газеты, из чего валит дым; пробовали старую вату из своих пиджаков с сухими листьями берёзы. У кого появлялся самосад – курили отделением, пуская табачный дым один другому в рот.

Прибавлялось дел и политическим работникам. Очень скоро Николай почувствовал, что не всё поддается голосу командира. Чаще и чаще среди бойцов вытыкает голову неповиновение: отказался запевала на походе петь, не пополз боец по луже, не побежал, не поднялся с нар после первой команды... Разбираясь в проступках, анализируя, приходил к выводу, что причины неповиновения порою скрыты глубоко – главный политagitатор полка Константин Лугинец вечерами пропадал в бараках, за

неделю сорвал до хрипа голос. Именно он высказал тревогу:

– Сдаётся, Николай Александрович, кто-то в бараках орудует... Против нас.

– Что имеешь в виду?

– Каждый вечер долбишь: трудности, мол, временные, скоро пойдём на родину, освобождать собственные семьи, дома, там есть хлеб, мясо... Ждут того часа. Иные ждут терпеливо, понимают. Раздаются и такие голоса: рвать, мол, с москалями, они голодом морят...

– Кто?

– Чёрт его знает...

– Голос-то натурального националиста, петлюровца.

– Голос... Морду ведь он тебе не кажет. Беседовал с одним таким, голосистым... Парнишка, молоко материнское на губах. С чужих явно слов.

Поздно вечером Николай с адъютантом полка Коцаром попали к председателю Унечской организации РКП (б).

– На огонёк, товарищ Иванов, – отряхивая с фуражки капли дождя, от порога отозвался Коцар.

– А, богунцы... Опять что-нибудь просить? Пробивайтесь.

Просторный кабинет забит стульями, табуретками, стаченными со всего дома. Люди только ушли, плотный слой табачного дыма окутал у потолка электрическую лампочку. На столе у председателя горела лампа под зелёным абажуром.

– Проси не проси, всех наших дыр не залатаешь, – Николай, разгребая ногами стулья, пробился к столу. – Но нужда привела серьёзная...

Иванов оторвался от бумаг, снял очки. Серое, давно не бритое лицо, припухлые мешки под уставшими глазами говорили о том, что этот человек редко покидает помещение.

– Что там у вас?

Богунцы поделились своей тревогой. Слушая, Иванов выставил хлеб, холодную говядину. Из соседней комнаты вынес эмалированный чайник; ощупывая его, подмигнул: не остыл, мол.

– В посёлке всякой сволочи предостаточно, – заговорил он. – Вот статисты подали сегодня... Нетрудового элемента ложкой не повернёшь. Не придумаешь, что и делать...

Елена СКРЯБИНА (1906–1996)

ЭТО БЫЛО В РОССИИ (отрывок из воспоминаний)

Симбирск красиво раскинулся на берегах Волги и, в полном смысле этого слова, утопал в зелени. Всё цело.

Мы все с интересом всматривались в очертания города и окрестных сёл и деревень. Единственный человек в нашем вагоне, не разделявший наших восторгов, была старуха кухарка, которая, потеряв место у своих бывших господ в Лукоянове, попроси-

ла мать взять её с собой, если даже не к нам, то хоть помочь ей устроиться в большем, чем Лукоянов, городе. Но эта Марфуша, не имея никакого представления о географии России, почему-то считала, что если Симбирск – родина Ленина, то он должен быть по меньшей мере как Петроград, в котором она раньше жила и который обожала. Её недоумение и разочарование при приближении к Симбир-

ску было велико. Завидя его издали, она сообразила, что никакого сравнения с Петроградом быть не может и ей придётся опять «прозябать» почти что в провинции, которую она ненавидела всеми силами души. Её рассуждения и возмущение потешали всех нас, и мы старательно убеждали её, что в провинции, особенно на Волге, теперь жить гораздо лучше, спокойнее и сытнее. Все эти слова никакого впечатления на неё не производили.

В Симбирске жила сестра моего отца с внуком. Мой дядя и двоюродный брат (друг моего детства) ушли с Белой армией. Родители маленького Арсения (внука тётки) покинули тоже Россию со старшим сыном и жили за границей. Арсения временно оставили у бабушки в Симбирске, где он так и застрял из-за невозможности переправить его к родителям. Тётя Ада нашла нам квартиру поблизости от её бывшего дома, в котором теперь она занимала две комнаты, что считалось большой роскошью.

Мать моя, с юных лет в дружбе с тетёй, была особенно рада тому обстоятельству, что, кроме меня и Георгия, у неё будет по соседству большой друг.

Так как мы приехали в начале июня, то до 1 сентября я была свободна от школьных занятий и занялась изучением города и окрестностей, которые меня очень интересовали, ибо Симбирск был родиной одного из моих любимых русских писателей – Гончарова. В своём романе «Обрыв» он описал очень красивое место недалеко от города. Осмотр «Гончаровского обрыва» был первым занимательным событием в моей «Симбирской эпопее». В то же время моя мать усиленно искала работу и вскоре устроилась машинисткой в одном железнодорожном учреждении, помещавшемся на нашей улице.

Брат разъезжал по служебным делам, а будучи в Симбирске, помогал Анне с её устройством на новом месте. К счастью, она тоже скоро получила ра-

боту. Думаю, что в её случае главную роль сыграла её чрезвычайно привлекательная внешность.

Моя жизнь протекала в прогулках, доставлявших мне большое удовольствие, и в утомительных и несносных походах на базар со знаменитой кухаркой Марфушей, которая, за ненахождением пока другого места, поселилась у нас. Эти походы вскоре превратились для меня в настоящую муку. Не говоря уже о том, что с нашими ограниченными средствами было очень трудно приобретать всё необходимое, самое главное заключалось в невозможном характере этой Марфуши.

Она возненавидела Симбирск, роптала на свою судьбу, занёсшую её в такую даль от любимого ею Петрограда. Бесперывно бранила во весь голос и «на все корки» советскую власть – причину всех её несчастий, как она считала.

При матери и Георгии она не решалась очень расходиться, но моё присутствие её словно ещё более вдохновляло, ибо я не могла запретить ей так себя вести и поневоле являлась молчаливой слушательницей её ярых нападок. Абсолютно всё, пока мы шли на базар, вызывало её возмущение. Если извозчик хлестал кнутом лошадь – вина советской власти, позволяющей истязать животных. Если попадались навстречу жалкие, бездомные собаки – опять-таки советская власть виновата – довела страну до такого голода. Марфуша обожала животных и считала, что забота о них входит в прямую обязанность правителей города.

Иначе как иродами она не называла всех тех, кто имел какое-либо отношение к администрации города. Все у неё были большевиками, коммунистами, проклятыми, извергами. Всем она жаловалась, кто только ни встречался на пути. Часто она просто останавливалась по дороге на базар и начинала изливать свою злобу на кого придётся...

Вениамин БОНДАРЕНКО (1926–1998)

ВНУК СТАРОГО ГРОМА (сказка)

За селом на холме стояла старая ветряная мельница. Давно она уже не работала, и никто на ней не жил. Но вот с некоторых пор стала эта мельница как-то странно поскрипывать. Вроде и ветра нет, жара, а мельничные крылья этак тихо: крип-скрип, крип-скрип...

А на днях случилось такое, от чего у бабушки Василисы ещё три волоска на висках поседели. Взяла она утром лукошко, посошок и пошла в лес за клубничкой. Идёт, лукошком помахивает, посошком постукивает – туп-топ, туп-топ...

А идти нужно было мимо мельницы. Поравнялась бабушка с ней и слышит: мельничное крыло этак загадочно – скрип-крип... И тут что-то тяжёлое – джик! – мимо бабушкиного носа – и шмяк об дорогу.

Смотрит бабушка Василиса – вроде пыль перед ней поднялась, и слышит она будто голос какой-то:

– Хе-хе! Испугалась, бабушка?

И тут высунулась из пыли мордочка, синяя-синяя, и улыбнулась.

Дрогнуло у бабушки Василисы и выпало из рук лукошко. Повернулась бабушка и прямоком, прямоком через луг, спотыкаясь, прибежала в село. Рассказывает, губы дрожат, руки дрожат – а никто не верит.

А на чердаке мельницы в это время дед Гром бранил своего внука Громёнка:

– Опять на мельничном крыле катался, запинай тебя воробей! Расшибёшься!

– Не расшибусь, дедушка, – храбро ответил Громёнок, – я ловкий! – и под носом вытер.

– Ловкий-то ловкий, а вон бабушку напугал: лукошко потеряла.

– Я ей отдам, дедушка! Вот как пойдёт она в лес, так и отдам.

Снаружи вдруг потемнело и зашуршало по крыше:

– Эй, бабушка, жив ли?

Обернулся старик Гром и видит: ухватилась за мельничные крылья Туча, заглядывает на чердак. Сама чёрная, а вокруг, как огненные змеи, молнии извиваются.

– О! – протянул дед. – А я думаю: что это у меня с самого утра поясницу разламывает? К дождю, значит.

– К дождю, бабушка, к дождю, – подтвердила Туча и добавила: – Идём, погреми немножко. А то и воды во мне много и молний, а погреметь некому.

– Неможется мне, – ответил Гром, – стар станюлюсь. Хочешь, возьми внука. Он хоть и молод, а гремит здорово.

– Меня, бабушка! – Громёнок даже подпрыгнул от радости – больно уж ему погреметь хотелось.

– Тебя, – продолжал дед. – Да не безобразничай. Бабушку вон напугал: потеряла лукошко.

Посадила Туча Громёнка на спину, и поплыли они поля, лес, село дождями поливать. Хорошо полили и погремили на славу. В нашем селе давно такого резвого грома не слышали.

Ну а после дождя, как известно, грибов полон лес. Взяла бабушка Василиса второе лукошко, что бабушка Матвей на досуге сплёл, пошла в берёзовую рощу. Да не мимо мельницы, а окольной дорогой.

Пришла в рощу, насобираала грибов, шагает по просеке, цветам улыбается, солнышку. И вдруг слышит – зовёт её кто-то:

– Бабушка, а бабушка...

Оборачивается и глазам не верит: по просеке, покачиваясь, будто несёт его кто, шагает к ней лукошко – то самое, что она у мельницы выронила. Охнула бабушка Василиса, бросила грибы – и домой. Мчится по просеке, ног под собой не чувствует. А сердце – тук-тук, тук-тук... Дышать нечем бабушке. Остановиться хотела, оглянулась и видит: бегут за ней оба лукошка и кричат:

– Бабушка, обожди! Бабушка, обожди!

Взвизгнула бабушка Василиса – и про старость забыла.

Прибежала в деревню, разевает рот, машет руками, а сказать ничего не может. А вечером вышла на крыльцо и видит: стоят её оба лукошка на нижней ступеньке. Одно – с ягодами, другое – с грибами.

«Нечистая сила донимает», – решила бабушка Василиса. Перекрестила она трижды оба лукошка и закопала в огороде под старой осинкой.

А на мельнице Громёнок говорил деду:

– Ну вот, бабушка, понёс бабушке лукошко, а она испугалась и второе бросила. Я догонял, догонял – не догнал. Отнёс и на крыльцо поставил. Теперь, наверное, уже в избу внесли, грибы жарят.

Светлана АЛЛИЛУЕВА (1926–2011)

КНИГА ДЛЯ ВНУЧЕК (отрывок из воспоминаний)

И вот мы снова в гостинице «Советская» на Ленинградском шоссе, рядом с бывшим «Яром» – ныне Государственным цыганским театром СССР. Прошло восемнадцать месяцев с тех пор, как мы приехали сюда из аэропорта Шереметьево, и я была тогда полна надежд на воссоединение с семьёй, а Оля, наоборот, с ужасом думала о предстоящем. Теперь я с ужасом раздумываю, как бы мне поскорее выбраться отсюда, а она всё ещё в слезах от разлуки с грузинскими друзьями... И ничего, на что я надеялась, ничего, что я планировала, не осуществилось...

В гостинице нас встретили как старых знакомых. Швейцар у двери широко улыбался нам, регистраторша – тоже. Тогда у нас был бесплатный двухкомнатный номер люкс. Теперь мы заплатили вперёд за самый простой номер из одной комнаты с двумя кроватями. Но как старым знакомым нам позволили держать в комнате нашу пекинскую собачку Маку – неслыханное нарушение правил, которые гласили: «без животных». Нашу пекинку все стремились погладить, она была ещё очень маленькая, размером с котёнка. Мы кормили её остатками еды, приносимой нам в номер, а «гулять» она ходила на кафельном полу в ванной, на газетку. Так прожили мы здесь ещё двадцать долгих и нелёгких дней.

По приезде я сейчас же пошла вниз, на почту и послала телеграмму: КРЕМЛЬ, ГОРБАЧЁВУ.

С уведомлением о вручении. Я коротко спрашивала, получены ли мои письма и каков ответ. Потом отправилась в экспедицию Верховного Совета, возле Кремля, и отдала там наши с Олей заявления о выходе из советского гражданства.

На следующий день мне вручили квитанцию: «Телеграмма вручена адресату». Ну-с, один барьер взят. Посмотрим, что будет.

На следующий день к нам постучали в дверь, и безо всякого предупреждения появилась элегантная молодая американка – представительница консульства США. Она, смеясь, рассказала, что никому не сказала внизу, куда идёт, но что в гостинице остановились в это время несколько американцев – из числа «борцов за мир», и она сделала вид, что идёт к ним. Потом она должна была догадаться, где находится наш номер, и это ей удалось! Мы смеялись, она гладила собачку – сказала, что любит животных, – и вдруг стало так хорошо, как дома...

Мы сели, чтобы выяснить, что мне нужно для получения нового паспорта вместо истекшего год назад, и она удивилась, что у меня сохранилась самая важная из всех бумаг: удостоверение из Федерального суда в Ньюарке, в Нью-Джерси, где сообщался факт моей натурализации, со всеми номерами, датами и формальностями. Мы заполнили все необходимые формы.

Я спросила её, считает ли она, что я могу вер-

нуться в США, учитывая всю ужасную прессу, писавшую обо мне небылицы за прошедший год. В особенности, статья старого моего недоброжелателя Патриции Блейк в журнале «Тайм». Но она рассмеялась, заметив, что наше возвращение создаст нам совсем иную – хорошую – прессу и что, безусловно, я не должна сомневаться, возвращаться ли мне в США.

Всё-таки я спросила, есть ли возможность для меня остаться во французской части Швейцарии, где я была гостьей в 1967 году и до сих пор никак не могла забыть монастырь Святого Посещения в Фрибурге. Ах, как бы мне хотелось остаться там навсегда и избежать новых встреч с прессой в США... Она сказала, что может сделать запрос об этом в швейцарском посольстве в Москве. Я предупредила её, однако, что у меня ещё нет разрешения на выезд

из СССР. «Мы сделаем всё, чтобы помочь вам, – приветливо сказала она, уходя. – Приготовьте новую фотографию для вашего паспорта».

После её ухода я сидела тихо, не веря самой себе. Оля заметно повеселела от этой встречи: несколько американских шуток так ободрили её. И я тоже почувствовала вдруг тёплый ветерок оттуда, из-за океана, где прожила почти двадцать лет... Наша посетительница оставила в комнате запах хороших духов и ту несравнимую атмосферу, которую несут с собой только американские женщины определённого социального уровня: с достатком, хорошо, но неброско одетые, получившие образование в лучших колледжах, такие вымытые, такие жизнерадостные, такие распорядительные и деловые. Как давно мы не встречались с ними! Мы сидели с Олей, думая об одном и том же...

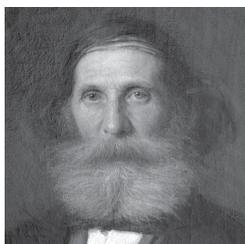
ЮБИЛЕЙНЫЙ КАЛЕНДАРЬ МАРТ 2021

5 марта – 35-летний юбилей отмечает поэтесса, актриса, драматург **Вера Николаевна Полозкова** (р. 5.03.1986, г. Москва). Училась на факультете журналистики МГУ. На основе своих стихотворений создала спектакли «Стихи о любви», «Стихи о Москве». Автор поэтических сборников «Непоэма» (2008), «Фотосинтез» (2008), «Остотчерчение» (2013), «Ответственный ребёнок» (2017). Лауреат премии им. Риммы Казаковой (2011). Приезжала в Ульяновск в День города 11 сентября 2016 года, выступила с поэтической программой на площади Ленина.

6 марта – 95 лет со дня рождения прозаика **Владимира Алексеевича Пастухова** (6.03.1926, г. Москва – 10.09.2012, г. Сенгилей Ульяновской обл.). Участник Великой Отечественной войны. С 1950 года жил в Сенгилее. Работал монтером телефонной станции, рамщиком на пилораме, начальником спасательной станции. Автор книги прозы «Спасибо, братишки» (1993), повестей «Кортик адмирала», «Вниз по Волге-реке», «Ждан Белоярский», «Повесть о Григории, в рубашке рождённом» и др. Почётный гражданин Сенгилея.

7 марта – 200 лет назад родился писатель-мемуарист **Николай Петрович Боголюбов** (7.03.1821, с. Верхнее Аблязово, ныне с. Радищево Кузнецкого р-на Пензенской обл. – 19.09.1898, г. С.-Петербург). Внук А.Н. Радищева. В 1861 году путешествовал на пароходе по Волге, посетил Симбирск, в путеводителе «Волга от Твери до Астрахани» (1862) описал достопримечательности Симбирской губернии. Автор книг «Рассказы старого матроса» (1883), «Купец Иголкин» (1886), «Кораблекрушение» (1886), «Мореход Герасимов» (1889) и др.

8 марта – 260 лет со дня рождения польского писателя и путешественника **Яна Потоцкого** (8.03.1761, имение Пиково, Речь Посполитая – 23.12.1815, с. Уладовка ныне Винницкой обл. Украины). В 1806 году при возвращении из Монголии побывал в Симбирске («чтобы посмотреть на слияние Волги и Камы, ибо это, как будто, прекрасное зрелище»). Автор книг «Путешествия в Турцию и Египет в 1784 году» (1787), «Первоначальная история народов России» (1802), романа «Рукопись, найденная в Сарагосе» (1804–1805) и др.

9 марта – 90 лет назад родился поэт **Иван Иванович Малыхаткин** (9.03.1931, с. Таловка Камышинского р-на ныне Волгоградской обл. – 27.09.2015, г. Саратов). Член Союза писателей СССР (1970). В 1970-х гг. трудился в Приволжском книжном издательстве. В 1987 году руководил зональным семинаром поэтов Среднего Поволжья в Ульяновске. Автор поэтических сборников «Снегириный свет» (1969), «Иловля» (1971), «Даль открытая» (1974), «Две зари» (1976), «Дымка луговая» (1980), «Земная высота» (1981), «Ощущение света» (1986) и др.

10 марта – 75 лет со дня рождения историка, краеведа **Юрия Дмитриевича Ефимова** (10.03.1946, хутор Пухляковский Ростовской обл. – 23.06.2001, г. Ульяновск). С 1955 года жил в Ульяновске. С 1966-го работал в областном краеведческом музее им. И.А. Гончарова, в т.ч. его директором (1986–1990). Автор книг «Очерки истории суконной промышленности Симбирской губернии» (1993), «Ульяновск и Ульяновская область в годы Великой Отечественной войны» (1995), «Симбирск в годы Первой мировой войны 1914–1918» (2006).

11 марта – 205 лет назад родился историк, писатель **Капитон Иванович Невоструев** (11.03.1816, г. Елабуга – 11.12.1872, г. Москва). В 1840–1849 гг. магистр, затем профессор Симбирской духовной семинарии. Автор сочинений «Записка о построении города Сызрани и Сызранской черты» (1849), «Описание Симбирского Спасского девичьего монастыря» (1852), «Материалы для истории русской церкви» (1862–1863), «Симбирское городище» (1869), «Описание Симбирского Покровского монастыря, что ныне архиерейский дом» (1870) и др.

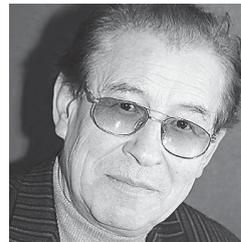
20 марта – 130 лет со дня рождения художника, литератора **Веры Владимировны Хлебниковой** (20.03.1891, с. Малые Дербеты, Калмыкия – 19.01.1941, г. Москва). Младшая сестра Велимира Хлебникова. В 1895–1898 гг. жила с семьёй в с. Помаево (ныне Сурского р-на Ульяновской обл.). После смерти брата написала «Воспоминания Веры Хлебниковой» (1923). Автор повести «Тиль и Нели» (1938), рассказа «В тюрьме», пьес «Поэт и лесной Чёртик», «Доктор заболел», мемуаров «О моём брате», «Автобиографические записки» и др.

20 марта – 105 лет назад родился писатель **Павел Павлович Вишнёв** (20.03.1916, д. Куличиха ныне Ветлужского р-на Нижегородской обл. – ?, г. Нижний Тагил Свердловской обл.). В 1940–1960-х гг. работал редактором Куйбышевской студии кинохроники, директором литературного музея им. А.М. Горького в Куйбышеве; не раз бывал в Ульяновске. Автор книг прозы «Анатолий Романов» (1948), «Юнги» (1958, Куйбышев), «О людях, до дела горячих» (1961, Ульяновск), «Занимательное... Интересное... Удивительное» (1968, Куйбышев).

21 марта – 150 лет со дня рождения литератора **Владимира Петровича Аничкова** (21.03.1871, имение в Смоленской губ. – 2.05.1939, г. Сан-Франциско, США). В 1904–1913 гг. служил управляющим Симбирским отделением Волжско-Камского банка. Член Сибирского правительства А.В. Колчака. В 1923 году через Шанхай эмигрировал в США, где открыл книжный магазин «Русская книга». Автор книги воспоминаний «Екатеринбург – Владивосток (1917–1922)» (1934). Его дочь в 1947 году основала в США Благотворительный фонд им. Аничковых.

21 марта – 80-летний юбилей отмечает поэт **Анатолий Григорьевич Гребнев** (р. 21.03.1941, с. Чистополье Котельничского р-на Кировской обл.). Член Союза писателей СССР (1978). Автор поэтических сборников «Приволжье» (1972), «Родословная» (1977), «Зелёный колокол» (1978), «Круговорот» (1980), «Чистополье» (1988), «Возвращение» (1991), «Храм» (1991), «Родины свет» (2001), «Берег Родины» (2003) и др. Лауреат поэтической премии им. Н.Н. Благова, 3 февраля 2020 года приезжал в Ульяновск на её вручение. Живёт в Перми.

23 марта – 90 лет со дня рождения поэтессы **Ираиды Викторовны Ульяновой** (23.03.1931, г. Миасс Челябинской обл. – 16.02.1976, г. Ульяновск). Член Союза писателей СССР (1968). Была знакома с поэтом В.И. Кочетковым. Не раз бывала в Ульяновске, в 1974–1976 гг. жила и работала здесь по приглашению местной писательской организации. Автор поэтических сборников «Звёздочка» (1965), «Мой город» (1967), «Апрель» (1970), «Чур, не я!» (1972), «Полдень» (1974), «Берёзовый дождь» (1975), «Есть трава подорожник» (1979) и др.

23 марта – 65 лет исполняется **Алексею Валентиновичу Улюкаеву** (р. 23.03.1956, г. Москва). В 2002 году в ранге зам. министра финансов РФ приезжал в Ульяновск. Побывал на родине отца в р.п. Старая Кулатка Ульяновской обл.

Автор поэтических сборников «Огонь и отсвет» (2002), «Чужое побережье» (2012). Был министром экономического развития России. В 2017 году за получение взятки приговорён к 8 годам заключения. В колонии продолжает писать стихи, готовит к изданию новую книгу.

23 марта – 60-летний юбилей отмечает журналист, поэтесса **Калерия Александровна Ерёмкина** (р. 23.03.1961, с. Барышская Слобода Сурского р-на Ульяновской обл.). Окончила филологический факультет Мордовского университета

(1988). С 2000 года ответственный секретарь районной газеты «Сурская правда», ведёт в ней литературную страницу. Публиковалась в журнале «Мономах», альманахе «Карамзинский сад», сборнике «Золотое зеркало». Секретарь районного лит. объединения «Промзинские слоги». Живёт в р.п. Сурское.

25 марта – 115 лет назад родился прозаик, драматург, киносценарист **Лев Романович Шейнин** (25.03.1906, д. Брусановка ныне Велижского р-на Смоленской обл. – 11.05.1967, г. Москва). Был следователем по особо важным делам Прокуратуры СССР. В 1936 году расследовал убийство заслуженной учительницы М.В. Прониной в г. Мелекесе. Член Союза писателей СССР (1939). Автор книги «Записки следователя» (1938), романа-трилогии «Военная тайна» (1942–1965), повести «Лицом к лицу» (1944), сборника «Старый знакомый» (1957) и др.

31 марта – 95 лет со дня рождения чувашского прозаика **Владимира Леонтьевича Цырульников**, псевдоним – Садай (31.03.1926, с. Кайсарово ныне Цильнинского р-на Ульяновской обл. – 22.07.1991, г. Чебоксары). Член Союза писателей СССР (1951). С 1951 года жил в Чебоксарах. Автор книг прозы «Лётчики» (1952), «Тают снега» (1953), «Зарницы» (1959), «В окрестностях Свяги» (1961), «Друзья вновь вместе» (1962), «Сто родников» (1965), «Звёзды над табором» (1968), «Земля и человек» (1972), «Двое родных в пути» (1982) и др.

330 лет назад родился шотландский врач, путешественник, мемуарист **Джон Белл** (1691, поместье Энтермони близ Глазго – 1.07.1780, там же). В 1715–1718 гг. с русским посольством совершил путешествие по Волге в Персию, в июле 1716 года останавливался для смены гребцов в Симбирске. В 1719–1722 гг. – участник посольства в Китай. В 1722-м сопровождал Петра I в походе на Персию и тоже останавливался в Симбирске. Издал в 2 томах книгу «Путешествия из С.-Петербурга в Россию и разные азиатские земли» (1763, Глазго).

120 лет со дня рождения прозаика, мемуаристки **Софьи Семёновны Виноградской** (1901, г. Москва – 1964, там же). Была секретарём М.И. Ульяновой в газете «Правда». Дружила с С.А. Есениным, который летом 1925 года послал ей в Симбирск почтой свой сборник стихов «Персидские мотивы» с автографом. Автор мемуаров «Как жил Сергей Есенин» (1926), повести «Белый город» (1957), книг рассказов «Первые годы» (1958), «Память сердца» (1960), «Два вечера» (1961), «Искорка» (1962), «Рассказы о Ленине» (1965) и др.

ПОЭЗИЯ

ЮБИЛЯРОВ МАРТА

Вера ПОЛОЗКОВА (р. 1986)

* * *

Просыпаешься – а в груди горячо и густо.
Всё как прежде – но вот внутри раскалённый воск.
И из каждой розетки снова бежит искусство –
В том числе и из тех, где раньше включался мозг.

Ты становишься будто с дом: чуешь каждый атом,
Дышишь тысячью лёгких; в поры пускаешь свет.
И когда я привыкну, чёрт? Но к ручным гранатам
Почему-то не возникает иммунитет.

Мне с тобой во сто крат отчаяннее и чище;
Стиснешь руку, а под венец или под конвой –
Разве важно? Граната служит приправой к пище –
Ты простой механизм себя ощущать живой.

* * *

Такая ночью берёт тоска,
Как будто беда близка.
И стоит свет погасить в квартире –
Как в город группками по четыре
Заходят вражеские войска.

Так ночью эти дворы пусты,
Что слышно за три версты –
Чуть обнажив голубые дёсны,
Рычит земля на чужих как пёс, но
Сдаёт безропотно блокпосты.

Как в объектив набралось песка –
Действительность нерезка.
Шаг – и берут на крючок, как стерлядь,
И красной лазерной точкой сверлят
Кусочек кожи вокруг виска.

Идёшь в ларёк, просишь сигарет.
И думаешь: что за бред?
Ну да, безлюдно, к утру туманней,
Но я же главный противник маний,
Я сам себе причиняю вред.

Под бок придёшь к ней, забыв стрельбу.
Прильнёшь, закусив губу.
Лицом к себе повернёшь – и разом
В тебя уставится третьим глазом
Дыра, чернеющая на лбу.

Иван МАЛОХАТКИН (1931–2015)

ВОЛЖСКИЕ ОТКОСЫ

Выйду я на волжские откосы,
Синевы раздвину паруса,
И опять кудлатые утёсы
Глянут мне по-разински в глаза.

Донесу до сердца ответ стали,
Вороны задумчивы,
Черны
Волны, что доверчиво качали
Пьяные казацкие челны.

Дышит Волга глухо и устало.
Бакены торчат, как желваки,
И холмы – откуда их начало?
Может, в них истлели бурлаки?

Потому и зорче, и упорней
Помнить мне, что этот мир непрост,
Оттого, что кости там –
Как корни,
От которых я поднялся в рост.

* * *

Утренний свет осыпался
В позднюю рожь у пруда.
В заводи месяц купался –
Долго качалась вода.

Тихо в окрестностях луга.
Там, где дымилась стерня,
Голосом старого друга
Кто-то окликнул меня.

Может, слышалось просто.
Нет ни друзей, ни родни.
Там, в неразгаданных вёрстах,
Все растерялись они.

И колокольчик рассвета
Нынче томительно глух.
Вновь за околицей лета
Кто-то спокойно потух.

И, принимая тревоги
Все, что идут по пятам,
Этой судьбы и дороги
Я никому не отдам.

Анатолий ГРЕБНЕВ (р. 1941)

* * *

В полумгле, в полусвете
Гулы, шорохи, звон.
Это, может быть, ветер?
Только вроде не он.

Это, может быть, время,
Потерявшее счёт,
По вершинам деревьев
Неумолчно течёт?

Это, может быть, дождик
Затихает, шурша?
Что ж тебя здесь тревожит,
Что болишь ты, душа?

Может, вздох всех ушедших
Над судьбою живых?
Кто там плачет и шепчет
Средь стволов вековых?

Может, память живущих
Всею болью-виной
В надмогильные кущи
Набегают волной?

Будто гул половодья –
Глубже чувств, выше дум –
В дрожь бросает невольно
Нарастающий шум.

* * *

И снова Родина светла
На переломе невеликом.
Уже малина отошла,
Уже поспела ежевика.

Ещё не выкошена рожь,
Но вдруг душа прослышит осень
В неясном шуме сникших сплешь
Тяжёлых, в прозолоть колосьев.

Ещё чиста за речкой даль,
И журавли не откричали.
Ещё покамест не печаль,
А лишь предчувствие печали.

Ираида УЛЬЯНОВА (1931–1976)

* * *

Весь мир – моя огромная родня.
И говорят, что во Вселенной где-то
Имеются родные у меня.
Так или нет – я склонна верить в это.

И вот когда раздоры и бои,
И льётся кровь людей земной породы,
Мне больно! Если ссорятся народы,
То будто братья ссорятся мои.

Безумные!.. О мать моя, Земля!
Поторопи жестокий возраст детства!
Открой им, что они – одна семья,
А ты – их неделимое наследство.

* * *

Столько зим,
Столько лет
Мне и радость, и грусть,
Негасимый мой свет,
Моя милая Русь!

Из того далека,
Где родное – родней,
Как к воде родника,
Припадала я к ней.

И теперь её пью,
Пью – никак не напыюсь,
Речь родную твою,
Моя светлая Русь.

* * *

Не проходите мимо красоты!
Хотя бы так – не проходите мимо.
Пусть вы не те, кто к ней неутомимо
Идёт сквозь годы, вёрсты и пласты.

Пусть вы не те, кто нам её дарит –
Её искать – нелёгкое искусство.
Пусть вы не те, кто красоту творит,
Вложив в неё все помыслы и чувства.

Пусть вы не испытали высоты,
Волшебного парения и взлёта,
Пусть красоту для вас добудет кто-то –
Не проходите мимо красоты!..

Алексей УЛЮКАЕВ (р. 1956)

* * *

Там Млечный путь, как кандалы, гремит.
А ключик к ним припрятал тот, кто свыше.
Ты так молчать, как площадной гранит,
Ты так молчать, чтоб кто-нибудь услышал,
Не сможешь. Басом пой и часом вой
Хоть на луну, хоть просто на прохожих.
Воскреснет, словно Лазарь, часовой,
У них, как и у нас, одно и то же.

* * *

Года меняя по рублю,
Не утруждаясь преискурантом,
Я помню то, что я люблю:
Не речь вождей, не бой курантов,
Не злые истины толпы,
Не откровения пророков,
Не геркулесовы столпы,
Прорехи к западу, к востоку,
Но синий мартовский дымок,
Но первые наряды дочки,
Но легкомысленный восторг
От свежесмятого листочка...
Жизнь разменяв пригоршней меди,
И подойдя почти к нулю,
Не вспоминаю тех и этих,
Я то и помню, что люблю.

* * *

На панель пятиэтажек,
К жестяному гаражу
Вымолить свою пропажу
Прихожу.

Выцыганить цацки-печки,
Мелочёвку дней былых,
Что в бараках люберецких
Точно жмых,
Точно плевел запылились,
Завалились на чердак.

Как же так, скажи на милость,
Как же так?

Калерия ЕРЁМИНА (р. 1961)

ПАМЯТИ МАМЫ

Тихо в пустынном январском саду,
Снег белый-белый повсюду.
Вот и осталась ты в прошлом году –
Машешь рукою оттуда.

Машешь и смотришь нам вслед
сквозь стекло
С тихой и светлой улыбкой.
Рядом с тобою обиды и зло
Кажутся глупой ошибкой.

Ты на ребёнка похожа сейчас.
Шарфик на тоненькой шее...
Льётся любовь из распахнутых глаз,
Ты от любви хорошеешь.

Ангел наш, крепкая наша стена,
Царство тепла и покоя!..
Вдаль мы уходим, а ты из окна
Машешь нам, машешь рукою...

* * *

Ничего не напрасно, не поздно.
Будет всё, что ещё может быть.
Среди звёзд, среди скрипов морозных
Вдруг опять захотелось любить.

Чтобы чувствовать глубже и резче
Беспощадный наплыв холодов,
Связь родной обжигающей речи
С ровной гладью высоких снегов.

И с любимым единственным делом,
И с домами, что ставились в ряд,
Что на улице тихой и белой
Светом окон со мной говорят.

Здесь нельзя по глубокому снегу
Отойти далеко от крыльца.
И нельзя бесконечную нежность
Досказать, домолчать до конца.

ПРОЗА ЮБИЛЯРОВ МАРТА

Владимир ПАСТУХОВ (1926–2012)

ЖДАН БЕЛОЯРСКИЙ (отрывок из повести)

У Егора Шукина, рыбака Нижней слободы Белого города, жонка собралась рожать. Позвали повитуху Дарьюшку. Она быстро навела порядок в избе. Выгнала за дверь Егорку с тремя девками-подростками, четвёртую, старшую, оставила с собой помогать при родах. Егорка сел на чурбак, пододвинул к себе пучок тальниковой лозы и принялся плести вершу. Дочки в полотняных рубашонках с босыми ногами пристроились, прижавшись друг к другу, рядом. Младшенькой шёл пятый годок, старшей – восьмой. Ну что тут поделаешь? Жонка каждый раз рожала девок белокурых, с голубыми глазами, лицом смуглых.

Вскрикнула в избе жена, вздрогнули девчонки, прижавшись к отцу. «Господи! Помоги бабе моей сыном разродиться!», – подняв глаза к небу, молился Егорка. Открылась избная дверь, вышла повитуха, неся в руках завернутого в холстину ребёнка.

– Ну, Егорка! Кого ждал?

Тот махнул рукой и отвернулся.

– Вот тебе ждан. Сын родился!

– С-ы-ын! – закричал Егорка. – С-ы-ын!

Бережно взял в руки свёрток, развернул и увидел розовое личико младенца. Тот зажмурил свои глаза и сморщил носик.

– Гляди, сейчас заплачет, – склонились девки над

новорожденным. Но нет, малец не заплакал.

– Богатырь будет, смотри какой большой, чуть мать на тот свет не свёл. Вышел на свет Божий и не вскрикнул, только крякнул, как мужик после чарки. Сурьёзный человек будет, – сказала повитуха. – Беги-ка ты, Егорка, к целовальнику в кабак, спроси полштофа винца беленького. Я знаю, ты это зелье не потребляешь, а я пригублю.

Сына назвали Ждан. Родился он в 1650 году, в начале строительства крепости Белый Яр. Рос крепеньким, не по дням, а по часам, обгонял в росте сверстников. Почти не хворал. Как только встал на ноги, так ни на шаг не отходил от отца. Отец на двор, и он, смешно семеня ногами, спешил за ним. На сестёр-девок не обращал внимания. Если кто из них брал его на руки, он, сопя, вырывался из рук.

– У-у, бирюк! А тяжёл, как из глины слеплен! – смеялись девки.

С трёх лет начал плавать с отцом в лодке-долблёнке, приучаясь к рыбалке. Но больше всего его тянуло к лошадям. Своей у них не было. Радовался очень, когда соседские ребята брали в ночное. Он любил лошадей, и они отвечали своей привязанностью, выделяя изо всех. В семь лет стал подпаском. Потом доверили жеребят служилых людей. С раннего утра до позднего вечера выпасал табунок

жеребят на приволжских просторах. Его длинный кнут-арапник ни разу не коснулся ни одного жеребёнка. Приучал к команде свистом. Раздастся продолжительный свист и оборвётся на высокой ноте, табунок сбивается в круг, вставая зад к заду, головами вперёд. Попробуй подойди какой зверь или лихой человек!

В десять лет садился на любого коня и выделял такие выкрутасы, что бывалые наездники только головами качали. В 19 лет у Жданки утонул отец, провалившись в ледяную промоину. Теперь он стал единственным кормильцем осиротевшей семьи. Брался за любую работу: зимой в лесу наравне с

мужиками валил деревья, в летнее время – в поле у богатых и состоятельных. Потихоньку по ночам он занимался рыбной ловлей. Рыбные участки были распределены, и Жданка попросту воровал рыбу. Ставил морды и верши в самых неудобьях. Лодку-долблёнку прятал в разных местах.

Двух сестёр Жданки взяли в жонки Петрушка Шибанов и Федька Кулабердин с Верхней слободы. А когда они взяли на откуп противу Белого Яра на нагорной стороне, на степной речке Сенгилейке мельницу у конного казака Деянки Бобылёва, то переселились на правый берег Волги...

Николай БОГОЛЮБОВ (1821–1898)

ВОЛГА ОТ ТВЕРИ ДО АСТРАХАНИ (отрывок из путеводителя)

Местность, на которой построен Симбирск, представляет гористое положение с заметною отлогостью от юго-востока к северо-западу. С юго-восточной стороны он окружён Волгою и речкою Воложкою и озёрами, остающимися в большом количестве после спада весенних вод. С северо-запада его обтекает река Свияга с прилегающими к ней незначительными болотистыми озёрками. Волга и Свияга, имея противоположные течения, образуют между собою горную полосу земли шириною к югу около полутора, а к северу около двух с половиною вёрст, на которой и построен город.

На южной оконечности устроены больничные заведения приказа общественного призрения, примыкающие к довольно обширной площади. Чрез средину города проходит большой и глубокий овраг, по дну которого течёт ручей, известный под именем речки Маришка; часть её, в середине города, называется Симбиркой; склоняясь по направлению оврага, ручей впадает на западной стороне в Свиягу. Самая возвышенная часть города называется *Венец*; на этой местности выстроен собор во имя св. Троицы. Поверхность *Венца* возвышается над уровнем Волги на более 68 саженей, а нижняя оконечность города – только на 38 саженей. Западная его часть, склоняясь постепенно, упирается в самую Свиягу.

С подгорной своей частью и Волгою город соединяется шоссейным спуском, оканчивающимся у городского театра. От театра во всю длину города идёт улица Большая; посредине её проложен бульвар, обсаженный деревьями, которые, однако, плохо принимаются – это главная городская улица; она идёт в параллель береговому яру и другим своим концом упирается в площадь, обстроенную с одной стороны гостиным двором. За ним тянутся городские строения, прорезанные небольшими улицами, оканчивающиеся, как выше сказано, зданиями приказа общественного призрения. От Большой улицы на юго-запад, начиная от театра, идут поперечные улицы в следующем порядке: Лисиная, она ведёт на Саратовский тракт и оканчивается пригородной слободой Тутя, за которой в 2 верстах устроены бега для испытания рысистых лошадей; Покровская и Московская, по которым выезжают на Московскую

почтовую дорогу, Чебоксарская, Польская и Дворцовая; последняя ведёт на Казань, составляет с Большой улицей прямой угол, перерезает гостинный двор на две части и миновав дамбу, перекинутую через овраг Маришкин и слывущую в простонародии под именем *сухого моста*, упирается одним концом в городскую тюрьму, а другим – в Дворцовую, или Карамзинскую площадь, получившую последнее название от поставленного на ней памятника историографу Карамзину.

Площадь эта с северной стороны окаймлена домом городского общества, с южной гимназией и общественным садом, к которому примыкает здание присутственных мест, выходящее своим главным фасадом на Волгу. Перпендикулярно гимназии стоит губернаторский дом, а за ним – дом Дворянского собрания. Карамзинская площадь соединяется переулком с другой, на которой выстроен прекрасный соборный храм; она называется Соборною. Кроме этих двух площадей, есть ещё следующие: *ярмарочная* – у городской тюрьмы, *базарная* – у сухого моста и *дровяная* – у городской больницы.

Симбирск в отношении благоустройства делится на три части. Первая занимает пространство по крутояру и ограничивается Большой улицей. Вторая обнимает протяжение города к западу от Большой улицы и за гостиным двором, а управлению третьей части подчинено всё подгорное приволжское пространство, которое и называется Подгорною...

Петропавловский шоссейный спуск к Волге начинается саженях в 50 от берега, против северо-восточной оконечности, и проходя по склонам горы, между строений подгорной части, оканчивается по южную оконечность города, близ театра. Это огромное сооружение, стоившее больших денег, облегчает сообщение нагорных частей с подгорною, но, к сожалению, не совершенно удовлетворяет своему назначению, как потому, что, занимая протяжение до 4 вёрст, оно требует значительных издержек на свою поддержку, так и потому ещё, что не подходит к берегу, а пространство между им и пристанями, где останавливаются пароходы, наполнено ямами и рытвинами, по которым опасно ездить в лёгком экипаже даже в сухую погоду...

Ян ПОТОЦКИЙ (1761–1815)

РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ В САРАГОСЕ (отрывок из романа)

– Молодой господин мой, – возразил трактирщик. – Позвольте мне обратить внимание вашей милости на то, что ежели король удостоил вас звания капитана, прежде чем наилегчайший пушок оказал такую же честь подбородку вашей милости, то было бы уместным прежде всего доказать своё благоразумие – тем более что уж ежели злые духи облюбуют себе какое-нибудь место...

Он наплёл бы мне ещё с три короба, но я дал шпоры коню и умерил его бег, только когда решил, что слова трактирщика уже не дойдут до меня. Тут, обернувшись, я увидел, что он машет руками, указывая мне дорогу на Эстремадуру. Мой слуга Лопес и погонщик мулов Москито глядели на меня с состраданием, как будто разделяли предостережения трактирщика. Я сделал вид, словно ничего не понимаю, и пустился в чащобу – туда, где позже возникло селение под названием Ла-Карлота.

На том месте, где теперь почтовая станция, тогда находилось пристанище, хорошо известное погонщикам мулов, которое они называли Лос-Алькорнокес, то есть «Пробковые Дубы», так как два прекрасных дерева этой породы осеняли там отделанный белым мрамором обильный источник. Это был единственный водопои и единственная тень, какие можно было найти от Андухара до трактира Вента-Кемада, большого и удобного, хоть и стоящего в пустынной местности. Собственно говоря, это был старинный мавританский замок, приведённый в порядок по распоряжению маркиза Пенья Кемада, откуда и название Вента-Кемада. Позже маркиз сдал замок в наём одному горожанину из Мурсии, который устроил там самый большой на этой дороге трактир. Путешественники утром выезжали из Андухара, съезжали в Лос-Алькорнокес имевшуюся у них провизию и ехали ночевать в Вента-Кемаду. Там они нередко проводили весь следующий день, готовясь к переходу через горы и запасаясь новой провизией.

Таков был и мой план.

Но когда мы приближались к «Пробковым Дубам» и я напомнил Лопесу о том, что пора подкрепиться, оказалось, что Москито куда-то пропал

вместе с мулом, навьюченным всеми нашими запасами. Лопес ответил, что погонщик отстал от нас на несколько сотен шагов, чтобы поправить вьюки. Мы подождали его, потом проехали немного вперёд, потом опять остановились, стали звать его, потом вернулись той же дорогой, думая найти его, но – напрасно.

Москито исчез и увёз с собой драгоценнейшую нашу надежду, то есть весь наш обед. Я с вечера ничего не ел, а Лопес всё время жевал взятый в дорогу тобосский сыр, однако от этого ему было ничуть не веселей моего, и он ворчал себе под нос, что андухарский трактирщик был прав и бедного Москито, видно, унесли черти.

Приехав в Лос-Алькорнокес, я увидел возле источника корзинку, накрытую виноградными листьями, наверно, забытые кем-нибудь из проезжих фрукты. С любопытством запустив в неё руку, я обнаружил там четыре отличные фиги и апельсин. Две фиги я хотел отдать Лопесу, но он поблагодарил и отказался, говоря, что может подождать до вечера. Тогда я съел всё сам, а потом захотел напиться воды из источника. Но Лопес удержал меня, утверждая, что после фруктов пить воду вредно, и подал мне оставшееся у него небольшое количество аликанте. Я принял угощение, но, как только вино оказалось в желудке, у меня вдруг защемило сердце. Небо и земля закружились перед моими глазами, и я наверняка потерял бы сознание, если б Лопес не поспешил мне на помощь. Он привёл меня в чувство, сказав, что я не должен удивляться и что дурно мне стало от голода и усталости. В самом деле, ко мне не только вернулись силы, но я даже почувствовал необычайное возбуждение. Окрестности, казалось, засверкали тысячью красок, предметы заискрились у меня в глазах, словно звёзды летней ночью, а кровь стремительно побежала по жилам, застучав в висках и на шее.

Лопес, видя, что я пришёл в себя, возобновил свои жалобы:

– Ах, зачем не послушался я брата Херонимо Тринидадского, монаха, проповедника, духовника и оракула нашего семейства...

Вера ХЛЕБНИКОВА (1891–1941)

ВОСПОМИНАНИЯ (отрывок)

Вы говорите, Он ушёл, мой тихий Брат?..

Я знаю, что у Виктора Владимировича были искренние, любящие, преданные ему друзья... Хочется думать, что им я буду говорить о брате и друге, чутком и нежном с теми, кого он любил и, скинув напускное равнодушие и сверхчеловеческое безразличие к окружающим, открывал свою душу. Как Сакия-Муни, отказавшись от земных почестей для достижения духа, шёл он по земле. Мыслитель

и поэт, мне кажется, раздваиваются. Он был великим наблюдателем, от него, на вид равнодушного и безразличного ко всему окружающему, ничто не ускользало: никакой звук бытия, никакой духовный излом. Так он шёл по жизни, так он шёл по лесу, с таким отрешившимся видом, что даже птицы переставали его бояться, доверчиво посвящая в свои тайны.

Он был эстетом – слишком эстетом: преступле-

ния как такового, мне кажется, для него не было, не было душевных недостатков (как их принято понимать), его мерилом, его судьёй была красота...

Если б он был королём (по человеческой власти), он мог бы, поразившись каким-нибудь детским личиком, может, просто выражением глаз или изгибом бровей, сняв с себя драгоценную корону, надеть её на голову ребёнка и, прошептав смущённо: «Возьми, это тебе совсем» – с безразличным, скучающим видом идти дальше. Он мог бросить свою королевскую мантию к ногам жнущей рожь красавицы и навсегда пройти мимо. Он мог, вдруг растрогавшись, отдать её дряхлой изнурённой старухе, но так, чтобы не заметили...

Он мог каким-то внутренним взлётом подарить, как безделушку, своё королевство. И когда бы спросили, где оно, он бы устало зевнул, сказав: «Ах, как всё это скучно» – и погрузился бы в свой мир.

Его мозг был требовательным и ненасытным, и был хозяином... И душа лишь порывами вырывалась от его засилья.

Его многие считали эгоистом и бессердечным...

Он же был ребёнком навсегда, то упрямым и капризным, то кротким и тихим.

А люди требовали от него как от взрослого, и он ушёл.

А мне всё кажется, что мы с ним ещё будем, как он мечтал с Кавказа, «вместе рвать кисти синих ягод и подкрадываться к заснувшим черепахам. Что ещё нам надо?» – добавляет он в своём письме.

Ввиду сложившейся особенно трагично семейной жизни родителей Виктора Владимировича мне пришлось скрыть от них ужасное известие, и потому я могу сообщить пока, что знаю сама.

Виктор Владимирович родился в Калмыцкой степи (где отец его был попечителем Калмыцкого округа) 28 октября (год рождения, не знаю верно ли, обозначен в «Известиях»).

Я, как младшая из пяти детей, ничего не знаю

о его первых годах (а шуточные рассказы родителей повторять сейчас у меня нет сил, может, мне это удастся сделать впоследствии). Витя был красивым, кротким, рассудительным, но с полётами большого упрямства ребёнком. Отец его, «естественник», желал видеть на том же пути своих сыновей, и с тех пор, как я начинаю помнить, они всегда возились с гнёздами, яйцами, зверьками, бабочками...

После калмыцкой степи семья жила по службе отца в Волынской губернии, в Подлужном (бывшее имение князей Чарторыйских). Там было приволье: река Горынь, чудный парк, запущенные цветники, всевозможные развалины... Это заставляло работать детское воображение, и Витя упорно утверждал изумлённым братьям, что у него своё королевство и каждый день за ним прилетает белый лебедь.

Затем переезд в село Помаево Симбирской губернии. Постоянное общение с детства с природой не могло не оказать влияния на его дарование. Вам знакома одна из его первых вещей «Снежимочка» – эта сказка русской зимы?

Из села Помаева Витю повезли в Симбирск в гимназию... Мама говорит, что он сильно тосковал по дому и тяготился гимназической обстановкой и товарищами, он, застенчивый и нежный, как девочка.

Затем семья переехала в Казань, опять гимназия, скучные уроки и интересные книги – приходилось уроков не учить дома, а кое-как просматривать учебники в перемены. Но благодаря своей памяти он считался хорошим учеником: особенно его выделяла математика, которой он увлекался, и русская словесность. Таким образом, он был в гимназии на хорошем счету и часто ставился в пример. И я помню очень хорошо, что товарищи его в Казани, всегда стоявшие во всех отношениях ниже его, эксплуатировали его всячески, начиная с его знаний и способностей – кончая продажей букинистам книг нашей семейной библиотеки...

Павел ВИШНЁВ (1916–?)

ЮНГИ (отрывок из книги)

Отец Гурьки воевал на фронте пехотинцем, а мать на заводе работала. Что она делала там, Гурька толком не знал, да и не очень интересовался. Работает – и всё. А вот за обстановкой на фронтах он следил. Отец писал нечасто и помалу, но как у него обстоят дела на Украинском фронте, Гурька знал. Ни одной сводки не пропускал.

Отца Гурьки звали Василием Михайловичем Захаровым. До того как его призвали на фронт, он работал токарем на одном заводе с матерью. Портрет Василия Михайловича перед праздниками вывешивался на Доске почёта.

Сейчас отец воевал, и Гурька запоем читал сводки Советского информационного бюро. Ему очень хотелось самому попасть на фронт. С завистью и обожанием смотрел он на военных. Всё от-

дал бы за зелёную гимнастёрку, солдатский ремень и кирзовые сапоги. Ни о танке, ни о самолёте Гурька не мечтал. Ему хотелось быть обыкновенным пехотинцем, как отец.

Жили они с матерью Анной Ивановной вдвоём. Учился Гурька середнячком. Иногда и двойки схватывал. И если бы отец не спрашивал в каждом письме про его успехи в учёбе, он бы совсем забросил школу. Матери некогда было наблюдать за ним – на заводе дел полно. С работы она приходила поздно, а иногда и вовсе сутками не появлялась дома: завод спешил выполнить заказ фронта. Без неё Гурька сходит в магазин, паёк по карточкам получит и обед себе какой ни на есть сам изготовит. Жили в войну нелегко. Пайка не хватало. Однажды Гурька потерял карточки. Пришлось кое-что продать, что-

бы дотянуть до следующего месяца. Порылась Анна Ивановна в своем сундуке, который остался ей в наследство от Гурькиной бабушки, вытащила платье, вздохнула и велела Гурьке отнести на толкучку.

Отцовы вещи мать берегла. Да и ценного, что можно было бы продать, у него было немного: пальто с каракулевым воротником и костюм, в которых он ходил на демонстрации и в гости. Однако сундучок у Анны Ивановны был невелик. Всё, чем она успела обзавестись до войны, было уже продано. А тут Гурька простудился и заболел. Мать с завода отпросилась. Сама и в магазин и на рынок ходила, за Гурькой ухаживала. Он третью неделю в постели лежал. В больницу его не взяли. Все больницы и даже некоторые школы ранеными фронтовиками заняты. И сквозь болезненную дремоту Гурька слышал, как докторша, что приходила к ним на дом, говорила матери:

– Питание, питание...

Когда Гурька поправился, поднялся с постели и заглянул на кухню, то обнаружил, что шкаф для посуды исчез.

Мать сказала:

– Продала. Очень плох ты был, ну и продала.

– А папин костюм?

– Костюм цел.

– Покажи.

– Открой сундук и посмотри.

Гурька подбежал к сундуку, поднял крышку и увидел на самом верху аккуратно сложенный и за-

вязанный в марлевую тряпку отцов костюм.

В тот год Гурька пошёл в седьмой класс.

Мать внушала ему, чтобы он старался: седьмой класс – выпускной. Если он будет хорошо учиться – поступит в техникум, стипендию получит. Деньги небольшие, но всё легче станет. Война-то вон как затянулась, и неизвестно, когда она кончится. А после техникума пошлют Гурьку на завод мастером.

– Ты на кого хочешь учиться? – спрашивала его Анна Ивановна.

Гурька и сам ещё не знал. На военного бы ему, да для его возраста военных школ нет.

– Я, мама, в авиационный техникум пойду.

У Гурьки был свой расчёт: если ему сейчас нельзя сделаться солдатом, то хоть в авиационном техникуме будет учиться. А потом его механиком или ещё кем в авиацию пошлют, на фронт.

От отца вскоре пришла совсем неожиданная весть. Его ранило в бою, и он лежит в госпитале. Сколько пролежит – неизвестно.

К соседям приходили похоронные, письма с сообщениями о ранении близких. Гурька знал: на войне никто от смерти не застрахован, но чтобы ранили или убили его отца – этого он просто никак не мог себе представить.

Мать прочитала письмо, заплакала, а потом сказала:

– Слава богу, живой. Когда поправляться будет, может, домой на побывку пустят. Ты смотри, Гурька, учись. Отец придет, спросит...

Владимир АНИЧКОВ (1871–1939)

ЕКАТЕРИНБУРГ – ВЛАДИВОСТОК *(отрывок из воспоминаний)*

Особенно тяжело было толковать с крестьянами на тему, как должны устраиваться сельские комитеты общественной безопасности и чем они должны руководствоваться в своих действиях. Крестьян приезжало из разных сёл много. Многие из них были людьми толковыми, но они никак не могли понять, что до созыва Учредительного собрания всё должно остаться по-старому.

– А земля-то как же? – в большинстве своём спрашивали они.

– Я же вам говорю, что все законы, кроме основных, остались в силе, их изменить может только одно Учредительное собрание. Постановит оно отдать землю вам – отдадут, постановит не отдавать, а оставить за казной – не отдадут. Я лично думаю, что вся земля будет национализирована и каждый гражданин будет иметь право пользоваться ею на правах аренды на более или менее продолжительный срок. А пока руководствуйтесь заповедями Господними, и главными из них: не укради и не убий.

– Всё это так... – сказал один из крестьян. – А вот пока мы будем дожидаться Учредительного собрания да решения им земельного вопроса, Василий Петрович Злоказов всю свою рощу вырубит. Как быть?

– Очень просто. Ведь Василий Петрович сам с топором в лес не ходит, небось вы же к нему и нанимаетесь на лесные работы. Вот и примите постановление, чтобы никто не смел его лес рубить – ни для него, ни для себя.

Я пытался вести разъяснительные беседы с крестьянами дальше:

– Царь отрёкся от престола, министры арестованы. Но Бог-то разве арестован? Он остался свободным Вершителем судеб мира. Его наставлениями и заповедями и нужно руководствоваться в этот страшный момент.

На это один из выборных ответил:

– Эх, гражданин председатель, не могу согласиться с вами. Вы говорите, что Бог остался на свободе. Нет, Он был раньше арестован, а вот теперь Он сделался свободным. Вот ныне к свободному Богу мы и прислушаемся. Пусть укажет, как жить нам, свободным гражданам... А исполнять то, что Он, сидя в тюрьме, через своих адвокатов нам диктовал, пожалуй, и не стоит.

– Прекрасно сказано, – ответил я. – Будьте, гражданин, так любезны вызвать меня, когда с вами Бог беседовать будет. Я боюсь, как бы вы роль адво-

ката на себя не приняли. Человек я практичный и буду слушаться старых, мне известных Божьих адвокатов. Поэтому буду управлять данными мне хотя бы и через адвокатов законами Божиими.

Самому мне не удалось в первые дни революции побывать в деревнях, но, судя по сообщениям из сельских комитетов, в деревне в первые дни было вполне спокойно, царило радостное и сугубо вежливое настроение. Это замечалось и в городе среди горожан, и среди приезжающих на базары крестьян. Если, бывало, вас кто-либо толкнёт, то сейчас же и извинится. Матерного слова в первые дни революции я не слышал. Деревня стала волно-

ваться месяцами двумя позднее, когда в неё влился поток дезертиров.

Что касается рабочих, то я, сталкиваясь с ними, недоумевал и поражался их слабому развитию, их непониманию – в чём же, собственно, должна выражаться свобода. По их понятиям, рабочий считал себя свободным от всяких обязательств перед предпринимателем. Он думал, что может работать так, как желает, а хозяин не только обязан оплачивать его труд, но не смеет делать ему никаких замечаний. Усиленно работать, по-видимому, никто из них не хотел, а лишь требовал сокращения часов работы и прибавок.

Лев ШЕЙНИН (1906–1967)

ЗАПИСКИ СЛЕДОВАТЕЛЯ (отрывок из книги)

Она была народной учительницей, представителем того поколения советских учителей, которых одно время не очень разборчивые люди сокращённо и развязно именовали «шкрабами». Скромные «шкрабы» отнюдь не относились к плеяде блистательных латинистов и математиков в синих вицмундирах с орлёными пуговицами, к плеяде лощёных педагогов, которые успешно двигались по иерархической лестнице учебных округов, и после революции столь же успешно саботировали, презиравая хлынувших в школу «кухаркиных детей» и вопя о разрушении культуры.

Напротив, Мария Владимировна Пронина, как и многие её товарищи, в годы Гражданской войны и разрухи не бежала из нетопленной школы, ни на один день не выпускала мела из обмороженных пальцев и не ворчала по поводу голодных пайков и недостатка в учебных тетрадях. Сотни учеников выросли на её глазах, спокойно и уверенно вступили они в жизнь, и дети многих из них уже пришли в школу всё к той же Марии Владимировне, которая когда-то обучала их отцов.

Так проходили годы, и каждый из них приводил к Марии Владимировне десятки новых детей, осматривавшихся робко и пытливо, слушавших жадно и внимательно, запоминая Марию Владимировну благодарно и навсегда, как запомнили все мы свой первый учебник, свой первый урок, своего первого учителя. И, быть может, лучшей наградой каждому педагогу является именно это нежное и благодарное воспоминание, которое мы обычно храним в течение всей своей жизни.

Почти три десятилетия отдала Мария Владимировна своему делу. В городе хорошо знали и любили эту женщину. Дети, встречая её на улице, всегда здоровались с ней радостно и звонко, их родители приветливо ей улыбались ещё издали, завидя хорошо знакомое, по-русски добродушное, широкое и спокойное её лицо.

И пусть это было в грязном и маленьком Мелекесе, где не было ни театров, ни музеев, ни даже хорошего клуба, Мария Владимировна не скучала. Она была счастлива, потому что наше время откры-

ло ей богатую, содержательную жизнь. Она видела, каким вниманием окружают страна и партия её любимое дело. Она активно участвовала в общественной жизни края, будучи делегатом ряда съездов и бессменным членом городского совета. Наконец, она была удостоена высокого звания делегата Восьмого съезда Советов и была в числе двухсот двадцати его лучших избранников, редактировавших текст Конституции СССР.

Всей своей скромной и чистой жизнью, тысячами обученных ею людей, всем, чем жила и что сделала Мария Владимировна, она по праву заслужила эту честь. И вот почему с такой болью и с таким негодованием встретили Мелекесс, и весь край, и вся страна трагическое известие о том, что на ночной ухабистой дороге нашли искромсанное бандитскими ножами тело возвращавшейся со съезда делегатки.

Это произошло 11 декабря. В десятом часу вечера Мария Владимировна возвращалась с вокзала домой. С нею шла случайная попутчица Овчинникова, вместе с которой она ехала из города Куйбышева. Впоследствии Овчинникова рассказывала нам, что всю дорогу Пронина не переставая делилась своими впечатлениями о съезде.

Когда они приехали в Мелекесс, было уже совсем темно. Никто не удосужился встретить Марию Владимировну. С вокзала кривыми и пустынными улицами женщины шли вдвоём. Они заметили во мраке три неясных мужских силуэта, которые, однако, быстро растаяли в скользкой темени неосвещённой улицы. Но вскоре под окнами дома №17 по Больничной улице из-за угла внезапно снова выросли три фигуры. Их лица не были видны. Они набросились на Пронину, которая успела два раза крикнуть: «Разбой!» Испуганная Овчинникова отбежала в сторону и с криком о помощи начала стучаться в окна первого попавшегося дома, в котором жил учитель Тиунов. Разбуженный учитель и его соседи вышли с наспех зажжёнными фонарями, но, когда они подбежали к месту преступления, Мария Владимировна была уже мертва. Бандиты нанесли ей девять ножевых ранений...

Джон БЕЛЛ (1691–1780)

ПУТЕШЕСТВИЯ В РОССИЮ И РАЗНЫЕ АЗИАТСКИЕ ЗЕМЛИ *(отрывок из сочинения)*

...Мы проплыли многие города и многие деревни, лежавшие у нас вправо, и пристали в Саратове, городе великом и лежащем на той же стороне около 850 вёрст от Казани. Он просто окружён рвом и деревянною стеною с башнями, снабжёнными пушками, и защищаем гарнизоном из казаков, из которых составлены разные полки.

На завтра обедали мы у губернатора, который представил нам изобильный стол и у коего мы ели наилучшую говядину и баранину.

После обеда поехал я с некоторыми из наших людей за реку, чтоб посмотреть ярмарку, на которую съезжаются туда калмыки для продажи своих лошадей. Было их тут от пяти до шести сот человек и стояли они станом со множеством лошадей, которые паслися по воле, выключая тех, на коих они сами сидели. Кибитки их расположены были вдоль реки. Они имеют коническую фигуру. Построены они из шестов, наклоненных один к другому, у коих вверху оставлено отверстие для принятия света и для выпущения дыма. Сии шесты укреплены попереки пробоинами длиною от четырёх до шести футов, кои приколочены гвоздями, а всё сие прикрыто толстым войлоком и сукнами. Они мне показались лучше всех, сколько мне ни случилось выдывать, ибо способны ко скорому поставлению и столь легки, что один верблюд может их свезти пять или шесть. Сии калмыки собою коренасты и чрезвычайно сильны. Лицо имеют широкое, нос плоский, глаза маленькие чёрные, но весьма острые. Одежда их очень проста; она состоит в кафтане из бараньей кожи, который подпоясывают они кушаком; в малой круглой шапке, подбитой мехом, с шёлковою красною кистью; в кожаных либо в холщёвых портах и в сапогах. Все они бреют голову, выключая одну прядь волос, которую заплетают и носят назад.

Они вооружены стрелами, саблями и копьями, коими действуют с великим проворством. Они храбры и отважны, но боятся пушки, ибо она пугает у них лошадей и приводит их в беспорядок. Как они с утра до вечера на лошади, то и неудивительно им быть хорошими ездоками.

Женская их одежда мало различествует от мужской. Кафтаны их несколько только подлиннее и опушены лоскутками разных цветов. Они носят серьги и волосы заплетают. Знатнейшие их женщи-

ны носят летом шёлковое платье. Они чрезвычайно целомудренны, неспособны к ветренничеству и не знают, что такое есть прелюбодейство. Из калмыков бывают весьма хорошие служители, и нет таких трудов, коих бы они не снесли, лишь только поступали с ними ласково. Жизнь вольная и странственная, каковую они ведут, вселяет в них отвращение ко всему тому, в чём хотя малый есть знак принуждения и неволи. Нет у них других богатств, кроме стад, чем они уподобляются первым праотцам. Стада их состоят в верблюдах, конях и овцах. Лошади их хорошего роста и очень сильны. Как начинают они их обучать на шестом годе, то бывают они чрезвычайно упрямы и бешены. Продаются они на сей ярмарке по шестнадцати рублей и больше, ежели они высоки ростом и ходят иноходью. Обыкновенных верблюдов у них мало, а великое множество так называемых дромадеров, которые имеют два горба на спине. Коровы их среднего роста; овцы их очень велики и вместо хвостов имеют курдюки, так как и турецкие, но шерсть их хуже бараньей.

Повествуют, что в прошедший век некоторый калмыцкий владетель, именуемый Торгоут Орлюк, пришёл от Аларк-Уллы, что знаменует Пёструю гору, лежащую между Сибирью и Индию, на российские границы, и привёл с собою около 50000 семей или кибиток, как они их называют. Во время пути своего в западную сторону Волги разбил он изрядною битвою некоторого татарского владельца, называемого Ейбал-Учика, который кочевал на другой стороне реки Ембы. Подалее того нашёл он ещё трех татарских владельцев, а именно: Китта-Гапсая, Малебаша и Ечана, которых он также разбил, после чего расположился на восточной стороне Волги, под покровительством России. Орлюк имел шесть сыновей, но правление досталось старшему, который назывался Данчин.

Ныне владеющий хан называется Аюка. Он считается четвёртым владетелем по Орлюке, и во всём Востоке похваляют способность его и любовь ко правосудию. Я уведомился, что причиною, для коей Орлюк оставил свою землю, была распря, возникшая при избрании ему преемника. Нашед себя слабейшим и проиграв, по несчастию, битву, не хотел он более изведывать счастья и оставил по своей воле ту страну. Вообще называют сей народ чёрными татарами, хотя они только что смуглы...

Софья ВИНОГРАДСКАЯ (1901–1964)

КАК ЖИЛ СЕРГЕЙ ЕСЕНИН *(отрывок из воспоминаний)*

В один из таких дней тоски он пришёл прощаться. Было лето 1925 года. Он уезжал на Кавказ. Лицо его было скомканное, он часто поглаживал волосы, и большая внутренняя боль глядела из глаз его.

– Сергей Александрович, что с вами, отчего вы такой?

– Да знаете, живу с нелюбимой.

– Зачем же вы женились?

– Ну-у-у! Зачем? Да назло, вышло так. Ушёл я от Гали, а идти некуда. Грустно было, а мне навстречу так же грустно шарманка запела. А шарманку цыганка вертит. И попугай на шарманке. Подошёл я, погадал, а попугай мне кольцо вытащил. Я и подумал: раз кольцо вытащил, значит, жениться надо. И пошёл я, отдал кольцо и женился.

Есенин замолчал и потом с какой-то таинственностью в голосе добавил:

– А кольцо-то ведь почернело! Понимаете, почернело!

В комнате было тихо. За окном угасал летний день, роняя тени на лицо и одежду Есенина. Он озирался вокруг себя, гладил не вившиеся больше волосы, потом вдруг хлопнул себя по лбу:

– А ведь я забыл принести вам «Персидские мотивы», что обещал. Я их приготовил, надпись сделал и забыл. Что делать?

– Ну ничего, получу их у вас, когда вернётесь. Ведь мы осенью увидимся.

– Нет, может быть, вы меня больше не увидите. Я их вам лучше почтой пошлю на Волгу. А в Симбирске вы на пристани их получите. Ну, прощайте. Так не забудьте, в Симбирске. А то, быть может, не увидимся.

Есенин уехал. Слова «вы меня, быть может, больше не увидите» всплыли в сознании позже, а история с кольцом, попугаем через неделю была воспроизведена Есениным в виде следующего стихотворения:

*Видно, так заведено навеки —
К тридцати годам перебежась,
Всё сильней, прожжённые калеки,*

*С жизнью мы удерживаем связь.
Милая, мне скоро стукнет тридцать,
И земля милей мне с каждым днём.
Оттого и сердцу стало сниться,
Что горю я розовым огнём.
Коль гореть, так уж гореть сгорая,
И недаром в липовую цветь
Вынул я кольцо у попугая —
Знак того, что вместе нам сгореть.
То кольцо надела мне цыганка.
Сняв с руки, я дал его тебе,
И теперь, когда грустит шарманка,
Не могу не думать, не робеть.
В голове болотный бродит омут,
И на сердце изморозь и мгла:
Может быть, кому-нибудь другому
Ты его со смехом отдала?
Может быть, целуясь до рассвета,
Он тебя расспрашивает сам,
Как смешного, глупого поэта
Привела ты к чувственным стихам.
Ну и что ж! Пройдёт и эта рана.
Только горько видеть жизни край.
В первый раз такого хулигана
Обманул проклятый попугай.*

Есенин нуждался в уюте, в простом комнатном уюте и страдал невыносимо от его отсутствия. Своей комнаты у него не было, жил он вместе с друзьями и сёстрами, иногда по четыре-пять человек в небольшой необставленной комнате. Это на нём сильно отражалось. Большой эстет по натуре, с тонким вкусом, невероятно чистоплотный, он не мог работать в этих условиях...

**Юбилейный календарь подготовил
Николай Марянин, поэт и краевед**

**Вниманию
любителей
поэзии,
творчества!**

Объявлен традиционный ежегодный открытый
межрегиональный молодежный литературный конкурс
«Друзья по вдохновенью»

Участники конкурса:

- дети от 7 до 13 лет;
- с 14 лет и студенты учебных заведений.

Условия проведения конкурса

Учреждаются 3 номинации (три призовых места в каждой):

- стихотворение;
- письмо к А.С. Пушкину;
- стихотворение или эссе о поэте, враче, первом организаторе конкурса

«Друзья по вдохновенью» Татьяне Александровне Эйхман (1956–2020).

От одного участника принимается согласно номинациям:

- «Поэзия» – не более трёх стихотворений;
- «Письмо Пушкину» – одно произведение не более трёх страниц;
- «Стихотворение или эссе о Т.А. Эйхман» – одно стихотворение или одно эссе.

**Материалы на конкурс направлять по электронной почте
yashkovaov@mail.ru**

Сроки проведения конкурса:

Работы принимаются с 5 марта по 4 мая 2021 года.

Положение о конкурсе опубликовано в газете «Карсунский вестник».

Итоги конкурса будут оглашены 6 июня 2021 года на 53-м Всероссийском Дне Поэзии в Языковском парке (Ульяновская область, Карсунский район, р.п. Языково).